

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И.В. Павлова** — Понимание сталинской эпохи и позиция историка 3
- В.П. Богданов, А.В. Рукавишников** — Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII — первой трети XIII века 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.К. Чиняков** — Луи Александр Бертье 32

ВОСПОМИНАНИЯ

- К.И. Глобачев** — Правда о русской революции 53

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Шляпников** — За хлебом и нефтью 88

СООБЩЕНИЯ

- И.И. Курилла** — Споры о внешней политике США в начале 40-х годов XIX в. Дж. Тайлер и Д. Уэбстер 118

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- И.П. Зимин** — «Забытый» великий князь 131
- Т. Мустафазаде** — Взаимоотношения Кубинского ханства с Россией (вторая половина XVIII — начало XIX века) 140

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.А. Мезин** — Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века 148
- В.В. Фарсобин** — Б. Раушенбах. Пристрастие; Посткриптум 158
- Р.Е. Кантор** — Е.Ф. Язьков. История стран Европы и Америки в новейшее время 1918—1945 годы 159
- Т.Г. Леонтьева** — М.В. Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах) 162
- Ар.А. Улунян** — Французский либерализм в прошлом и настоящем 165
- В.Л. Генис, С.М. Исхаков** — А. Халид. Политика мусульманской культурной реформы: джадидизм в Средней Азии 168

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- М.Н. Крючкова** — Когда родился Александр Андреевич Баранов 171
- Я.Г. Солодкин** — «Градоделец» В.В. Кольцов-Мосальский 172
- А.Ю. Суслов** — О публикации документов по истории партии эсеров 174

Понимание сталинской эпохи и позиция историка

И.В. Павлова

Интерпретация исторических источников — это проблема понимания и объяснения событий прошлого. Понимание в научном смысле есть проблема представления, которое существует как картина, рисуемая в сознании. Чем более объемно мы представляем себе то или иное событие, объект, процесс, тем лучше мы его понимаем. Представление предполагает также описание события и его объяснение.

Необходимость интерпретации источников для понимания исторических событий не сразу была осознана историками. Представители старой позитивистской историографии, традиции которой живы и сегодня, считали, что «история пишется по источникам», и задача историка заключается в том, чтобы установить подлинность документа, а далее следовать за ним — в уверенности, что в нем и запечатлена историческая правда. Такую историю Р.Дж. Коллингвуд называл «историей, сделанной с помощью ножниц и клея». В отличие от Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Л. Альфана и других сторонников метода Ф. де Куланжа («Тексты, одни только тексты, ничего кроме текстов!») такие историки, как М. Блок и Коллингвуд, еще в 1940—1950-е годы сформулировали вывод о несовершенстве подобного подхода к источникам и указали на важность осознания историком смысла, который вкладывали люди изучаемой им эпохи в свои слова и формулы. Принципиально важное дополнение сделал Блок: историк обязан пытаться «исторгнуть» у них те «сведения, которых они не собирались давать»¹. «История есть интерпретация фактических данных (evidence), — писал Коллингвуд, — причем фактические данные — это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. Документ же — вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя ее, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях. Тут снова возникает множество трудных вопросов о том, что такое фактические данные и как они интерпретируются. Сейчас нам нет необходимости поднимать их. При всех возможных ответах на них историки согласятся, что историческая процедура, или метод, заключается в сущности в интерпретации фактических данных»².

Проблема интерпретации получила свое развитие в трудах семиотиков — Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, У. Эко и других. Разрабатывая теоретические проблемы семиотики культуры, они закономерно использовали в ка-

Павлова Ирина Владимировна — кандидат исторических наук. Институт истории Сибирского отделения РАН.

честве материала не только литературные, но и исторические источники и высказали ряд принципиальных соображений о герменевтическом толковании текстов, не только литературных, но и исторических³. «Историк, — писал Лотман, — обречен иметь дело с текстами. Между событием “как оно произошло” и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Историк предстает, прежде всего, выступать в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии — событие»⁴.

Перенос традиции герменевтического прочтения источников из области литературной критики в исторический анализ практикуется все больше. Многие сделано в этом отношении альманахом «Одиссей», который на протяжении уже более 10 лет знакомит научную общественность не только с постмодернистскими подходами, существующими на Западе, но и с результатами работы российских историков, специализирующихся главным образом на изучении Средневековья. По словам А.Я. Гуревича, источники — это не «окна», через которые «можно разглядывать историческую жизнь людей других эпох в ее “первозданной” подлинности, стоит лишь хорошенько эти “окна” протереть. Исторический источник должен быть демистифицирован: необходимо расшифровать его язык (не только в лингвистическом, но и — прежде всего — в семиотическом смысле), вскрыть его ментальную природу и идеологическую функцию, его поэтику, увидеть его в контексте культуры»⁵. «Если прошлое может рассматриваться как некий *текст*, — писал Ю.Л. Бессмертный, — надо научиться читать его правильно»⁶. Иными словами, «читая текст, видеть сквозь него материал»⁷. Именно такое чтение имел в виду Ю.Л. Бессмертный, когда писал (со ссылкой на французского структуралиста Р. Барта), что «читать — это “значит выявлять смыслы, значит их именовать”». С этой точки зрения изучение прошлого и анализ сохранившихся от него текстов не может в представлении постмодерниста не подчиняться некоторым общим *правилам чтения*, действующим по отношению ко всем письменным текстам (включая литературу и даже искусство)»⁸.

В приведенных суждениях, помимо необходимости критического подхода к источникам, сформулированы еще два коренных условия их интерпретации. Во-первых, свидетельства, которые содержатся в источнике, — это еще не исторический факт. Его предстоит воссоздать историку в результате анализа совокупности имеющихся свидетельств. Во-вторых, воссоздаваемая историческая действительность — это не просто совокупность фактов, извлеченных из источников; нет прямой зависимости между накоплением того или иного количества фактов и полнотой, глубиной нашего представления о прошлом. Сам по себе эмпирический подход не может дать объяснения исторической реальности, которая задается нам не эмпирически, а трансцендентально. Поэтому только трансцендентальное представление может привести к пониманию и объяснению исторического явления. Основываясь на учении И. Канта, М.К. Мамардашвили понимал под трансцендированием «способность человека трансформироваться, то есть выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества, и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением». Основания бытия — это так называемые личностные основания, или нравственность, которая является обобщенной характеристикой существования человеческого феномена как такового. Нравственность неразрывно связана со свободой, которая одновременно является ее условием и ее основанием⁹. Этот вневременной характер самой бытийной основы человеческого существования имел в виду М.М. Бахтин, когда обращал внимание на односторонность и неверность представления, будто «для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры». По мнению Бахтина, «известное вживание в

чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. Великое дело для понимания — это *внезаходимость* понимающего — во времени, в пространстве, в культуре — по отношению к тому, что он хочет творчески понять». Это и есть трансцендирование, когда человек пытается осмыслить реальность, которую он изучает, исходя из присущих ему принципов человеческой индивидуальности, нравственности и стремления к свободе. Он ставит ей такие вопросы, какие она сама себе не ставила, и ищет ответы на эти вопросы. И тогда чужая культура, по мнению Бахтина, начинает отвечать нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины¹⁰. То же происходит и с источниками: работа с ними, задавая им свои вопросы, историк пытается извлечь из них совокупность фактов, а затем, интерпретируя их, дать свое представление об исторической реальности.

Проблема интерпретации чрезвычайно важна при работе с документами, относящимися ко времени строительства сталинского социализма. Трудно найти другой период в российской истории, в оценках которого наблюдались бы столь расходящиеся мнения — от апологетических до антисталинских. До падения коммунистического режима и начала массового рассекречивания документов КПСС господство просталинской концепции, имеющей в основе схему «Краткого курса» истории ВКП(б), можно было объяснить политикой самого режима по отношению к исторической науке, в частности, недопущением историков к секретным документам власти. В «Положении об архивном фонде КПСС», которое периодически утверждалось секретариатом ЦК, говорилось о том, что имеющиеся в партийных архивах документы секретного и строго секретного характера не выдаются. Практически это означало полный запрет на выдачу документов высших партийных органов и их переписки с местными партийными комитетами, так как все эти документы (в первую очередь документы, отражавшие карательную политику режима) шли под грифами «секретно», «строго секретно», «на правах шифра», «особая папка». Полностью закрытыми для историков были ведомственные архивы КГБ, министерств внутренних и иностранных дел, обороны.

Процесс рассекречивания так и не был доведен до конца, но все же в настоящее время не только российские, но и западные историки имеют определенные возможности для работы с архивными материалами, многое уже опубликовано. Тем не менее проблема понимания смысла социально-экономических преобразований 1930-х гг. по-прежнему остается актуальной. Прямое оправдание действий сталинской власти, игнорирование разоблачающих документов или их откровенная фальсификация понятны, когда мы имеем дело с авторами так называемого апологетического направления, которые руководствуются прежде всего политическими, а не научными мотивами. Понятна, например, позиция Р.И. Косолапова, для которого сталинская власть до сих пор представляет образец того, «как можно уметь управлять Россией»¹¹. Не отличается принципиально и позиция коммунистов-ревизионистов, выраженная Б.П. Курашвили, выступавшим как представитель КПСС на процессе в Конституционном суде в 1992 г., а затем как эксперт левых фракций в Государственной думе Российской Федерации. По его убеждению, Сталин вошел в народное сознание «как патриот и строитель великой новой России, великого СССР, совершившего величайший в своей истории взлет к вершинам могущества и мирового влияния. Народ никогда не забудет того, что этот свой взлет он совершил на основе справедливого общественного строя, названного социализмом, и его потеря будет народу тем горше, что он, этот строй, соответствует его духу и традициям и достался ему ценой великих усилий и великих страданий». Курашвили увидел в сталинизме неукоснительную верность интересам трудового народа, беззаветное служение независимости и величию страны, бескомпромиссную борьбу с преступностью, беспощадное преследование хапуг и взяточников, особенно из

числа высокопоставленных сановников, обеспечение твердого порядка, одухотворенный творческий технократизм государственного управления, «которое играет ключевую роль и в условиях всемерного развития производственного и местного самоуправления»¹².

В последние годы проявился новый, более академичный вариант апологии — концепция сталинской модернизации. В той или иной степени ее разделяет немало философов, политологов и историков. В общем русле модернизационных процессов рассматриваются не только «индустриализация» и «культурная революция», но и «политика сплошной коллективизации деревни». Все эти преобразования, по мнению некоторых историков, «в общем и целом соответствовали национально-государственным интересам страны, что также было немаловажным фактором их социальной поддержки, составляя предмет особой гордости советского периода отечественной истории»¹³. Приверженность концепции сталинской модернизации, как правило, сочетается с положительной оценкой внешнеполитической деятельности Сталина, что можно объяснить своего рода «обаянием» его великодержавия, под воздействие которого попадают и авторы демократического направления¹⁴. Не случайно в последнее время на волне антизападничества в российской историографии заявило о себе направление, рассматривающее Сталина как геополитика, внесшего немалый вклад в укрепление влияния СССР в мире в противовес Западу¹⁵.

Апологии не избежали и западные историки, которые немало времени провели в бывших партийных и советских архивах. Эти историки не отягощены таким грузом идеологического «воспитания», какой несли на себе их российские коллеги, над ними не довлела просталинская концепция советской истории. Тем не менее трудно не увидеть апологию в рассуждениях о слабости сталинской власти и о процессе демократизации в СССР в 1930-е годы: «Мы видим правительство в основе своей более человечное, более зависимое от событий, находящиеся вне его контроля (как, например, неурожая), и более уязвимое от превратностей общественного мнения, чем кто-либо из нас мог до того себе представить», — считает Р. Маннинг¹⁶. То общее в методологии, что сближает представителей всех этих направлений современной историографии, заключается в неадекватной интерпретации источников сталинского времени. Стремление к объективности подхода перерастает нередко в отказ от критического восприятия используемых материалов, а это источники не просто глубоко идеологизированные, но изначально искажавшие смысл событий. Такого рода искажения заложены в существовании тех источников, которые оставляют после себя идеологические государства (идеократии), задающие посредством табуированного языка особое видение событий, соответствующее искаженному сознанию тех, кому эти документы адресованы.

М.Н. Рютин еще в 1932 г. предупреждал будущих историков о следующих пропагандистских приемах и методах Сталина: выдает за доказанное то, что нужно доказать, и на таком декретированном заранее положении строит все свои остальные выводы; строит свои выводы на принципе: после этого, следовательно, по причине этого; прибегает к подмене одного спорного вопроса другим; пользуется методом подмены одних слов и понятий другими, а также словами с растяжимым значением, которому по произволу можно давать различное толкование; применяет в полемике и доказательствах известный прием софистов, состоящий в подстановке исключения вместо правила и правила вместо исключения; замалчивает неприятные и невыгодные факты; перекладывает вину на других. Что касается сталинской статистики, то о ней было прямо сказано, что она служит не для обоснования истины, а для прикрытия ее, для обмана масс, и доверять ей «может только безнадежный идиот»¹⁷.

М.Н. Рютин, конечно, тоже не был свободен от идеологии и до 1932 г., когда он выступил против Сталина, принимал участие во всех действиях власти. Однако его случай интересен еще и тем, что представляет собой конк-

ретный пример соотношения идеократии и идеологии как общего и особенного. Рютин сумел разглядеть механизм действия сталинской идеократии и потому оказался способным не только подготовить замечательный антисталинский документ, но и понять некоторые приемы и методы пропагандистского воздействия на общественное сознание. Признание своеобразия сталинской эпохи в общем контексте российской истории и стремление выработать терминологию для ее научного исследования отличают труды многих историков-эмигрантов. Среди них особого внимания заслуживает исследование, подготовленное Р.Н. Редлихом, «Очерки большевизмоведения» (1956 г.), затем переизданное в виде двух книг «Сталинизм как духовный феномен» (1971 г.) и «Советское общество» (1972 г.).

Советские историки, наоборот, являясь закономерным продуктом идеократии, внесли немалый вклад в фальсификацию отечественной истории, как и предвидел Рютин: «Фальсифицировать историю партии под флагом ее защиты, раздуть одни факты, умолчать о других, состряпать третьи, посредственность возвести на пьедестал “исторической фигуры” — вот в чем будет заключаться суть переработки учебников по истории партии»¹⁸. Роль исторической науки в укреплении сталинской идеократии заслуживает специального освещения. Известно, что поставить историю себе на службу власть сумела посредством целенаправленных мер, среди которых репрессии и дискредитация историков дореволюционной школы («Академическое дело» 1929 — 1931 гг.), пресечение дискуссий и критического отношения к источникам и закрытие доступа к ним (письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 г.), а затем создание и внедрение в массовое сознание единой просталинской схемы российской истории («История ВКП(б). Краткий курс». Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год), которая не изжита и до сих пор.

В своем изучении событий в России после 1917 года советские историки руководствовались принципами партийности и «классового» подхода, следуя той интерпретации событий, которая была заложена в доступных им подцензурных источниках. В наиболее известном в советские времена труде по источниковедению истории КПСС утверждалось, что историк, стоящий на позициях рабочего класса, «не заинтересован в искажении источников. Ибо источники, достоверно отражающие явления исторического прогресса, создают объективную картину развития, в котором будущее принадлежит рабочему классу»¹⁹. Таким образом пресекался любой не ангажированный властью критический подход к официально рекомендованным источникам, хотя на словах признавалась необходимость использовать все приемы источниковедческой критики. На деле основным методом создания трудов по советской истории было некритическое изложение исторических свидетельств по источникам, разрешенным властью.

Вместе с тем было бы неверным говорить о том, что проблема интерпретации вообще не осознавалась в советской историографии. Некоторые общие принципы подхода к тенденциозным источникам сформулировал Я.С. Лурье. «Имея дело с таким источником, — писал он, — исследователь не вправе извлекать из него то, что непосредственно отражает основную тенденцию (ибо в этом случае он не имеет никакой гарантии достоверности сообщения и основывается только на «вероятиях»), а должен искать такие случаи, когда источник *проговаривается* — говорит нечто такое, что необязательно или даже прямо излишне с точки зрения его тенденции»²⁰.

Общая постановка проблемы интерпретации имеется в монографии А.П. Пронштейна «Методика исторического источниковедения» (глава V: «Интерпретация исторических источников (герменевтика)»). Пронштейн, отметив неразработанность указанного вопроса в советской исторической литературе, сделал ряд важных общих замечаний. Во-первых, он обратил внимание исследователей на то, что «источник отображает исторический факт не подобно зеркалу, а сквозь призму сознания его составителей». Во-вторых,

отметил, что необходимость интерпретации прямого значения того или иного текста определяется свойствами языка. «Язык — это историческая категория, которая непрерывно изменяется по мере развития общественной жизни, производства, науки и техники, быта и культурного общения между народами. Являясь средством общения людей, язык в равной мере обслуживает все классы общества, но отдельные социальные группы и классы далеко не безразличны к языку и стремятся навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины и выражения. Без учета этих обстоятельств, текст, заключенный в историческом источнике, не будет правильно понят»²¹. Вполне закономерно для того времени, в котором писали свои работы Лурье и Пронштейн, примеры брались из далекой дореволюционной истории.

В российском источниковедении советского периода эта проблема находится на стадии осознания. Наглядное подтверждение тому — глава «Особенности советских источников» в учебном пособии «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории». В этой главе вопрос об интерпретации источников не ставится, но сделано следующее признание: «Период сталинизма, затем эпохи застоя и социального лицемерия наложили сильнейший отпечаток и на литературу, и на документы. Порой документы делали специально непригодными для раскрытия исторической правды, чудовищной ложью, приписками или умолчанием заслоняя истинное положение дел. Это дает основание утверждать, что к источникам советской эпохи, точно так же, как и к более ранним документам, требуется критический подход... Дело в том, что в разное время советские историки высказывали мысль или молча подразумевали, как само собой разумеющееся, что документы советского периода почти абсолютно достоверны. Этому в значительной степени способствовало отсутствие доступа к широкому пластам архивных документов, а именно архивы давали бы возможность проверить сомнительные факты в опубликованных документах. Поэтому долгие годы в источниковедении советского общества сводилась на нет критика источника»²². Здесь также отмечены «тотальная идеологизация» советских источников и необходимость их источниковедческой критики, но, как явствует из приведенного отрывка, до сих пор сохраняется вера в то, что в архивах имеются такие секретные документы, которые смогут объяснить истинное положение дел.

То, что это является глубочайшей иллюзией, отчетливо выявилось по мере рассекречивания и публикации ранее секретных и сверхсекретных документов. Обнаружился парадоксальный факт, что наиболее фальсифицированными документами сталинского времени оказались самые недоступные из них — материалы архивно-следственных дел, сосредоточенные в архивах КГБ²³.

Основным препятствием на пути концептуального объяснения советской истории 1930-х годов как раз и является нерешенная проблема интерпретации источников, которые оставляет после себя идеократия. Характерно заявление составителей книги «Общество и власть: 1930-е годы»: «Мы старались не вмешиваться в само содержание источников, ограничиваясь в основном теми пояснениями, которые ведут от одного документа к другому и без которых их прочтение было бы невозможным. Раскодирование содержания сводится лишь к тому, чтобы установить временную и пространственную связь между ними. В этом отличие книги от исторического исследования, которое, следуя определенной модели повествования, зачастую односторонне трактует имеющиеся свидетельства согласно взглядам и предпочтениям автора или его приверженности одной линии изложения событий, будь то романтический пафос социалистического строительства (советская историография), или трагически окрашенный список преступлений сталинского режима (тенденции последних лет). Наша книга — это не последовательность событий во времени, а последовательность источников, уложенных в достаточно широкий и конкретный исторический контекст с целью обеспечить их узнавание и пути возможных интерпретаций»²⁴.

Однако дело не только в несколько наивной попытке отказа от какой бы то ни было исследовательской позиции, но и в недооценке важности проблемы интерпретации источников, которые оставляет после себя идеократия.

Опираясь на рассуждения французского социолога П. Бурдьё о политическом монополизме, советскую идеократию можно определить как его крайнюю форму, при которой власть использует концептуальный инструментарий научного социализма в своих политических целях. Такие понятия, как «социализм», «диктатура пролетариата», «классовая борьба» и т.п., и та программа действий, которую они определяли, были ориентированы на то, чтобы обеспечить лицу, монополизировавшему политическую власть, а именно Сталину, двойную легитимность — научную и демократическую. Марксистская доктрина, вульгаризированная Сталиным как абсолютная общественная наука, дала ему предлог претендовать на такую абсолютную точку зрения, которая являлась одновременно точкой зрения науки и точкой зрения пролетариата. Таким образом, с помощью понятий научного социализма Сталин, а в его лице высшие органы партии наделили себя абсолютной символической властью, эпистемократической и демократической одновременно: требование научности и требование репрезентативности усиливают друг друга с тем, чтобы заложить основания власти над реальным народом от имени «метафизического пролетариата». В условиях идеократии благодаря установлению полной равноценности между представителем и предполагаемыми представляемыми партия в лице Сталина просто-напросто заменила народ, который говорил и действовал через нее. Делегирование в пользу партии (Сталина) является, согласно замечанию Бурдьё, как у Фомы Аквинского, отчуждением: народ отчуждает свою полномочную верховную власть в пользу всемогущей партии, которая лучше, чем сам народ, знает и делает то, что есть благо для народа. «В результате советский режим путем социологической подделки смог “гражданское общество” поглотить Государством, доминируемых — доминирующими, осуществляя реальную диктатуру, “ряженную под диктатуру пролетариата”»²⁵.

Общепризнанно, что для того, чтобы вскрыть природу явления, лучше всего начать изучение его в зрелом, наиболее завершенном виде. При Сталине, по выражению Мамардашвили, имел место «феномен тотального властедейства, тотальный феномен власти». Это то состояние, которое он обозначал выражением «красивый рак», то есть тот редкий случай и для врача, и для историка, когда явление предстает в «чистом, предельно ясном, типичном виде»²⁶. В 1930-е годы феномен идеократии проявился в России наиболее отчетливо.

Необходимым условием возникновения сталинской идеократии стало окончательное утверждение системы информационной блокады, становление которой началось сразу после Октябрьской революции 1917 года. Эта система утверждалась сразу по нескольким направлениям. Прежде всего сформировался такой механизм власти, который означал установление диктатуры узкого круга партийного руководства, опиравшегося на аппарат и через него передававшего директивы местным партийным комитетам на основе полной секретности информации о механизме действительной государственной власти в СССР и об ее решениях. Практически все документы, оформлявшиеся от имени партийных органов, имели тот или иной гриф секретности и в печати не публиковались.

Судьба оппозиционных средств массовой информации была решена еще 27 октября (9 ноября) 1917 г., когда Совнарком принял Декрет о печати, запрещавший всю так называемую контрреволюционную печать. В последующие годы отношения с прессой определялись постановлением оргбюро ЦК от 2 февраля 1923 г. «О взаимоотношениях между парткомитетами и редакциями газет». Правилom стала практика, когда редакция являлась органом партийного комитета или исполкома совета и непосредственно подчинялась парткому, определявшему состав редакции и общее направление

газеты. Парткомитет заслушивал периодические доклады редакции и только с его ведома шел в печать весь критический материал.

Под полный контроль партийных комитетов перешло и радиовещание, что было окончательно закреплено постановлением секретариата ЦК ВКП(б) «О руководстве радиовещанием» от 7 января 1927 г., одобренным через три дня оргбюро ЦК и разосланным на места как постановление ЦК.

Параллельно с засекречиванием информации о реальной ситуации в стране и мире шел процесс установления контроля над читательскими интересами народа. После Декрета СНК 20 апреля 1920 г. о национализации всех книг и печатных изданий проводилась периодическая чистка библиотек сначала от так называемой устаревшей и контрреволюционной литературы, затем от литературы, в которой встречались имена репрессированных «врагов народа».

На ограничение информации была направлена цензура и связанная с ней реорганизация издательского дела в стране. По постановлению ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 г. «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела» все частные издательства, действовавшие в стране в 1920-е гг., были ликвидированы, а вместо самостоятельных советских издательств возникло монопольное Объединение государственных издательств (ОГИЗ) РСФСР с краевыми филиалами на местах, деятельность которого находилась под всеобъемлющим контролем органов цензуры. Вполне закономерно, что в результате сталинская власть получила невиданные ранее возможности для манипуляции сознанием масс (статья Сталина «Головокружение от успехов» была издана таким тиражом, какого прежде не знало отечественное книгоиздание — 12 млн экземпляров)²⁷.

Целая система мер, принятых властью в течение 1920-х годов, поставила заслон для поступления информации из-за границы. Постепенно исчезла сама мысль о возможности поездок за границу, так как каждый, кто когда-либо был за границей, рассматривался государством как потенциальный шпион. Решения об отдельных поездках принимались на уровне политбюро ЦК. С 1930 г. был установлен и тотальный тайный контроль ОГПУ за всей корреспонденцией, которая пересекала границу.

С начала 1930-х годов можно говорить о полной информационной блокаде населения СССР. Это была не только важнейшая составляющая «культурной революции», но и необходимое условие для проведения радикальных социально-экономических преобразований. Говоря словами Мамардашвили, человек оказывался «голеньким перед властью»²⁸. Лишенный свободы информации, возможности сопоставлять различные точки зрения и формировать собственное мнение о событиях в стране и в мире, советский человек оказался не просто в плену советской идеологии, но и во многом утратил умение размышлять. Воздействия сталинской идеократии не удалось избежать практически никому.

Сознание народа проявляется в его языке. Быстрые изменения в нем начались сразу после революции 1917 года. Язык, который характеризовался сильной политизацией, появлением характерных новых слов и словообразований, уже давно получил название «новояз». Он непонятен не только иностранным гражданам, он уже непонятен и современному поколению, которое живет в постсоветскую эпоху. В литературе последних лет подробно описаны такие характерные черты языка советской эпохи, как минимизация активного словарного запаса, тяга к сокращению слов, создание эвфемизмов, перифраз для «словесного камуфляжа» действий власти (сексот, секретный сотрудник — осведомитель КГБ, высшая мера социальной защиты — смертная казнь), идеологизация, политизация нейтральной лексики и т.д.²⁹

Наибольшие изменения в языке начали происходить со времени так называемого Великого перелома, или «развернутого наступления социализма по всему фронту». С этого времени язык, на котором говорила власть, обращаясь к народу через газеты, радио, многочисленные издания агитаци-

онного типа, стал и языком самого народа. В литературе замечено, что «великие идеи» легче усваиваются и поддерживаются люмпенскими слоями населения, на которые как на свою опору сделал ставку Сталин. С этого времени в сознание народа прочно вошли такие ключевые слова и штампы, которые содержались в речах Сталина и других деятелей партии, — формулы генеральной линии: «коллективизация», «капиталистическое окружение», «вредительство», «кулачество», «кулаки и подкулачники», «наступление на капиталистические элементы по всему фронту», «социализм», «социалистическое соревнование», «ударничество», «труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», «выкорчевать корни капитализма», «кадры решают все» и т.д. На этом языке говорили по радио, на собраниях, в школе, на нем писали в газетах, новых книгах советских литераторов, на нем говорили герои фильмов 1930-х годов. Замечено, что соответствующий «язык», с одной стороны, объединяет данный социум, обуславливая возможность коммуникации между его представителями, одинаковой реакции на события. С другой стороны, он организует информацию, обуславливая отбор значимых фактов (фильтрацию) и установление определенной связи между ними. В результате все то, что не описывается на этом языке, не вписывается в этот идеологический дискурс, как бы вообще не воспринимается общественным адресатом, просто выпадая из его поля зрения³⁰.

Характерные изменения привнесло в язык власти употребление понятий, связанных с существованием лагерей. До организации единой системы ГУЛАГа НКВД власть допускала в своем лексиконе эвфемизмы на эту тему. Более того, некоторое время ОГПУ даже пропагандировало «первый в мире опыт перековки трудом самых матерых уголовников-рецидивистов и политических врагов». Эта пропаганда во многом явилась ответом на выступления, появившиеся за рубежом. Сначала 5 марта 1931 г. в газете «Известия» была напечатана статья М. Горького «По поводу одной легенды», в которой он опровергал «гнусную клевету», распространяемую в буржуазной прессе, о массовом использовании Советской властью принудительного труда и труда заключенных. Затем была организована поездка советских деятелей культуры на строительство Беломорско-Балтийского канала, результатом которой стало появление не только известной книги, но и других произведений, воспевающих мудрость и гуманность ОГПУ. Однако после 1934 г. о ГУЛАГе замолчали: огромная империя как бы перестала существовать. В почтовом адресе «лагерь» обозначался как «почтовый ящик»³¹.

Навязываемый «сверху» лексикон, получивший в литературе название «тоталитарный язык», не просто объединял социум, но и формировал систему новых идеологических ценностей, а также способ речевого мышления, вытесняя феномен языковой творческой индивидуальности. В литературе замечена такая особенность тоталитарного языка, как полная или частичная трансформация семантики этической в семантику политическую, политизация этического, что нашло свое выражение в противопоставлении советской морали и морали буржуазной, сопровождающемся аксиологической поляризацией; в изгнании из советской морали ряда традиционных этических норм, в частности, религиозных; в исключении из сферы нормативного общения многих традиционных этикетных норм по причине их буржуазности; в идеологическом оправдании экстремизма, насилия. Слово «моральный» получает синоним «идейный», срывается с ним, образуя идеологему — «морально-идейный», «морально-политический». В результате не только политические, но и этические категории в сталинское время имели тенденционную идеологическую интерпретацию. Категории терпимости, компромисса, как правило, характеризуются отрицательно — «гнилой компромисс», «соглашательство», «примиренчество» и т.п. Между тем, толерантность является одной из основных этических норм, обеспечивающих ненасильственное общение. Категории этического пропускаются через оппозицию «созидание — насильственное разрушение». Идея созидания связывается со строительством социализма и включает идею разрушения. Таким образом, через все словар-

ные интерпретации того времени проходит лексически выраженная идея насилия, агрессии, борьбы как с врагами социализма, так и со всеми, кто мешает его строительству³². Распространился фронтной лексикон для обозначения повседневности «социализма»: «бороться», «битва за урожай», «сражаться», «разгромить», «давить», «бить врага на его территории», «расстрелять» и т.п. Замечено также, что слова, которые использовались для обозначения многочисленных врагов, например, в «Кратком курсе», образуют особый стилистический регистр, ориентированный специально на восприятие люмпенских слоев населения: «подонки человеческого рода», «белогвардейские пигмеи», «банда», «ничтожные лакеи», «изверги», «козявки»³³. Особый объект — это идеологически враждебные теории, мнения, суждения, борьба с которыми рассматривалась не только как обязанность, но и как нравственный долг.

Попытка В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной создать «Толковый словарь языка Совдепии»³⁴ чрезвычайно важна для понимания сути происходившего в сталинский период и для чтения источников того времени, но и она не вполне достигает цели, потому что перевод так называемых советизмов-понятий на язык сегодняшнего дня не всегда проясняет смысл явления. Приведем характерные примеры толкования ключевых для 1930-х годов понятий. Например, «коллективизация» — это «объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства — колхозы в годы довоенных пятилеток в СССР». «Индустриализация» — это «промышленное развитие страны, кампания по внедрению крупной машинной техники в народное хозяйство СССР». Едва ли здесь раскрыт смысл этих понятий. Точно так же остается нераскрытым смысл таких вроде бы не требующих перевода понятий, как «спекуляция», «бандитизм», «социалистическое соревнование», «ударничество» и др. Употребление этих слов в зависимости от контекста требует различных переводов. Когда речь идет о соцсоревновании или ударничестве в лагерях или спецпоселках, то здесь необходима смысловая работа по переводу.

Таким образом, действительное содержание понятий, которые имеются в источниках 1930-х годов, не всегда сводится к их непосредственному значению. Смысл таких понятий раскрывается только в общем контексте исторического события. Известно, что «смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова — столько его значений»³⁵. Однако учет исторического контекста — это лишь первое необходимое условие для понимания событий, о которых сообщает источник. Второе обязательное условие — это проверка документов другими документами или свидетельствами, причем особое значение имеет проверка свидетельствами с противоположной стороны. В случае с лагерными документами — это, в частности, воспоминания бывших заключенных³⁶. И третье — это использование всех тех моментов, когда источник «проговаривается». Что касается третьего условия, то не случайно в советской историографии такой подход осуждался и рассматривался как фальсификация, «распыление в мелочах», «выпячивание второстепенных деталей»³⁷. В случае, когда историк пытается преодолеть навязываемую источником официальную версию события, он обязан фиксировать именно такие моменты, потому что общее источниковедческое правило, согласно которому «наиболее достоверны содержащиеся в документе сведения, противоречащие основному направлению его тенденциозности, а наименее достоверны — совпадающие с ним», прекрасно действует и в отношении текстов XX века³⁸.

Рассматриваемые с соблюдением этих трех условий сведения о «соцсоревновании» и об «ударничестве» в лагерях будут восприниматься совсем не так, как об этом сообщали лагерные отчеты. Приведем характерный пример. С одной стороны, это пассаж из труда историка, который идет вслед за лагерным документом. Читаем у Л.И. Гвоздковой: «В тяжелых условиях лагерной жизни, при скудном питании, заключенные тем не менее, оставаясь гражданами своего государства, принимали участие во всех общественно-

политических движениях, которые рождались на свободе. Трудом на благо общества они искупали свою “вину” и могли тем самым впоследствии “претендовать” на возврат в “здоровое” общество. Повсеместно применялось социалистическое соревнование. Так, лагерь по строительству Горно-Шорской железной дороги соревновался с лагерями, ведущими строительство Ивдельской (Урал) железной дороги за получение переходящего Красного Знамени НКВД СССР. В 1938 г. шло соревнование в честь 3-летней годовщины стахановского движения. С целью координации такой работы в Горшорлаге [был] организован Центральный штаб соревнования и ударничества. Заключались коллективные (между лагпунктами, бригадами, колоннами) и индивидуальные договоры. Перед подобного рода штабами стояли задачи — охватить трудовым соревнованием всех заключенных с целью выполнения и перевыполнения планов, организации работы по-стахановски и т.д.»³⁹.

Сопоставим с этим описанием воспоминания бывшего заключенного: «Незабываемый след оставила в моей памяти следующая картина. Как везде в стране, в лагерях применялось бывшее здесь особенно парадоксальным и издевательским соцсоревнование и ударничество. Имена перевыполнивших норму, особо отличившихся, ударников, стахановцев заносили на Красную доску, их фотографии выставляли в особых почетных витринах, им вручали переходящее Красное знамя. И вот я ехал как-то вдоль насыпи железной дороги, был вечер, сумерки, из леса возвращалась рабочая бригада. До предела усталые люди еле волокли ноги. Одетые в темно-серые лохмотья, в ужасной обуви, они поднимались на железнодорожную насыпь, и на фоне угасавшего заката как символ всей нашей эпохи черными силуэтами вырисовывались фигуры эков. Впереди шел знаменосец с развевающимся красным знаменем. А позади — конвоир с винтовкой и собаковод с собакой»⁴⁰. Вот эта последняя деталь и ставит все на место. Поэтому «ударничество», «стахановское движение» в контексте истории лагерного труда воспринимаются как «перевернутые» понятия, и именно подобные воспоминания заключенных заставляют историка увидеть эту «перевернутость» и искать подлинный смысл этих явлений. В данном случае незаменим «Справочник по ГУЛагу» Ж. Росси. Показательно, что такой справочник смог создать человек, говоривший на другом языке и воспитанный в иной системе понятий, человек, сознание которого не было искажено. Необходимость перевода встречавшихся ему слов Ж. Росси осознал практически сразу: он начал собирать материал с 1937 г. и собирал его во время пребывания на Лубянке, в Бутырках, в пересыльных тюрьмах, Норильских лагерях, Александровском и Владимирском централах, в ссылке в Средней Азии. После освобождения в 1961 г. он начал непосредственную работу над справочником. В его «Справочнике по ГУЛагу» находим, что «ударник» (на воле — «ударничество») — это «внеплановая, не засчитываемая в норму, работа заключенных в часы их отдыха; как правило, ударник устраивается для выполнения разных хозяйственных работ по требованию местного лагерного начальства»⁴¹. Слова «в часы их отдыха» и «по требованию лагерного начальства» раскрывают действительный смысл такой формы принудительного труда, как «ударничество». Помогает этому и исторический контекст событий — в одном из «Наставлений по организации труда заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД» (за 1949 г.) читаем: «Трудовым соревнованием среди заключенных руководит «штаб трудового соревнования», который создается из представителей лагерной администрации и руководства производства. Задачами штабов трудового соревнования являются: а) поголовный охват трудовым соревнованием всех работающих заключенных; б) мобилизация заключенных на повышение производительности труда и улучшение качественных показателей; в) внедрение среди заключенных стахановских методов труда. Штабы трудового соревнования действуют на основе специального Положения общих работ, утвержденного МВД СССР» (выделено мною. — *И. П.*)⁴².

Действительную обстановку в сталинских лагерях можно представить и

по официальным документам, особенно тем, в которых официальные лица были вынуждены оправдываться перед вышестоящим начальством за тот или иной инцидент в их ведомстве. Из объяснений прокурора по случаю пожара, случившегося 7 ноября 1935 г. на строительстве железной дороги Сокур—Эйхе, в результате которого 12 человек погибли, а 11 получили серьезные ожоги, становится понятным, что заключенные, строившие дорогу, жили зимой в палатках, называемых общежитиями. Эти палатки, сообщил прокурор, «в достаточной мере не утеплены, отопительных приборов (железных печей и к ним труб) далеко не достаточно... имеют место большие перебои с перевозкой продовольствия и воды для заключенных, и они иногда вынуждены бывают употреблять вместо воды снег... в особенности поражены вшивостью тяжело больные, находящиеся на излечении в стационаре, где царит сплошная грязь... лагерь зачастую оставался в осенние темные ночи совершенно без освещения»⁴³. Как же могут восприниматься в таком контексте рассуждения историка об ударничестве и стахановском движении в лагерях?!

В словаре сталинского времени имеются понятия, которые иногда говорят больше, чем предполагали их создатели, и потому не требуют расшифровки — нередко в духе времени для краткости составители официальной документации о лагерях и спецпереселенцах сокращали и соединяли слова, и таким образом словесный обрубок «рабсила» как бы случайно, но точно выразил действительный смысл отношений, подразумевая рабский труд.

Но не только делопроизводственные документы сталинского времени отражают «официальные или формальные представления социальной памяти о 30-х годах»⁴⁴. Частные свидетельства людей, живших в ту эпоху, также содержат общие представления о действительности. Дневники и автобиографические тексты современников 1930-х годов нередко являлись способом их самоутверждения в новой жизни. Поэтому трудно ожидать от такого рода свидетельств качественно иного осознания происходившего. В этом нет ничего удивительного еще и потому, что «люди меряют свою действительность разными мерами. Мерой абстрактного идеала разумного и справедливого, мерой своих групповых интересов и вожелений, прагматической мерой реальной необходимости и возможности, мерой своих вкусов, культурных и нравственных навыков и пристрастий. На каждом из этих сосуществующих уровней рождаются суждения о действительности»⁴⁵. К тому же в 1930-е годы информационная блокада, унифицированное образование и пропаганда делали результативной сталинскую ложь о строительстве социализма — нового самого справедливого общества на земле. Только немногие оставались в живых представители старой интеллектуальной элиты воспринимали навязываемую «сверху» информацию так, как воспринимал ее, к примеру, писатель М.М. Пришвин, который записал в своем дневнике 1 ноября 1937 г.: «Больше всего ненавижу газету “Правда”, как олицетворение самой наглой лжи, какая когда-либо была на земле»⁴⁶. Многие же, наоборот, были заморожены атмосферой радикальной социальной ломки. Литературовед Б.М. Энгельгардт говорил «о всемирно-историческом гении, который в 30-х годах пересек нашу жизнь (он признавал, что это ее не облегчило)»⁴⁷. Писатель Ю.Н. Тынянов был восхищен «коллективизацией», он, в частности, говорил: «В историческом аспекте Сталин, как автор колхозов, величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин называться гениальнейшим человеком эпохи»⁴⁸.

Немало людей и сегодня продолжают жить с табуированным сознанием. Приведу только один примечательный факт. С.Н. Ушакова, специально изучавшая реабилитационные дела репрессированных крестьян, которые обращались в 1990-е годы в Информационный центр УВД Новосибирской области с целью реабилитации себя и своих родственников, обнаружила, что почти никто из заявителей не оценивает свой труд или труд своих родителей на спецпоселении как принудительный или как имевший статус, отличный от вольного. В качестве едва ли не единственного примера исключения она

привела заявление П.Т. Приступы, работавшего с 1932 г. в шахтах Кузбасса. Он указал, что из его зарплаты высчитывали «комендатурские» 50%, и справедливо полагал, что эти деньги должны быть ему возвращены⁴⁹.

Получается, что историк, который стремится понять действительный смысл событий, происходивших во времена Сталина, вступает в конфликт с людьми, которые были их непосредственными участниками. Если же историк некритически воспринимает их суждения и следует за ними, то он неизбежно подпадает под влияние идеологического дискурса сталинской эпохи и таким образом невольно искажает действительный смысл того времени. В этом плане показательна статья И. Хеллбека, который считает, что влияние революции 1917 г. и последующих преобразований на самосознание советского человека было не репрессивным, а продуктивным. Статья заканчивается словами Л. Потемкина, автора дневника 1930-х годов, который в интервью автору 29 марта 1995 г. вполне закономерно заявил: «Я категорически отвергаю клеветническое утверждение, что наше поколение напрасно прожило свою жизнь». В контексте такого восприятия сталинской действительности 1930-х годов вполне предсказуем пассаж автора статьи о том, что «даже лагеря ГУЛАГа, снабженные большими библиотеками и др. обучающими возможностями, способствовали становлению нового человека» («сокращенного человека», как абсолютно справедливо заметил Э. Нейман, предваряя публикацию этой статьи в журнале «Russian Review»)⁵⁰.

Научный подход требует умения выявить факт из сообщений источника, что означает **осознать** смысл событий, о которых рассказывает источник. А это невозможно как для человека с табуированным сознанием, так и для историка, который идет вслед за документом. Для научного осознания требуются усилия по рефлексии, по переходу от табуированного сознания к сознанию рассудочному, рациональному, что фактически и означает переход к **научному** рассмотрению вопроса. Рациональное сознание предполагает не просто внутреннюю и внешнюю критику источника, а рассмотрение событий, о которых сообщает источник, как в историческом контексте, так и в контексте накопленного в мире опыта осмысления, что вновь возвращает нас к трансцендентальному представлению реальности. Только тогда раскрывается подлинный смысл события и становится ясным, что коллективизация — это не просто «объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства — колхозы в годы довоенных пятилеток», как объясняет «Толковый словарь языка Совдепии», а насильственное огосударствление, названное Сталиным «коллективизацией» и ставшее фундаментом сталинского социализма, который на деле явился системой всеобщего государственного крепостничества.

Переход от понимания «коллективизации» как «объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства» к осознанию «коллективизации» как результата нового государственного закрепощения крестьянства — это уже переход на уровень концептуального осмысления, при котором понятие приобретает дополнительные параметры и глубину и позволяет раскрыть смысл явления и процесса. Таким образом, если «для создания понятий достаточно прагматических обобщений», то «создание концептов требует уже научного подхода к проблеме, а именно, сравнения и обобщения материала для формулирования концептов в данной области научного знания»⁵¹.

Однако рациональное осознание событий на основе исследования сохранившихся источников — это один полюс проблемы. Другой — это оценка событий того времени с позиции нравственности. Что бы ни заявлял о своих намерениях историк, он не может отстраненно воспринимать события недавнего прошлого; категорический нравственный императив приобретает фундаментальное значение в историческом анализе идеократии⁵². Нравственную позицию не следует путать с морализаторством, которое, наоборот, характерно для табуированного сознания, заменяющего понимание и объяснение именно морализаторством. Не только сама действительность сталинско-

го времени, но и специфический язык оказали огромное деформирующее влияние на нравственность народа, определив особые качества повествовательных источников сталинского времени. Поэтому при чтении и анализе такого рода источников необходимо не только принимать во внимание это принципиальное обстоятельство, но и руководствоваться категорическим нравственным императивом, чтобы не поддаться стихии документа и противостоять воздействию сталинской идеократии. Показателем не просто недооценки этого фактора, но и нравственного изыма является стремление провести «сбалансированный» подход по формуле «с одной стороны..., с другой стороны», предполагающий, по мнению его адептов, верное (!), «взвешенное» соотношение «негатива» и «позитива» при оценке явлений действительности 1930-х годов, а также употребление знаковых слов «только», «всего», «лишь», когда приводятся данные о числе арестованных и расстрелянных, рассуждения о стахановском движении и об ударничестве в лагерях и в местах спецпоселений, о массово-политической работе спецпереселенцев, о «трудовом перевоспитании» кулачества и т.п.

Нравственная позиция историка имеет первостепенное значение при работе с материалами уголовно-следственных дел, которые «создавались» в органах ОГПУ—НКВД. В настоящее время подтверждено, что дела эти намеренно фальсифицировались, а «признательные показания», хотя бы и собственноручно написанные, являются результатом психологического давления или физического истязания подсудимых. И.А. Ильину принадлежат следующие замечательные строки: «Мы должны заранее предупредить будущих законных правителей России и будущих историков русской революции, что все эти протоколы советской полиции — что бы в них ни стояло и кто бы под чем бы ни подписался в них — суть документы не права и не правды, а живые памятники мучительства и мученичества. Кто бы в них ни “признавался чистосердечно”, — в измене, в предательстве, в шпионаже в пользу другой державы, в хищениях, в растратах или в каком ином “бесчестии”, — эти протоколы не бросают ни малейшей тени на подписавшего, но зато вскрывают наглядно порочность советского строя, коммунистической партии, ее вождей, советской полиции и советского суда. По этим документам будущие историки России и социалистического движения будут изучать безумие революции, низость революционеров, сущность левототалитарного режима и мученичество русского народа. Беспристрастно и доказательно вскроют они эту систему, этот план перебить лучших русских людей, обескровить и дисквалифицировать русский народ и приготовить на его крови и на его костях порабощение для всех остальных народов»⁵³.

Эти слова можно рассматривать и как своеобразный аванс историкам, и как напоминание о том, что проблема интерпретации источников по истории сталинской России разрешима в конечном счете только с нравственной позиции именно потому, что все другие — собственно методологии истории, понятийного анализа — искажены тотальностью идеократии. Само воссоздание действительности этих инструментов исследования возможно лишь на нравственной основе. И понимание видения человека тоталитарной эпохи возможно только с нравственной точки зрения. И в понимании событий, о которых сообщает источник, в конце концов именно нравственность является исходным и решающим моментом.

Рациональное осознание явления и категорический нравственный императив в его оценке представляют собой два полюса единого подхода к изучению 1930-х годов. Они противоположны и неразрывны и сосуществуют как единство и борьба противоположностей, в целом представляя тот самый научный подход, который только и возможен сегодня, если стремиться проникнуть в подлинный смысл коренной ломки, предпринятой властью и надолго оставившей свой след в российской истории.

Примечания

1. ГУРЕВИЧ А.Я. Марк Блок и «Апология истории». В кн.: БЛОК М. Апология истории, или Ремесло историка. М. 1973, с. 197.
2. КОЛЛИНГВУД Р.Дж. Идея истории. М. 1980, с. 13.
3. ЛОТМАН Ю.М. Внутри мыслящих миров. М. 1996; УСПЕНСКИЙ Б.А. Избр. труды. Т. 1—2. М. 1994; ECO U. Interpretation and Overinterpretation. Cambridge. 1992.
4. ЛОТМАН Ю.М. Ук. соч., с. 301—302.
5. ГУРЕВИЧ А.Я. Историк и история. — Одиссей. Человек в истории. 1993. М. 1994, с. 213.
6. БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории. — Одиссей. 1995. М. 1995, с. 6.
7. МАМАРДАШВИЛИ М. Мой опыт нетипичен. СПб. 2000, с. 90.
8. БЕССМЕРТНЫЙ Ю.Л. Ук. соч., с. 6—7.
9. МАМАРДАШВИЛИ М. Ук. соч., с. 165; ЕГО ЖЕ. Каптянские вариации. М. 1997, с. 55, 265, 303.
10. БАХТИН М.М. Литературно-критические статьи. М. 1986, с. 507—508.
11. СТАЛИН И.В. Соч. Т. 14. М. 1997, с. 14. Предисловие Р. Косолапова.
12. КУРАШВИЛИ Б.П. Историческая логика сталинизма. М. 1996, с. 280—281, 277—278.
13. СОКОЛОВ А.К. Курс советской истории. 1917—1940. М. 1999, с. 177, 181—182.
14. ТРЕТЬЯКОВ В. Сталин — это наше все. — Независимая газета, 22.XII.1999.
15. КОНСТАНТИНОВ С. Сталин в борьбе за единство России. — Русский геополитический сборник, 1996, № 2; МЕЛЬТЮХОВ М.И. Советско-польские войны. М. 2001.
16. МАННИНГ Р. Бельский район, 1937 год. Смоленск. 1998, с. 61, 79, 89.
17. Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа «Союза марксистов-ленинцев» («группа Рютина»). В кн.: Реабилитация: Политические процессы 30—50-х годов. М. 1991, с. 342—350, 399.
18. Там же, с. 336.
19. ВАРШАВЧИК М.А. Источниковедение истории КПСС. М. 1973, с. 45.
20. ЛУРЬЕ Я.С. О некоторых принципах критики источников. В кн.: Источниковедение отечественной истории. Вып. I. М. 1973, с. 95.
21. ПРОНШТЕЙН А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону. 1976, с. 149—151.
22. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М. 1998, с. 520—521.
23. АНАНЬИЧ Б.В., ПАНЕЯХ В.М. «Академическое дело» как исторический источник. — Исторические записки, 1999, вып. 2, с. 338—350.
24. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М. 1998, с. 11. Предисловие С.В. Журавлева и А.К. Соколова.
25. БУРДЬЕ П. Социология политики. М. 1993, с. 312—313.
26. МАМАРДАШВИЛИ М.К. Из лекций по социальной философии. — Социологический журнал, 1994, № 3, с. 33.
27. ПОСАДСКОВ А.Л. Книга в системе культурной политики «Великого перелома» (1928—1930 гг.). В кн.: Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома». Новосибирск. 2000, с. 112.
28. МАМАРДАШВИЛИ М. Необходимость себя, с. 172.
29. МОКИЕНКО В.М., НИКИТИНА Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. 1998, с. 6.
30. УСПЕНСКИЙ Б.А. Избранные труды. Т. 1, с. 50.
31. ГУЛАГ. Главное управление лагерей. 1918—1960. М. 2000, с. 8; «Жму вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина. — Новый мир, 1997, № 9, с. 185; РОССИИ Ж. Справочник по ГУЛАГу. Лондон. 1987, с. 11, 27, 92, 182.
32. КУПИНА Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург—Пермь. 1995, с. 31—39.
33. БУХАРАЕВ В. Идеальный учебник большевизма. В кн.: Новый мир истории России. М. 2001, с. 326.
34. МОКИЕНКО В.М., НИКИТИНА Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. 1998.
35. БАХТИН М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М. 2000, с. 415.
36. Мемуары на сломе эпох. — Вопросы литературы. 2000. № 1, с. 32: «Убежден, что давно пора выверять и архивные сведения мемуарами бывших узников. Иначе достоверной картины XX века нам не видать. Остатки поколений, на собственной шкуре познавших истину о Великой войне и Великой тюрьме, поколений, способных еще о ней дельно поведать, уходят в небытие. На XXI век и третье тысячелетие у меня надежд маловато» (выступление М. Кораллова на «круглом» столе).
37. ВАРШАВЧИК М.А. Ук. соч., с. 144.

38. ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века. — *Общественные науки и современность*, 1997, № 3, с. 96, 104.
39. ГВОЗДКОВА Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30—40-е гг.). Кемерово. 1994, с. 97.
40. ШУЛЬДЕР А. Муха-почтальон. — *Нева*, 2001, № 4, с. 147.
41. РОССИИ Ж. Ук. соч., с. 423.
42. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30—50-е гг.). Т. 1. Кемерово. 1994, с. 145—146.
43. Государственный архив Новосибирской области, ф. П-3, оп. 2, д. 648, л. 80—81. Прокурор Западно-Сибирского края И. Барков — первому секретарю крайкома Р. Эйхе и председателю крайисполкома Ф. Грядинскому, 25.XI.1935.
44. РОЗЕНБЕРГ У. Историки, архивисты и проблема социальной памяти на рубеже нового столетия. — *Исторические записки*, 2000, вып. 3, с. 173.
45. ГИНЗБУРГ Л. Литература в поисках реальности. Л. 1987, с. 319.
46. ПРИШВИН М. Дневник 1937 года. — Октябрь, 1995, № 9, с. 165.
47. ГИНЗБУРГ Л. Ук. соч., с. 318.
48. ЧУКОВСКИЙ К.И. Дневник (1930—1969). М. 1997, с. 9.
49. УШАКОВА С.Н. Реабилитационные дела репрессированных крестьян как исторический источник. В кн.: *Маргиналы в советском обществе 1920—1930-х годов: историография, источники*. Новосибирск. 2001, с. 103.
50. HELLBECK J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts. — *Russian Review*, 2001, Vol. 60, № 3, p. 342, 359; NAIMAN Eric. On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them. *Ibid.*, p. 314.
51. СОЛОМОНИК А. Семиотика и лингвистика. М. 1995, с. 245.
52. Несколько иначе эту мысль выразил Р.Н. Редлих: «Отказ от предположения, что деятельность Сталина имела своей конечной целью усовершенствование и счастье людей, есть... непреложное методологическое требование объективной оценки сталинского периода русской истории» (введение к книге «Очерки большевизмоведения» (изд. «Посев», 1956).
53. ИЛЬИН И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 1. М. 1992, с. 57.

Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII — первой трети XIII века

В.П. Богданов, А.В. Рукавишников

Умножение правящего рода Рюриковичей и распад некогда единого русского государства на десятки мало зависимых от центральной власти княжеств в XII—XV вв. привели к становлению сложной системы взаимоотношений между русскими князьями. Они одновременно выступали в качестве владельцев определенных территорий и представителей отдельных семейств внутри одной династии: во Владимиро-Суздальской Руси правили потомки Юрия Долгорукого, в Черниговской — Ольговичи, на Волыни — потомки Изяслава Мстиславича, в Смоленском княжестве — Ростиславичи, в Полоцкой земле — внуки и правнуки Всеслава Брючиславича. Вместе с тем это время характеризуется сложением более или менее (скорее менее) устойчивых княжеских союзов. Стремление отдельных представителей княжеского рода и целых семейств поднять собственный престиж и жажда материального обогащения приводили к нескончаемым усобицам. Однако было бы упрощением считать, что князья пользовались исключительно силовыми методами: достижение цели мирным путем или сочетание двух подходов было едва ли не более эффективным, нежели прямая агрессия против соперника.

Династия полоцких князей обособилась от остальных Рюриковичей в начале XI столетия, тогда как формирование большинства других ветвей правящего рода происходило в конце XI — середине XII века. Первые полоцкие князья (Брячислав Изяславич и Всеслав Брючиславич) держали себя независимо от центральной власти. Дело коренным образом изменилось после смерти Всеслава (1101 г.), наследники которого в значительной степени утратили свою самостоятельность, а в 1129 г. и вовсе были изгнаны из своих уделов в Византию. Видимо к 1140-м годам их дети, пятое после Изяслава Владимировича поколение полоцких князей, возвратились на родину.

Однако былого величия времен Всеслава Полоцкая земля себе уже не вернула. Здесь как в миниатюре отразились те процессы, через которые прошли другие русские земли: дробление на уделы и постоянная борьба за власть, в центре которой был уже не Киев, а местный политический и экономический центр. Для потомков Всеслава этим центром являлся Полоцк. Отношения полоцких князей со своими соседями (черниговскими Ольговичами, смоленскими Мономахичами — потомками князя Ростислава Мстиславича, и Новгородом) дают наиболее яркий пример того, каков был характер связей

Богданов Владимир Павлович, Рукавишников Александр Викторович. Московский государственный университет.

между различными русскими землями и правившими в них княжескими семействами в середине XII — первой трети XIII века. Анализ этих взаимоотношений позволяет проследить методы и характер их политического взаимодействия в домонгольскую эпоху.

Источники — русские летописи, «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, известия Я.Длугоша, М.Стрыйковского, В.Н. Татищева, договоры Руси с Ригой (1229 г. и «договор неизвестного князя») ¹ — позволяют изучить в динамике взаимоотношения полоцкой и смоленской ветвей династии Рюриковичей на протяжении середины XII — первой трети XIII в. на фоне связей Всеславичей с другими русскими землями. Источники сообщают о первых контактах полоцких князей и Ростислава Мстиславича Смоленского в известиях за 1140-е—1150-е годы; 1230-ми годами датируются последние сообщения о взаимоотношениях полоцкой и смоленской династий Рюриковичей.

М.В. Довнар-Запольский и В.Е. Данилевич считали, что из-за слабости Полоцка, вызванной войнами XI — начала XII в. с киевскими князьями и внутренними усобицами, смоленские князья постоянно старались подчинить его себе и постепенно приобрели «большое влияние на ход дел в Полоцкой земле» ². Наибольшего влияния на полоцкие дела Смоленск достиг в 1160-е—1170-е годы: свидетельством этого было то, что «Всеслав Василькович не только жертвует Витебск союзным смоленским князьям, но и сам попадает к ним в зависимость» ³. В конце века влияние Ростиславичей снизилось: «На рубеже XII столетия Смоленск оставляет свои притязания на Полоцк, в Смоленские летописи (имеются в виду сообщения о смоленских делах в Ипатьевской летописи. — *Авт.*) не попадают известия о нем» ⁴. Показателем ослабления Смоленска в этот период, по мнению Л.В. Алексеева, стала потеря Ростиславичами Витебска ⁵. Однако еще Данилевич отмечал полную зависимость Полоцка от Смоленска и в начале XIII в., называя полоцкого и витебского князей «подручниками» и «вассалами» смоленского ⁶. Современный белорусский историк Н.И. Ермалович дает совершенно иную оценку полоцко-смоленских отношений: если XII век он считает временем соперничества двух княжеств за «ведущее место среди кривичских земель», а союз со Смоленском — для полочан — временной и вынужденной мерой, то начало XIII в. оценивает как время полной политической самостоятельности Полоцка. По мнению Д.Н. Александрова, влияние Ростиславичей в Полоцке было подорвано еще в 1180-е годы. 1180-е—1210-е годы он связывает с усилением Полоцкой земли, наступившим в 30-летнее правление князя Владимира. Лишь смерть Владимира в 1216 г. привела к установлению вновь влияния смоленских князей ⁷.

Первые союзы полоцких и смоленских князей (конец 1130-х — 1150-е годы). Полоцкая княжеская династия потомков Всеслава Брячиславича в XII в. разделилась на три ветви: Друцкую (дети и внуки Рогволда — Бориса Всеславича — *Борисовичи*), Минскую (дети и внуки Глеба Всеславича — *Глебовичи*) и Витебскую (потомки Василька Святославича, внука Всеслава, — *Васильковичи*).

Князья из этих трех ветвей занимали полоцкий стол, иногда военным, а иногда и мирным путем сменяя друг друга. (При этом полоцкий дом был настолько обширным, что далеко не всех его представителей можно отнести к той или иной ветви, поэтому любая конкретизация имеет довольно условный характер ⁸. Некоторые династические связи можно определить лишь с той или иной степенью вероятности).

На смоленском столе со второй четверти XII в. утвердился князь Ростислав, сын Мстислава Великого, и его потомки. С середины 30-х годов XII в. смоленский князь активно участвовал в борьбе за киевский стол, происходившей между Рюриковичами различных ветвей — Мстиславичами, Ольговичами, Юрием Долгоруким и его потомками. Борьба за Киев шла с переменным успехом: результат во многом зависел от поддержки того или иного князя или коалиции теми русскими землями (Новгородской, Полоцкой, Галицкой), которые напрямую не были заинтересованы в контроле над столицей древней Руси. Именно это в конце 1130-х — 1150-е годы, видимо, более

всего побуждало черниговских Ольговичей и Мстиславичей стремиться к укреплению своих позиций в Полоцке.

В 1129 г. часть полоцких князей — Давыд, Ростислав, Святослав Всеславичи и «Рогволодича два... Василий и Иван» — была по приказу князя киевского Мстислава Владимировича выслана в Византию. На полоцкий же стол был посажен сын князя Мстислава Изяслав. После смерти Мстислава, в 1132 г. полочане восстановили на своем столе прежнюю династию в лице Василька Святославича. Василько был внуком Всеслава Полоцкого, сыном Святослава Всеславича, сосланного в Византию⁹.

Значительным событием стала встреча в 1137 г. старшего сына Мстислава Великого Всеволода, ехавшего на княжение во Псков по приглашению «плесковичей», и Василька Полоцкого: «Всеволоду идущу мимо Полотско, сам (Василько Святославич. — *Авт.*) выеха к нему, проводи его с честью, заповеди ради божия забыв злобу отца их, что быше сотворил всему роду его: вшедшу ему в руке его к нему, ничто же о нем... помысли, яко же подобыше по человечеству, но и крест между собою целоваша, яко не поминати, что ся первое удеяло, и на всеи правде, и тако добре проводи его»¹⁰. Алексеев обращает внимание на то, что самим фактом встречи с бывшим новгородским князем «демонстрировалась антиновгородская политика полочан». Однако значение этой встречи шире: состоялось полное примирение Василька с Мстиславичами. Договор оказал большое влияние на все последующие взаимоотношения Василька и его потомков с Мстиславичами (в том числе с Ростиславичами смоленскими): была заложена основа союзнических отношений, а значит, появилась возможность для вмешательства Ростиславичей во внутренние дела Полоцка. В первой половине 1140-х годов вокруг полоцких князей началась, по выражению Алексеева, «дипломатическая игра» Ольговичей с Мстиславичами. Обеим сторонам, продолжавшим соперничество за обладание Киевом, было важно «перетянуть их (полоцких князей. — *Авт.*) на свою сторону»¹¹.

Одним из этапов этой борьбы было заключение династических браков представителями Ольговичей и Мстиславичей с потомками Всеслава Брючиславича. В 1143 г. киевский князь Всеволод женил своего сына Святослава на Марии¹², дочери Василька Полоцкого, а Изяслав Мстиславич выдал дочь замуж за князя Рогволда-Василия¹³. Династические браки между представителями различных ветвей дома Рюриковичей как инструмент княжеской политики домонгольского времени еще недостаточно изучены. Однако они играли важную роль в межкняжеских взаимоотношениях.

В 1146—1157 гг. (с небольшими перерывами) Русь стала ареной борьбы двух коалиций: первую возглавляли Изяслав и Ростислав Мстиславичи, вторую — Юрий Долгорукий и Святослав Ольгович. При помощи князя Юрия Святослав Ольгович получил в 1149 г. «Случск, и Клечск, и вси Дреговичи». Таким образом, он стал южным соседом Полоцкой земли. Благодаря положению своих новых владений, ему было удобно влиять на положение дел в Полоцке. События 1151 г. в Полоцке, очевидно, были согласованы со Святославом: полочане схватили своего князя Рогволда-Василия (зятя Изяслава Мстиславича) и выдали его Глебовичам Минским, посадив на полоцкий стол Ростислава Глебовича и заключив союз со Святославом Ольговичем как с верховным сюзереном: «Прислаша полотьчане к Святославу Олговичу с любовью, яко имети отцом себе и ходити в послушаньи его, и на том целоваша хрест его»¹⁴. Таким образом, Мстиславичи потерпели временное поражение в Полоцке.

После смерти Юрия Долгорукого в 1157 г. обстановка изменилась. Святослав Ольгович примирился с Ростиславом Смоленским. Одним из знаков примирения стал возврат полоцкого стола князю Рогволду-Василию в 1158 г.: «Том же лете иде Рогъволд Борисович от Святослава от Олговича искать себе волости, поем полк Святославль»¹⁵. С помощью «полка Святославля» князь, проведший семь лет в заточении, возвратил свою «отчину» — Друцк, а затем взял и Полоцк. На полоцкий стол вернулся родственник Ростислава Смо-

ленского (муж племянницы). Это свидетельствует о восстановлении влияния Мстиславичей в Полоцкой земле.

Оценку характера этого влияния затрудняет скудость источников по истории Полоцка за 1130-е — 1150-е годы. Однако известие о «договоре» 1137 года между Всеволодом Мстиславичем и Васильком Святославичем, а также родственные узы, связывавшие Рогволода-Василия Борисовича и Изяслава Мстиславича, свидетельствуют о том, что между Мстиславичами и Друцкой, а также Витебской линиями полоцких князей существовали союзнические отношения. Но наибольшим авторитетом в Полоцке в 1150-е годы обладал Святослав Ольгович, поддерживавший Минскую ветвь Всеславичей.

Усиление влияния смоленских князей на полоцких (1160—1170-е годы). Отсутствие в летописях упоминаний Ольговичей в связи с событиями в Полоцке с конца 1150-х по конец 1170-х годов позволяет предполагать, что на время они перестали участвовать во внутривнутриполитических коллизиях в Полоцкой земле. Это сказалось на взаимоотношениях полоцких и смоленских князей.

Сразу после захвата Полоцка в 1158 г. Рогволд-Василий организовал поход на минских Глебовичей с помощью Ростислава Мстиславича Смоленского: «И потом Рогъволодь съвъкупи вое многы, Полочаны, и Ростислав Мстиславич пусти ему два сына в помочь: Романа и Рюрика, и Внезда, и смолняны, и новгородцы, и плесковичи, и сам бяше пошел, но вороти и (его. — *Авт.*) Аркад, епископ Новгородский, идя (идуший. — *Авт.*) ис Киева». То, что сам Ростислав собирался участвовать в походе, говорит о значимости совершаемого предприятия. Одной из целей похода было возвратить Изяславль некоему Брячиславу: «Рогъволд же въда Изяславль Брячиславу, того бо *бьяше отчина*». Возможно, это был Брячислав, упомянутый в русских летописях под 1127 г. как князь логожский и изяславльский, муж сестры Ростислава Смоленского и, вероятно, сын полоцкого князя Давыда Всеславича, изгнанного полочанами в том же году. Интересно сообщение летописи о том, что изяславльский князь Всеволод (сын Глеба Минского) добровольно уступил город, «имя великую любовь к Рогволду». Последний же «Всеволоду да Стрежев» и оттуда пошел к Минску, где находился Ростислав Глебович. После десятидневного стояния у города Рогволд заключил мир с Ростиславом¹⁶. В сообщении 1158 года важно то, что Всеволод Глебович становился союзником, если не вассалом, Рогволода-Василия (к сожалению, дальнейших сведений об их взаимоотношениях нет).

Итак, к началу 1160-х годов в Полоцкой земле сложилась следующая ситуация: Рогволд-Василий вынужден был опираться на помощь смоленских князей, защищавших его как от вероятных внешних (например, Ольговичей), так и от внутренних (Глебовичей) врагов. Именно поэтому полоцкий князь регулярно выступал союзником Ростислава Мстиславича (с 1159 г. — киевского князя). Вот их совместные предприятия:

В 1160 г. Рогволд-Василий напал на Минск, чтобы освободить из плена Брячислава Изяславльского и некоего Володшу (видимо, его брата), незадолго до этого захваченных Глебовичами, и «посла же Ростислав... ис Киева помочь Рогволду с Жирославом с Нажировичем Торк 600». В том же году Всеслав (отчество летописи не упоминают) «ис Полоцка» участвовал в походе на князя Святослава Владимировича Вщижского в коалиции с сыновьями Ростислава Киевского (Романом Смоленским и Рюриком) и Ольговичами, бывшими в мире с Мстиславичами: «Поиде Святослав Ольгович ко Вщижу на Святослава на Володимирича, и Всеволодича с ним оба ходиста, и Рюрик с киевским полком, и Олег Святославич, Роман ис Смоленска, и Всеслав ис Полоцка, Константин Серославич с Галичаны». Указание «ис Полоцка» означает участие Всеслава в походе с полоцкими силами, очевидно, с согласия Рогволода-Василия. Возможно, это был сын Василька Святославича, занимавший полоцкий стол в 1160-е — 1170-е годы и женатый на дочери Ростислава Мстиславича. О последнем факте свидетельствует известие Ипатьевской летописи под 1178 г., в котором Всеслава называют своим «зятем» (то есть мужем сестры) и Мстислав и Роман Ростиславичи. В следующем году

Рогволд-Василий проводил Святослава Ростиславича, бежавшего из Ладogi, до Смоленска ¹⁷.

Центральным во взаимоотношениях смоленских и полоцких князей во второй половине XII в. являлся вопрос о владении Витебском: положение Витебска по отношению к устьям Усвячи, Каспли (через пороги) и Лучесы позволяло контролировать переправы из Днепра в Двину ¹⁸. Под 1165 г. в Ипатьевской летописи имеется запись: «Том же лете Давыд Ростиславич седе Витебски, а (и. — *Авт.*) Романови, Вячеславлю внуку, да (дал. — *Авт.*) Ростислав Васильев и Красн» ¹⁹. Таким образом, в это время Витебск рассматривался смоленскими князьями как часть собственной территории. Вопрос состоит в том, когда Витебск перешел к Смоленску?

По мнению ряда авторов, Витебск был передан полоцкими князьями смоленским в 1165 г. или около этого времени ²⁰. Однако ряд фактов указывает на более раннюю дату. После 1021 г. летописи долгое время не упоминают о Витебске. Не упомянут этот город и в известии 1127 г. о походе коалиции русских князей в Полоцкую землю, хотя остальные крупные города Полотчины названы все. В сообщении 1127 г. также не упомянут Минск, захваченный в 1119 г. киевским князем Владимиром Мономахом («В лето 6627 Володимер взя Менеск у Глеба у Всеславича, самого приведе к Киеву»), а в 1132 г. входивший во владения его внука Изяслава Мстиславича. Неупоминание Витебска в известии 1127 г. признак того, что уже до 1127 г. он вышел из состава Полоцкого княжества. Когда это могло произойти? В Густынской летописи есть следующее описание похода коалиции русских князей на Глеба Минского в 1116 г.: «Поиде же Володымерь противу ему ко Смоленску со сынами своими, и Давыдом Святославичем, и Олговичем, и взя Вячеслав Володымерич Оршу, Копыль, а Давыд с Ярополком взяша Витепск, а Володымерь прииде к Смоленску». В Ипатьевской же летописи вместо Витебска назван Друцк ²¹. В любом случае, в летописи под 1165 г. говорится не о присоединении Витебска к Смоленскому княжеству, а об ординарном случае занятия князем своего стола. Факт владения Ростиславичей Витебском подтверждается записью в Ипатьевской летописи под 1195 г.: речь идет о передаче Витебского стола Рюриком Киевским — с согласия его брата Давыда Смоленского — Ольговичам: «Рюрикъ же рече емоу (Ярославу Всеволодовичу Черниговскому. — *Авт.*): «Азь Витебска стоупиль тебе и посоль былъ свои послалъ есмь ко братоу Давыдови, и поведая емоу, ажь есмь состоупилься Витебска тебе» ²². В то же самое время (в 70—90-е годы) в Витебске сидят Васильковичи — Всеслав в 1175 г., Брячислав в 1180 г. и неизвестный князь, «зять» Давыда Смоленского, в 1195 г. (возможно, тот же Всеслав, упоминаемый под 1178 г. как «зять» Ростиславичей или сын Брячислава Василько, известный под 1180 г., а под 1209 г. названный «князем Витибским») ²³. Это говорит о том, что фактически Васильковичи находились в вассальной зависимости от смоленских князей. Этому имеются следующие подтверждения в летописи.

В 1175 г. «тоя же зимы оженися Ярополк Ростиславич князь володымерьский, послав Смоленску (подчеркнуто нами. — *Авт.*), поя за ся княгыню Всеславлю дщерь князя витепскаго и венчася с нею в Володимери». Похожий эпизод мы встречаем и в 1239 г., когда «оженися князь Александр, сын Ярославль, в Новегороде, и поя в Полоцке у Брячислава дщерь, и венчася в Торопце (подчеркнуто нами. — *Авт.*); и ту кашю чини, а в Новегороде другую» ²⁴. Торопец был одним из удельных центров Смоленского княжества. Таким образом, данные летописей о брачных союзах Васильковичей с представителями других ветвей династии Рюриковичей подтверждают зависимость Витебской линии от князей смоленских.

В 1162 г. Рогволд-Василий совершил очередной поход на Глебовичей — на этот раз на городецкого князя Володаря (местоположение Городца, одного из уделов Полоцкой земли, до сих пор не установлено ²⁵). Однако он потерпел сокрушительное поражение: «Рогволд же вбеже в Случьск и, ту быв три дни, иде в Дрыутеск, а Полотьску не сме ити, зане же множество погibe

Полотчан». Полочане же пригласили на свой стол Всеслава Васильковича. Это означало, что влияние смоленских князей расширилось от Васильковичей Витебских до масштабов всей Полоцкой земли. У смоленских князей появилась возможность влиять на внутренние дела соседей через своего ставленника. Например, в том же году организуется поход на Слуцк, в котором участвуют Рюрик Ростиславич, Ольговичи, туровский князь Святослав и «кривьские князья» (очевидно, союзные Ростиславу Васильковичи) ²⁶.

В конце 1160-х годов Ростиславичи Смоленские и Васильковичи выступили в составе большой коалиции южнорусских князей под эгидой Андрея Боголюбского против Новгорода. История взаимоотношений Полоцка и Новгорода в X—XI вв. характеризуется рядом драматичных эпизодов, таких, как захват Полоцка новгородским князем Владимиром Святославичем; разграбление Новгорода Всеславом в 1066/1067 (мартовском) году и т.д., однако в конце 1160-х годов роль полоцких князей в войне суздальского и смоленских князей против Новгорода была сугубо вспомогательной. В 1167 г. полочане перекрыли южные границы новгородской земли, не давая новгородцам связаться с их союзником Мстиславом Изяславичем Киевским, а затем ходили под началом князя Святослава Ростиславича на Русь. В 1168 г. Полоцк подвергся нападению новгородцев и псковичей: «В то же лето ходиша новгородцы со плесковици к Полтеску, и пожгоша волость, и воротишася от города за 30 верст». Можно сказать, что полочане поплатились за свое участие в походе 1167 года. В 1168 г. они участвовали на стороне Ростиславичей и Андрея Боголюбского в походе на Киев, а на следующий год снова вошли в антиновгородскую коалицию во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом ²⁷.

В 1174 г. Роман Смоленский вынужден был пойти в поход на Киев, помогая Юрию Андреевичу против своих братьев Рюрика, Давыда и Мстислава. Летописец подчеркивает, что Роман приказал полоцким князьям, как своим вассалам, следовать за собой: «Бяше бо тогда в руках его: и Полотьским князем пойти повеле всем, и Туровьским, и Пиньским, и Городеньским». Весной 1180 г. Роману пришлось принять энергичные меры по защите Полоцка, где продолжал править муж его сестры, князь Всеслав Василькович, от угрозы нападения новгородцев во главе с братом Мстиславом. Причиной похода, судя по летописи, была давняя обида, нанесенная Новгороду знаменитым Всеславом Полоцким в 1066/1067 году: «ходил бо бяше» полоцкий правитель «на Новгород и взял ерусалем церковный и сосуды служебные, и погост один завел за Полтеск. Мстислав же... хотя оправити Новгородскую волость и обиду». Данное свидетельство летописи показывает, что старый конфликт Новгорода и Полоцка времен Владимира Святягого и Всеслава не был исчерпан; однако в 1180 г. не было реальной возможности его разрешить. Роману удалось утихомирить брата словами: «Обиды ти до него (Всеслава. — *Авт.*) нетоуть, но же идиши на нь, то первое иди на мя» ²⁸. Мстислав предпочел не воевать со старшим братом. Известие 1180 г. еще раз показывает, что Полоцк и его правитель Василькович зависели от смоленского князя.

Примеры вассальной зависимости Васильковичей от смоленских князей прослеживаются и во внутренней истории Полоцка. В 1167 г. Глебович Володарь разбил войска Всеслава Васильковича и захватил Полоцк. Всеслав бежал в Витебск под защиту Давыда, который вместе с Романом Смоленским помог Васильковичу справиться с Володарем, а затем направил («посла») Всеслава в Полоцк ²⁹.

Таким образом, летописные свидетельства указывают на то, что с конца 1150-х годов влияние смоленских князей в Полоцкой земле усиливается. В 1160—1170-х годах в вассальной зависимости от Ростиславичей находятся витебские Васильковичи, которые с 1162 г. удерживали за собой Полоцк. Именно Витебская линия полоцкой княжеской династии была проводником смоленской политики в Полоцкой земле, где, по сути, не было силы, способной оказать сопротивление союзу витебских и смоленских князей.

Ослабление влияния Ростиславичей на полоцких князей (1180-е—1190-е годы). Последние двадцать лет XII в. на Руси прошли относительно спокойно. Лишь в 1180 и 1195—1196 гг. возникли две серьезные уособицы между Рюриком и Давыдом Ростиславичами смоленскими, с одной стороны, и Святославом и Ярославом Всеволодовичами черниговскими, с другой. Если в ходе борьбы 1180 г. было установлено некое равновесие (сложился «дуумвират») — Рюрик уступил Святославу «старейшинство и Киев, а себе взя всю Русскую землю», то в результате уособицы 1195—1196 гг., случившейся после смерти Святослава Киевского (1194 г.), Рюрик отстоял свое право на киевский стол³⁰.

Полоцкие князья различных ветвей — сперва Васильковичи, а затем и Рогволдичи дружкие — пытались использовать уособицы 1180 и 1195—1196 гг. для выхода из-под опеки Ростиславичей. Освободиться от смоленских князей потомки Всеслава могли лишь опираясь на противников Ростиславичей. Этим объясняется союз полоцких князей Васильковичей с князьями черниговскими. Святослав Всеволодович Черниговский (киевский князь в 1180—1194 гг.) был мужем сестры Васильковичей Марии. Этот союз угрожал смоленским князьям потерей не только Полоцка, но и Витебска. Надеясь восстановить свое влияние в Полоцке, смоленские князья нашли себе опору в лице дружкого князя Глеба Рогволдовича, чей отец Василий-Рогволд был родственником Ростиславичей и их союзником в 1150-е—1160-е годы.

В ходе уособицы 1180 г. Ольговичи — князья Ярослав Всеволодович Черниговский и Игорь Святославич Новгород-Северский — совершили поход на Друцк. В этом походе вместе с ними участвовали «Брячислав из Витебска, брат его Всеслав с Полочаны, Всеслав Микулич из Логожеска, князь Андрей Володшич, и сыновец его Изяслав, и Василко Брячиславич». Поддерживал коалицию и великий князь Киевский Святослав Всеволодович, выступивший в поход с новгородцами. На помощь дружкому князю пришел Давыд Ростиславич из Смоленска, однако, узнав, что к городу идет киевский князь с новгородской помощью, он ушел восвояси. После этого Святослав пожег дружкий острог и «оттоле пусти Новгородце, а сам поиде к Рогачеву, из Рогачева поеха по Днепру к Киеву»³¹. Таким образом, Васильковичи вместе с другими полоцкими князьями успешно выступили против Ростиславичей, на время ослабив свою зависимость от них.

Обстановка изменилась к 1185 г., когда Ростиславичи вновь набрали силу, о чем свидетельствует вокняжение в Новгороде Мстислава Давыдовича, сына смоленского князя. В 1186 г. «Давыд Ростиславич иде из Смоленска на Полтеск». Вместе с отцом в этом походе участвовал и Мстислав Давыдович. На стороне смоленских князей выступили Василько Володарьевич из Логожска и Всеслав из Друцка (к какой ветви полоцких князей они принадлежали, сказать трудно)³². Полочане, окруженные со всех сторон войсками коалиции, вынуждены были заключить мир с Ростиславичами: «и собравшеся вси (полочане. — *Авт.*)... и сретоша я (Ростиславичей. — *Авт.*) на межах с поклоном и с честью, и даша дары многы, и уладишася»³³. С 1180 по 1239 г. в русских летописях термин «полоцкий князь» не упоминается вовсе, зато в 1180-е—1190-е годы несколько раз отдельно упоминаются термины «полочане» (жители Полоцка) и «полоцкие князья» (удельные княжата Полоцкой земли). В «Хронике Ливонии» с 1184 по 1201 г. «полоцкий князь» также не упоминается. Подобные умолчания в летописях за конец XII в. позволяют прийти к выводу, что в середине 80-х—90-х годов XII в. в Полоцке князя не было, а городом управляло вече.

Факт ослабления влияния смоленских князей в Полоцкой земле подтверждается известием новгородской летописи под 1191 годом о встрече на границе «полотьской князьи» (удельных князей полоцких) и полочан с новгородцами и их князем Ярославом Владимировичем для заключения военного союза — для похода на литву или на чюдь. В результате новгородцы ходили зимой 1191/1192 года на чюдь, а полочане в то же время — на литву³⁴.

Союз 1191 г. — уникальный факт в новгородско-полоцких отношениях. Он указывает на то, что между соседями существовали не только враждеб-

ные, но и дружественные отношения. Более того, союз Новгорода и Полоцка мог иметь антисмоленскую окраску: в 1187 г. новгородцы выгнали сына Давыда Смоленского Мстислава и приняли на княжение ставленника князя владимирского Всеволода Большое Гнездо — Ярослава. Полочане имели основания для недовольства вмешательством Давыда в их внутренние дела в 1186 году. Новгородско-полоцкий союз имел временный характер: уже в 1198—1199 гг. состоялся поход полочан и литвы на Великие Луки и ответный поход новгородского князя Ярослава на полоцкие волости³⁵. Новгородско-полоцкие связи во второй половине XII в. зависели в первую очередь от характера отношений Новгорода, Полоцка и их князей со смоленскими правителями. Невозможно проследить определенную «новгородскую линию» во внешней политике полоцких князей и наоборот.

В междоусобице 1195—1196 гг. прежние союзники Ростиславичей по 1180 году — представители Дружской ветви (под 1195 годом в летописи упомянут Борис) выступили на стороне Ольговичей, как и другие «полоцкие князья». Определить их принадлежность к той или иной ветви полоцких князей пока невозможно. Конфликт разгорелся из-за Витебска, в котором снова княжил ставленник Давыда Ростиславича: «Ярослав же не дождав рядоу, посла сыновца своя ко Витебску на зятя на Давыда». «Зятем Давыда», по-видимому, был один из Васильковичей (возможно, Всеслав), вновь ставших главными проводниками смоленской политики в Полоцкой земле. В ходе борьбы смоленские князья потерпели поражение, однако Витебск остался под их контролем³⁶.

Таким образом, в результате войн 1180—1190-х годов контроль Ростиславичей над всей Полоцкой землей и над полоцкими князьями был утерян. Однако смоленские князья сохранили контроль над витебскими Васильковичами, что оставляло возможность политической экспансии со стороны Смоленска в дальнейшем. Свои притязания на Полоцк смоленские князья на рубеже XII в. не оставили³⁷.

Подчинение полоцких князей смоленским (1200-е—1230-е годы). Начало XIII в. — трудное время для смоленских князей. Борьба за Киев требовала высшего напряжения сил: Рюрику Ростиславичу во главе коалиции своих смоленских родственников пришлось выдержать натиск со стороны сперва Романа Мстиславича Волынского (1202—1205 гг.), а затем и Всеволода Святославича Черниговского (1205—1212 гг.). В конце концов смоленские князья утвердились в Киеве (1212—1235 гг., с небольшими перерывами), а также в Новгороде и Галиче (в разное время). Во второй половине 1210-х (после победы Смоленских князей и Константина Ростовского в Липицкой битве) влияние Ростиславичей значительно возросло. Лишь в начале 1230-х годов оно резко ослабло и Ростиславичи потеряли Киев.

В начале XIII в. полоцко-смоленские отношения вступили в новый этап. Считается общепринятым, что в 1184—1216 гг. «королем» (князем) Полоцка был Владимир. Об этом якобы свидетельствует «Хроника Ливонии». Однако в действительности лишь в сообщениях под 1184, 1206, 1208 и 1216 гг. упоминается «король полоцкий Владимир», в свидетельствах же за 1201, 1203, 1210 и 1212 гг. «король полоцкий» назван без имени (причем в известии 1212 г. он упоминается без имени неоднократно в небольшом по размеру отрывке). Также без имени «король полоцкий» упомянут и под 1222 г. (уже после смерти Владимира в 1216 году)³⁸. Очевидно, хронист не знал (или не хотел называть) имена других «королей полоцких». Возможно, причина тому кроется в тенденциозной попытке дать монолитный образ врага «истинной церкви Христовой» (католичества) в лице князя Владимира.

Анализ «Хроники Ливонии» позволяет выявить дополнительные аргументы в пользу этого мнения (прежде всего основываясь на внешней политике «короля полоцкого»). Разбор известий за 1206 и 1208 гг., с одной стороны, а также 1210 и 1212 гг., с другой, показывает, что «король Владимир» был противником рижского епископа.

В 1206 г. Владимир отверг подарки рижского епископа Альберта, посланные последним, «желая снискать дружбу и расположение Владимира...

какие тот проявлял к его предшественнику, рижскому епископу Мейнардусу (в 1184 г.). Интересно, что не упоминается предшественник Альберта, епископ Бертольд; подарки были посланы лишь на восьмой год управления Альберта епископией. В том же году Владимир натравил на латинян ливов и сам ходил походом на Ригу, а в 1208 г. лишь давление со стороны «людей своего королевства» помешало ему оказать помощь князю Кукейноса Вячко против рижан³⁹.

В 1210 г. все изменилось: рижане отправили послов к безымянному королю полоцкому и заключили с ним мирное соглашение, причем для разработки текста мирного договора в Ригу был послан Лудольф (очевидно, немец) — «разумный и богатый человек из Смоленска». В 1212 г. состоялась встреча «короля полоцкого» и епископа Альберта для подтверждения условий договора и заключения союза против литовцев. Посредником на переговорах выступил один из Ростиславичей: Владимир Мстиславич (бывший князь псковский), двоюродный брат тогдашнего смоленского князя (1197—1212 гг.) Мстислава Романовича. Стороны обо всем договорились, причем полоцкий князь признал епископа «своим отцом»⁴⁰. Н.Н. Усачев считает, что известие об участии Смоленска в «вечном мире» 1210—1212 гг. «смутно». Но оно проясняется, если учесть, что в «договоре неизвестного князя» (1230-е годы?) есть ссылка на соглашение Смоленска с Ригой, «како то было при моем отци при Мъстиславе при Романовици»⁴¹, то есть на договор 1210—1212 годов. Отсюда следует, что Смоленск непосредственно участвовал в разработке соглашения (в лице Лудольфа), а утверждалось оно полоцким князем в присутствии одного из Ростиславичей (князя Владимира Мстиславича). Таким образом, можно сделать вывод о зависимости безымянного князя 1210—1212 гг. от Смоленска.

Прослеживаются различия между «королем Владимиром» и безымянным «полоцким королем» также и в литовском вопросе. Отмечены союзнические отношения Владимира с литвой в 1206 г., а в 1216-м он собрал «литовцев и русских» в поход на Ригу, но неожиданно умер. Совсем иначе себя вел безымянный полоцкий правитель (правители?): в 1201 г. он ходил «с войском на литву», а в 1212 г., как уже говорилось, заключил союз против литвы с рижским епископом. Интересно в этой связи сообщение Длугоша о походе смоленских князей на литву: «Из-за того, что в тот год литва опустошала русские земли, ударили на нее князья русские: князь киевский, сын Рюрика Владимир, взяв с собой войска из Смоленска; сын Бориса Роман и сыновья Давыда: Константин, Мстислав и Ростислав, и в большой битве победили литву». У хрониста это известие дано под 1207 г., однако следует отметить, что Длугош в своем изложении «отстает» от русских летописей на 10—11 лет. Действительно, данное сообщение у него помещено между рассказами о Липицкой битве (под 1206 г., а в русских летописях — 1216 или 1217 г.) и о злодействе Глеба Рязанского (под 1207 г., а в Лаврентьевской летописи — 1217 г.), то есть следует отнести этот поход к 1217 году. Не противоречат этому выводу косвенные данные: Владимир Рюрикович стал смоленским князем (упоминание его как киевского князя — явная ошибка) после 1212 г. (год занятия Мстиславом Романовичем киевского стола), а в 1218 г. умер один из участников похода — Константин Давыдович⁴², то есть описываемые события должны были произойти между 1212 и 1218 годами. Этот вывод подтверждает дату — 1217 год.

Кто же были князья — участники похода? Это князь смоленский Владимир Рюрикович, его двоюродные братья — Константин, Мстислав и Ростислав Давыдовичи смоленские, а также князь Роман Борисович. Очевидно, Длугош его считал сыном Романа-Бориса Ростиславича Смоленского, братом Мстислава Романовича Киевского (1212—1223 гг.), но возможен и другой вариант — Роман мог быть сыном князя Бориса Давыдовича Полоцкого, упоминаемого Татищевым в «повести о Святохне» 1217 года⁴³. Существует мнение, что Борис Давыдович был сыном Давыда Ростиславича Смоленского⁴⁴, то есть братом Давыдовичей, ходивших на литву. В любом случае, поход

1217 г. смоленских князей мог состояться лишь при согласии полоцкого князя, через земли которого прошло войско. Поход 1217 г. был продолжением той борьбы Смоленска с литвой, которая прослеживается при заключении договора 1212 года. Таким образом, можно выявить кардинальные различия в «литовской политике» полоцких князей в два первых десятилетия XIII века: князь Владимир стремился к сотрудничеству с литвой (1206 и 1216 гг.); безымянный же полоцкий князь (князья?) враждовал с литовскими племенами (1201 и 1212 гг.).

Таким образом, князь Владимир правил в Полоцке наряду с безымянным «королем» или «королями», так как существует вероятность, что «королем полоцким» в 1201, 1203 гг. и в 1210, 1212 гг. являлись два разных человека. Если Владимир занимал независимую позицию, то «король» 1210, 1212 гг. находился под смоленским влиянием. О возобновлении сильного смоленского влияния в Полоцке после смерти Владимира (1216 г.) свидетельствует поход 1217 г. на Литву смоленских князей.

В Новгородской I летописи под 6730 г. помещено известие: «А Ярославици, смолняне взяли Полтеск, генваря в 17, при князе Борисе и Глебе». Оно означает, что 17 января 1222 или 1223 года⁴⁵ смоленские князья — Ярославичи (потомки Ярослава Мудрого) захватили Полоцк. Примечательно, что летописец, вспомнив о вражде полоцких князей с другими Рюриковичами в XI — начале XII в., назвал смоленских Ростиславичей потомками Ярослава Мудрого. Видимо, именно с захватом Полоцка смоленскими князьями в начале 1220-х годов связан перевоз местной святыни — креста Евфросиньи Полоцкой, сделанного полоцким мастером Лазарем Богшей в 1161 г., — в Смоленск: «Нецыи же поведають: в прежний некогда смолняне и полочане держаше у себя государей князей по своимъ волямъ и межъ себя смолняне съ полочаны воевахуся, и тотъ крестъ честный смолняне въ Полотцку взяша в войне, и привезоша въ Смольнескъ»⁴⁶. Важно и то, что процесс подчинения Полоцкой земли был завершён захватом столицы — Полоцка, что говорит о полном успехе «полоцкой политики» Смоленска. Теперь Полоцк потерял самостоятельность, попав под диктат своего восточного соседа. Это подтверждает ряд примеров.

Под 1222 г. «Хроника Ливонии» сообщает о поражении русских князей в битве на Калке (31 мая 1223 г.) («и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы, и бежали они пред врагами»), а затем, как следствие, о том, что «короли смоленский и полоцкий» возобновили мир с Ригой, «какой заключение был уже ранее». При этом чуть ниже мы узнаем, что окончательное заключение договора состоялось не раньше зимы 1223/1224 г.: «В это время были в Риге послы королей русских, ожидавших исхода дела»⁴⁷. Причинами «возобновления» договора были захват Полоцка смоленскими князьями и гибель князя Мстислава Романовича на Калке, после которой киевским князем стал Владимир Рюрикович, а смоленским — Мстислав Давыдович. Таким образом, договор следовало подтвердить, так как изменился один из гарантов соглашения. Так же обстояли дела и в 1229 г.: «Того лета, коли Альбрахт, владыка Ризкии, умьрл, вздумал князь смольнескый Мьстислав Давыдов сын, прислал в Ригу своего лучшего попа Еремея»⁴⁸. Из текста договора 1229 г. очевидно, что в конце 1220-х годов Полоцк был полностью отстранен от участия в разработке торгового соглашения, хотя полоцкий князь и упоминался в одной из статей (вместе с витебским).

Известие 1216 г. Длугоша о походе литвы и ее разгроме князьями Ярославом Всеволодовичем Новгородским и Мстиславом Давыдовичем Смоленским (1223—1230 гг.) находит соответствие в рассказе русских летописей под 6733 г. (зима 1226 года). Однако в летописях идет речь лишь о победе Ярослава, хотя и говорится о походе литвы «до Полтеска». У Длугоша же читаем: «Когда другое войско литовское разоряло город Полоцк и область, князь Мстислав Давыдович, быстро приехавший с рыцарством из Смоленска... убил бесчисленное множество... литвинов»⁴⁹. Как видно, смоленский князь оказал немедленную поддержку «своему» Полоцку.

Крайне противоречивое известие о взятии Смоленска «на шить» князем Святославом (сыном Мстислава Романовича Смоленского), действовавшим «с полочань», встречается в Новгородской I летописи под 1232 годом⁵⁰. Неизвестно, был ли один из Ростиславичей, Святослав, на тот момент полоцким князем или нет. Очевидно лишь, что полочане действовали *совместно* с одним из смоленских князей.

1220-е годы — апогей могущества Смоленска и его влияния на полоцкие внутренние дела. Полоцкие княжата временно исчезли со страниц летописей. Их политика лавирования в конце XII — начале XIII в. между постоянно усиливавшимся полоцким вечем, смоленскими Ростиславичами и черниговскими Ольговичами провалилась. Более того, она привела к утверждению смоленских князей в самом Полоцке, на время уничтожив его самостоятельность.

В конце 1230-х годов положение начало меняться в связи с ослаблением Смоленска. Под 1239 г. Лаврентьевская летопись фиксирует известие о странной «смуте» с участием литвы, смолян и смоленских князей: лишь с помощью Ярослава Всеволодовича, великого князя владимирского, на смоленском столе была восстановлена династия Ростиславичей. В Полоцке сидел представитель Витебской ветви Брячислав. В 1239 г. он выдал дочь за новгородского князя Александра Ярославича⁵¹. Однако, судя по тому, что венчание происходило в смоленском Торопце, влияние Ростиславичей в Полоцке сохранилось.

Итак, взаимодействие полоцких и смоленских князей принимало различные формы. Особенно ярко это прослеживается на примере сотрудничества Ростиславичей с Витебской ветвью полоцкой династии князей. Договором 1137 г. были установлены союзнические отношения между Мстиславичами (Ростиславом Смоленским в их числе) и Васильковичами. Одним из инструментов заключения союза послужил династический брак (Всеслава Васильковича и дочери Ростислава). К 1160-м годам между Ростиславичами и Васильковичами была установлена довольно редкая для домонгольской Руси форма сотрудничества — вассалитет: в 1160-е — 1190-е годы (а возможно и до конца 1230-х) Васильковичи владели Витебском в качестве условного держания. Об этом говорит заключение в 1175 и 1239 гг. династических браков — очевидно, с согласия и под контролем смоленских князей, а также военные предприятия (в частности, поход 1174 года), в которых полоцкие князья выступали в качестве подручников своих восточных соседей.

Взаимодействие полоцких и смоленских князей, при сохранении ведущей роли последних, распространялось и на хозяйственные связи, о чем свидетельствуют торговые договоры 1210—1212, 1222—1224, 1229 гг. и договор неизвестного князя (1230-е гг.?).

Взаимоотношения полоцких и смоленских князей сыграли значительную роль в истории Полоцкой и Смоленской земель и оказали влияние на ход событий в различных русских землях середины XII — первой трети XIII века. В конце XII — начале XIII в. Полоцк и Смоленск образовали некий региональный союз, основанный на торгово-политическом сотрудничестве вдоль западно-двинского речного пути. Главную роль в объединении сыграли смоленские князья, добившиеся определенного сюзеренитета над данной территорией. Однако активное вмешательство литвы в первой половине — середине XIII в. дестабилизировало обстановку в регионе и в конце концов подорвало хрупкое экономическое и политическое единство двух княжеств.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М. 1997; Т. 2. М. 1998; Т. 7. М. 2001; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950 (НПЛ); Псковские летописи. Т. 1. М. 1941; ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Хроника Ливонии. М.-Л. 1938;

- DLUGOSSII J. *Annales seu chronicae inciti regni Poloniae. Liber V-VI.* Warszawa. 1973;
- STRYJKOWSKY M. *Kronika Polska, Litewska, Zmodska, wszystkiej Rusi.* Т. 1. Warszawa. 1985;
- ТАТИЩЕВ В.Н. *История Российская.* Т. 4. М.-Л. 1964; *Смоленские грамоты XIII-XIV вв.* М. 1963.
2. ДАНИЛЕВИЧ В.Е. *Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия.* Киев. 1896, с. 85.
 3. АЛЕКСЕЕВ Л.В. *Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII вв.* М. 1966, с. 279.
 4. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М.В. *Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия.* Киев. 1891, с. 159-161.
 5. АЛЕКСЕЕВ Л.В. *Смоленская земля в IX-XIII вв.* М. 1980, с. 220.
 6. ДАНИЛЕВИЧ В.Е. *Ук. соч.*, с. 85, 106-107.
 7. ЕРМАЛОВИЧ М.І. *Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагродскі перыяды.* Мінск, 1990, с. 216, 235 и др.; АЛЕКСАНДРОВ Д.Н. *Русские княжества в XIII-XIV вв.* М. 1997, с. 246; его же. *Смоленская земля в XIII-XIV вв.* М. 1998, с. 8.
 8. Еще В.Н. Татищев отметил, что «родословие полоцких [князей] весьма смешано тем, что упоминают без отчеств; и как по два вдруг одного имени упомянуты, то весьма трудно разобрать» (ТАТИЩЕВ В.Н. *История Российская.* Т. 2. М. 1995, с. 264; т. 4. М. 1995, с. 434).
 9. ПСРЛ. Т. 7, с. 29; т. 15. М. 2000, с. 195; т. 1. Стб. 301, 302. У Татищева Василько назван «Святославич, внук Монамаш», а в Воскресенской летописи - «внуком Володимера» (ТАТИЩЕВ В.Н. *Ук. соч.*, т. 4, с. 189; ПСРЛ. Т. 7, с. 29). Похоже, что речь идет о каком-то сыне Святослава Владимировича, внуке Владимира Мономаха. Действительно, у Владимира Мономаха был сын Святослав, однако о его детях ничего не известно. Дальнейшие же сообщения летописи (в частности, известные под 1137 г.) говорят о том, что Василько Святославич принадлежал к династии полоцких князей. Возможно, что Василько был из тех представителей полоцких князей, кто не был сослан в Византию. Под 1139/1140 г. в Ипатьевской летописи помещено сообщение о возвращении полоцких князей из Византии: «взидоста княжича два ис Царягорода, заточени бысть Мстиславом» (ПСРЛ. Т. 2, стб. 303).
 10. *Псковские летописи.* Т. 1, с. 10.
 11. АЛЕКСЕЕВ Л.В. *Полоцкая земля,* с. 265.
 12. Имя полоцкой княжны определяется по Любецкому синодику: ЗОТОВ Р.В. *О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время.* СПб. 1892, с. 25.
 13. ПСРЛ. Т. 2, стб. 313, 314. Брак полоцкого княжича Брячислава и дочери Мстислава Великого, состоявшийся еще до 1127 г., — первый брак между представителями полоцкой династии и Мстиславичей, о котором сообщают летописи (ПСРЛ. Т. 1, стб. 298, 299).
 14. ПСРЛ. Т. 2, стб. 445, 446.
 15. Там же, стб. 494.
 16. Там же, стб. 496, 292, 293.
 17. Там же. Т. 7, с. 71; т. 2, с. 608, 609, 505, 509, 511.
 18. См.: НАСОНОВ А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М. 1951, с. 151; БУЛКИН В.А. *Историко-географические данные к проблеме возникновения городов Днепро-Двинского междуречья.* В кн.: V Международный конгресс славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. М. 1987, с. 39.
 19. ПСРЛ. Т. 2, стб. 525.
 20. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М.В. *Ук. соч.*, с. 154; ДАНИЛЕВИЧ В.Е. *Ук. соч.*, с. 93; АЛЕКСЕЕВ Л.В. *Полоцкая земля,* с. 278; ЕРМАЛОВИЧ М.І. *Ук. соч.*, с. 224.
 21. ПСРЛ. Т. 2, стб. 285, 282, 283; т. 1, стб. 302; т. 2. Слб. 1843, с. 291.
 22. Там же. Т. 2. М. 1998, стб. 693.
 23. Там же, стб. 598, 609, 620, 621; т. 24. М. 1921, с. 85.
 24. Там же, т. 1, с. 374; НПЛ, с. 289.
 25. См. подробнее: АЛЕКСЕЕВ Л.В. *Полоцкая земля,* с. 184.
 26. ПСРЛ. Т. 2, стб. 519, 521.
 27. НПЛ, с. 32, 33, 220, 221.
 28. ПСРЛ. Т. 2, стб. 574, 609.
 29. Там же, стб. 527.
 30. Там же, стб. 624, 683-701.
 31. Там же, стб. 620.
 32. Там же; НПЛ, с. 38. Алексеев полагает, что Василько Володарьевич принадлежал к минским Глебовичам, а «Всеслав из Друцка» - это бывший князь полоцкий Всеслав Василькович (АЛЕКСЕЕВ Л.В. *Полоцкая земля,* с. 282).
 33. Там же.
 34. НПЛ, с. 39, 40; ТАТИЩЕВ В.Н. *Ук. соч.* Т. 4, с. 315; ПСРЛ. Т. 10. М.-Л. 1965, с. 19.
 35. НПЛ, с. 38, 39, 44.
 36. ПСРЛ. Т. 2, стб. 691-693.

37. Противоположное мнение: ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М.В. Ук. соч., с. 159; ГОЛУБОВСКИЙ П.В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев. 1895, с. 289; АЛЕКСЕЕВ Л.В. Смоленская земля, с. 230.
38. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., с. 71, 94, 99, 102, 115, 179, 181; С. 81, 85, 133, 136, 152-153, 222.
39. Там же, с. 94-97; 102-104; 115.
40. Там же, с. 133, 136, 152, 153.
41. УСАЧЕВ Н.Н. Об участии Смоленска в «Вечном мире» 1210 г. В кн.: Ученые записки Смоленского пединститута, 1957, вып. 5, с. 220; Смоленские грамоты, с. 13.
42. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., с. 81, 99, 152, 153, 179; DLUGOSSII J. Op. cit. S. 251; 249, 250, 253 (см. также: ПСРЛ. Т. 1, стб. 440); ПСРЛ. Т. 10, с. 81.
43. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч. Т. 4, с. 352-354. Легенда эта такова. Полоцкий князь Борис Давыдович, женатый вторым браком на дочери поморского князя Святохне, по наущению жены отправил своих детей от первого брака, Василька и Вячка, в отдаленные уделы княжества. Святохне это было необходимо для утверждения своего сына Владимира-Войцеха в качестве наследника княжеского стола. После отъезда двух популярных в народе князей власть в Полоцке захватила «поморская партия», были убиты тысяцкий Симеон, посадник Воин и ключник Добрыня. Однако дальнейшего произвола полочане не стерпели. В результате народного возмущения Святохна была посажена под стражу, а поморяне изгнаны из города.
44. АЛЕКСЕЕВ Л.В. Полоцкая земля, с. 287; РАПОВ О.М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М. 1977, с. 180.
45. НПЛ, с. 263. Известие о захвате Полоцка смоленскими князьями помещено в НПЛ младшего извода под 6730 г. между сообщением о походе на Кесь (осень 1221 - зима 1221/1222 г.) и бегством князя Всеволода Юрьевича из Новгорода (конец зимы 1222/1223 г.). См.: БЕРЕЖКОВ Н.Г. Хронология русского летописания. М.-Л. 1963, с. 248, 261; ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., с. 218, 219; ПСРЛ. Т. 1, стб. 445.
46. ПСРЛ. Т. 13. М. 1965, с. 347; АЛЕКСЕЕВ Л.В. Полоцкая земля, с. 222.
47. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., с. 222, 234.
48. Смоленские грамоты, с. 20.
49. ПСРЛ. Т. 1, стб. 448; DLUGOSSII, J. Op. cit. S. 279 (см. также: STRYJKOWSKI, M. Op. cit. S. 233).
50. НПЛ, с. 72, 281.
51. ПСРЛ. Т. 1, стб. 469; НПЛ, с. 289.

Луи-Александр Бертье

М.К. Чиняков

Великий полководец, маршал империи Луи-Александр Бертье, князь Невшательского и герцога Валанженского, князь Ваграмского, наиболее часто упоминается вместе с именем Наполеона Бонапарта, особенно при изучении многочисленных военных кампаний императора французов. Это не удивительно — Бертье с 1796 г. по 1814 г. являлся бессменным начальником штаба при Наполеоне, когда тот возглавлял Итальянскую армию, Египетскую экспедицию или Великую армию. Однако при всех военных заслугах маршала о его жизни и характере известно немного¹. Неудивительно, что Луи-Александра даже называют чуть ли не «серым кардиналом» при Наполеоне, без которого великий император не выиграл бы ни одного сражения!

Из предков знаменитого маршала известен только его дед, каретник Мишель Бертье, живший в конце XVII в. и занимавший очень скромное положение, как и его предки, во французском обществе. О жизни Мишеля Бертье известно немного: например, что ему довелось участвовать в кампаниях Людовика XIV в качестве простого солдата, и что от брака Мишеля с некоей Жаннфй Дюме родился Жан-Батист Бертье, отец будущего маршала.

Жан-Батист стал живым примером продвижения простого человека по социальной лестнице, благодаря собственным заслугам и благодаря его величеству случаю. Первоначально Жан-Батист был слугой у некоего генерал-майора г-на де Шанн де Везан. Последний, пораженный интеллектуальными способностями слуги, помог ему с образованием и подростком отправил в бюро военного министерства. В 18 лет Жан-Батист — инструктор в Парижской военной школе, затем он воевал под знаменами маршала Франции Морица Саксонского, получил ранения, занимался строительством военных укреплений.

Звездный час настал для Жана-Батиста 13 сентября 1751 г., при пожаре Большой конюшни (здания, построенного в честь рождения внука правящего короля), когда на него обратил внимание лично Людовик XV. В течение 24 часов Жан-Батист не только руководил ликвидацией пожара, но и демонстрировал личную храбрость, бросаясь в огонь. С тех пор карьера Бертье пошла только в гору. Его таланты инженера, картографа и архитектора стали находить лучшее применение. Он становится автором 23 рисунков-схем о кампаниях Людовика XV и работы о прусской тактике, которой заинтересовались французские генералы; Жан-Батист принимает участие при строительстве

нового здания Военной школы на Марсовом поле (в которой будут учиться Наполеон, маршал Л.-Н. Даву и др.). В 36 лет он возглавляет корпус армейских инженеров-географов и является руководителем Депо карт и планов военного министерства. В июне 1759 г., по просьбе военного министра маршала Франции Л.-Ш. герцога де Бель-Иля Жан-Батист приступает к строительству зданий военного министерства (построенного к концу 1760 г.), морского министерства и иностранных дел. Архитектурные изыскания Жана-Батиста вызывали восхищение современников.

В июле 1763 г. — новый взлет. Жан-Батист становится главным инженером-географом военных лагерей и королевской армии, губернатором зданий военного, морского министерства и иностранных дел. И самое главное — Жана-Батиста Бертье возводят в дворянское достоинство! Месяц спустя он получает собственный герб и частицу «де» в фамилии, столь желаемую всеми буржуа, не говоря уже о таких совершенно незнатных людях, как Бертье.

В 1765 г. по просьбе Людовика XV, Жан-Батист нарисовал королю т.н. охотничьи карты (на 36 листах), за что был удостоен значительной награды — зачислен в списки престижного ордена Франции Св. Мишеля, уступавшего по знатности только ордену Св. Духа (в который принимали лишь представителей высшей знати). Кроме того, Людовик XV заказал Бертье карту окрестностей Версаля, Сен-Жермена, Булонского и Венсенского лесов. Эта тяжелая и кропотливая работа продолжалась вплоть до 1806 г. (последние два года под личным руководством маршала Бертье). «Охотничьи карты короля» до сих пор считаются шедевром топографии парижских окрестностей XVIII века.

В сентябре 1749 г. Жан-Батист женился на Мари-Франсуазе Люийе де Ласер (дочери коменданта замка маркиза де Фонтене), которая была моложе мужа на 10 лет. У них родилось много детей, из которых известно шестеро (один умер в младенчестве). В 1785 г. Мари-Франсуаза умерла, и в 1791 г. Бертье женился вторично, на Елизавете-Франсуазе Шерон, которая скончалась в 1795 г., оставив безутешному отцу одного сына.

20 ноября 1753 г. в Версале в семье Жана-Батиста родился второй ребенок — будущий маршал, Луи-Александр, крещенный на следующий день в королевской церкви Сен-Луи. У него было четыре брата и две сестры; двое братьев стали дивизионными генералами — Луи-Цезарь-Габриэль (1765—1819) и Виктор-Леопольд (1770—1807). Третий брат, от второго брака, Александр-Жозеф (1792—1849), стал бригадным генералом и женился на своей племяннице. Луи-Цезарь-Габриэль доставлял много беспокойств Луи-Александру из-за огромных долгов. Виктор-Леопольд, наоборот, был хорошим инженером-географом, честным и отличным штабным офицером, к сожалению, умершим в 37-летнем возрасте (его вдова вышла замуж за знаменитого генерала наполеоновских войн Ш. Лассалья, убитого во время кампании 1809 г.).²

Образование Луи-Александр получил в Королевской инженерной школе в Мезьере, по окончании которой через два года, в 1766 г., в 13 лет, стал младшим лейтенантом и «инженером-географом военных лагерей и королевской армии», а 11 марта 1770 г. — лейтенантом. Несмотря на юный возраст, Луи-Александр проявил способности и талант в области топографии (его работы отличались точностью, чистотой отделки и приятным рисунком), что привлекло внимание командира полка лотарингских драгун — лучшей кавалерийской школы в Европе — принца Ламбеска, который взял его к себе, и 2 июня 1777 г. Луи-Александр стал капитаном штаба.

В 1775 г. на другом берегу Атлантического океана назревали большие перемены — в североамериканских колониях Англии шла война за независимость. Взоры противников, англичан и американских повстанцев, обратились к Франции, которая оказалась благосклонной к повстанцам, поскольку их борьба против метрополии — Англии — отвечала державным интересам Франции. В феврале 1778 г. Людовик XVI решил оказать военную поддержку борцам за свободу, отправив через два года за океан 6-тысячный корпус (в Америке уже воевал рядовой Осерского пехотного полка Ж.-Б. Журдан — будущий маршал империи).

Вместе с братом, драгунским капитаном Шарлем, Луи-Александр решил отправиться в экспедицию самовольно в качестве рядового стрелка, несмотря на протесты отца. 27 апреля 1780 г. Луи-Александр и его брат получили положительный ответ на просьбу об их зачислении в состав Суассонского пехотного полка. Они выехали из Версаля 29 апреля и прибыли в Брест в 6 час утра 2 мая и увидели... отплывающую в море эскадру. Бертье не впали в отчаяние и к 18 часам на лодке догнали корабли. Правда, командир эскадры адмирал де Терне, приняв их за авантюристов, вознамерился высадить на берег братьев, поскольку последние не имели надлежащих документов. Луи-Александр просил командира экспедиционного корпуса Ж.-Б. де Вине графа де Рошамбо взять их в Америку хотя бы простыми матросами, и тот вроде бы согласился, но адмирал был категорически против, и обоих высадили обратно на берег, в той же самой лодке. Пришлось братьям ждать официальных бумаг из Парижа. Они отправились в Америку во второй раз только в июне. 5 августа небольшой корабль «Август» доставил братьев на Мартинику. На сей раз путешествие прошло без особых приключений и в приятных условиях: отдельная каюта, изысканная вина, рыбная ловля. Луи-Александр впервые увидел летающих рыб, от вкуса которых он остался в восторге.

В свои 26 лет Бертье держался уверенно — среднего роста, атлетически сложенный, с правильными и прямыми чертами лица, густой шевелюрой с выщипавшимися волосами (некоторые утверждали, что они были курчавыми), выбивавшимися из-под модного парика, с большими сине-зелеными глазами и выразительным взглядом.

28 сентября 1780 г. братья ступили на «землю свободы» и сразу направились к командиру экспедиционного корпуса Рошамбо, оказавшим им теплый прием, и заняли капитанские должности в Суассонском полку. Первые шесть месяцев военные действия не велись и братья Бертье могли насладиться покоем, хотя и относительным. Они не теряли время даром и за три месяца начертили карту местности, где располагались французские войска; копию отправили в Париж королю. Через некоторое время Луи-Александр получает должность штабного офицера при командующем, а брат — адъютанта полковника Суассонского полка графа де Сен-Мем. В отсутствие военных действий Луи-Александр в новом качестве может теперь вести беззаботный образ жизни: вечером посещает балы, на которых его отмечают за обходительное отношение с дамами. Как писал в дневнике сам будущий маршал, «я чувствовал себя счастливейшим человеком». Его всегда будут отличать хорошие манеры истинного дворянина XVIII в., чего не доставало другим маршалам — Н.-Ш. Удино, А. Массене, П.-Ф. Ожеро.

Весной 1781 г. военные действия активизировались. В начале мая французы должны были соединиться с повстанцами для совместной осады Нью-Йорка, занятого англичанами. Восемь месяцев спокойствия промчались быстро. Луи-Александр участвует во множестве мелких стычек и 21 июня получает боевое крещение под Нью-Йорком, в районе р. Гарлем (сегодня — знаменитый квартал города) — пуля царапнула левое ухо. После морского сражения в сентябре 1781 г. французский флот отрезал с моря главные силы англичан под Йорктауном, важным в стратегическом отношении городе, который 19 октября 1781 г. капитулировал перед 20-тысячной американо-французской армией во главе с Дж. Вашингтоном. Победителям досталось 8 тыс. пленных, 214 пушек и 22 знамени. За мужественное поведение в боях и при осаде Йорктауна Рошамбо упомянул братьев Бертье в письме к военному министру Франции. (Шарль Бертье не вернется во Францию: он погибнет на дуэли.) Капитуляция Йорктауна вынудила английский парламент заговорить о мире, и война фактически прекратилась.

Пребывание в Америке пошло на пользу для Луи-Александра — о его военных заслугах высоко отзываются генералы Рошамбо и Мари Жозеф Лафайет (один из первых добровольцев, отправившийся воевать против англичан на стороне американских повстанцев еще до официального отправления французского корпуса за океан), полковник А.-Ф. Кюстин де Саррек; с их

помощью Бертье приобретает полезные связи и дружбу в высших дворянских кругах Франции. К тому же каждый француз, воевавший в Америке, автоматически приобретал значительный вес в обществе. За участие в экспедиции будущий маршал получил первую награду — американский крест ордена Цинцинната.

В середине июня 1783 г., за два месяца до официального подписания Версальского договора, по которому Англия соглашалась признать американское государство, Бертье возвращается во Францию, и его вскоре зачисляют в Генеральный штаб под командование военного министра маршала Ф.-А. Сегюра. 29-летний капитан штаба Луи-Александр не успел перевести дух, как ему пришлось отправиться в командировку со специальной миссией французского Генштаба. Бертье надлежало изучить военную организацию Пруссии, считавшуюся военным эталоном. 8 августа он прибыл в Берлин.

Бертье встречался со многими известными персонажами Пруссии. Он был удостоен аудиенции у прусского короля Фридриха II Великого, который тепло принял Луи-Александра и расспрашивал его о войне в Америке. Бертье был также приглашен на ужин королевским принцем, племянником Фридриха и будущим королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III. Во время пребывания в Пруссии французский гость был удостоен высоких почестей. При всех маневрах прусской армии он всегда находился рядом с королем; в отличие от других иностранцев, Луи-Александр частенько присутствовал даже за одним столом с королем (пусть даже и не в непосредственной близости). После окончания миссии, в сентябре Луи-Александр отправился домой через Австрию и был принят утром 14 сентября в Вене эрцгерцогом Максимилианом, братом Марии-Антуанетты, королевы Франции. Позже Бертье вспоминал, что австрийцы ему не понравились, хотя прием оказали очень хороший — Луи-Александра принимала старинная аристократия, хотя он не являлся потомственным дворянином.

После успешного выполнения миссии, в 1785 г. Бертье назначают на одну из высших штабных должностей, в июле 1788 г. награждают орденом Св. Людовика, а в 1789 г., до июльских событий, он получает чин подполковника. Конечно, при продвижении Бертье по социальной лестнице Франции нельзя не учитывать, что он имел мощную поддержку в лице отца и влиятельных командиров американского экспедиционного корпуса. Однако не забудем, что Луи-Александр и сам обладал незаурядными способностями.

Несомненно, что, в отличие от «нищей молодости» Массены, Ожеро, Ж. Ланна, у Бертье, казалось, не было оснований встать в лагерь революционеров в бурном 1789 г.: жизнь Бертье была обеспечена надолго — после смерти на дуэли брата Шарля Луи-Александр становится первым наследником в семье. Неудивительно, что в начале революции Бурбоны нашли в нем сторонника, и в отличие от подавляющего большинства будущих маршалов империи Бертье оказывается в лагере «аристократов».

Однако Луи-Александра можно назвать скорее сторонником конституционной монархии, чем абсолютной. Вместе с другими французскими генералами и офицерами, прошедшими «американскую кампанию», Бертье находился под сильным влиянием «идей свободы» (как будущие декабристы в России после возвращения из Франции в 1814 г.). Луи-Александр поддерживал Бурбонов, надеясь на либеральные реформы ради благополучия Франции, но законных и проводимых в гражданском мире, и постепенно он присоединяется к идеалам революции. Думается, немаловажную роль здесь сыграло и плебейское происхождение Бертье: в отличие от настоящих дворян с вековыми корнями, его дворянству насчитывалось всего 26 лет!

Вместе с первыми событиями июля 1789 г. происходит формирование Национальной гвардии, призванной защищать «революционные завоевания». 15 июля 35-летний Луи-Александр становится начальником штаба национальной гвардии Версаля с целью «обеспечения безопасности города, замка и сохранения лесов и другой собственности короля». В ряды простых национальных гвардейцев стали его братья — 23-летний Луи-Цезарь-Габриэль и

19-летний Виктор-Леопольд. Сторонник порядка, с уравновешенным характером, Луи-Александр старался сгладить эксцессы народного недовольства. Но он оказался бессилён перед известными событиями той поры — маршем революционно настроенного народа на Версаль, где проживал Людовик XVI с семьёй. 6 октября Лафайет сопровождает короля, королеву и их детей из Версаля в Тюильри и взял в штаб Парижской национальной гвардии Луи-Александра Бертье, энергичного военного человека и его доверенное лицо.

Помощником Луи-Александра был ярый сторонник Ж.-П. Марата Л. Лекуантр, который видел в своем начальнике «врага народа» и постоянно интриговал против него. Бертье постоянно приходилось оправдываться. Вскоре произошел случай, доказавший верность Бертье королю, за что он едва не поплатился головой.

В феврале 1791 г. тетки Людовика XVI (родные сестры Людовика XV) — мадам Аделаида и мадам Виктуар, весьма престарелые особы, решили эмигрировать из Франции. Учредительное собрание не возражало (признав венценосных родственниц «безвредными»). Однако Лекуантр настроил общественное мнение против Бертье, обвиняя его (своего начальника) в том, что тот дал возможность «аристократкам», этим теткам короля-тирана увезти с собой «огромное количество мешков с золотом!» Весть быстро распространилась, и 19 февраля, в день отъезда возбужденная толпа преградила путь небольшому отряду во главе с Бертье, решившего охранять женщин. Наконец, после долгих проволочек Учредительное собрание, директория департамента и муниципалитет разрешают мадам Аделаиде и Виктуар уехать, но Лекуантр продолжает обвинять Бертье в антиреволюционных действиях и в тиранстве. Несмотря на интриги, Бертье продолжает бороться за порядок в Версале, избегая применения силы против взбунтовавшихся войск; Луи-Александра даже арестовали в замке Беллёв. В итоге он становится подозрительным для революционно настроенной части общества.

Не исключено, что в обстановке, которая царилa во Франции в 1791 г., деяния Бертье могли привести его под топор гильотины, но формирование регулярной армии для защиты республики предоставило Луи-Александру возможность послужить родине и оказаться подальше от бурлящего Парижа. Международная обстановка ухудшалась день ото дня, и 20 апреля 1792 г. Франция объявила войну «королю Венгрии и Богемии», т.е. Австрии, когда Бертье служил полковником в штабе командира Северной армии Рошамбо. Протекцию ему составил Лафайет: «Его поведение оправдало возложенные на него надежды... Он поддерживал порядок и дисциплину среди чинов Фландрского полка, готового взбунтоваться, и среди других отрядов версальского гарнизона. Его осмотрительность и младнокровие предвосхитили народное волнение; в городе и окраинах господствовала полная безопасность»³.

22 мая 1792 г. 38-летний Луи-Александр Бертье получает чин генерал-майора и становится впервые начальником штаба армии (при генерале Н. Люкнере). Перед Бертье как штабным офицером стояла огромная задача: организовать в послушные и управляемые военные единицы беспорядочные массы войск, разбегавшиеся при первых залпах неприятельской артиллерии.

Продолжая оставаться приверженцем идей конституционной монархии, 27 июня Бертье пишет королю письмо, в котором осуждались посягательства на королевское достоинство, внутренние и внешние враги. Несомненно, в письме Луи-Александра было что-то героическое, поскольку тогда о верноподданнических чувствах по отношению к суверену, чьи часы были сочтены, осмеливались говорить немногие. О письме стало немедленно известно республиканцам, и на трибуне Учредительного собрания о письме Бертье отзывались крайне резко и с негодованием. Луи-Александр был вынужден обратиться за помощью к маршалу Люкнеру (проявившему не меньшую смелость, чем сам Бертье), который встал на его защиту.

10 августа королевская власть пала, король с семейством ждёт своей участи в Тампле, а гвардейские швейцарцы гибнут, защищая пустой Тюильрийский дворец. 19 августа 1792 г. командующий Северной армией Лафайет

с соратниками спасается бегством, его ближайшие друзья оканчивают жизненный путь на гильотине. 21 августа начальник штаба Северной армии Бертье как «сторонник» Лафайета и «аристократ» освобожден от занимаемой должности; судьба помешала Бертье стать вместе с командующим армией Ф.-Э. Келлерманом, будущим маршалом империи, героем Вальми. Несмотря на приказы из Парижа, Келлерман поступил подобно Люкнеру: стал защищать подчиненного.

Ситуация для Луи-Александра складывается тревожная. Лекуантр говорил о Бертье как об «агенте королевского двора и корреспонденте по переписке с Лафайетом». Внутренняя обстановка во Франции осложнилась: в январе 1793 г. в корзину под гильотиной скатилась голова короля (через год — голова Люкнера). Хотя монархия больше не существовала, для Бертье оставалась Франция, которой он хотел служить; именно так рассуждал и старый вояка Ф.-Ж. Лефевр, будущий маршал империи, испытывавший симпатии к королю. Однако рапорт Луи-Александра о приеме на службу в войска, стоявшие на границе для борьбы против внешних врагов не приняли, и Бертье отправили на запад страны, в Вандею, где началось антиреспубликанское восстание. 14 мая 1793 г. Бертье был в Сомюре, штаб-квартире Ла-Рошельской армии побережья под командованием генерала А.-Л. де Гонто Бирона, который знал Луи-Александра по «американской» кампании. Сомюр играл важную стратегическую роль на западе страны, поскольку являлся крайним форпостом республики в данном регионе.

В апреле—мае 1793 г. Сомюр был осажден вандейцами. Бертье вновь получает звание генерала, должность начальника штаба и смело защищает город. Во время осады под ним убили две лошади, но он приложил много усилий к спасению армии и провел более или менее организованное отступление. В результате взятия Сомюра 9 мая республика оказалась как никогда в огромной опасности, поскольку мятежникам открывался прямой путь на Париж, сердце революции. Неудивительно, что командира Ла-Рошельской армии Бирона вызвали в Париж, признали его виновным в «неудовлетворительном командовании» армией и в декабре того же года казнили. Республику тогда спасло странное решение вандейцев наступать не на Париж, а на соседние города — Анжер и Нант.

После отъезда Бирона Бертье остался начальником штаба при его преемнике — дивизионном генерале Ж.-А. Россиньоле, ревностном санкюлоте с небольшим опытом в военном деле. Бертье предлагает объединить две разрозненные армии (Ла-Рошельскую и Брестскую) в одну, но его план отклоняют. Тем временем республиканцы терпят ряд поражений, и Конвент вызывает Бертье в Париж для доклада Комитету общественного спасения о сложившейся обстановке и способах спасения. Комитет одобрил план, который сыграл положительную роль в разгроме повстанцев, хотя и запретил Луи-Александру возвращаться в Вандею.

И Бертье снова вынужден защищаться, доказывая, что он не приходится родственником ни парижскому интенданту Бертье, ни королевскому секретарю Бертье: «Я лоялен к нынешней власти, ни в чем не виноват и никогда не занимался интригами. Я неотступно следую долгу, придерживаясь принципов свободы и уважения национального суверенитета. Все утверждения против меня продиктованы завистью, которую я вынужден разрушить с фактами в руках» (16 августа 1793 г.)⁴.

Бертье чрезвычайно повезло — вызов в Париж подчас стоил головы многим генералам Старого порядка. Но судьба смилостивилась над будущим маршалом — его отправили в «ссылку» в Преси-на-Уаз, около Санлиса, в департаменте Уаза (50 км севернее Парижа) — старинную сеньорию его зятя Франсуа д'Ожеранвилль, супруга Терезы Бертье. Здесь собралась достойная компания из бывших королевских гвардейцев. В Преси-на-Уазе Бертье всецело доверяют и единогласно избирают национальным агентом коммуны и директором мастерской по производству селитры, т.е. военного предприятия; позже он становится администратором округа Санлиса и комиссаром по

вопросам материальной помощи родственникам военнослужащих. Удивительно, но факт: политика террора, объявленная Конвентом, совершенно не беспокоила роялистов, и казалось, что о них просто... забыли. Были казнены многие военачальники, знавшие Бертье — Люкнер, Бирон, Кюстин; Лафайет бежал за границу, Келлерман попал в тюрьму — но судьба словно берегла Луи-Александра!

В июле 1794 г. во Франции происходит термидорианский переворот, и в начале 1795 г. Бертье направляет в Париж письмо с просьбой взять его в ряды действующей армии. К тому же Луи-Александра по-прежнему поддерживает Келлерман и представители Конвента в Вандее. Их пожелания удовлетворяют, и 14 марта 1795 г. Бертье назначают бригадным генералом и начальником штаба двух армий — Альпийской и Итальянской под командованием Келлермана. В мае 1795 г. Бертье прибывает к герою Вальми, и Луи-Александра повышают в звании: 13 июня 41-летний бригадный генерал становится дивизионным. Именно он распорядился занять линию Борgetto, сдержавшую наступление противника.

В сентябре 1795 г. Келлермана как командующего Итальянской армии сменил Б.-Л. Шерер, проводивший осторожную политику. Бертье разрабатывает очередной наступательный план, с которым должен был ознакомиться генерал Бонапарт, работавший в военном министерстве. 2 марта на пост командующего Итальянской армией был назначен 26-летний бригадный генерал — Наполеон Бонапарт. Начинается совместная деятельность будущего императора и будущего маршала. Бертье стал одним из первых «итальянских» генералов, кто встретил Бонапарта в пятницу, 25 марта 1796 г.; о чем они говорили с глазу на глаз — неизвестно.

Во время Итальянской кампании, опираясь на личный опыт и опыт предшественников, Бертье организовал штабную службу (которую будет затем совершенствовать), и его принципы останутся на долгое время образцом штабного искусства для европейских армий. До начала XIX в. штаб представлял весьма условное понятие, далеко не в современном смысле слова. Первые штабы появляются во Франции в 80-х гг. XVII в., и в течение долгого периода существуют исключительно во время войны. Во время революционных войн против европейских коалиций штабы получают дальнейшее развитие, но в период наполеоновских кампаний, как ни парадоксально, Генеральный штаб приходит в упадок, поскольку превращается в передатчик распоряжений Наполеона⁵. Пренебрежение к деятельности Генерального штаба со стороны столь незаурядной личности как Наполеон, сыграло злую шутку с Францией во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., одной из причин поражения которой можно назвать недостаточный профессионализм французского Генерального штаба по сравнению с аналогичным учреждением в Пруссии.

Бертье реорганизовал штабную службу при Наполеоне, разделив ее на две части: императорскую штаб-квартиру (императорский двор, штаб императора, топографический кабинет) и административную. Поэтому современный английский военный историк Д. Чандлер, саркастически называя Бертье «героизированным главным писарем»⁶, несколько принижает его заслуги. Согласно Бертье штаб занимается следующими операциями: 1. планирует и контролирует необходимые движения войск (маршруты и графики движения, пункты сосредоточения); 2. организует снабжение войск, налаживает работу госпиталей (полевых и стационарных), трибуналов; 3. занимается разведывательной деятельностью и обеспечивает бесперебойность функционирования коммуникаций армии; 4. обеспечивает деятельность главной квартиры армии: ее перемещение, расположение, снабжение и охрану; 5. проводит топографические работы и снабжает командный состав необходимыми картами⁷. Особенное внимание Наполеон с Бертье придавали пятой, топографической службе, которую во время Итальянских кампаний (1795—1797 гг.) возглавлял брат Бертье — Виктор-Леопольд.

16 флореаля IV года республики (6 мая 1796 г.) Наполеон пишет Директории: «С начала кампании генерал Бертье, начальник штаба, всегда проводит день в бою, ночь — в бюро, соединяя в себе большую активность, желание работать, храбрость и знания». Знаменитый художник и генерал Л.-Ф. Лежен соглашался с Наполеоном, говоря, что если император разрабатывал военные операции, то именно Луи-Александр проводил в жизнь все его планы. Даже недоброжелательный ко всем современникам в своих мемуарах генерал П.-Ш. Тьебо отдавал должное способностям начальника Генерального штаба ⁸.

Бертье не раз смело вставал в первые ряды атакующих. Так, 10 мая 1796 г., после смерти генерала А.-Э. Лагарпа (случайно убитого своими же солдатами), он возглавляет его дивизию. Самым известным подвигом Бертье стала атака на мосту в Лоди 10 мая 1796 г., о которой на следующий день Наполеон сообщает в письме Директории, воздавая похвалу неутомимому начальнику штаба, называя его «самым усердным защитником свободы»: «Неустрасимый Бертье был в этот день артиллеристом, кавалеристом и гренадером» ⁹. За Бертье, одним из первых ворвавшихся на мост под вражеским обстрелом, последовали Ж. Ланн и А. Массена, будущие маршалы империи. После победы при Лоди Франция овладела Ломбардией и укрепила позиции в регионе.

15 мая 1796 г. французы вошли в Милан, где во второй половине мая произошла знаменательная в жизни Бертье встреча с женщиной, которая перевернет всю его жизнь и навсегда останется любимой, но которая, к сожалению, так и не станет его супругой. Речь идет о Джузеппине Висконти, в девичестве — Каркано. Встреча произошла во дворце Сербеллони, во время приема Бонапартом представителей местной знати, желавшей играть в новом государстве первую скрипку. За республику тогда были два человека, исповедовавшие идеи независимости Ломбардии: герцог Сербеллони и герцог Франческо Висконти, маркиз Боргоратто. Висконти были древней миланской фамилией, которые правили Миланом в XIII—XIV веках. На приеме и присутствовала супруга Висконти — Джузеппина.

Любопытно, но 42-летний генерал до того дня не имел супруги, и его любовь к маркизе Боргоратто стала его первой настоящей и искренней любовью! Правда, он стремился завоевать сердце и руку сестры командующего Итальянской армии — Элизы Бонапарт, но здесь его постигло разочарование, поскольку девушка (моложе жениха на 24 года!) предпочла молодого, хотя и безвестного Ф. Баччиоки. Позже, во времена Первой империи, в свете говорили, что в жены Бертье пророчили кузину императрицы Жозефины Ф. Диллон.

Висконти являлась признанной красавицей, в которой сочетались ум и красота. «Действительно, она была чрезвычайно хороша; кажется, я уже и не видывала такой прелестной головы: черты лица нежные, но правильные, и особенно носик — красивее всех женских носов... (...) Сверх того, у нее были зубы как ровные жемчужины, и волосы чрезвычайно черные, всегда прелестно причесанные...» ¹⁰, отмечала герцогиня д'Абрантес. Единственный недостаток ломбардской Венеры состоял в различии длины ее рук и низком крикливом голосе фальцетом. Джузеппине было 36 лет, и Висконти был ее вторым супругом. От первого брака она имела сына Джованни Сопранци, а после смерти супруга, в 1789 г. вышла замуж за Франческо Висконти и родила от него второго мальчика — Альберто. Посредником в связи Луи-Александра и Джузеппины выступил сам Бонапарт, уставший от приставаний миланки и порекомендовавший ее своему начальнику штаба. Впоследствии Наполеон, наверное, не раз жалел об этом, поскольку практически остаток жизни Луи-Александр был подчинен любви к Джузеппине, иногда даже вопреки профессиональным обязанностям. Привязанность Бертье к любовнице станет притчей во языцех парижских салонов, что всегда будет вызывать у Бонапарта сильное раздражение, поскольку он никогда не терпел вмешательства женщин в военные и политические дела. Например, Наполеон был недоволен и маршалом Н.-Ж. де Дье Сультом, который не был хозяином в собственном доме.

17 октября 1797 г. был заключен Кампоформийский договор, по которому Австрия выходила из 1-й коалиции и признавала все французские завоевания. Командующий Итальянской армией поручил известить правительство о договоре лично незаменимому начальнику штаба. Бертье было приятно исполнить поручение, тем более что в Париж в качестве посла отбыл и Висконти с супругой; в столицу они прибыли в ночь с 25 на 26 октября. Бертье устроился в доме у Висконти и стал открыто появляться вместе с любовницей в свете. 1 ноября Директория приняла Бертье в торжественной обстановке. Министр иностранных дел Ш.-М. Талейран не скупился на похвалы Бертье и Итальянской армии.

После окончания войны против Австрии, Наполеон вместе с Бертье стал готовиться к вторжению в Англию, но из Италии приходят плохие известия. 9 декабря 1797 г. Бертье становится во главе Итальянской армии, что не вызвало восторга у Луи-Александра, которого разлучили с Джузеппиной. К началу 1798 г. внутренняя ситуация в Римской республике сложилась взрывоопасная: экономические трудности достигли чрезвычайной остроты. В конце 1797 г. провозгласили о независимости от Папского государства города Анкона, Пезаро и Сенигаллия. Под предлогом случайного убийства в Риме французского генерала Л. Дюфо, Итальянская армия во главе с Бертье двинулась к «вечному городу». 9 февраля 1798 г. Луи-Александр появляется в окрестностях Рима, который капитулирует на следующий день без боя. 15 февраля в городе с помощью французских штыков провозглашается Римская республика по образу и подобию Директории — одна из «республик-сестер». Пока большая часть римлян праздновала очередную годовщину избрания римского папы, 400 «патриотов» водрузили на Капитолии «дерево свободы» и издали «акт, которым римский народ объявляет себя независимым и свободным». Затем было выбрано новое правительство, представители которого известили Бертье о произошедшем. Папа Пий VI был арестован и вывезен во Францию, в бывшем Папском государстве утвердился республиканский календарь, гражданский брак, введена новая, республиканская мода.

После провозглашения республики Бертье пишет Директории о выполнении своей миссии и просьбе прибыть во Францию вследствие слабого здоровья. Не исключено, что Луи-Александр желал поскорее увидеться с бесценной Джузеппиной. Тем временем создается новая Римская армия, во главе которой был поставлен генерал Массена, известный своей страстью к обогащению. 24 февраля в Итальянской и Римской армиях вспыхнул мятеж из-за невыплаты жалованья и перебоев в снабжении; возникла полная анархия. Одной из причин волнений можно назвать пассивность и растерянность Бертье, не проявившего должного характера и пытавшегося заигрывать с войсками.

Покинув Рим, Бертье отбыл во Францию, где ненадолго был избран в Совет Пятисот от департамента Роны. Впрочем, вскоре ему пришлось снова взять в руки шпагу. В начале марта 1798 г. Луи-Александр получает от Директории назначение начальником штаба Английской армии (которую Франция намеревалась отправить в Англию), а 10 мая 1798 г. становится начальником штаба при Бонапарте, который готовил вторжение в Англию, затем — в Египет. Бертье чувствует, что надолго оставит любимую Висконти и просит Бонапарта об отставке. Бонапарт отставку не принял, но отпустил его ненадолго в Милан с приказанием немедленно возвратиться обратно спустя определенное количество дней. Несмотря на страстное желание остаться, Луи-Александр ничего не смог сделать против Бонапарта, не упустившего случая посмеяться над ним, хотя любовь, как трясина, увлекла начальника штаба. В море, на корабле, как и в палатке в пустыне, Бертье проводил часы отдыха в размышлении перед чем-то вроде алтаря в виде портрета возлюбленной. Однако в отличие от Луи-Александра, Джузеппина не страдала от одиночества, принимая знаки внимания (и не только) от молодых и красивых мужчин [«Клятву (о верности. — М.Ч.) она ему дала, но она не имеет цены...»¹¹].

2 июля 1798 г. французский экспедиционный корпус высадился у Александрии. После завоевания Нижнего Египта Наполеон, к которому Луи-Александр неоднократно обращался с просьбой отпустить его во Францию, уступил. В конце января 1799 г. начальник штаба, казалось, уехал, когда вдруг появился в ставке командующего — Бертье оказался настолько привязан к Бонапарту, что не смог оставить его, когда все уже было готово для отъезда, вплоть до фрегата, ожидавшего Луи-Александра на пристани.

В начале 1799 г. началась Сирийская кампания, окончившаяся поражением французов и их возвращением в Египет. Хотя 25 июля французы одержали при Абукире убедительную победу, в связи с неблагоприятной обстановкой вокруг Франции из-за войны со 2-й коалицией, Наполеон принял решение вернуться во Францию. 23 августа 1799 г. на фрегате «Мюиرون» Бонапарт с пятью генералами, в том числе и Бертье, отбывает в «милую Францию».

18 брюмера (9 ноября) Наполеон совершает государственный переворот, и снова рядом с ним Бертье. Преданность начальника штаба вознаграждена — 11 ноября Луи-Александр становится военным министром. Спустя пять дней Бертье представил Первому консулу отчет о состоянии французской армии, находившейся далеко не в лучшем состоянии и активно принялся за ее обустройство. В течение полугода дела армии пришли в порядок благодаря активности военного министра. Он успешно занимался укреплением прибрежных с Англией крепостей, вопросами снабжения армий, приводил в порядок военные финансы, провел реорганизацию инженерных войск¹². 4 апреля 1800 г. Бертье передал свой портфель военного министра знаменитому организатору революционных армий Л. Карно.

Тем временем война против 2-й коалиции продолжалась. Хотя две экспедиции 2-й коалиции в Голландии и Швейцарии против Франции провалились, военная угроза для нее еще существовала в лице австрийских войск в Германии и Италии. Поэтому 19 апреля 1800 г. Бертье становится во главе только что созданной так называемой Резервной армии. Настоящим ее командиром стал Первый консул, поскольку по закону он не имел права возглавлять крупные военные формирования. Бертье уезжает в Дижон, снова оставив в Париже Джузеппину. Много энергии он вложил в дело создания в Лозанне и Женеве новой армии. 20 мая 1800 г. Резервная армия во главе с Бонапартом совершает труднейший переход в Альпийских горах в период таяния снега и спускается на цветущие равнины, застав врасплох австрийского командующего М.Ф. Меласа, ожидавшего французов со стороны Генуи, которую он безуспешно осаждал с апреля.

14 июня произошло знаменитое сражение при Маренго, которое закончилось победой французских войск. Во время сражения Бертье отважно сражался и получил пулевое ранение в руку; на следующий день вел переговоры с Меласом о капитуляции. Как известно, прежде чем стать победой, сражение при Маренго могло превратиться в поражение, поскольку бой начался для французов неожиданно, и в этом вина не только Первого консула, но и отчасти его штаба как организатора разведки. После поражения при Маренго сопротивление австрийцев стало вялым, и 9 февраля 1801 г., после поражения при Гогенлиндене, Вена подписала Люневильский мирный договор.

Война против Австрии еще не закончилась, как Бонапарт отправил Бертье для испытания на дипломатическом поприще, поскольку придавал договору особое значение и желал, чтобы его подписала важная особа государства, в качестве которой и был выбран Бертье. В августе 1800 г. Луи-Александр прибывает в Испанию, где ведет переговоры, подготовленные до него предыдущим французским послом. По Сан-Ильдефонскому мирному договору от 1 октября 1800 г. Испания становилась союзником Франции против Португалии, которую поддерживала Англия, а французские купцы получали важные привилегии. Заключив договор, Бертье через полтора месяца отбыл в

Париж, к Джузеппине, будучи с 8 октября уже военным министром. На этот раз Бертье будет возглавлять министерство до 1 сентября 1807 г., когда он возглавил Генеральный штаб Великой армии.

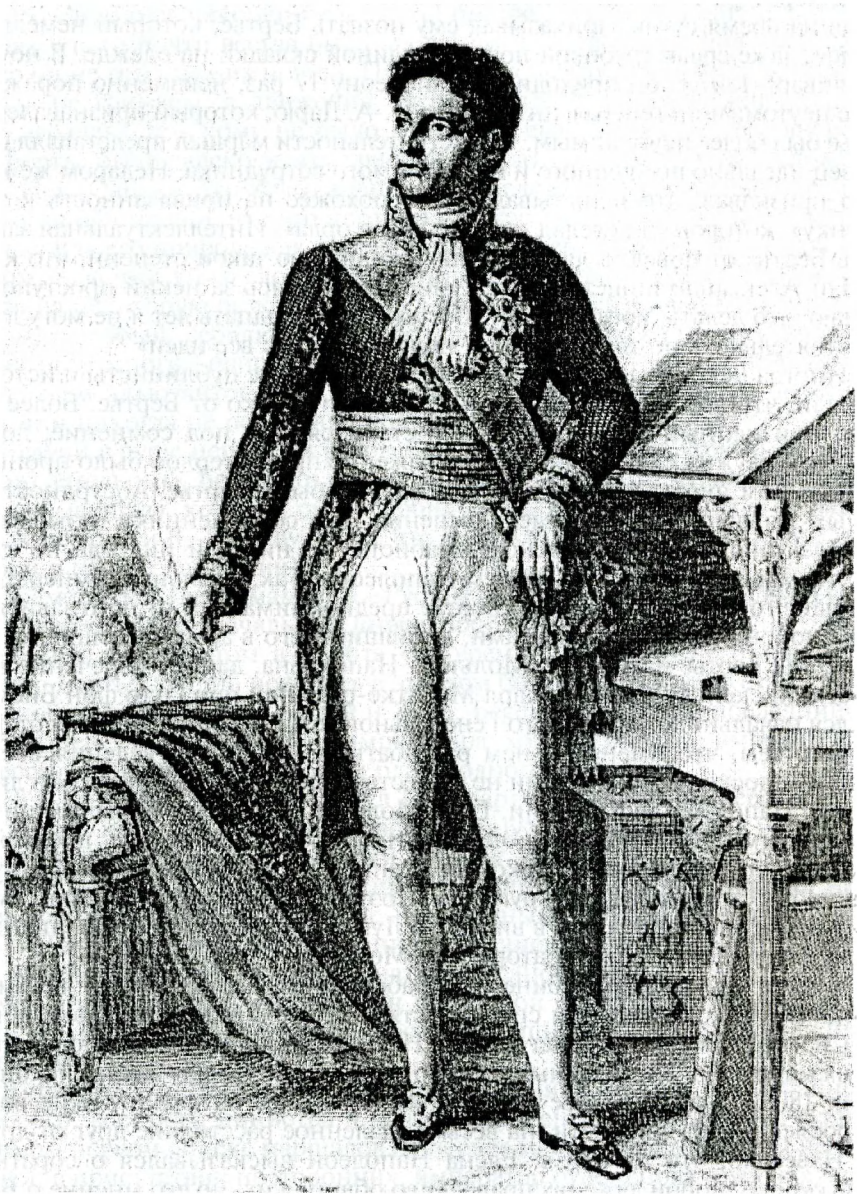
После победы при Маренго в Европе на какое-то время устанавливается мир. Заключив мирные договоры с Австрией и Россией, Наполеон лишил Англию ее континентальных союзников, и Лондон был вынужден пойти на мировую с Парижем — в марте 1802 г. был подписан Амьенский мирный договор на условиях формально компромиссных, но фактически выигранных для Франции. Однако конфликт буржуазной Франции с монархической Европой не был разрешен.

Авторитет Первого консула в глазах французов вырос неимоверно. В стране происходит важное событие — 14 термидора X года республики (2 августа 1802 г.) Сенат объявляет о пожизненном консульстве Наполеона. Бертье наслаждается покоем, участвуя вместе с Джузеппиной во всех торжественных мероприятиях при консульском дворе, чем дает обильную пищу для сплетников и завистников.

Подобные отношения Бертье с замужней женщиной, открытый адюльтер, очень беспокоили Наполеона, ибо он постоянно желал, чтобы его ближайший соратник имел бы законную жену, а Бертье в некотором отношении принижал значимость Первого консула на европейской политической арене. Взаимоотношения Наполеона с Бертье всегда являлись сложными и противоречивыми. Известно много фактов, подтверждающих грубость и даже жестокость императора по отношению к своему верному соратнику и правой руке, но также известно, что практически никто, кроме Бертье, не имел столько должностей и материальных благ от Наполеона. Доходы Луи-Александра являлись самыми высокими среди всех маршалов — полтора миллиона франков в год (которые Луи-Александр тратил весьма щедрой рукой)! Все дело заключалось в том, что Бертье имел характер доверчивый, слабый и тщеславный. К тому же он являлся начальником штаба и всегда находился возле Наполеона, который имел возможность вымещать на нем приступы своего порой необузданного гнева. Так, несмотря на похвалу, которую Наполеон расточал Бертье, например, во время Итальянской кампании, Бонапарт как-то раз в сердцах заявил о начальнике штаба: «Вы же не можете не видеть, что Бертье — это скотина!»¹³.

Когда разрабатывалась идея реставрации монархической формы государства, Талейран (большой любитель злых шуток) убедил Бертье — тогда военного министра — что Первому консулу понравится, если ему посоветуют взять титул короля. Счастливым от мысли, что он сможет польстить любимому тирану, Луи-Александр пробился сквозь ряды придворных и, присоединившись к беседе Наполеона, тут же передал ему все, что слышал от Талейрана. В действительности Бонапарт и слышать ничего не хотел о короле, королевстве и королевской власти, и поэтому, как только будущий император понял, о чем идет речь, он от гнева сделался красным как рак, «ударил Бертье так, что тот отлетел к стене» — дело происходило на глазах всех присутствующих! — и закричал: «Дурак! Кто посоветовал вам так разозлить меня? В следующий раз больше не берите на себя подобные миссии!».

Всю жизнь Бертье опасался гнева императора и старался предупредить его. Из-за лишней предупредительности Луи-Александр иногда попадал в казусные ситуации, и над ним даже смеялись, поскольку он сам давал повод для этого. Недоброжелательный генерал Тьебо рассказывает довольно необычную, но очень забавную историю. Когда в 1805 г. у императора начинает появляться вкус к охоте, Бертье предлагает повелителю поохотиться на зайцев в своем замке. Так как во владениях Луи-Александра имелось все, кроме самих зайцев, маршал купил одну тысячу зверьков и выпустил их в день приезда Наполеона. Охота не успела начаться, как вдруг охотники увидели зайцев, сбегających со всех сторон. Зверьки окружили охотников, и даже атаковали самого императора так, что его лошадь не могла и шагу ступить, не споткнувшись. Оказалось, что при покупке Бертье не догадался уточнить,

где вырастили животных, и купил домашних зверьков. Зайцы, завидев собравшихся людей, бросились к охотникам, поскольку решили, что их хотят покормить. Несмотря на преданность императору, Бертье не был его другом. Однажды Наполеон признался Талейрану: «Я не могу понять, как между мною и Бертье могли установиться отношения, напоминающие некоторую дружбу, поскольку я никогда не самообольщался насчет посредственности Бертье. Я порою даже не знаю, почему он мне нравится. В то же время, в глубине души я не могу не испытывать к нему какой-то благосклонности». Министр иностранных дел дал пронзительный ответ: «Знаете, почему вы его любите? Потому что он верит в вас»¹⁴.

Бертье всегда и при любых обстоятельствах находился при Наполеоне: как во время переездов с места на место во время кампаний в специально созданной для императора карете, так и во время сражений. Невзирая на возраст (так, перед Ваграмским сражением 5—6 июля 1809 г. Бертье было 55

лет, а Наполеону — 40), Луи-Александр всегда и везде рядом с ним. Камердинер императора Констан вспоминает, как Наполеон, работая с картами, невзирая на время суток, приказывал ему позвать Бертье, который немедленно являлся, даже среди глубокой ночи без единой складки на одежде. В ночь с 7 на 8 января 1807 г. он приходил к Наполеону 17 раз, неизменно поражая не менее неугомимого генерал-интенданта П.-А. Дарю, который признавался, что Бертье был более неугомимым. В действительности маршал представлял собой образец идеально послушного и незаменимого сотрудника. Недаром же император признавал, что испытывал что-то похожее на привязанность к этому «гусенку», которого он сделал «чем-то вроде орла». Интеллектуальная зависимость Бертье от повелителя Франции доходила до такой степени, что как-то раз Луи-Александр пишет своему кумиру, извиняясь за некий проступок: «Я не знаю, что делать, когда вас нет. Вот уже четырнадцать лет я не могу думать самостоятельно — до того я привык получать от вас все идеи»¹⁵.

Иногда некоторые отечественные и зарубежные публицисты и историки заявляли, что все победы Наполеона зависели только от Бертье. Более того, всеми признанный гений Наполеона ставился ими под сомнение; доказательством служил следующий факт: сражение при Ватерлоо было проиграно императором якобы потому, что при нем не было Бертье! Абсурдность подобных заявлений не вызывает сомнения. Все современники отзывались о Луи-Александре как прекрасном штабисте, но никто и никогда не ставил таланты маршала вровень с гением Наполеона. Так, ссыльный император на Св. Елене говорил следующее: «Бертье предпринимал все от него зависящее, чтобы покончить с этими слухами, делавшими его в армии смешным»¹⁶.

Когда Бертье называют «Мольтке» Наполеона, данное изречение верно отчасти, поскольку Хельмут Карл Мольтке-старший при Отто фон Бисмарке являлся начальником прусского Генерального штаба, отличавшегося от французского тем, что именно в нем разрабатывались планы ведения военных действий, поскольку в Пруссии не существовало столь многогранной личности, как Наполеон во Франции. Если Мольтке обладал не большими интеллектуальными способностями, чем Бертье, то, в любом случае, превосходил французского «коллегу» по ярко выраженной индивидуальности и по уровню широты стратегического кругозора. Поэтому Бертье можно назвать «Мольтке» Наполеона, имея лишь в виду, что Луи-Александр как начальник штаба всегда находился при императоре, как Мольтке — при Бисмарке.

Будучи прекрасным кабинетным работником, Бертье обладал весьма невысокими полководческими способностями и плохо умел командовать войсками на поле битвы, уступая в этом Нею, Бессьеру, Удино и большинству других маршалов. Характерный пример относится к началу Австрийской кампании 1809 г., когда Бертье необоснованно разместил французские войска, раздробленные на три части, на весьма удаленное расстояние друг от друга.

Известно, что на о. Св. Елена Наполеон высказывался о соратниках очень сурово, порой даже несправедливо обвиняя их, но его мнение о Бертье можно считать верным: «Он обладал большой энергией, следовал за главнокомандующим во всех разведках и объездах войск, не замедляя этим несколько своей штабной работы. Характер имел нерешительный, мало пригодный для командования армией, но обладал всеми качествами начальника штаба. Он хорошо знал карту, очень разумно вел разведывательную часть, лично заботился о рассылке приказаний, умел самые сложные движения армии представлять в докладах ясно и просто». Буриенн соглашается с Наполеоном: «Он совершенно знал расположение всех корпусов, имена их начальников и их силу. Он всегда был готов днем и ночью, и ясно отдавал все приказания... (...) Наконец надобно сказать, что он был хорошим начальником штаба: более сего он и сам не хотел»¹⁷. Наполеон и Бертье удачно дополняли друг друга: первый направлял, второй — исполнял.

Портрет Бертье нам оставила герцогиня Лаура д'Абрантес: «...он был невысок ростом и дурно сложен, хотя не уродлив. Голова его была велика для такого маленького туловища, и покрыта волосами, скорес курчавыми нежели

кудрявыми, цвета не черного и не белокурого; нос, глаза, лоб, подбородок, все это было как должно, но все как-то нехорошо. От природы безобразные руки его сделались наконец ужасны: он беспрестанно грыз ногти, так что на пальцах у него почти всегда была кровь; ноги были у него под стать рукам, только он не грыз на них ногтей. Прибавьте ко всему этому, что он заикался, и делал не гримасы, а движения, столько странные своей живостью, что очень забавлял тех, кому не было нужды до его знатности». По внешнему виду Бертье было далеко до красавца И. Мюрата или атлетически сложенного М. Нея. Однако Луи-Александр «...был человек превосходный, хотя слабый до такой степени, что это портило множество хороших качеств, которыми наделила его природа как добрая мать. (...) Бертье был добрый человек, в полном значении этого слова». Герцогине д'Абрантес вторит Стендаль: «Несмотря на некоторую резкость, он был приятен в обществе». Буриенн добавляет: «Его грубый, себялюбивый и беззаботный характер не восстанавливал против него многих неприятелей, но и не приобретал ему многих друзей». По отзывам адъютантов, на службе Бертье был всегда ровный, вежливый, простой и никогда не оскорблял подчиненных ¹⁸.

Будучи в душе неплохим человеком, и скорее просто угрюмым, чем недоброжелательным, Бертье ни к кому не питал ненависти. Правда, существовали два маршала, которых он не любил — Ж.-Б. Бернадот (за его враждебность к Бертье) и Л.-Н. Даву (за то, что в 1809 г. маршал указал Бертье на его ошибки в начале кампании).

Знаменитый «лейб-мамелюк» Рустам обвинял Луи-Александра в воровстве, утверждая, что начальник штаба Восточной армии взял у него саблю, подаренную Бонапартом в Египте «на время», но так и не отдал ¹⁹. Зная характер Бертье, трудно поверить в это, тем более что тот же Рустам обвинял в незаконном присвоении акций и Ж.-Б. Бессьера, которые последний должен был передать мамелюку от императора, хотя во времена империи именно Бессьера знали как честного и благородного человека.

18 мая 1804 г. Первый консул Бонапарт становится императором Наполеоном I, который учреждал новое Французское государство на осколках монархии и на руинах республики. 19 мая 1804 г. он создал знаменитый маршалат империи. Вопреки распространенному мнению, маршал не являлся военным званием, но и не придворным титулом или должностью. Целью Наполеона являлось создание гражданского, а не военного государства. Маршалы скорее являлись знатными сановниками короны, чем генералами, получившими высший чин в военной иерархии в результате продвижения по службе. Наполеон постоянно подчеркивал гражданский характер титула ²⁰.

В профессиональном плане Наполеон ценил Бертье и не случайно поставил его, военного министра и начальника Генерального штаба, в так называемом первом списке маршалов на первое место. Правда, спустя несколько дней, в присутствии посторонних, император будет снова грубо обращаться с Луи-Александром. 11 июля 1804 г. Наполеон присваивает Бертье титул обер-егермейстера, делает его сенатором, великим сановником, 2 февраля 1805 г. награждает высшей степенью ордена Почетного легиона и ставит во главе 1-й когорты ордена, а 30 августа того же года, в преддверии новой войны против Австрии — начальником штаба Великой армии. Намного позднее, 13 июня 1810 г., после смерти Ж. Ланна, император делает его генерал-полковником швейцарцев (почетная должность при французском дворе, созданная в 1571 г.).

После кампании 1805 г., где Бертье по-прежнему достойно выполняет свои функции и заслуживает высокое доверие у повелителя (именно он согласовывал с К. Макком условия капитуляции австрийских войск при Ульме), 30 марта 1806 г. Наполеон дает Луи-Александру первому среди высших лиц Франции отдельное княжество — Невшательское, в котором, правда, новоявленный князь не может править самостоятельно, поскольку настоящим сувереном практически всего и вся в Европе являлся ее новый власте-

лин — Наполеон I Бонапарт. Полный титул Бертье звучал как князь Невшательский и герцог Валанженский.

Бертье ужасно гордится новым приобретением — теперь у него собственное княжество — общей площадью 700 км² и населением 70 тыс. душ, приносящее 150 тыс. франков ежегодного дохода. Луи-Александр теперь может подписываться именем «Александр», как его «братья-короли»! Внутри своего княжества он чувствовал себя настоящим властелином; в мае 1807 г. создает личную гвардию, отдельный батальон, причисленный к Императорской гвардии и получивший прозвище «канарейки» за желтый цвет униформы. И здесь Луи-Александр желал угодить Наполеону: именно в желтую униформу были одеты так называемые гусары Бонапарта в 1800 г. (специально созданное Первым консулом подразделение из представителей знаменитых дворянских фамилий). Невшательский батальон прославился храбростью, в том числе и в кампании 1812 года. Луи-Александр очень заботился о нем, стараясь беречь от вражеского огня, что вызывало у императора неудовольствие.

Продолжал ли Бертье оставаться маршалом после присвоения ему титула князя Невшательского? Вопрос не праздный. После 1809 г. в ежегодном императорском альманахе имя Бертье как маршала больше не упоминается, наравне с Мюратом (с 1809 г.), Журданом (в 1809—1811 гг.) и Бернадотом (с 1811 г.)²¹. Эти даты не случайны. В июле 1808 г. Мюрат становится королем, в августе 1810 г. Бернадот — наследным принцем Швеции. Остается только Журдан — почему имя этого маршала не значилось в списках альманаха, не совсем ясно.

До победоносной Прусской кампании, летом 1806 г., Наполеон уполномочил Бертье вести переговоры о создании вместо дышавшей на ладан Священной Римской империи Рейнской конфедерации. 12 июля было провозглашено новое государственное образование (в котором его протектором выступил, разумеется, Наполеон), что нанесло большой удар по Австрии, ибо ее императору Францу I Габсбургу (одновременно являвшемуся императором Священной Римской империи под именем Франца II) пришлось сложить с себя полномочия главы этой империи.

Во время кампании 1806—1807 гг. Бертье работает с картами, отдавая приказы войскам, беспрекословно выполняя инструкции Наполеона и подготавливая победы французского оружия. После Тильзита, 9 августа 1807 г. Луи-Александр получает от императора титул вице-коннетабля Франции (вместе с единовременным пожалованием в виде 1 млн франков) и от Александра I в числе пятерых человек (среди которых находился Наполеон) — русский орден Св. Андрея Первозванного. В Тильзите Бертье вновь встречается с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом, с которым виделся в августе 1783 г., когда тот был наследным принцем. После Тильзита Наполеон оставил Луи-Александра во главе армии, отбыв в Париж.

По-прежнему Луи-Александр не был женат, проводя все свободное время с Джузеппиной — они были любовниками в течение десяти лет! — вызывая раздражение у повелителя Европы. 1 апреля 1806 г., после того, как Бертье стал князем Невшательским, Наполеон написал знаменитое письмо, в котором полусурово, полуфамильярно выразил личное пожелание: «Ваша страсть длится очень долго. Она стала смешной, и я имею право надеяться, что тот, кого я называю моим товарищем по оружию, которого потомство будет всегда и везде ставить рядом со мной, не остался бы наедине со своей беспримерной слабостью. Я желаю скорейшего вашего брака, и чтобы я вас больше не видел без жены. Вам пятьдесят лет, но вы из тех, кто живет до восьмидесяти, и в течение этих тридцати лет вы должны наслаждаться самой приятной стороной семейной жизни»²².

Бертье еще сопротивлялся, но тем не менее уступил, поскольку Наполеон предложил ему более чем выгодную партию — племянницу баварского короля Максимилиана I Иосифа Марию Елизавету Баварскую-Биркенфельдскую, настоящую знатную принцессу, принадлежавшую к династии Виттельсбахов, не менее древних, чем французские короли! (К тому же и Джу-

зеппина не возражала против брака любовника.) Ни один маршал империи не мог похвастаться подобной супругой.

В январе 1808 г. будущий тесть маршала, герцог Вильгельм Баварский, лично прибыл к властителю судеб Европы, Наполеону, желая просить у него территориальную компенсацию за потерю герцогства Берг, присоединенного к Франции. На аудиенции император вдруг резко прервал просителя, излагавшего просьбу: «Я выдам вашу дочь замуж за Бертье», — чем поверг отца в глубокое изумление. Таким образом, вопрос о браке был решен. 18 февраля Наполеон пишет баварскому королю: «Князь Невшательский просит у вас руки принцессы Елизаветы, племянницы Вашего Величества. Мне кажется, они согласны»²³. 9 марта 1808 г. в Париже состоялась гражданская свадебная церемония в присутствии только близких родственников; император с императрицей присутствовали на религиозной церемонии, которую проводил кардинал Ж. Феш, дядя Бонапарта. Таким образом Бертье вошел в императорскую фамилию, поскольку его молодая супруга (ей было 23 года, ему — 54) приходилась двоюродной сестрой жене вице-короля Е. Богарне. После свадьбы в парижском свете за Бертье закрепилось прозвище «Бербав» (от словосочетания Бертье Баварский).

Мария Елизавета не была миловидной, но имела красивую фигуру и высокие моральные качества. При дворе княгиня Невшательская стала самой знатной дамой, над которой никто никогда не отваживался подшучивать. Будучи доброжелательной и простой в общении, Марии Елизавете вскоре удалось сделать многих друзьями, восхищавшимися ее тактом и мудростью. В отличие от других маршалш, мадам Бертье всегда с удовольствием присутствовала при дворе, и с радостью встретив падение Наполеона, завоевала при новом дворе высокое положение.

После себя Бертье оставил трех детей — Наполеона (1810—1887); Каролину (1812—1905); Елизавету (1815—1878). Четыре потомка Бертье погибли, сражаясь за Францию. Последним титул князя Ваграмского носил четвертый князь Ваграмский Александр, холостяк, погибший в 1918 г. во время первой мировой войны.

Судьба сыграла злую шутку с Бертье: спустя пятнадцать дней после его свадьбы маркиз Висконти ушел в лучший мир, оставив свободной знаменитую супругу. О чувствах Бертье говорить не приходится. Маршал не стеснялся в выражениях по отношению к покойному, и, дабы исправить несправедливую ошибку судьбы, поселил вдову в соседнем доме около своего дворца. Таким образом началось существование втроем, о чем весь Париж знал до мельчайших подробностей. За отсутствием возможностей устранить соперницу, вначале обе женщины терпели друг друга, а позже между ними установились довольно хорошие отношения. Княгиня запросто играла в вист с маркизой, рассказывавшей о себе многочисленные сплетни (в которых, кстати, не знала недостатка). Личную жизнь троицы иногда прерывали ссоры, ибо потеряв в красоте, стареющая Висконти ничего не потеряла в драчливости. Однако вскоре Джузеппину поразил паралич, и Луи-Александр перестал с ней встречаться, чем воспользовалась Мария Елизавета, а рождение трех детей от жены привнесло в супружество элемент согласия. Тем не менее, Луи-Александр не бросил несчастную женщину и до конца жизни выказывал ей знаки уважения и любви. Кроме того, он обеспечил будущее ее сыновей, особенно ее первенца, Джованни, которого взял с собой в Вену в 1810 году.

В октябре 1808 г. Бертье отбыл вместе с Наполеоном в Испанию, где после захвата власти французами настоятельно требовалось присутствие императора. Не жалуясь на здоровье, 55-летний Бертье мужественно переносит все тяготы кампании в погоне за английскими войсками, в частности, переход через горы Гвадрамы, где свирепствовали ужасные бури и метели. 15 января 1809 г. Наполеон вместе с Бертье возвращается в Париж.

После Австрийской кампании 1809 г. и победы при Ваграме (когда под маршалом убили две лошади) император щедрой рукой раздавал деньги и титулы налево и направо, словно стараясь компенсировать небывалые тяготы этой войны и собственное поражение при Эслинге (Асперне). Так, 31

декабря 1809 г. Бертье получил титул князя Ваграмского, не говоря уже о значительных единовременных денежных субсидиях. Княжеством Ваграмским стал замок Шамбор в долине Луары — почти не тронутый временем памятник начала блестящего расцвета французского Возрождения, построенный в XVI в., в котором проживали короли Франции (чаще всего Людовик XIV), а также польский король Станислав Лещинский, маршал Мориц Саксонский и др. известные персонажи Старого порядка. (В 1821 г. замок был продан вдовой Бертье, а в 1932 г. он стал государственной собственностью.)

Наряду с Шамбором Бертье с 1801 г. владел замком Гробуа, купленном у Ж. Фуше, до которого в нем проживал когда-то «великий фрондер» Ж.-В. Моро и один из директоров Директории П.-Ж. Баррас (сегодня замок принадлежит потомкам Луи-Александра — по крайней мере, принадлежал до середины 80-х гг. XX в.). Именно Гробуа стал «фамильным» поместьем Бертье, как у Даву — Савиньи, у Бессьера — Гриньон, у Ж.-Э. Макдональда — Курсель и т.д. Бертье принадлежал также особняк в Париже на улице Виктуар, 58; другой особняк, на улице Сен-Оноре, 35, купленный в 1806 г., был продан им в 1808 году.

В начале 1810 г. Наполеон оказал Бертье новые знаки доверия: он отправляет Луи-Александра в Вену с необычным и ответственным поручением просить руки Марии Луизы для своего императора. 4 марта Бертье прибыл в столицу Австрии, где на следующий день ему устроили торжественный прием по случаю прибытия. Эта миссия очень понравилась Бертье, поскольку ему нравилось погружаться в атмосферу двора Старого порядка, царившую при венском дворе — что можно было ожидать от человека, чьи корни происходили из низов общества, ставшего в одночасье (пусть даже и по заслугам) ровней дворянам с многовековым происхождением? Тем более он не простой капитан, как в 1783 г., а один из самых приближенных людей повелителя Европы! В этом тщеславии Бертье был похож на выскочек времен революции и империи, которые искренне верили, что свою значимость можно продемонстрировать только показным великолепием, и именно в этом видели искусство быть «настоящими» дворянами Старого порядка. Поэтому не случайно Луи-Александр постоянно старался окружать себя офицерами, принадлежавшими к старинной знати. Неудивительно, что в Вену его сопровождала блестящая свита — адъютант императора генерал граф Ж.-А. Лористон, первый адъютант Бертье полковник А. де Жирарден и полковник де Лагранж; оба имели графское достоинство еще при Людовике XVI.

Как неоднократно отмечалось, церемония и брачный контракт между Наполеоном и Марией Луизой почти дословно был скопирован с аналогичного документа между Людовиком XVI и Марией Антуанеттой (Мария Луиза приходилась ей внучатой племянницей). 1 апреля свадьбу сыграли в Париже.

Бертье наслаждается мирным временем. Он устраивает в замке и парке Гробуа невиданные званые вечера, роскошные праздники и охоту, присущие, как он считал, столь великому в империи сановнику. Он считал себя при новом дворе наследником традиций Версаля. Обязанность «принимать гостей» некоторым маршалам пришлось по вкусу — со времен Консульства Бертье прославился великолепием своих вечеров. 14 июня 1801 г., в годовщину сражения при Маренго, он организовал праздник, от которого присутствующие пришли в полный восторг. Император, любивший костюмированные балы, часто посещал светские празднества у князя Невшательского. Наполеон также ценил охоту в Гробуа, и отправлялся во владения Луи-Александра в сопровождении многочисленной свиты. Дамам приходилось тесниться по несколько человек в одной комнате, чтобы привести себя в порядок и довольствоваться одним маленьким зеркальцем, чтобы причесаться и одеться.

Вместе с императором Бертье участвует в губительной для Великой армии Русской кампании 1812 г., когда его способности некоторые историки ставили под сомнение. Возможно, что так оно и было, поскольку задолго до начала кампании, с 1810 г. Бертье, не отличаясь от других маршалов, стал проявлять признаки усталости и нежелание воевать, и даже в Дрездене, когда армия

шла на восток, пытался отговорить Наполеона от войны против России. Именно к Русской кампании, особенно к ее финалу, относятся грубые высказывания императора о способностях маршала. Советы об осторожности Луи-Александра — часто рассудительные — которые пожилой человек захочет дать завоевателю, не будут приниматься императором всерьез. Каждый раз на многочисленные попытки Бертье остановить ход адской машины войны, Наполеон грубо заявлял маршалу, чтобы он не вмешивался не в свое дело.

Самая серьезная сцена произошла в декабре, когда император принял решение покинуть армию. Бертье узнал об этой страшной тайне в нишей комнатенке Молодечно, где остановился на ночь. Он сразу растерялся только при одной мысли, что останется без своего божества во враждебной стране, вдали от родины. Маршал просил императора взять его с собой, но Наполеон был неумолим: «Вы неблагодарное существо и трус! Я велю расстрелять вас перед всей армией!». В Сморгони Луи-Александр повторил просьбу, однако император продолжал оставаться непреклонным: «Вы должны остаться с Неаполитанским королем. Я хорошо знаю, что вы ничего не стоите, но другие так не думают, и ваше имя имеет еще некоторый вес в армии»²⁴.

Бертье в это время тяжело страдает от болезней, «заработанных» в столь длительных кампаниях, которые проводил без сна день и ночь — ревматизм, ужасные приступы желчного пузыря, подагра; он даже не мог расписываться на бумагах. В таком состоянии Луи-Александр пребывал впервые. Вице-король Италии Евгений Богарне сообщил Наполеону о состоянии Бертье, и 29 января 1813 г. последний получил приказ вернуться в Париж, в который прибыл вечером 9 февраля.

Бертье немного поправил здоровье и снова был готов к работе. Добросовестно исполняя приказание Наполеона, Бертье оказал неоценимую помощь императору при формировании новых воинских контингентов в 1813 и в начале 1814 годов. Луи-Александр по-прежнему не только составляет диспозиции войск и заботится о снабжении войск, но и с саблей в руке сражается за императора, например, 29 января 1814 г. при Бриенне, где его шляпу пронзила казацкая пика.

Несмотря на своеобразное отношение императора к Бертье, преданность маршала Наполеону не вызывала вопросов. Кризис разразился в апреле 1814 г., во время отречения Наполеона, когда Бертье встал на сторону маршалов, которые доверили ему командование остатками армии (правда, чисто номинальное). После отречения Наполеона Бертье покинул бывшего повелителя Европы одним из первых. Немногие историки стараются оправдать его поступок, например, объясняя его отъезд желанием уладить отношения с союзниками и войсками, поскольку он являлся начальником Генерального штаба. Но даже если Луи-Александру тогда в действительности требовалось заниматься первостепенными делами государственной важности, он, по словам экс-императора, мог хотя бы один раз посетить его на Эльбе. Из всех маршалов по-настоящему благородно отнесся к поверженному полководцу и повелителю Европы только Макдональд, кто покинул Наполеона последним, убедившись, что сделал все необходимое в данной ситуации. Однако Наполеон остался очень недовольным отношением к себе со стороны Луи-Александра, хотя сам же и объяснял мотивы его поведения: «Он имел жену, детей, что налагало на него определенные обязанности. (...) Он хотел сохранить свое богатство, оставшись в Париже»²⁵.

Свое присоединение к нарождающейся власти Луи-Александр объявил чрезвычайно помпезно: «Сенаторы! — пишет он. — Армия, по сути своей покорившаяся, не станет ничего обсуждать — она подчинилась новой власти, как только долг позволил ей совершить это. Верная клятва, армия станет верной принцу, которого нация призовет на трон его предков. Я и мой штаб присоединяемся к решениям Сената и временного правительства». Подобные заявления отвечали тогда духу времени. Не менее пафосную речь Бертье произнес, когда в Париж прибыл Людовик XVIII (вместе с которым он въехал в столицу). Тирада начальника Генерального штаба и правой руки «узурпатора» имела отпечаток столь неуместного пыла, что некоторые смущались и опускали головы.

«Сир, — провозгласил Бертье, — после двадцати пяти лет непостоянства и несчастий французский народ снова вручает заботу о своем счастье самой древней, когда-либо существовавшей династии, которой в мировой истории посвящены восемь веков славы. Маршалы Франции как солдаты и граждане старались приложить все усилия, стараясь помочь порыву народной воли. (...) Ваши армии, Сир, маршалы которой составляют ее часть, сегодня счастливы показать преданность и верность по отношению к вам»²⁶.

1 июня Бертье становится капитаном 5-й роты королевских Телохранителей (гардюкоров), через три дня — пэром Франции. Знаки изъяснения признательности заслуг Луи-Александра со стороны короля казались более чем превосходными. Командовать ротой Телохранителей с XVII в. всегда поручалось маршалам Франции. Однако гвардейский отряд всегда состоял из 4-х рот, и только 25 мая 1814 г. появились дополнительно еще две роты — 6-я (под командованием О.-Ф. Мармона) и 5-я. 25 сентября 1814 г. король награждает Бертье командорским крестом Св. Людовика. Теперь Луи-Александр имел 5 французских и 13 иностранных наград (включая американский орден) — больше, чем любой маршал! Тем не менее Бертье пришлось отдать Пруссии любимое княжество Невшательское, хотя и за материальную компенсацию и за право называться князем Невшательским.

Высадка Наполеона в заливе Жуана 1 марта 1815 г. ошеломила бывших маршалов империи, которые, хотя и проявляли недовольство новой властью, но совершенно не желали возвращения бывшего повелителя. Возвращение «узника Эльбы» нанесло большой удар по Бертье, которого королевский двор стал сразу подозревать в том, что он знал о готовящейся высадке «узурпатора», но никого не предупредил. В действительности Луи-Александр не мог знать о предполагаемом бегстве Наполеона, и поэтому все обвинения в свой адрес Бертье принимал близко к сердцу. Хотя он вместе с Макдональдом, Мортье сопровождал короля до франко-бельгийской границы, и даже последовал за сувереном в Гент (оба других маршала остались во Франции), отказавшись присоединиться к «узурпатору», приближенные Людовика XVIII продолжали более чем подозрительно относиться к Бертье. Поэтому 29 марта Луи-Александр прибыл в Бамберг, в Баварию, на родину супруги (которая отправилась туда намного раньше мужа). 2 апреля Луи-Александр обратился к баварскому королю за разрешением отбыть во Францию, но ему было отказано. Вероятно, он стремился не только к императору, но и к любимой Висконти, прикованной параличом к кровати... Более того, за князем Ваграмским местная полиция установила наружное наблюдение, а некоторые горячие головы среди антинаполеоновской коалиции предложили его арестовать из страха, что он снова пойдет на службу к «корсиканскому чудовищу».

По некоторым данным, 10 апреля 1815 г. Бертье был лишен Наполеоном маршальского достоинства (вместе с Мармоном, Виктором, К.-Д. Периньоном, Ожеро и Келлерманом), но не разжалован в дивизионные генералы, как можно было бы подумать. Французский историк Ж. Журкен, детально изучив данную проблему, пришел к выводу: списки исключенных маршалов и приличествующие этому событию документы никогда не печатались ни в «Мониторе», ни в «Законодательном бюллетене» (официальный сборник законов и правительственных актов, впервые изданный в начале 90-х гг. XVIII века). Это исключение просто сообщалось в простом письме военного министра каждому из провинившихся²⁷. Вместе с тем император не раз говорил приближенным, что он ждет князя Ваграмского, о чем бывшему начальнику Генерального штаба сообщал в письмах его брат, Луи-Цезарь-Габриэль.

Несомненно, накануне трагической гибели Бертье оказался в большой психологической ловушке. С одной стороны, на него оказывали большое давление роялисты, не доверявшие ему, с другой — новая власть во Франции, т.е. император, который хотел видеть князя Ваграмского рядом с собой. К тому же здоровье Бертье было далеко не таким, как несколько лет назад, а рядом не оказалось человека, мнением которого Луи-Александр дорожил и к которому мог прислушаться. Несомненно, на расстроенную психику князя

Ваграмского повлиял и арест 30 апреля его супруги, следовавшей во Францию, которую задержали на самой границе под нелепым предлогом. Весьма любопытная сцена произошла на обеде 31 мая, накануне кончины Луи-Александра, у его тестя. Присутствовавший за столом русский генерал Ф.В. Остен-Сакен похвалил Бертье за то, что тот оказался в числе немногих, кто остался верен королю; в ответ Луи-Александр ответил что-то невнятное, оставшись в подавленном состоянии.

Следуя официальной версии, в 12 часов 30 мин. 1 июня 1815 г. Луи-Александр Бертье выпал из окна четвертого этажа своего дома в Бамберге и разбился насмерть, увидев проходившие мимо русские войска, точнее, казаков из корпуса Остен-Сакена. В отчете, составленном по поводу кончины Бертье для баварского правительства, французская гувернантка детей Луи-Александра, мадемуазель Галльен, разговаривавшая с ним за несколько минут до смерти, свидетельствует, что Бертье очень плохо выглядел и, увидев в окне непрерывно движущиеся русские войска, громко произнес: «Когда же это закончится?! Бедная Франция, что же с тобой будет? А я — здесь!». Через несколько минут внизу нашли тело маршала.

Что же произошло в действительности? Скорее всего, этого мы никогда не узнаем. По поводу кончины маршала существует, как правило, несколько версий — от убийства до самоубийства²⁸. Некоторые потомки князя Невшательского, живущие до сих пор, полагают, что их знаменитого предка убили. В защиту своей версии они высказывают следующее: во-первых, подоконник (107 см) был слишком высокий для человека среднего роста, каким был Бертье. Во-вторых, якобы в тот день и час видели каких-то неизвестных в черных масках из Тугендбунда или из других тайных германских организаций — они хотели отомстить Луи-Александру за расстрел в 1809 г. немецкого патриота Штапса, который пытался убить императора. Говорили даже, что Бертье убили роялисты по тайному приказу короля Людовика XVIII. В-третьих, утверждают, что если князь решил покончить свои счеты с жизнью, почему не пытался принять яд, как Наполеон после отречения или почему не попытался застрелиться?

Если принять версию об убийцах из тайных германских организаций (у которых, несомненно, имелись причины для убийства), получается, что они выбрали в качестве жертвы только Бертье, поскольку истории неизвестны другие подобные случаи, связанные с таинственной кончиной того или иного бывшего соратника императора в 1815 г. и позже. К тому же, если принять во внимание свидетельства мадемуазель Галльен, находившейся вместе с Бертье, данная версия вообще не выдерживает никакой критики. Во-вторых, если Наполеон пытался принять яд, это не означает, что его примеру должны следовать и другие. Если Бертье как военный человек не смог застрелиться, это также ни о чем не говорит. В-третьих, высокий подоконник не является препятствием для человека, твердо решившего покончить жизнь самоубийством.

Сторонники случайной смерти приводили другие аргументы: во-первых, существуют медицинские свидетельства о том, что маршал страдал множеством болезней, например, у него расстроенный вестибулярный аппарат. Во-вторых, Бертье незадолго до смерти пребывал в сильной депрессии, выпивая за вечер по три бутылки шампанского. В-третьих, в его семье близкие также умирали в результате несчастного случая. Так, брат Луи-Александра Виктор-Леопольд скончался от эпидемии, заразившись ею в Ганновере; второй брат, Луи-Цезарь-Габриэль, утонул в Невшательском озере, выпав из лодки; их сестра, Тереза, потеряв сознание, упала в очаг и сгорела. Видимо Бертье пал жертвой морального кризиса, близким к помешательству из-за того, что не смог принять правильного решения, отвечавшего его тайным велениям души, и при виде врага, направляющегося к его отечеству, решил добровольно уйти из жизни.

Останки маршала ждала довольно беспокойная судьба. Сначала 5 июня Бертье похоронили в соборе Бамберга, а 20 декабря 1815 г. его прах переместили в замок Банц, владение Вильгельма Баварского. С 1884 г. тело Бертье покоится в склепе королевского замка в Тегернцее, среди останков баварс-

ких королей и принцев. Прямо под окном замка, из которого выпал несчастный маршал, стоит памятник в виде креста с инициалами Луи-Александра «А.В.» и цифрой «1815», годом его смерти.

Внезапная смерть маршала не оставила Марию Елизавету безутешной, ибо она тайно вышла замуж за французского полковника Лерминье. В мае 1849 г. бывшая мадам Бертье в возрасте 65 лет стала жертвой эпидемии холеры. Маркиза Висконти умерла в возрасте 85 лет в полном забвении девятью годами раньше, в апреле 1840 года. Примечательно, что после смерти любимого мужчины женщины поддерживали между собой контакты.

Кончина Бертье стала одной из самых загадочных смертей сановников и офицеров Консульства и Первой империи наряду с самоубийством в 1802 г. генерала Ж.-Ш. Пишегрю. Из жизни ушел самый преданный сподвижник императора, внесший огромный вклад в победы Наполеона и сделавший столько же ошибок. Неслучайно на о. Св. Елены Наполеон, настроенный меланхолически, произнес: «Если бы у меня был Бертье, я никогда не проиграл бы сражения при Ватерлоо».

Думается, Луи-Александр Бертье не мог мечтать о лучшем признании своих заслуг от императора, хотя не забудем, что в последней битве Наполеону не хватало не только его преданного начальника штаба, но и многого другого.

Примечания

1. ВОЕНСКИЙ К.А. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М. 1912, с. 14—18; КУРИЕВ М.М. Маршалы Наполеона: групповой портрет. — *Very Important Person*. М. 1991, № 1, с. 60—63; МАРКС К. Бертье. Собр. соч. Т. 14. М. 1959, с. 95—98; ТРОИЦКИЙ Н.А. Маршалы Наполеона. — *Новая и новейшая история*, 1993, № 5, с. 171—172; ШИКАНОВ В.Н. Созвездие Наполеона. М. 1999.
2. VALYNSEELE J. *Les Maréchaux de Premier Empire*. P. 1957, p. 30—31.
3. ZIESENIS J. *Berthier, frère d'armes de Napoléon*. P. 1985, p. 52—53.
4. *Mémoires de maréchal Berthier*. P. 1827, p. XIV.
5. ГОЛИЦЫН Н.С. Очерки истории Генерального штаба в Западной Европе и в России. Ч. 1. СПб. 1851, с. 129—130.
6. ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 237.
7. ШИКАНОВ В.Н. Ук. соч., с. 161.
8. NAPOLEON. *Correspondance*. Т. 1. P. 1858, p. 238; СОКОЛОВ О.В. Армия Наполеона. СПб. 1999, с. 273—274.
9. NAPOLEON. *Op. cit.*, p. 261.
10. АБРАНТЕС Л. д'. Записки герцогини д'Абрантес. Т. 2. М. 1835, с. 285—286.
11. Там же, с. 286—287.
12. *Dictionnaire Napoléon*. P. 1987, p. 203.
13. БУРИЕНН Л.А. Записки Г. Буриенна. Т. 1, ч. 1. СПб. 1834, с. 178.
14. REMUSAT С.Е. *J. Mémoires*. Т. 1. P. 1880, p. 359—360, 231.
15. CHARDIGNY L. *Les Maréchaux de Napoléon*. P. 1977, p. 96. См. также: MADELIN L. *Histoire du Consulat et d'Empire*. Т. 16. P. 1976, p. 182; СОКОЛОВ О.В. Ук. соч., с. 271.
16. НАПОЛЕОН. Воспоминания и военно-исторические произведения. М. 1991, с. 72.
17. Там же, с. 72; БУРИЕНН Л.А. Ук. соч., с. 179.
18. АБРАНТЕС Л. д'. Ук. соч. Т. 3. М. 1835, с. 304—305; БУРИЕНН Л.А. Ук. соч., с. 179; СТЕНДАЛЬ. *Жизнь Наполеона*. М. 1988, с. 434.
19. РУСТАМ Р. *Моя жизнь рядом с Наполеоном*. Ереван. 1997, с. 41, 60—61.
20. CHARDIGNY L. *Op. cit.*, p. 10—11.
21. JOURQUIN J. *Dictionnaire analytique, statistique et comparé de vingt-six maréchaux de France*. P. 1986, p. 16.
22. NAPOLEON. *Op. cit.* Т. 12. P. 1863, p. 253.
23. DERRECAGAIX V.B. *Le maréchal Berthier*. Т. 2. P. 1905, p. 244.
24. РУСТАМ Р. Ук. соч., с. 131; YOUNG P. *Napoleon's Marshals*. N. Y. 1973, p. 30.
25. CAULAINCOURT A. *Mémoires*. Т. 3. P. 1933, p. 352.
26. DERRECAGAIX V.B. *Op. cit.*, p. 587.
27. CHUQUET A. *Le suicide de Berthier* // CHUQUET A. *Etudes d'histoire*. P. S.a., ser. 5, p. 181; ШИКАНОВ В.Н. Ук. соч., с. 277; JOURQUIN J. *Op. cit.*, p. 16.
28. *Révue des Etudes napoléoniennes*. Т. 1. P. 1936; CHUQUET A. *Op. cit.*, p. 184—189; ZIESENIS J. *Op. cit.*, p. 279—281; DERRECAGAIX V.B. *Op. cit.*, p. 600—602; *Dictionnaire Napoléon*, p. 204; HAYTHORNTHWAITTE Ph. *Napoleon commander (I)*. Oxford. 2001, p. 15; PIGEARD A. *L'Armée de Napoléon*. P. 2000, p. 37; YOUNG P. *Op. cit.*, p. 30; МАРКС К. Ук. соч., с. 98. Одним из первых, обнаруживших труп, был Ансельм Фейербах, немецкий криминалист и отец знаменитого философа Людвиг Фейербаха.

К.И. Глобачев. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения

Г л а в а III

Гауптвахта. — Внутренний режим. — Комендант и караульная служба. — Состав арестованных. — Кронштадтские моряки. — Июльские выступления большевиков. — Следствие по делу выступления большевиков. — Изменение закона о содержании политических арестованных. — Предъявление обвинения в превышении власти. — Освобождение.

Действительно, дня через два или три меня перевели на гауптвахту, устроенную в бывшем помещении штаба Отдельного корпуса жандармов на Фурштатской улице № 40. Арестованные занимали третий этаж дома, где раньше была квартира начальника штаба. Всего здесь было 10 комнат, из которых самая большая была обращена в приемную для свиданий и она же служила столовой; в двух комнатах помещались отдельно А.А. Вырубова и бывший военный министр генерал Беляев, как больные. Остальные семь комнат представляли из себя камеры для арестованных, каждая на 5–6 человек. Режим здесь был весьма легок и условия содержания человеческие. Пища готовилась на арестованных и на караул одинаковая, а потому была вполне доброкачественной.

Средний этаж здания был занят советом металлистов, а нижний — комендантом и караулом.

В должности коменданта состоял молодой прапорщик Наджаров, очень глупый грузин, хваставшийся прочностью своего положения потому, что, по его словам, он был личным адъютантом министра юстиции. Арестованные ему дали за его остроумие и грузинское происхождение кличку «барашка». Его занятия заключались главным образом в спекуляциях лошаадьми и продовольтствием, и видно, что по этой части он был не промах. Подозрения о его денежной нечистоплотности впоследствии блестяще оправдались — за злоупотребления по службе и кражу 35 тыс. рублей из денежного ящика бывшего Отдельного корпуса жандармов, порученного его охране, он был арестован и заключен в тюрьму, а на его место был назначен другой комендант.

Караульная служба неслась из рук вон плохо и небрежно. Один часовой (наружный) стоял у подъезда, а другой (внутренний) в столовой. Во время прогулки по двору часовых не выставляли. Двор одной стороной выходил на

Воскресенский проспект и отделялся от него не особенно высоким деревянным забором, у которого были сложены заготовленные на зиму дрова. Внутренний часовой часто оставлял свою винтовку в углу комнаты, а сам уходил; ночью же винтовка всегда стояла в углу, а часовой спал на клеенчатой кушетке. При такой постановке караульной службы, да если еще прибавить к тому, что проверка наличности арестованных почти не производилась, бежать можно было совершенно свободно, и нужно только удивляться, что этого ни разу не случилось.

Состав арестованных здесь был, если можно так выразиться, привилегированный: главным образом офицеры и чиновники. Много было переведенных из других мест заключения, которым, как и мне, нашли возможным облегчить режим. Так, здесь я встретил генерала Хабалова, генерала Беляева, А.А. Вырубову, генерала Комиссарова, бывшего министра юстиции Добровольского, доктора Дубровина, градоначальника генерала Балка, генерала Вендорфа и др. Кроме того почти ежедневно сюда доставляли новых арестованных, как из других мест заключения, так и с воли.

В начале июня почти всех чинов полиции и Отдельного корпуса жандармов освободили, и потому в камерах оказалось много свободных мест. Но вскоре начались народные суды над кронштадтскими моряками, и гауптвахта стала опять заполняться новыми клиентами, большей частью морскими офицерами из Кронштадта. В общем было доставлено оттуда до ста человек, которых разместили по 12-15 человек в каждой комнате. Обвинения им были предъявлены самые нелепые: одни обвинялись в том, что были слишком строги к матросам, другие в том, что слишком много времени посвящали обучению матросов. Был, например, один мичман, который отсидел в тюрьме четыре месяца только за то, что когда узнал о назначении Гучкова морским министром, то позволил себе сказать: «Ну какой же он моряк, море видел он, вероятно, только во сне». В течение июня всех морских офицеров постепенно поосвобождали.

В начале июля арестованным пришлось пережить довольно жуткие дни, а именно, 3—5 июля — во время выступления большевиков. С раннего утра 3 июля по Фурштатской улице к Таврическому дворцу началось движение настроенных большевистски войсковых частей и толп вооруженных рабочих. Все это проходило мимо окон нашего дома, и мы имели возможность наблюдать движение. По общему виду движущихся в полной тишине заметно было их сильное волнение, неуверенность и даже трусость, подбадривающая себя кричащими плакатами и чрезмерным вооружением; казалось, достаточно одного-двух выстрелов, чтобы все это воинство побегало. Но этого не случилось, движение продолжалось, медленное, опасливое, с оглядкой на окна и двери проходимых домов, с винтовками наперевес. К вечеру началось большее оживление, сопровождавшееся движением броневиков, ружейной перестрелкой и отдаленной трескотней пулеметов.

Наш комендант совершенно растерялся и на вопросы арестованных, в чем дело, ответил, что готовится переворот и он не рассчитывает на подчиненный ему караул, настроенный большевистски. Мы поняли, что он бросит нас на произвол судьбы и сам сбежит или перейдет вместе с караулом на сторону большевиков. Весь день 4 июля продолжалось весьма тревожное состояние и комендант не показывался. 5 июля, по-видимому, все кончилось, комендант вновь появился у нас и заявил, что большевики ликвидированы. Действительно, в тот же день на гауптвахту доставлено было несколько новых арестованных большевиков и посажено в отдельную комнату. Они держали себя обособленно, но на расспросы охотно отвечали и старались агитировать других арестованных. По прошествии нескольких дней все они были освобождены.

После большевистского выступления Временным правительством была создана особая чрезвычайная комиссия для обследования этого выступления. В начале августа ко мне явился судебный следователь из этой комиссии с целью допроса в качестве свидетеля по этому делу. Вполне понятно, что я выразил ему мое полное недоумение по этому поводу, как я могу быть свиде-

телем заговора большевиков, когда содержусь уже пять месяцев под стражей. Оказывается, что Керенский и вся его клика решили придать выступлению большевиков характер контрреволюции, связав его с бывшим царским правительством и монархическими кругами, которых, кстати сказать, в то время и не было. Между прочим мне был задан вопрос, правда ли, что Ленин был секретным сотрудником Охранного отделения, на что я ответил, что, к сожалению, он таковым не был. Последовал второй вопрос: «А ведь Ленин во время войны приезжал в Петербург и виделся с вами». На это я ответил, что если б Ленин приехал, то, конечно, был бы арестован, тем более что во время войны только большевики проявляли кое-какую жизненность, чего нельзя сказать о других революционных партиях. Тогда последовал вопрос: «Если Ленин не был сотрудником Охранного отделения, то, может быть, он был сотрудником Департамента полиции?». На это я ответил, что может быть — сотрудником Департамента полиции мне неизвестны; но я лично не думаю, чтобы Ленин был таковым.

Этот следователь впоследствии неоднократно возвращался к тем же вопросам и вызывал меня в комиссию даже после моего освобождения из-под стражи, проявляя особый интерес к пораженческому движению среди рабочих и наших политических эмигрантских групп во время войны. Комиссия никаких решений по делу выступления большевиков 3—5 июля так и не вынесла, так как действия ее сами собой прекратились вместе с октябрьским переворотом.

Ввиду настойчивых требований со стороны арестованных о предъявлении им обвинений и объяснении причин содержания под стражей министр юстиции Переверзев придумал новый закон о «внесудебных арестах», который был скопирован главным образом с старого положения 1881 г. о Государственной охране, но с весьма неудачными добавлениями и поправками. Трудно вообще было сообразить, к кому этот закон может быть применим и в каких случаях. Выходило так, что этот закон издан исключительно чтобы оправдать Временное правительство в незаконном содержании под стражей тех лиц, коим невозможно было предъявить каких-либо обвинений, но коих правительство считало своими врагами. Это и подтвердилось немедленно по обнародовании этого закона. Многим арестованным сейчас же была назначена высшая мера наказания — три месяца содержания в тюрьме, без зачета того времени, которое было проведено под стражей до издания закона.

Я под этот закон не попал; очевидно, мое преступление считалось более тяжким, а потому прокурором Петроградской судебной палаты Каринским было предписано судебному следователю по особо важным делам Ставровскому привлечь меня к судебной ответственности по 2 ч. 342 ст. Уложения о наказаниях, то есть по обвинению в превышении или бездействии власти. Сущность обвинения заключалась в том, что я якобы незаконно пользовался услугами секретных сотрудников, или, как их теперь называли, «провокаторов». В виде материала было приложено два номера «Вестника Временного правительства», в которых было поименовано 152 разоблаченных сотрудника. Судебный следователь Ставровский, получивший вышеупомянутый материал, состава преступления не нашел, о чем мне объявил и попросил меня дать по этому вопросу свидетельское показание, что и было мною исполнено. Я показал, что вел борьбу с революционным движением по долгу службы и в этой борьбе как средством пользовался секретной агентурой, что несколько не противоречит закону и, кроме того, этот метод работы правительством был введен в систему повсеместно уже десятки лет тому назад. Затем, если б я не пользовался секретной агентурой, то есть не имел секретных сотрудников, то действительно мог бы обвиняться в преступлении, предусмотренном 2 ч. 342 ст. Уложения о наказаниях, то есть в бездействии власти. На этом Ставровский закончил следствие, составив постановление о прекращении дела и освобождении меня из-под стражи.

Через день, на основании предложения судебного следователя Ставровского коменданту гауптвахты, я был освобожден. Но мое освобождение, как я

потом узнал, вызвало сильное неудовольствие Каринского и Переверзева, и Ставровский, отказавшийся меня обвинять, вынужден был выйти в отставку.

Итак, пробывши почти полгода в заключении, я вновь очутился на свободе.

Г л а в а IV

Устройство личных дел. — Зачисление в резерв чинов штаба Петроградского военного округа. — Углубление революции. — Анархия. — Наружный вид Петрограда. — Большевики. — Настроения обывателя. — Саботаж. — Штаб Округа. — Ликвидация резерва. — Действия центральной власти. — Учреждение Чека. — Первоначальная система работы. — Офицерство. — Контрреволюционные восстания. — Убийство Урицкого. — Повальные обыски и аресты. — Тяга на юг России и Украину. — Мое бегство в Киев.

Первым делом было устроить свои личные дела, на что пришлось потратить недели две. От бывшей моей квартиры ничего не осталось. Все вещи, до самых мелочей, были разграблены и разворованы, а чего нельзя было унести из-за громоздкости, то было разбито, испорчено, изгажено и обращено было в пользу караула, занимавшего мою бывшую квартиру. Пришлось устраиваться кое-как заново.

Ввиду того, что я никакими приказами Временного правительства увольняемым со службы не был, я зачислился в резерв штаба Петроградского военного округа, где мне пришлось пробыть до декабря 1917 г., когда весь резерв большевиками был упразднен и все чины его за переходом предельного возраста (по точному выражению приказа) были уволены от военной службы.

Жалкое зрелище представлял из себя некогда блестящий и строгий штаб Петроградского военного округа. Личный состав служащих, особенно писарей и мелких чиновников, обнаглел до последней степени. Порядка и дисциплины никакой; каждый, кто хотел, особенно из солдат или лиц гражданских, входил куда угодно без доклада, лазил в шкафы, рассматривал даже самую секретную переписку — без малейшего сопротивления чинов штаба. Генералы и штаб-офицеры третировались писарями без стеснения. Особенно одиозное отношение было к чинам резерва из бывших жандармских и полицейских офицеров. Начальство штаба и сам начальник штаба генерал Багратуни были всецело в руках различных депутатов от разных совдепов и не могли проявить не только инициативы, но даже отдать приказание в пределах предоставленной им законом власти. Ежедневно в штаб толкались сотни народа, из которых значительная часть не имела никакого отношения к военному сословию; это были большей частью какие-то авантюристы, ораторы и агитаторы. Штаб сплошь рядом представлял из себя митинговый клуб. У каждого из высших начальников в кабинете сидел ассистент — солдат-депутат из совдепа.

Численность чинов резерва при штабе была до 5000 человек, абсолютно ничего не делающих, но получающих содержание. Такая значительная цифра резерва объяснялась разложением фронта и бегством командного состава в тыл. Временное правительство что-то хотело сделать, чтобы избавиться от этого нароста не только в Петрограде, но и в других тыловых военных округах, но так ничего в этом отношении и не придумало.

В это время я ничем не занимался и только со стороны наблюдал за настроением населения и той работой, которую вели большевики, чтобы окончательно свалить неспособное к управлению страной правительство Керенского.

Лозунг, провозглашенный Керенским, — «углублять революцию» — как нельзя больше способствовал этому, и результаты углубления революции сказались очень скоро налицо. Правительство окончательно разложило весь административный аппарат и армию, не создав ровно ничего взамен, а в то

же время большевики работали с необыкновенной энергией, открывая подонкам населения новые перспективы свобод, то есть полную безответственность в проявлении грабительских инстинктов и заманчивых обещаний принять участие в управлении страной. Работа эта облегчалась большевикам тем, что они были вкраплены во все правительственные учреждения, а главным образом имели большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов — учреждении, висевшем тяжелым камнем на шее Временного правительства. Идейные главари большевизма, которые после июльского выступления были освобождены Керенским из тюрем, ибо ему не позволяла его социалистическая совесть содержать под стражей братьев по духу, скрылись в подполье и руководили оттуда всей подготовкой Октябрьского переворота.

Весь сентябрь и октябрь, в сущности, в Петрограде царил анархия. Уголовщина увеличилась до невозможных размеров. Ежедневно наблюдались грабежи и убийства, не только ночью, но и среди бела дня. Обыватель не мог быть спокоен за безопасность своей жизни. Население, видя, что помощи от существующей номинально власти ожидать нельзя, стало организовываться само. Образовались домовые охраны или обороны на случай нападения на дома грабителей. В каждом доме на ночь выставлялись вооруженные посты. Но и это не помогало, так как грабежи не уменьшались. Внешний вид города был ужасный: Невский проспект представлял из себя грязное огромное торжище; торговал кто чем хотел. Главным образом улицы были заполнены торгующими и жующими семечки солдатами. Все красивые здания — памятники, дворцы — были залеплены плакатами и афишами. Улицы не чистились месяцами. Если ко всему этому прибавить постоянные ружейные выстрелы, раздающиеся то здесь, то там, и пугливо шарахающиеся толпы митингующего на улицах народа, то это будет правдивая картина Петрограда того времени.

Была один момент у обывателя надежда избавиться от грядущего наступления большевизма — это выступление Корнилова. Все думали, что Керенский поймет опасность, грозящую стране, и пойдет рука об руку с Корниловым против большевиков, но надежда эта не осуществилась. Керенский предал Корнилова и тем самым ускорил как гибель России, так и собственное падение.

24 октября по старому стилю свершился переворот. Правительство Керенского пало; власть взяла в руки партия большевиков под наименованием рабоче-крестьянского правительства.

Я не буду описывать подробностей свершившегося переворота, так как мог его наблюдать только со стороны, но скажу только, что он произошел легче и безболезненнее, чем Февральский. Один день, и дело было, в сущности, кончено. Для меня лично в то время, по существу, решительно все равно было, правит ли Россией Керенский или Ленин. Но если рассматривать этот вопрос с точки зрения обывательской, то я должен сказать, что на первых порах новый режим принес обывателю значительное облегчение, которое заключалось в том, что новая власть своими решительными действиями против грабителей поставила в более сносные условия жизнь и имущество обывателя. Но, должен оговориться, это было только на первых порах, пока еще не разгорелась сильная борьба нового правительства с саботажем буржуазии, вызванным партией социалистов-революционеров и кадетов.

Русский народ (и даже интеллигентная его часть) до революции совершенно не разбиралась в целях и задачах социалистических партий; можно сказать, что русский народ в общей своей массе был совершенно политически не образован. Как он не знал Керенских, Черновых, Авксентьевых и др., так он не знал и Лениных, Троцких, Нахамесов и пр., и казалось, что ему совершенно безразлично, кто будет править Россией после монарха — Керенский или Ленин. Поэтому он должен бы был отнестись к Октябрьскому перевороту так же, как и к Февральскому, то есть подчиниться свершившемуся факту, тем более что в первые дни захвата власти большевики сделали меньше ломки в области управления и общественном укладе жизни, чем то

было сделано Временным правительством. Почему же несмотря на то, что после Октябрьского переворота обыватель как бы вздохнул после кошмарного последнего периода правления Керенского, со стороны того же самого обывателя выявилось такое оппозиционное отношение к новой власти Ленина, особенно со стороны интеллигенции и чиновничества? Да потому, что народ, и особенно интеллигентная его часть, были втянуты в сферу партийной борьбы социалистов-революционеров и кадетов с большевиками. Временное правительство было с самых первых дней своего существования под постоянной угрозой большевистского удара и, не имея ни воли, ни желания ликвидировать эту опасность самыми решительными мерами, только раздувало ее в общественном мнении, запугивая общество на словах и в печати, как это делают няньки с маленькими детьми, пугая их всевозможными страхами и чертовщиной. После неудачного июльского выступления большевиков и предательства Керенским Корнилова несознательный обыватель уже считал большевиков чем-то неотразимо ужасным. Вот почему после Октябрьского переворота чиновник, интеллигент и даже известная категория рабочих охотно пошли на саботаж новой власти, подстрекаемые агитацией и посулами партий социалистов-революционеров и кадетов.

Новая власть на первых порах благодаря этому была поставлена в весьма тяжелые условия. Поставив на все ответственные места во всех учреждениях своих комиссаров, она сразу лишилась массы чиновников и служащих, благодаря чему правительственные учреждения, особенно центральные, перестали правильно функционировать. Большевикам пришлось брать на службу кого попало, без всяких специальных знаний и опыта, лишь бы административный аппарат кое-как действовал. Центральный орган новой власти издавал декрет за декретом, но проводить их в жизнь было чрезвычайно трудно из-за расстройств исполнительного аппарата и саботажа личного состава.

Партия социалистов-революционеров, руководившая главным образом этой забастовкой и саботажем служащего элемента, нанесла сильный удар по советской власти. Ею были организованы особые комитеты, руководившие действиями забастовщиков и поддерживавшие их материально. Социалисты-революционеры полагали покончить таким образом с новой властью в два-три месяца. Но оказалось, что это не так легко. Удар, нанесенный большевикам, вызвал с их стороны сильный отпор в виде ряда репрессивных мер, с чего и началась ожесточенная партийная борьба, в орбиту которой были втянуты и непартийные элементы, главным образом офицерство. Народ относился к этому безучастно и если принимал участие в дальнейших перипетиях гражданской войны на той или другой стороне, то только по принуждению.

У саботажных и забастовочных комитетов для поддержки бастующих чиновников хватило денег лишь только на полтора месяца, после чего они были брошены на произвол судьбы, и многие из них принуждены были вновь проситься на службу к той власти, которую они бойкотировали.

В штабе Петроградского военного округа на первых порах не произошло каких-либо крупных изменений; правда, начальник штаба и высшие чины исчезли и были заменены большевиками, но низшие служащие остались все на своих местах. Отношение этих последних к чинам резерва и публике как-то резко изменилось: все стали необыкновенно вежливы, ровны в отношении всех и даже, скажу, справедливы. Видно было, что перемена в верхах их сильно пришибла и запугала. Со стороны нового высшего начальства заметно было полное недоверие ко всем кадровым офицерам, причем никакого различия между полицией, жандармами, гвардией, армией, не делалось, и даже скажу, что строевое офицерство пользовалось менее всего доверием в глазах большевиков. В ноябре уже началась гражданская война на юге России, и офицерство, оставшееся вследствие полного разложения фронта не у дел, потерявшее благодаря большевистским декретам все свои права, естественно тянуло на юг к Корнилову, где офицерское достоинство и звание уважалось.

С чинами резерва большевики покончили очень скоро. Сначала все чины резерва были лишены содержания и оставлены только на солдатском пайке, а в декабре резерв был расформирован, причем все чины его были уволены совершенно от службы и обращены в обыкновенных граждан Советской республики.

С этого времени и почти до сентября 1918 г., когда мне пришлось бежать из Петрограда на Украину, я уже никакого отношения ни к одному правительственному учреждению не имел и был простым зрителем того, что происходило. Я не буду описывать того, что каждому известно, из процесса разрушительной работы большевиков во всех отраслях управления и укладе общественной жизни, но я поделюсь с читателем моими взглядами на некоторые события в процессе этой разрушительной работы.

Советская власть, как я говорил уже, приняла бразды правления от социалистов при весьма тяжелых условиях. Бандитизм, налеты, грабеж среди дня, обычные явления того времени, даже при власти большевиков были недопустимы, если это не делалось во имя правящей партии. Между тем многое творилось под флагом разных тайных политических организаций, еще более крайнего направления, нежели стоящая у власти партия большевиков. Особенно развили в это время свою боевую работу группы анархистов-коммунистов. И вот Ленин прибегает к весьма разумному шагу с точки зрения партийной эволюции, он объявляет партию социал-демократов большевиков партией коммунистов, а советскую власть коммунистической. Акт, казалось бы, мало значащий с точки зрения обывательской, но приведший к весьма благим результатам. Этим актом Ленин поглотил все анархо-коммунистические группы и парализовал пропаганду более крайних политических течений, ибо левее некуда было идти. И действительно, с этого времени анархические группы как политические организации исчезают. А между тем, если б за год перед тем кто-либо из партии большевиков заикнулся бы о коммуне, Ленин его объявил бы чуть ли не изменником и ренегатом. Оградив себя таким образом слева, нужно было поставить барьеры и справа, то есть поразить своего самого страшного врага — эсеров и кадетов, которые еще были очень сильны: поднимали то здесь, то там восстания, стараясь вернуть себе потерянную власть. С монархическими организациями большевики почти не считались, так как они были малочисленны и действовали пассивно, так сказать, платонически. Так вот, для парализации этой опасности справа учреждается Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Регламентирована она была как государственный аппарат для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, то есть розыскной политически-уголовный орган, вылившийся впоследствии в карательно-судебный орган и даже просто в застенки. Все провинциальные отделы этого центрального органа имели те же задачи, получали директивы и инструкции из центра и именовались Чека. На первых порах своего создания Чека как розыскные органы были весьма неудовлетворительны, так как, с одной стороны, личный состав их был случайный, из малонадежного элемента, без специальных знаний и опыта, а с другой стороны, техника работы весьма хромала. Вся работа держалась на системе подкупов из противного лагеря, предательстве и самой грубой провокации. И все-таки, несмотря на все это, результаты работы Чека оправдывали их существование. Заговоры и попытки к восстаниям раскрывались один за другим и ликвидировались. Советское правительство тратило на эту борьбу деньги не считая. Оно отлично понимало, что там, где вопрос касается сохранения своей власти и борьбы с внутренним врагом, деньги являются могущественным средством.

Я в это время работал по информации в одной из тайных организаций и имел свою агентуру в некоторых учреждениях советской власти, в том числе и в Петроградской Чека, и знаю, что многие тайные организации, особенно офицерские, были ликвидированы путем внедрения в них советских агентов, в свое время уважаемых кадровых офицеров, соблазненных крупным денежным подкупом. Но наряду с этими предателями во многие учреждения проникали в

качестве служащих агенты белого движения, приносившие колоссальную пользу контрреволюционным организациям, и власть от них очистилась значительно позже, когда системой массового террора была почти совсем парализована контрреволюционная работа. Но все-таки, даже в самые тяжелые моменты этого террора, в разгар гражданской войны, связь белого фронта с подпольными контрреволюционными организациями в тылу большевиков существовала.

В среде офицерства, выброшенного на улицу, в это время начинает выработываться весьма недостойный тип агента политического и уголовного розыска, который, в большинстве случаев не имея под собой никакой идейной подкладки, является просто профессией. Впоследствии этот тип перерабатывается в контрразведчика для белого движения и чекиста — для красного. Многим из такого рода агентов полная беспринципность позволяет в равной степени служить обеим сторонам и продавать ту, которая в данный момент менее опасна и выгодна. Это так называемые дублеры. Таким образом создались целые контингенты офицеров-контрразведчиков, которые своим поведением только позорили контрразведывательные органы белого движения во время гражданской войны.

Гонения против офицеров начались летом 1918 г., когда офицерство стало принимать участие в заговорах и восстаниях эсеров, руководимых Савинковым. Этот последний сумел увлечь за собой не только несознательное офицерство, но даже некоторые монархические элементы, обещая им идти даже во имя монархии, лишь бы свергнуть большевиков. После неудачного ярославского восстания, поднятого Савинковым, советская власть поняла, что все кадровое офицерство является тем материалом, на котором базируются силы эсеров, и что это офицерство настроено к ней так же враждебно, как и то, которое открыто выступает на Юге России под началом Корнилова, а потому советская власть решила одним ударом покончить с этой внутренней опасностью. Начались, сначала в столицах, а потом и в провинциальных городах, регистрации офицеров и массовые их аресты. Арестованных частью расстреливали, а частью рассаживали по тюрьмам, но смертные казни пока еще не носили массового характера. Только после покушения на Ленина и убийства председателя петроградской Чеки Урицкого начался массовый террор, принята система заложников и убийства без суда. В равной степени террор был направлен и против буржуазии вообще, которую советская власть рассматривала, как не менее серьезного врага своему существованию. Словом, начались преследования и истребление интеллигенции.

Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину. Оставаться в советской России человеку, не признающему власти, почти не было возможным. Кроме того, и другая причина заставляла здравомыслящего бежать из советской России — это надвигающийся голод.

Декреты о национализации, социализации, ограничение торговли, а затем почти полное ее прекращение поставили обывателя в такое положение, что даже если у него и были деньги, он должен был голодать или идти на советскую службу, где получал пищевой паек. Был установлен принцип, что имеет право на существование только тот, который приносит свой труд на пользу Рабоче-крестьянской республики. Все остальные поставлены были

почти вне закона и должны были так или иначе погибнуть. И вот началось почти повальное бегство интеллигенции на юг России. Но и тут большевики, не желая усиливать ряды белого движения, постарались всеми мерами затруднить выезд из столиц. Кто желал выехать на Украину, должен был доказать свое украинское происхождение, что было чрезвычайно затруднительно, так как не каждому удалось сохранить нужные документы, да кроме того, на это уходило очень много времени. Выезд из столиц, помимо этого, требовал представления различного рода удостоверений от разных советских учреждений, и от Чека в особенности. Понятно, что при таких условиях только незначительный процент после долгих мытарств выезжал легальным образом, а большинство — с фальшивыми документами или совсем без документов.

Словом, система массового террора и экономические условия сделали то, что всё более энергичное, не признающее советской власти и желающее с ней бороться бежало, другая часть была расстреляна или сидела по тюрьмам в ожидании того или другого конца, и таким образом советская власть так или иначе очистила свои владения, как она выражалась, от контрреволюционных банд.

Я лично на легальный способ выезда из Петрограда не рассчитывал, хотя и имел право, как екатеринославский уроженец, на украинское подданство; это было и долго, и могло повлечь к задержанию в пути, несмотря на всю законность документов, что со многими и случалось. В общем, у меня, кроме удостоверения об увольнении из резерва штаба Петроградского военного округа на мою собственную фамилию и удостоверения на чужую фамилию о командировке, якобы с секретным поручением от Центральной следственной комиссии, в город Оршу, других документов не было. Последний документ мне удалось получить благодаря связи с председателем этого учреждения, тайно работавшим в пользу белых; но я решил этого документа не предъявлять без крайней нужды, так как опасался, что не сыграю достаточно удачно в таком случае свою роль; лучше было избежать вообще предъявления каких-либо документов в пути. Выехал я из Петрограда как-то случайно, благодаря тому, что мне удалось перекупить железнодорожный билет у одного молодого человека в Оршу, полученный им по всем правилам, установленным советской властью для выезжающих из Петрограда. Хотя я устроился в коридоре спального вагона Международного общества [спальных вагонов], где было еще около 20 пассажиров, но это было даже в мою пользу, ибо вещей у меня не было и я легче мог избежать контроля. И действительно, пока поезд дошел до Орши, за это время контроль документов и осмотр вещей производился по крайней мере 10 раз — какими-то вооруженными до зубов мальчишками — самым тщательным образом. Благодаря тому, что я вещей не имел и определенного места не занимал, мне путем разных уловок удалось избежать этой неприятности, и я совершенно спокойно высадился из поезда в Орше.

Граница советской России с Украиной проходила между пассажирской станцией Орша (советская) и товарной станцией (украинская). Нужно было изыскать способ пробраться безболезненно через границу, на что пришлось потратить два дня. По установленным большевиками правилам, для того, чтобы перейти границу, нужно было иметь от местного совдепа удостоверение о неимении с его стороны препятствия. Такое удостоверение получить было возможно, хотя бы под предлогом лечения на Юге России, заплатив кому следует приличную сумму денег. Но на этот риск я пойти не мог, так как в процессе получения этого документа нужно было явиться лично и в местную ЧК, где, безусловно, потребовали бы мои документы, а может быть и опознали бы в лицо. Поэтому я занялся рекогносцировкой местности пропускного пункта и в течение целого дня изучал технику пропуска через границу на месте. Обследовав достаточным образом всю эту процедуру, я явился очень рано, за час по крайней мере до начала пропуска на таможенную, расположенную у самого пропускного пункта, охраняемого весьма солидно часовыми, и попросил одного из чиновников таможни пропустить меня не за

границу, а только в украинскую будку, расположенную шагах в 300 за таможенной на советской стороне у самой колючей проволоки, идущей вдоль границы. С меня потребовали удостоверение совдепа, но я объяснил, что еще границу переходить не собираюсь, так как вещи мои, нагруженные на подводе, ожидают очереди для осмотра на шоссе, и что я сейчас же вернусь для этой цели в таможню, как только наведу необходимую якобы мне справку в украинской будке. После некоторого колебания разрешение мне было дано, но я, конечно, уже назад не вернулся, ибо у меня никаких вещей и не было. В украинской будке я откровенно сказал находившемуся там украинскому комиссару, кто я такой, и просил пропустить меня на Украину. Присутствовавший тут же немецкий офицер, узнав, что у меня нет никаких вещей, выдал мне пропуск и тут же лично пропустил через колючую проволоку. Еще раз отсутствие вещей меня спасло.

Г л а в а V

Украина. — Личные впечатления. — Киев и общее положение на Украине. — Департамент державной варты. — Гетман, немцы и армия. — Самостийное движение. — Офицерская дружина. — Падение Киева. — Петлюровщина.

Я не буду описывать ни тех впечатлений, ни того настроения, которое охватило меня при путешествии по Украине до прибытия в Киев. Они всякому понятны, кто побывал под режимом большевиков в 1918 г. и наконец вырвался из этого сумасшедшего дома. Порядок, право и собственность здесь, на Украине, поддерживались и охранялись немцами, но видно было, что революция и предшествовавшая система управления произвели сильные опустошения в прежнем цветущем крае, и нормальная жизнь только понемногу еще восстанавливается. Хотя Украинская держава была объявлена суверенным государством, но немецкая рука была видна во всем, и впечатление было таково, что вся Украина завоевана и оккупирована немецкими войсками.

Киев, столица Украины, по контрасту с городами Совдепии производил сразу самое благоприятное впечатление на каждого приезжающего. Нормальный уклад жизни, торговля, обилие продовольствия, правовые отношения — все это на первых порах было целительным бальзамом для измученных физически и нравственно беженцев с севера. Но после некоторого времени пребывания каждый более или менее отдающий себе отчет видел, что жизнь здесь далека от нормальной и все это видимое благополучие может быть только временным, в зависимости от того, как повернутся политические события. Гетманская держава была еще чересчур молода, неустановившаяся и не имела силы, на которую могла бы опереться. Всякому было ясно, что режим держится, пока на ее территории немецкие штыки.

Благодаря наплыву беженцев, главным образом из советской России, Киев был перегружен населением сверх всякого комплекта. Это не отражалось на продовольствии, которого в то время было достаточно, но делало квартирный вопрос критическим. Кроме того, скопление населения, ищущего жизненного заработка, развило спекуляцию и массу профессий, имеющих временный характер. Появилось много ресторанов, паштетных, клубов и всевозможных увеселительных заведений; люди искали быстрой и крупной наживы; развился до крайней степени азарт. В политическом отношении было крайне неспокойно: партия самостийников-республиканцев не была удовлетворена порядком вещей — мечтала о полной самостоятельности без всяких немцев, а потому стояла в оппозиции к гетману, их ставленнику. Партия большевиков-коммунистов работала в подполье на присоединение Украины к РСФСР, получая субсидии Москвы деньгами и агитационными материалами. Официальные представители Москвы во главе с Раковским были объединяющим руководящим центром работы большевиков. Добровольческая армия имела своих агентов и работала на комплектование своих

частей из офицерских и солдатских контингентов, бывших в то время в достаточном количестве на Украине. Вокруг гетмана стояли люди разных политических убеждений, от монархистов до социалистов-революционеров включительно, а потому правительство гетмана не в состоянии было принять курс твердой, определенной политики. Правительство гетмана и он сам находились все время в области политических шатаний.

Таким образом, атмосфера на Украине, как в политическом, так и в общественном отношении, была нездоровая. Видно было, что много стараний создать монархию доброго недавнего прошлого, но не на чем ее было строить, и ясно было для всякого, что гетманская Украина с уходом немцев разлетится, как картонный домик. Но во всяком случае намерение создать порядок и государственность чувствовалось и в правительственных учреждениях заметно было деловое настроение.

В поисках заработка в Киеве я попал на службу в качестве чиновника для поручений 5-го класса в Департамент державной варты (то есть, иначе, Департамент полиции), где я встретил многих своих прежних сослуживцев. Этот департамент был еще, так сказать, в состоянии формирования, потому что, хотя само учреждение уже функционировало, местные, подчиненные ему органы еще не все были сформированы и утверждены законом. Департамент державной варты был точной копией бывшего Департамента полиции, но не в столь широком масштабе. Он имел то же число делопроизводств и особый отдел, того же назначения, что и в бывшем Департаменте полиции. В каждой губернии были учреждены так называемые информационные отделы, исполнявшие политические функции бывших губернских жандармских управлений, и управления уголовного розыска, исполнявшие назначения бывших сыскных отделений. Департаменту державной варты подчинялась вся общая полиция, или Варта, и железнодорожная полиция, или железнодорожная Варта. Сущность работы всего аппарата заключалась в активной борьбе с большевизмом, в относительной борьбе с самостийностью и в наблюдении только за деятельностью социалистических и прочих партий. Во главе учреждения (сентябрь 1918 г.) стоял бывший прокурор старого режима Аккерман, твердых правых убеждений, подобравший состав опытных, знающих служащих, и поэтому Департамент державной варты мог бы прекрасно справляться с трудной ему поставленной задачей борьбы с политической разнузданностью и уголовщиной на сравнительно небольшой территории Украины, если бы не постоянные изменения курса политики гетманского правительства в отношении самостийников. Лидеры их во главе с Петлюрой до ноября 1918 г. содержались под стражей, но с этого времени отношение к ним гетмана резко меняется; он делает распоряжение об освобождении их, чем, собственно говоря, возглавляет самостийническую против себя оппозицию и ускоряет собственное падение.

Во время оккупации Украины немцы разрешали гетману формирование самого незначительного числа войсковых частей, да и то исключительно национального украинского состава, так называемых кошей разноцветных жупанников. Эти части комплектовались исключительно украинскими самостийниками. Таким образом, у гетмана не было преданных ему войск, кроме, кажется, кадров одной только дивизии, разрешенной ему к формированию немецким командованием, не имеющей строго национальной, украинской окраски. Среди высших чинов военного и гражданского управления значительная часть была на стороне самостийного движения и поддерживала связь с его главарями. Поэтому когда гетман освободил Петлюру и его коллег, то последние молниеносно собрали под свои знамена в Белой Церкви все ближайшие украинские воинские части и открыто выступили против гетмана, оставшегося без всякой войсковой опоры.

Для защиты Киева и борьбы с Петлюрой гетману пришлось обратиться к офицерству, скопившемуся в значительном числе в городе и бывшему не у дел. Наспех были сформированы добровольческие офицерские дружины под начальством генерала Кирпичева, что дало в общем не более 3000 штыков, и

нужно удивляться только, как эта горсточка людей защищала город почти месяц от значительно превосходящего в численном отношении противника.

Главное командование сначала гетманом было вручено графу Келлеру, а потом, вследствие расхождения с ним по некоторым политическим вопросам, передано князю Долгорукову.

Я перешел из Департамента державной варты на службу в особый отдел дружины Кирпичева, который исполнял при дружине информационную и разведывательную работу. Этот аппарат повел весьма активную борьбу с большевизмом и петлюровщиной в городе, но все это оказалось уже слишком запоздалым и нисколько не изменяющим общего положения. Настроение населения Киева в низах все было на стороне Петлюры, а интеллигенция, большей частью пришедшая, в борьбе никакого участия принимать не хотела, продолжая заниматься спекуляцией. Город был сплошь насыщен агентами Петлюры, которым ничего не стоило поднять в любое время внутреннее восстание, к чему и были неоднократные попытки, по преждевременности подавляемые штыками. В общем вся тяжесть борьбы лежала на плечах офицерской дружины, как на фронте, так и в городе. Ей приходилось оборонять тремя тысячами людей огромный периметр города, и вполне естественно, что этот жидкий фронт в конце концов был прорван войсками Петлюры, которые вступили в Киев 14 декабря н.с.

Гетманская власть пала, уступив место украинской Директории с Петлюрой во главе. Тотчас же начались репрессии по отношению ко всем лицам, так или иначе причастным к прежнему правительству. Прежде всего террор обрушился на голову офицерства, как непосредственного защитника старого порядка. Ужасы террора превосходили по своим размерам даже то, что в последнее время приходилось наблюдать в советской России. Офицеров в форме убивали на улицах Киева как собак. Все, что только имело возможность, скрывалось в подполье или бежало из города. Мне лично пришлось в течение десяти дней скрываться за Днепром в Слободке, после чего я бежал под чужим именем через Николаев в Одессу. Путешествие от Киева по железной дороге до Николаева было сплошным кошмаром; помимо того, что поезд был переполнен до отказа, непрерывные осмотры и обыски пассажиров с всевозможным издевательством доводили их до состояния крайней нервности; от станции Долинской до Николаева теплушки были буквально завалены вещами и людьми и поезд тащился более суток.

Николаев уже был занят войсками атамана Григорьева. Пробыв там два дня на вокзале, я с трудом попал на пароход «Румянцев», отходящий в Одессу; это был последний пароход, который петлюровцы выпустили туда из Николаевского порта.

Г л а в а VI

Одесса. — Оборона города офицерскими дружинами. — Гришин-Алмазов. — Французская оккупация. — Русская власть в Одессе. — Взаимоотношения французских и русских властей. — Французская политика на Украине. — Настроения населения. — Большевистская пропаганда. — Уголовщина и спекуляция и борьба с ними розыскных органов. — Новое русское правительство. — Генерал Шварц. — Большевистская пропаганда в французских войсках. — Эвакуация Одессы.

В Одессе, как и в Киеве, с началом петлюровского восстания образовались офицерские дружины, отстаивавшие гетманскую власть и город, но так как город был портовый и союзный флот, хотя и не большой по числу вымпелов, но уже появившийся здесь со времени поражения Турции, решил поддержать ее защитников, то Одесса была удержана. Петлюровские банды дошли почти до гавани, но принуждены были остановиться ввиду мужественного сопротивления офицерских отрядов и опасаясь стрельбы с моря. На

Дерибасовской улице была установлена нейтральная зона, которая ко времени моего приезда в город уже отошла за вокзал. Своим спасением Одесса была обязана отчасти угрозе французского флота, но главным образом мужеству и распорядительности генерала Гришина-Алмазова, который сумел организовать защитников, почти что уже на набережной, и отстоять город. Естественно, что он и стал единственным распорядителем и начальником спасенного им от петлюровских банд города. Подчинив себя Добровольческой армии, он принял на себя все права главноначальствующего.

В то время Франция решила оккупировать Одесский район и уже высадила первые эшелоны своих войск со штабом бригады и техническими боевыми средствами. Гришин-Алмазов, с своей стороны, сформировал из офицерских дружин бригаду под начальством молодого, храброго генерала Тимановского, которая составляла непосредственную оборону города от посягательства большевистских и петлюровских банд. Город делился на два района: 1) французский — порт — в ведении французского командования и 2) вся остальная часть города — в ведении русского командования. Таково было положение дел к январю 1919 года.

Русская власть в Одессе сконструировалась таким образом: главноначальствующий — Гришин-Алмазов и помощник его по гражданской части — А.И. Пильц. Градоначальник — В.А. Марков. Все административные органы остались те же, что и при гетмане. Я был назначен заведующим политическим розыском при градоначальнике, получив в наследие информационный отдел как местный розыскной орган бывшего Департамента державной варты.

Гришин-Алмазов был еще молодой человек, лет 32, даже не выглядевший и на эти годы. На германскую войну он вышел в чине штабс-капитана артиллерии, и где и когда он получил генеральский чин, никому не было точно известно. Он сам про себя говорил, что [произведен в генералы] в армии Колчака, откуда прибыл в Добровольческую армию незадолго перед тем. Во всяком случае это был человек смелый, решительный, даже скажу талантливый, но слишком горячий; ему очень доставало уравновешенности и административного опыта. По характеру своему и манере говорить он мне немного напоминал Керенского. Он очень поддавался влиянию и в хороших руках мог бы быть прекрасным администратором.

Сначала французы во внутренние дела русского управления не вмешивались, но по мере прибытия новых эшелонов и штабов французское командование, желая, очевидно, сколько можно более расширить зону оккупации, и притом безболезненно для себя, стало понемногу все прибирать к своим рукам, особенно когда командующим французскими оккупационными силами был назначен генерал д'Ансельм и начальником его штаба — полковник Фрейденберг. Последний занялся исключительно политической работой, которая заключалась в том, чтобы, войдя в сношения с представителем Петлюры, сдать ему Одессу на выгодных для себя условиях. Переговоры между Фрейденбергом и петлюровским атаманом Змиевым продолжались все время пребывания французов в Одессе, несмотря на то, что добровольческие части, подчиненные Гришину-Алмазову, находились с петлюровцами в состоянии войны. Атаман Змиев, беспощадно расстреливавший русских офицеров, под охраной французов нагло являлся в Одессу для свиданий с Фрейденбергом на глазах у защитников ее. Однако Фрейденбергу не удалось своих переговоров довести до конца, ибо власть Петлюры и Винниченко на Украине пала, уступив место большевикам, с коими уже трудно было разговаривать в то время.

При таких условиях, когда французы, с одной стороны, как бы желали сотрудничать с Гришиным-Алмазовым, а с другой — вели переговоры с его врагами, положение Гришина-Алмазова было весьма затруднительным, с каковым он, естественно, примириться не мог. Отношения с французским командованием у него сильно обострились. К моменту большевистского переворота на Украине зона [оккупации] была значительно расширена — верст на 70–100 к северу и на восток до Николаева включительно. Союзные войска все прибывали и прибывали (главным образом греческие), и казалось, что

французское командование имеет намерение не только занять Украину, но и вступить в непосредственную борьбу с большевиками. Однако оказалось, что если таковое намерение и было, то от него скоро пришлось отказаться. Против союзных войск большевики выдвинули свое лучшее оружие — пропаганду и агитацию.

Одесса в это время представляла из себя буквально то же, что и Киев осенью 1918 года. Интеллигенция, бежавшая сюда от большевиков из обеих столиц, пополнилась еще той, которая выбралась после падения гетмана из Киева и других городов Украины. Значительное число безработных офицеров и разных темных дельцов, спекулянты всех сортов, старающиеся использовать момент в личных для себя выгодах, — все это переполнило Одессу, создав сильный квартирный и продовольственный кризис. Вместе с сим рабочее и низы населения, уже вкусившие отчасти большевизма в начале 1918 г., но еще не изжившие всех его тяжелых сторон, мечтали снова о большевистском режиме и представляли благодарную почву для пропаганды и агитации. Буржуазный слой города вместе с городской думой социалистического состава вечно будировал, все осуждал, местной власти не помогал и, с своей стороны, был лучшим проводником грядущего большевизма. Еврейское население Одессы также было настроено большевистски, разве что за исключением богатой буржуазии.

Таким образом, русские и союзные (главным образом греческие) войска удерживали боевой фронт против наступления красных, их [большевиков] агитационная работа внутри Одесского района шла во всю, разлагая не только русское население, но и французские войска, не занятые буквально ничем и по составу своему мало дисциплинированные. Оккупационные французские войска вели себя в Одессе весьма разнузданно: солдаты проводили время в попойках, якшаясь с евреями и еврейками, среди которых было немало большевистских агитаторов, знавших французский язык; пропаганда имела успех не только среди солдат, но даже среди офицеров. В результате к февралю началось брожение среди сухопутных солдат, а затем и среди матросов на почве утомления войной и желания возвратиться на родину. Были и такие, которые явно перешли на сторону большевиков, приняв всю их идеологию, как например, известный капитан Садуль. Между тем французские розыскные органы не имели возможности продуктивно бороться с большевистской пропагандой, как по незнанию местных условий, так и по неопытности своего личного состава, набранного наспех из строевого офицерства.

Большим бичом Одессы этого времени была уголовщина, дошедшая до чудовищных размеров. В январе—мае 1919 г. обыватель чувствовал себя в городе хуже, чем в лесу с разбойничьим станом. Грабители по квартирам ночью и среди белого дня — на улицах. Одесса всегда была одним из центров преступности, в это же время преступность достигла крайнего предела. Законные меры воздействия ни к чему не приводили, и градоначальнику генералу Маркову пришлось прибегать к исключительным мерам. Грабители, застигнутые на месте преступления, беспощадно расстреливались, а кроме того, чином сыскной полиции был отдан приказ заведомых грабителей и воров при встрече уничтожать как собак. Эти меры оказались действительными, и спустя месяц преступность значительно сократилась, а обыватель мог вздохнуть. Особенно много хлопот полиции доставил в то время некий «Мишка Япончик» со своей шайкой, пользовавшийся в преступном мире большим влиянием и наводивший ужас своими грабительскими операциями на всех. Впоследствии, по сдаче Одессы, он занимал ответственный пост у большевиков и ими же за что-то был убит.

Русские розыскные политические органы боролись всеми мерами против большевистской работы, которая главным образом базировалась на рабочих организациях. Эти политические органы встречали полную поддержку в этом отношении от своих гражданских и военных властей, но должны были вечно бороться с заступничеством чинов городского управления с городским головой Брайкевичем во главе. Социалистический состав городской думы

явно стоял на стороне рабочих, невольно помогая большевикам укреплять свое положение. Это, конечно, не помешало впоследствии Брайкевичу и другим гласным городской думы первыми бежать из Одессы при эвакуации ее французами. Между тем организационная и агитационная работа большевиков в Одессе была очень интенсивна и, несмотря на ряд ликвидаций, произведенных в их рядах, не ослабевала, имея за собой новые кадры людей и благоприятное настроение масс. Много способствовала этому настроению спекуляция продуктами первой необходимости, страшно взвинтившая рыночные цены. Виновниками этого обстоятельства были старые спекулянты еще Великой войны, сахарозаводчики: Хари, Гепнер, Златопольский и др., которые фактически были экономическими диктаторами Одессы того времени. Эта компания, вопреки протестам городской думы, наконец, была арестована военной контрразведкой, и материал, взятый у них по обыску, вполне подтвердил их зловредную деятельность.

К марту французское командование, по-видимому, решило совершенно отмежеваться от Добровольческой армии и влияния ее главнокомандующего генерала Деникина на одесские дела, а потому приступило к созданию новой русской власти в Одессе, которая должна была действовать исключительно по указанию французского командования. Был приглашен в качестве отдельного главнокомандующего Одесским районом генерал-лейтенант Шварц, и при нем образован был Совет обороны как правительственный орган. Генералу Гришину-Алмазову и начальнику его штаба генералу Санникову¹, назначенному генералом Деникиным, предложено было немедленно, в течение 24 часов, покинуть Одесский район. Оба выехали первым пароходом в Новороссийск. Помощник Гришина-Алмазова по гражданской части А.И. Пильц выехал туда еще раньше.

В Совет обороны вошли: Андре, Рутенберг, Ильяшенко, Брайкевич и еще несколько лиц. Хотя внутренними делами ведал г. Андре, но доминирующую роль в совете играл г. Рутенберг, старый социалист-революционер, тот самый, который в 1905 г. по постановлению партии убил небезызвестного Гапона. Рутенберг подавлял прочих членов Совета обороны своей наглостью, безапелляционностью своих решений и авторитетом своей партийности. Андре, бывший губерниальный староста (губернатор) Волынской губернии при гетмане, — очень ловкий, энергичный и честолюбивый, но не государственный человек, с оттенком авантюризма. В Киеве уверял, что он настоящий украинец, в Одессе — что чистокровный француз, потомок де Ланжерона, почему и называл себя Андре де Ланжерон. Остальные члены Совета обороны роли не играли. Председатель Совета генерал Шварц был весьма порядочный и честный человек, но слабовольный, поддающийся влиянию, преkrасный инженер, но не государственный деятель. Таково было правительство, созданное французами, или вернее, начальником штаба французского оккупационного отряда полковником Фрейденбергом. Администрация осталась старая.

Новое правительство дела не улучшило, а скорее затормозило, ибо все серьезные вопросы решались коллективно, что требовало известной проволочки. Французы же по-прежнему влияли на все решения.

Большевики продолжали делать свое дело, подготавливая в Одессе будущие органы своего управления на случай переворота. Работа их сосредоточивалась в рабочих профессиональных союзах, а Союз союзов в марте представлял собой будущий правящий Ревком. Произведенной мною ликвидацией в некоторых рабочих организациях были добыты документы, доказывающие это с очевидностью.

Для парализации внутренней работы большевиков обстоятельства требовали производства широкой ликвидации с изъятием всех важных работников, на чем я и настаивал во время доклада в Совете обороны, но Рутенберг почему-то отрицал такую необходимость и старался сколько возможно оттянуть ликвидацию. Поэтому Совет обороны постановил с ликвидацией не торопиться и выждать выяснения еще каких-то новых неизвестных обстоятельств. Станным является то обстоятельство, что Рутенберг, когда фран-

цузское командование отдало приказ об эвакуации Одессы в 48 часов, настаивал, чтобы я ликвидировал все те рабочие организации, на ликвидацию которых он не соглашался раньше. Выполнить это требование уже не представлялось в тот момент возможным, так как все исполнительные органы уже были сняты с своих мест и готовились сами к эвакуации. Такая настойчивость Рутенберга, когда уже было очевидно, что Одессу придется бросать, была по меньшей мере странна и, по моему глубокому убеждению, провокационна.

Пропаганда среди французской армии прогрессировала, и результаты ее сказались как на фронте, так и в тылу. Неадекватность своих солдат французы скрывали, но все-таки было известно, что пехота отказывалась сражаться с большевиками, а на одном из французских крейсеров произошел форменный бунт с поднятием красного флага.

Думаю, что это было главной причиной вдруг принятого французами решения эвакуировать Одесский район. Много по этому поводу ходило всевозможных комментариев: объясняли это и переменой общей французской политики, и подложной якобы телеграммой командующего французскими силами на востоке генерала Франше д'Эспере, но вернее всего, что истина заключалась в разложении французских оккупационных войск.

Как бы то ни было, 2 апреля 1919 г. французским штабом было сделано объявление, что Одесса ими эвакуируется в 48-часовой срок. Можно себе вообразить, в какой поспешности и беспорядке русским учреждениям пришлось сворачиваться, чтобы успеть в такой короткий срок погрузиться на пароходы, которых, кстати сказать, не было достаточного числа, да и те, которые были, не были подготовлены для такого внезапного выхода в море. Посадка происходила беспорядочно, под выстрелы уже восставшей в городе черни. Попадали на пароходы только те, которым удалось собраться и быть на пристани 4 апреля. Многие уехать не успели, остались в Одессе, за что впоследствии заплатились жизнью.

В общем все-таки французы вывезли из Одессы несколько тысяч человек. Часть пароходов пошла в Новороссийск, а остальные в Константинополь.

Я лично попал на французский грузовой пароход «Кавказ», на котором выехал весь русский штаб генерала Шварца и все гражданское управление Одессы. На сравнительно небольшом судне скопилось свыше 2000 человек: мужчин, женщин и детей. До выгрузки пришлось пробыть на пароходе 13 дней в самых ужасных антисанитарных условиях, при весьма грубом отношении пароходной французской администрации. В глазах французов всякие градации между русскими исчезли, и все были обращены в одну серую беженскую массу, к которой применялись самые крутые меры. Тут впервые пришлось почувствовать всю глубину несчастья людей, потерявших свою родину, и эти переживания для большинства были тяжелее физических страданий кошмарного переезда в таких тяжелых условиях.

Г л а в а VII

Принцезы острова. — Размещение беженцев. — Штаб генерала Шварца. — Планы беженцев. — Прибытие представителя генерала Деникина. — Отправка русских беженцев в Россию. — Отъезд в Новороссийск.

Все беженцы, прибывшие из Одессы и Крыма, который тоже был эвакуирован почти одновременно англичанами, были высажены на Принцевых островах и размещены так: большинство вывезенных французами — штаб и гражданское управление г. Одессы — на остров Халки, находившийся в ведении французов. Эвакуированные из Крыма — на остров Принкипо, находившийся в ведении англичан. Сравнительно меньшая часть беженцев — на остров Антигона (итальянская зона) и остров Проти (американская). Каждая из этих наций реквизировала для беженцев необходимые жилища и снабжала их продовольствием по норме солдатского пайка своей страны.

На острове Халки, куда попал я, были устроены общежития, из которых самое большое находилось в греческой семинарии — до 600 человек. Желающие могли устраиваться на островах и самостоятельно, нанимая помещения за собственный счет. Порядок поддерживался военными комендантами (иностранцами) и приданными им в помощь русскими. Нужно отдать справедливость, что иностранцы кормили и содержали русских беженцев весьма сносно, но требовали в то же время соблюдения установленного порядка и режима. Некоторые из беженцев — состоятельные или смогшие устроиться на службу — беспрепятственно отпускались в Константинополь, и иностранцы даже с особым удовольствием снимали их со своих забот.

Все учреждения Одессы были расформированы, а должностные лица обратились в простых беженцев. Остался только штаб генерала Шварца и Совет обороны. Какие функции выполняли эти учреждения, собственно говоря, трудно сказать. Раз не было территории, то, казалось, бы незачем было оставлять Совет обороны; раз не было армии, которая между прочим была брошена на произвол судьбы и которой пришлось после эвакуации Одессы с большими лишениями пробиваться самостоятельно на Румынию, то, казалось бы, не нужен и штаб. Однако Шварцем были вывезены кое-какие ценности и деньги, и это обстоятельство, видимо, и позволило содержать эти два учреждения около двух месяцев.

Вряд ли у Шварца были какие-либо дальнейшие планы. Правда, он не прерывал сношений с французским командованием, но с течением времени сообразил, что дальнейшей помощи от него он не получит. Совет обороны сам пришел к заключению, что дальнейшее существование его бесполезно, а потому решил ликвидироваться. Все члены Совета обороны, получив некоторое вознаграждение за свои труды, примерно 1000 турецких лир на человека, разъехались по разным странам устраивать свою личную жизнь, а остаток капитала, вывезенного из Одесской конторы Государственного банка в сумме, как говорили, 9 000 000 украинских карбованцев, был передан начальнику финансового управления Добровольской армии Бернацкому для передачи правительству Деникина.

Штаб генерала Шварца продолжал существовать с начальником штаба генералом Прохоровичем во главе, имея возможность оплачивать содержание своих чинов и даже выдавать пособия некоторым беженцам из тех сумм, которые были оставлены в распоряжении Шварца.

Беженцы, кроме тех, которые пустили корни в Константинополе, видя, что русское главное командование не может прийти им на помощь в смысле устройства их дальнейшей судьбы и что нельзя находиться бесконечно на положении призреваемых иностранцами, стали организовываться и сгруппировываться для переселения в другие страны или на родину. В мае же стало известно, что Добровольческая армия одерживает победы над большевиками и постепенно увеличивает свою территорию. Получены были сведения и с Дальнего Востока об успехах армии Колчака на Урале и о приглашении им военных специалистов-офицеров через Владивосток. Началась запись в группы желающих отправиться в Новороссийск, Владивосток, в Сербию, Болгарию и т.д. В Константинополь прибыл представитель главнокомандующего Добровольческой армии генерал Бензингер, который стал оказывать содействие желающим вступить в Добровольческую армию, и с этого момента начали осуществляться бесплатные перевозки русских беженцев в Новороссийск. Отправка записавшихся во Владивосток была только одна — на специальном оборудованном и снаряженном генералом Шварцем пароходе «Иерусалим», сравнительно небольшой группы в 300 человек.

С приездом генерала Бензингера фонды генерала Шварца в глазах иностранцев стали падать, и после отправки «Иерусалима» ему пришлось уже окончательно сложить с себя звание главнокомандующего, расформировав и штаб. Большая же часть вывезенных из Одессы французами русских беженцев стала возвращаться в Россию, особенно в то время, когда войсками Деникина вновь были заняты Крым и Одесса.

Я выехал из Константинополя в Новороссийск на пароходе «Херсон» в конце июня н. ст. Настроение у всех возвращавшихся в Россию было самое радостное: каждый верил в освобождение родины, каждый ехал, рассчитывая положить и свои силы на пользу дорогого для него дела, каждый надеялся быть встреченным если и не с распростертыми объятиями, то хотя бы радушно на родине. Все верили в общность будущей созидательной работы. Увы, многих и многих постигло полное разочарование.

Г л а в а VIII

Новороссийск, Екатеринодар, Ростов. — Прием возвращающихся на родину. — Следственная комиссия. — Правительство Деникина. — Администрация. — Фронт. — Захват общегосударственного имущества. — Положение в тылу. — Лозунги Деникина. — Офицерство. — Отношение населения. — Осваг. — Главное управление снабжений. — Военные успехи и стратегия Деникина. — Восстание Махно. — Мой отъезд в Одессу.

В Новороссийске мы узнали, что войска Добровольческой армии продолжают одерживать успехи над красными, что Крым уже очищен от большевиков, а Царицын падет не сегодня завтра. По прибытии в столицу Добровольческой армии Екатеринодар — резиденцию главкома, каждый из вновь прибывших эмигрантов торопился поступить или непосредственно в армию, или в одно из управлений ее, чтобы, как я уже сказал, принять участие в освобождении родины. Но оказалось, что это не так легко, как думалось. Эмигрантов принимали холодно, а если к тому же были монархисты или имели несчастье прослужить хоть день на Украине при гетмане, то даже и враждебно. Во всех учреждениях было засилье кадетов, эсеров и людей беспринципных в политическом отношении. В военных сферах имели преимущество принимавшие участие в Корниловских походах, то есть люди, начавшие зародыш Добровольческой армии; царила тенденция, что это люди самые способные и единственные, которые могут освободить родину. Те же, кто в силу ли чисто географических условий или других каких-либо обстоятельств, не имели возможности своевременно прибыть на Юг России, считались людьми малопригодными, достойными лишь как бы милости и снисхождения.

Над всеми прибывающими генералами чинилось следствие. Была образована специальная следственная комиссия, через которую должны были пройти все генералы и командиры отдельных частей. Если комиссия находила, что вы ничего преступного не совершили и по своей прежней службе ничем не скомпрометированы, то это еще не означало, что вы уже зачислены в Добровольческую армию. Нужно было еще персональное согласие главкома на ваш прием. Вот тут-то и сказывалось пристрастие Деникина и его начальника штаба генерала Романовского к особому сорта людям. А такие люди были: служившие при царском режиме в Отдельном корпусе жандармов, в полиции, да и в других ведомствах, но по политическим убеждениям — монархисты; служившие у гетмана, и особенно занимавшие крупные посты; наконец, служившие в Одессе при генерале Шварце. Ко всей этой категории людей отношение было весьма одиозное. Если эти люди и принимались на службу, то на незначительные второстепенные места. Все более крупные административные посты занимались или бывшими общественниками, или журналистами, или адвокатами, то есть людьми мало пригодными к административной работе, почему в виде подпорок-помощников, на которых фактически ложилась вся тяжесть административной техники, к ним назначались старые опытные чиновники. Например, губернатором назначался бывший присяжный поверенный, а к нему вице-губернатором — старый губернатор; командиром бригады государственной стражи — строевой полковник, а помощником его — бывший полицмейстер или начальник жандармского управления. И так — всюду. В деле политического и уголовного

розыска, которые почему-то были подведены под одну крышу, было засилье судебного элемента. Директор так называемого управления политического и уголовного розыска, бывший товарищ прокурора Нижегородского окружного суда Зубелевич, перекрасившийся в эсера, несколько не считался ни со способностями, ни с опытом, ни со склонностями, а назначал на должности начальников розыскных управлений в губерниях людей лишь по признаку принадлежности к судебному ведомству. Опытные жандармские и полицейские офицеры никоим образом на эти должности попасть не могли. Государственная стража, то есть, иначе говоря, полиция, комплектовалась исключительно из строевых офицеров, и если туда попадал жандармский или полицейский офицер, то на самую незначительную должность. По другим ведомствам — та же история: получали лучшие должности, и в первую очередь, люди с республиканским складом мыслей, не запятнавшие себя поддержкой старого, царского режима.

Генералов, прошедших следственную комиссию и оказавшихся, с точки зрения Деникина и Романовского, благонадежными, зачисляли в резерв, а молодежь, если она даже и рвалась на фронт, зачислялась сначала в комендантскую роту; сразу пустить в строй было опасно. Из резерва попадали на должности только те, кто имел протекцию или по своим политическим взглядам подходил к мерке главкома и его начальника штаба.

Правительство Деникина, так называемое Особое совещание, состояло большей частью из левых элементов, и притом разных политических партий, а потому в правительстве происходила постоянная борьба, что не могло не отразиться на общем ходе дела. Правительство боялось слишком уклониться вправо и боялось уклониться слишком влево — сидело, так сказать, на двух стульях, а потому было неспособно, мягкотело и безвольно. Определенного твердого курса у правительства не было. Все местные управления и учреждения носили ту же физиономию левого уклона и заполнены были разношерстным составом. В продовольственных, квартирных и разных хозяйственных комиссиях, всюду были вкраплены юркие еврейчики, обрабатывавшие собственные делишки. Бескорыстное исполнение долга и служение родине было редким явлением; большинство смотрело на события текущего момента с точки зрения личной наживы.

Не лучше обстояло дело и на фронте. Некоторая часть строевого офицерства смотрела на гражданскую войну как на источник личного быстрого обогащения. Победоносно продвигающаяся вперед армия, занимающая все новые и новые области отвоеванной России, захватывала много общегосударственного имущества, не говоря уже о тех ценностях, которые отбирались от большевистских комиссаров. Беспринципная часть офицерства обращала отнятое в свое личное пользование, и не только часть рядового офицерства отличалась этим, но и некоторый командный состав, до командующих армиями включительно. Нередко бывали случаи, когда с фронта генералы целыми вагонами отсылали в собственный адрес общегосударственное имущество, отнятое от большевиков. Военные власти и правительство как-то сквозь пальцы смотрели на это, а когда эти злоупотребления перешли всякие границы и правительство приняло меры к прекращению их, то наткнулось на необыкновенное сопротивление со стороны командующих армиями.

Обогатившиеся на фронте в большинстве случаев предпочитали уезжать в тыл — в Ростов или Екатеринодар, где предавались кутежам и безобразиям, реализируя награбленную добычу. Эти элементы становились уж небоеспособными и на фронт не возвращались. Обе столицы Добровольческой армии были переполнены, кроме того, особым элементом, который не шел ни на фронт, ни в учреждения тыла, а занимался исключительно спекуляцией; все это — в большинстве случаев здоровая способная молодежь, с успехом должная бы стать под ружье, но предпочитавшая наживаться в тылу и вести беззаботную веселую жизнь. Екатеринодар, Ростов, Новочеркасск были переполнены до чрезвычайности пришлым населением, что создавало весьма тяжкие квартирные условия и сильно повысило цены на предметы первой необходимости.

Вот то, с чем пришлось столкнуться на первых порах, по приезде на территорию Добровольческой армии.

В политическом отношении Деникин выкинул лозунг: «За единую, неделимую Россию». Под этим флагом шла Добровольческая армия, но самый лозунг ничего не определял для будущего и массам не был совершенно понятен: что же это будет за Россия, какой будет образ правления и кто будет ею править. Все это были вопросы неразрешимые, а потому сочувствия и помощи населения этот лозунг не вызывал.

Если заглянуть в политическую подоплеку всего добровольческого движения, то нужно признать, что Добровольческая армия защищала интересы демократической республики и была на поводу у партий кадетов и эсеров. В самом деле, кто зародил Добровольческую армию? Алексеев и Корнилов — республиканцы. Кто был их последователь? Деникин — республиканец. Все они говорили о благе родины, но какова эта родина будет и в чем будет заключаться благо, не говорили, ибо не могли отделить это благо от своих личных политических взглядов и своего личного честолюбия. Это не были Миныны и Пожарские, принесшие все на алтарь отечества и шедшие за одну монархическую идею, видевшие в ней спасение родины. Эти люди шли за возрождение России Львовых, Милюковых, Керенских, но только рассчитывавшие занять их места. Широкие массы населения, и в особенности крестьянство, в гражданской войне участия не принимали, и война не может быть названа народной. Война была исключительно партийная: кадеты и эсеры оспаривали власть над измученной Россией у большевиков, которые были и счастливее их и способнее, что и доказали тем, что быстро ее захватили после падения монархии.

Могут спросить, почему же к этому движению примкнуло офицерство. Да потому, что офицерство, это профессиональное военное сословие, было гонимо в советской России, обезличено, истязуемо; естественно, что офицерство шло туда, где нуждались в его услугах, где восстанавливались его права, где оплачивалась его служба и т.д., то есть в Добровольческую армию. Кроме того, появился новый тип офицера республиканского мышления, это так называемые цветные войска: корниловцы, алексеевцы, марковцы, дроздовцы, или из элементов никогда не служивших, или из контингентов офицеров военного времени германской войны. В общем, нужно сказать, что из всей массы офицерства Добровольческой армии не более 25% шли за идею освобождения родины не считаясь ни с какими политическими тенденциями, остальные же шли или для спасения демократической республики, или просто примазались в своих личных интересах.

Как народ относился к Добровольческой армии, это видно лучше всего из того, каково было отношение к ней во вновь занимаемых областях. Вступление Добровольческой армии в города и деревни встречалось колокольным звоном, со слезами на глазах, целовали стремяна всадников, а по прошествии каких-нибудь двух недель так же ненавидели добровольцев, как и большевиков. Лозунги армии народу не были понятны, а поведение ее возбуждало ненависть. Многие офицеры Добровольческой армии по своей беспринципности, разнузданности и жестокости мало чем отличались от красных и были бы более желательным элементом по ту сторону, чем по эту; они стояли в рядах Добровольческой армии по недоразумению — должно быть, гражданская война случайно их застала на этой стороне.

Отношение вновь назначенной администрации в занимаемых Добровольческой армией областях к местному населению не было на высоте. Действия новых чиновников часто были пристрастны и незаконны, так как ими часто преследовались личные интересы. Например, некоторые администраторы назначались именно в те местности, где находились их недвижимые имущества, и первое, что они делали — это начинали восстанавливать свои разоренные революцией хозяйства, жестоко расправляясь с крестьянами, которых считали виновниками разорения. Другие, пользуясь слабой ответственностью или полной безответственностью, грабили население нисколько-

ко не меньше, чем фронтовики. Поэтому законы и распоряжения, издававшиеся правительством генерала Деникина, доверия у населения не внушали, и таковое относилось к добровольческому движению безучастно и к нему не примыкало.

Агитационный аппарат правительства Деникина, «Осваг», был чрезвычайно громоздок, требовал колоссальных сумм на свое содержание, давал средства к жизни целой армии работников, но продуктивность его была самая ничтожная. Работа «Освага» сосредоточивалась почти исключительно на территории, занятой Добровольческой армией, и сущность ее состояла в том, чтобы доказать населению, что режим Добровольческой армии лучше, чем режим Советской России. Это демонстрировали обыкновенно иллюстрированными плакатами, отмечавшими все отрицательные стороны советского режима и в виде контраста — положительные — Добровольческой армии. Духовно-просветительной деятельности «Осваг» не проявлял. Работы агитационной на территории большевиков «Осваг» не вел — чем, наоборот, так были сильны большевики. Словом, «Осваг» совершенно не оправдывал своего существования. Да и какую он мог вести однородную, полезную работу агитационного характера, если был заполнен людьми всевозможных политических воззрений.

Когда я осмотрелся, когда увидел, что правительство Деникина ничем не отличается от правительства Керенского, что во всем та же «керенщина», я решил уклониться от всякой политической работы и выбрал себе деятельность совершенно аполитичную. Я поступил на службу в Главное управление снабжений. Ближайшее начальство с удовольствием меня приняло и предназначило на должность представителя междуведомственной комиссии по учету общегосударственного имущества, отнятого у большевиков; необходимо было только зачисление приказом главкома в Добровольческую армию и утверждение в должности. Но тут-то и сказалась политическая нетерпимость Главного командования.

В течение двух месяцев я работал в Управлении безвозмездно, сперва в Екатеринодаре, потом в Ростове, и, несмотря на неоднократные мои рапорты, получал отказ в зачислении в Добрармию, без объяснения причин. Наконец я решил лично выяснить у начальника штаба генерала Романовского истинные причины отказа. Разговор с ним подтвердил мои догадки: мне было сказано, что главком не может согласиться на прием меня в Добрармию, так как этому мешают «совокупность прежней моей службы по политическому розыску», то есть при царском режиме и за последнее время в Киеве и Одессе. Когда я позволил себе заметить ему, что я избрал себе род службы не по своей специальности и совершенно аполитичный, то получил ответ, что хотя это и так, но общественное мнение таково, что с ним приходится считаться, и что хотя главком лично против меня ничего не имеет, но тем не менее не может согласиться на просимое назначение, принимая во внимание характер моей прежней политической работы. В этом ответе выразилась вся заискивающая, боязливая политика Главного командования, считающаяся исключительно с левыми течениями, оказывавшими на него такое вредное для общего русского дела влияние. Тем не менее, как последующие обстоятельства показали, несмотря на всю предосудительность моей прежней службы с точки зрения Деникина и Романовского, уже в сентябре в Ростове я получил телеграмму из ставки с предложением занять должность помощника начальника контрразведывательной части при штабе главкома, от каковой должности отказался, а в декабре, уже будучи в Одессе, получил вторую телеграмму из ставки с предложением принять должность начальника этой части, от чего также отказался.

Конец сентября 1919 г. был поворотным моментом военных успехов генерала Деникина. Чрезмерно растянутый жидкий фронт не позволял вести быстрых наступательных операций, а Красная армия, отбив наступление адмирала Колчака на востоке и заставив его далеко отступить в глубь Сибири, приобрела свободу действий и могла сосредоточить крупные силы на южном своем фронте, угрожая Деникину прорывом его фронта в любом пункте.

С этого момента началось отступление Добровольческой армии по всему фронту: сначала медленное, с упорными боями, а потом все стремительнее — до полной эвакуации всей территории Добрармии, за исключением лишь Крыма, удержанного группой войск генерала Слащева.

Я не берусь судить и разбирать причины поражения Деникина, однако мне кажется, что он презрел один из самых главных принципов стратегии: единства сил в решительном пункте. Овладев весьма важным стратегическим пунктом на Волге — Царицыном, еще в июне, казалось бы, следовало выбрать главным операционным направлением Саратов—Самару для соединения с армией Колчака, которая в это время дошла до Волги, а не расширять фронт на запад с перенесением операционного направления на Орел—Москву, позволяя Красной армии разбить отдельно Колчака. Несвоевременное занятие Украины и желание первым захватить Москву погубило Деникина.

К этому же приблизительно времени относится восстание крестьян в глубоком тылу Добрармии под начальством атамана Махно, который совершенно неожиданно для Главного командования захватил Бердяnek, Мариуполь и чуть было не пленил ставку главкома в Таганроге. Совершенно непонятно, как внезапно могла вырасти такого рода опасность для тыла Добровольческой армии. Я это отношу всецело к недостаточной осведомленности из рук вон плохо поставленной разведки и контрразведки при штабе главкома, прозевавших все это движение.

В октябре уже ясно было для всякого, что ни Ростова, ни Таганрога удержать невозможно: Киевский фронт начал отступать на Одессу, Харьковский на Ростов, предоставляя большевикам развивать преследование в любом направлении.

В ноябре я принял предложение морского ведомства занять должность начальника Одесского морского контрразведывательного района. Это меня удовлетворяло, и вот почему: относясь весьма отрицательно к контрразведывательной службе в Добровольческой армии, а в особенности к личному составу этой службы, как я уже говорил, приемами своими мало чем отличавшемуся от Чека, я здесь попадал в особые условия. Морская контрразведка создавалась заново, и я имел возможность организовать это дело в Одессе по-своему, а главным образом, формировать личный состав из людей мне известных, честных, порядочных и опытных в розыскной работе. Из Ростова я выехал в Одессу в половине ноября и только в первых числах декабря добрался до места службы, настолько уже в то время были затруднительны и долги передвижения в тылу, хотя и морем.

Г л а в а IX

Положение в Одессе. — Одесский фронт и защитники Одессы. — Условия формирования и работы морской контрразведки. — Генерал Шиллинг и его окружение. — Политическая работа штаба Области. — Кирпичников. — Настроение населения. — Охрана города. — Англичане. — Распоряжения штаба Области и эвакуация. — Осада в банке. — Отплытие. — Севастополь. — Положение в Крыму. — Отъезд в Турцию.

В Одессе я застал ту же безотрадную картину, что и в Ростове, а именно: чрезмерное переполнение города беженцами, главным образом из Киева, и вместе с этим отсутствие помещений, прогрессивно увеличивающаяся дороговизна жизни. Что особенно поражало, так это масса офицеров, скопившегося в Одессе. Я думаю, что в это время их здесь было до 70 000 безработных, большинство из которых, очевидно, было вполне обеспечено, ибо, как говорится, прожигало жизнь, но, правда, попадались и такие, которые буквально не имели даже белья на себе. Все это тыловое воинство было остатками Киевского фронта, который в то время уже весь разложился, отступал отдельными группами на Одессу, грабя по дороге местное на-

селение, и спешил скорее в Одессу, чтобы там так или иначе реализовать награбленное.

Отступающий в беспорядке Киевский фронт увлек за собой и Одесский. Часть его — Слашев — стала отступать на Крымский полуостров, а остальные в Одессу, проделывая все то же, что и киевляне. К январю 1920 г. Одесса в сущности почти ничем не была прикрыта.

Главнокомандующий Новороссийской областью генерал-лейтенант Шиллинг уже тогда писал Деникину, что удержать Одессу нечем и что нужно начать планомерную эвакуацию в Крым, но главнокомандующий категорически приказал удерживать Одессу какой угодно ценой. Такое распоряжение, при отсутствии фронта, менее чем через месяц привело к катастрофическому положению.

Шиллинг мне говорил еще в декабре, что после развала и отступления Киевского фронта дни Одессы сочтены, что Одесского фронта, в сущности, нет, а сформировать какие-либо новые части из того материала, который был под руками, то есть из офицерства, наводнившего Одессу, — невозможно. Действительно, попытки штаба области в этом направлении были бесплодны. В течение декабря и начала января принимались меры для новых формирований: производилась регистрация офицерства, формировались штабы частей, раздавалось обмундирование и вооружение, привлечены были к формированию новых частей и немцы-колонисты, но из этого ничего не вышло. Вновь сформированные части даже не могли выйти на передовые позиции, ибо по дороге дезертировали, разбежались, а в большинстве случаев даже не являлись на сборные пункты. Никто определенно бороться не хотел. Единственная воинская часть, которую удалось создать, — это отряд в тысячу офицерских чинов для внутренней охраны города, который и удерживал Одессу от бунта до самых последних дней. Этим отрядом командовал энергичный, храбрый полковник Стессель, который не покинул города до полной эвакуации и которому со своим отрядом не нашлось места ни на одном из пароходов при оставлении Одессы, а пришлось сухим путем пробиваться в Румынию.

По прибытии в Одессу мне пришлось формировать свой пункт при чрезвычайно тяжелых местных условиях. Личный состав мной был подобран очень скоро и удачно, но самое большое затруднение было в подыскании помещения, на что пришлось потратить больше двух недель. Здесь пришлось столкнуться и со вторым затруднением — добыть необходимый инвентарь для канцелярии и топливо. Эта последняя задача была не по силе даже для реквизиционной комиссии, которая должна была оказывать содействие всем правительственным органам. Приходилось добывать необходимые предметы путем купли, просьб и т.п., где стул, где стол. Ответное мне огромное помещение, без мебели и нетопленное, исключало всякую возможность вести правильную продуктивную работу. Особенно давал себя чувствовать холод; температура в канцелярии выше 2-3 градусов не достигала. Ко всему этому нужно добавить, что веры в дело не было, чувствовалось, что придется все бросить, и в очень скором времени. Больше всего угнетало сознание, что совершенно напрасно затрачивается труд, энергия и средства.

В административном отношении была та же картина, что и в Ростове: у кормила местной власти стояли люди большей частью бездейные и беспринципные. Сам генерал Шиллинг был высокопорядочный человек, по убеждениям крайний монархист. Я его знал еще в юношеские годы, это был весьма добрый, честный, отзывчивый человек, каковым он и остался. Недостаток его для высокого поста, который он занимал, заключался в том, что он был слишком мягок и отдавался больше личной жизни, чем это, может быть, позволяло его служебное положение. Окружающие его военные и гражданские чины пользовались его недостатками и обрабатывали свои личные дела, прикрываясь именем главноначальствующего. Поэтому все те нарекания, которые делались впоследствии на Шиллинга за Одессу и безобразную эвакуацию, не совсем справедливы. Он был поставлен, как главнокомандующий Деникиным, так и своим окружением, в весьма тяжелые условия. Начальник его

штаба, генерал Чернавин, чувствуя крушение, заранее уехал, якобы по делам службы, в Крым и уже более не возвращался. Остальные чины штаба уже с половины января боевыми операциями не занимались, а помышляли лишь о благополучной эвакуации. Не лучше была и гражданская часть, врученная молодому человеку, мало понимающему в административной работе, делавшему массу ошибок, вольных и невольных, и во всем прикрывавшемуся именем Шиллинга.

Борьба с большевизмом и политический розыск находились в руках начальника контрразведывательного отделения штаба Новороссийской области, некоего Кирпичникова. Это был человек умный, но не специалист и, будучи социалистом-революционером, на все смотрел с точки зрения социалистической психологии. Многих весьма серьезных большевистских работников, с большим трудом арестованных после занятия Одессы добровольцами, он поосвобождал. Многие же из этих арестантов он спас от смерти, исходатайствовав им замену смертной казни более легким наказанием. Какими мотивами он руководствовался, широкой публике, конечно, не было известно, но вызывало к нему своего рода подозрение. Может быть, он склонял их к себе на агентскую службу, что могло бы быть оправданием, но общество этого не понимало и в его гуманности к арестованным коммунистам усматривало сочувствие большевикам и покровительство. Положение, в которое себя поставил Кирпичников в глазах добровольцев, закончилось для него трагически. В январе, во время поездки из штаба с служебным докладом на квартиру генерала Шиллинга, он был убит неизвестными злоумышленниками. Следствие по делу этого убийства виновных не обнаружило, но, по всем данным, Кирпичников пал жертвой одной тайной псевдомонархической организации, особенно против него настроенной.

Настроение населения Одессы было весьма приподнятое; каждый чувствовал, что вновь придется переживать большевизм. Одни его ожидали со страхом, другие радовались — слишком был тяжел и режим добровольческой власти. Кроме того, в толщу населения Одессы было вкраплено очень много советских агентов, которые его агитировали и развращали. Полиция, или так называемая государственная стража, была из рук вон плоха, начиная с градоначальника барона Штемпеля и до рядового стражника. Дело в том, как я уже говорил, что старшие чины стражи и градоначальник были люди из строя, мало понимавшие в административной службе, а низшие чины стражи — стражники — были весьма неустойчивым в политическом отношении элементом. В стражники шли по найму не лучшие люди, прошедшие ряды войск, как то было в прежней полиции, а самые худшие, которым некуда было деваться. Материальные условия службы в страже были настолько плохи, что хороший солдат или рабочий не имел ни малейшего желания в такой сложный политический момент, компрометировать себя службой в государственной страже. Градоначальник, барон Штемпель, очевидно, смотрел на свою должность как на синекуру, данную ему в награду за прежнюю строевую службу, из которой он вышел инвалидом. Никакой энергии, ни инициативы он не проявлял, никто о нем ровно ничего не знал и не слышал и с ним не считался, а просто человек отбывал ежедневно известное число входящих и исходящих номеров. Такая стража, в такой момент, поддержать порядок в городе не могла и потому вполне разумно было сформирование офицерской дружины полковника Стесселя, на которую возложена была обязанность внутренней охраны и обороны города. К чести полковника Стесселя нужно сказать, что с поставленной ему задачей при тех условиях он справлялся блестяще.

Англичане, которые оказывали моральную и отчасти материальную помощь Добровольческой армии, имели свою военную миссию в Одессе и кое-какие силы на рейде в виде одного или двух крейсеров и миноносцев. Они были очень озабочены, чтобы Одесса не была оставлена добровольцами, и принимали к тому все возможные, но не реальные меры. Например, [то] у них были совершенно неосуществимые мечты передать Одессу галицийским частям, не учитывая того, что эти части совершенно разложились и небоеспособ-

ны; то предполагали сформировать особую украинскую армию, но не нашли для этого необходимых кадров; то, наконец, возложили все надежды на отряд Стесселя, который, по их мнению, мог удержать Одессу, но и этому не суждено было сбыться. Вообще английское командование хотело всех и вся уверить, что Одесса сдана не будет, но как это произойдет, объяснить не могло.

После убийства Кирпичникова место начальника контрразведывательного отделения штаба области было предложено мне, отчего я должен был, руководствуясь уже высказанными причинами, отказаться, но, уступая настойчивым просьбам генерала Шиллинга и известной группы лиц, наконец согласился принять. В этой должности я пробыл не более 10 дней, но все мои предположения, из-за которых я отказывался ее принять, оправдались. Личный состав отделения и всех подведомственных пунктов был самый разношерстный и отрицательный. В это время все пункты уже ликвидировались и стягивались в Одессу, садясь на шею отделению, которое должно было так или иначе ими озаботиться и применить их к какому-либо делу. Казенные суммы и имущество пунктов отчасти показывалось к сдаче, но главная часть считалась утерянной или покинутой под давлением создавшейся обстановки внезапного отступления. Во всем этом нужно было разбираться и в большинстве случаев принимать на веру; проверить ничего нельзя было. Все старались главным образом соблюсти свои личные интересы, а не общегосударственные.

Штаб области около 20 января определенно приготовился к эвакуации, ибо ни одного солдата на фронте не было, а две дивизии красных наступали на Одессу. С этого момента вся распорядительная часть в городе перешла в штаб обороны полковника Стесселя.

23 января я, [как] обычно, приехал на службу в штаб области и уже своего отделения не нашел: оказалось, что дежурный генерал Витвиницкий, не найдя нужным даже уведомить начальников отделений, приказал с вечера накануне складывать все имущество штаба и грузить на пароход «Владимир». Вот так порядки, когда эвакуация скрывается даже от ближайших сотрудников! Соблюдалась такая тайна, что население узнало об оставлении Одессы добровольцами только 24 января из объявления, сделанного англичанами. Это прямо-таки было недобросовестно по отношению ко многим лицам, не успевшим приготовиться к отъезду и заплатившим потом за это своей жизнью. Не менее я был поражен и тем, что никто из моих ближайших помощников также не потрудился предупредить меня о последовавшем распоряжении дежурного генерала штаба области. Тут я лишний раз мог убедиться в составленном заранее мнении о личном составе контрразведок. Да и чего же можно было ожидать, если в штатном составе некоторых контрразведывательных пунктов находились большевистские агенты, состоявшие в то же время на жаловании у большевиков; некоторые из них даже были уличены и расстреляны.

Узнав об эвакуации, я немедленно принял меры для посадки всех служащих Морского района на пароход «Румянцев» и сухопутных на пароход «Владимир». К вечеру 24 января на берегу не осталось ни одного человека из моих подчиненных. В течение дня я съезжал с парохода в город, где уже заметно было весьма повышенное настроение, полицейские посты отсутствовали, офицерские дружины отступали и стягивались к штабу и Николаевскому бульвару. Вообще город был накануне внутреннего взрыва.

25 января все пароходы, нагруженные и переполненные войсками и беженцами, готовились к отплытию, но стояли еще у пристаней или на внутреннем рейде. В этот год зима была суровая и рейд был замерзший. Отход пароходов был весьма затруднителен, и многие могли выйти только с помощью буксиров-ледоколов. «Владимир», на котором я находился, стоял у мола, в самом конце его. В 9 часов утра начальник нашего эшелона, он же дежурный генерал штаба Одесской области, генерал Витвиницкий, позвал меня и просил поехать в контору Государственного банка вместе с казначеем штаба, чтобы получить два миллиона керенских денег для раздачи жалования пароландной команде, без чего она не хотела сниматься с якоря. Хотя в это время

было уже и рискованно ехать в город и пароход в час дня уже должен был отойти, но я все же поехал. Со мной на автомобиле был казначей и два вооруженных офицера моего отделения, не считая шофера. Когда автомобиль подъехал к банку, то у ворот с Польской улицы и у главного подъезда с Жуковской были толпы самой разношерстной публики, ожидавшей впуска в банк для получения денег, одни — из запоздавших вкладчиков, другие — за получкой жалования и т.п. Попасть внутрь было довольно трудно, не все-таки, приказав автомобилю ожидать, я, хоть и с трудом, пробрался с казначеем в банк. Операция получения денег при содействии управляющего конторой была совершена очень скоро, оставалось только уехать обратно. Управляющий, который тоже должен был эвакуироваться на пароходе «Владимир», узнав, что у меня автомобиль, просил подвезти его и сестру, на что я охотно согласился. Для того, чтобы не протискиваться через толпу, он предложил нам пройти через его квартиру и выйти на Жуковскую улицу через главный подъезд. Ввиду этого я вышел, чтобы позвать автомобиль с Польской улицы, но, повернув за угол, автомобиля не нашел, а когда обратился к толпе, стоящей у ворот с вопросом, не видел ли кто автомобиля, то получил ответ с двусмысленными улыбками и в грубой форме, что автомобиль уже уехал. Настроение и состав этой толпы уже были совсем другие; здесь были почти исключительно стражники бывшей государственной стражи, готовые каждую минуту перейти на сторону большевиков; признаки уже были налицо: разнузданность манер, вызывающие улыбки, грубость и т.п. Пришлось вернуться назад и предупредить своих спутников, что нужно немедленно идти на пристань пешком во избежание последующих худших событий. Когда, наконец, мы были готовы и хотели выйти, это оказалось невозможным: все выходы из банка, не исключая и квартиры управляющего, были уже заняты взбунтовавшимися стражниками, которые наотрез отказались нас выпустить. По тону их было видно, что они даже готовы пустить в ход оружие. Была, например, сказана такая фраза: «Будь, хоть солдат, хоть генерал, кто покажется первому пулю в лоб». Положение для нас стало в высшей степени серьезно и затруднительно. Бросились к телефону, чтобы вызвать помощь из штаба обороны, — телефон не действовал, соединение прервано. Мы поняли, что попали в ловушку, из которой выхода нет. В окна были видны проезжавшие грузовики с вооруженными людьми, слышна была ружейная и пулеметная стрельба, раздавались орудийные выстрелы; в городе шел бой, с минуты на минуту мы ожидали захвата банка и, конечно, гибели. Наконец, мы узнали причину, почему стражники закупорили все выходы и никого не выпускали: оказывается им причиталось получить жалование от начальника резерва, который его получал еще в кассе, и они боялись, что управляющий увезет все суммы, а они останутся без денег. Тогда на быстро созванном совете, было решено поскорее удовлетворить получателя денег для стражников и выпустить его за ворота. Решение это было приведено немедленно в исполнение и оказало магическое действие. Все, что было на улице, бросилось к деньгам и освободило выход, чем мы, конечно, тотчас же и воспользовались, чтобы выбраться из своей ловушки. Трудно передать, что пришлось пережить за тот час времени, который мы провели пленниками в помещении банка. С одной стороны, каждую минуту стражники могли быть заменены большевиками, которые, конечно, беспощадно с нами расправились бы, а с другой стороны, мысль о том, что с минуты на минуту все пароходы уйдут и придется неизбежно остаться в Одессе, приводила в ужас и вызывала злобу, что пришлось так глупо и бесполезно попасть в ловушку по вине трусливого и потерявшего самообладание генерала Витвиницкого, пославшего меня в банк за керенскими деньгами в то время, когда они были, по словам управляющего конторой банка, давно уже погружены, и в большом количестве, на пароход «Владимир», чего не мог не знать Витвиницкий.

Когда мы вышли на Польскую улицу и бросились бежать на пристань, чтобы застать еще «Владимир» у мола, бой на улицах города разгорался; ружейная и пулеметная трескотня перемешивалась с револьверными выстрелами

ми из окон домов. Свист пуль из поперечных улиц заставлял перебегать перекрестки полным ходом. По пути попадались валяющиеся раненные и убитые. Когда, наконец, мы достигли мола, то увидели, что все пароходы, стоявшие утром у пристани, уже ушли и только «Владимир», уже отшвартовавшись, еще кормой касался берега. На молу собралась большая группа в несколько сот офицеров — это дружина полковника Стесселя, отступавшая под давлением большевиков, занявших Николаевский бульвар и поставивших там артиллерию. Этой группе офицеров уже не представилось возможным попасть на совершенно переполненные пароходы, ушедшие в море, и она ожидала здесь подачи какого-либо свободного судна. Как впоследствии оказалось, такового не нашлось и им пришлось возвратиться в город, чтобы с боем пробиваться к румынской границе. Я и мои спутники, то есть управляющий конторой банка, казначей банка, казначей штаба и сестра управляющего, были подняты при помощи брошенных нам канатов прямо на корму «Владимира», который стал медленно отходить под огнем пулеметов с соседнего мола и пушечным обстрелом с Николаевского бульвара.

Все, что мне пришлось испытать в эти кошмарные часы, не к чести дежурного генерала Витвиницкого, забывшего о данном мне поручении и, как я потом узнал, торопившего капитана «Владимира» к скорейшему отходу, и моих храбрых подчиненных офицеров, бросивших меня в банке на произвол судьбы.

«Владимир» взял курс на Севастополь. Переезд, хотя и был короток, но кошмарен вследствие переполнения парохода. Каюты, палубы, трюмы — все было забито людьми; много было тифозных; было и несколько раненных пулеметным огнем во время прохождения Одесского рейда. Ночью хватил небывалый мороз, дошедший к 6 часам утра до 26 градусов ниже нуля по Реомюру. Когда утром 26 января мы входили в Южную бухту Севастополя, начался сильный шторм, которого мы избегли, но который причинил огромные несчастья тем судам, которые из Одессы пошли в Константинополь: большинство шторм застал в море и некоторые из них погибли.

Так кошмарно прошла эвакуация Одессы, оттянутая Главным командованием до последнего момента, приведшая к гораздо худшим последствиям, чем это было бы, если б ее начать исподволь и планомерно, как предполагал генерал Шиллинг.

В Севастополе я пробыл всего одну неделю, но и за этот короткий срок мне ясно было видно, что дело Добровольческой армии погибло. Крым еще удерживался войсками Одесского фронта — группой генерала Слащева, отступавшего на Перекоп, где он укрепился и сдерживал наступление красных. Севастополь был переполнен офицерами и беженцами и представлял совершенно такую же картину, как и Одесса. На Севастопольском рейде были уже приготовлены пароходы для вывоза имущества морского ведомства и семей моряков. Последние позаботились заблаговременно нагрузить пароходы своим имуществом, до домашней обстановки включительно. Положение было таково, что не сегодня-завтра Севастополь будет брошен. Командующий войсками генерал Шиллинг прибыл только 27 января, а генерал Слащев находился на севере Крымского полуострова; распорядиться было некому; царил полная неразбериха и паника. 27-го на пароходе «Молчанов» прибыл генерал Шиллинг, но и он общего положения и настроения не изменил, у всех была только одна надежда на упорное сопротивление генерала Слащева. Весь мой аппарат был вывезен из Одесского района, и естественно, что в Крыму, где были свои контрразведывательные органы, я мог считать себя более не нужным, тем более что должность мною была принята против желания и сулила мне в будущем все неприятности ликвидации и сдачи имущества эвакуированных пунктов, что уже по первым их действиям указывало на ряд злоупотреблений. Поэтому я решил отказаться от навязанного мне против воли дела и подал рапорт об отчислении от должности, что и было принято генералом Шиллингом. 2 февраля я выехал из Севастополя в Константинополь на английском угольщике «Мерседес».

Г л а в а X

Приезд в Турцию. — Передача Главного командования генералу Врангелю. — Представитель главкома в Турции. — Его сотрудники. — Мое назначение начальником паспортно-пропускного отделения. — Порядок отправок и недопущения в Крым. — Отношение союзников к русским беженцам. — Иностранная разведка в Константинополе. — Снабжение Крыма. — Жизнь русских в Константинополе. — Оставление Крыма.

Путешествие на пароходе «Мерседес», считая вместе с остановками в карантинах, продолжалось в общем девять дней и было, по сравнению с прежними передвижениями по Черному морю, скорее увеселительной прогулкой. Нас, русских, вместе с семьями было всего 17 человек; все помещались в офицерской кают-компании, прекрасно питались благодаря любезному отношению и гостеприимству команды и офицеров парохода. Все мы были высажены на остро Принкино (Принцезы острова) и размещены на дачах, на полном иждивении англичан, где уже находилось до 2000 русских беженцев из Одессы и Новороссийска. Нужно отдать полную справедливость англичанам, что, поддерживая до известной степени довольно строгий режим, они прекрасно относились к русским и содержали их в полном довольствии.

В марте были получены сведения о полной эвакуации Новороссийска, причем остатки русской армии были переброшены в Крым, а часть ее ушла в Закавказье и даже в Персию. Семьи чинов Добровольческой армии были эвакуированы в Турцию, Болгарию, Сербию, Грецию, на острова Кипр, Мальту и даже в Египет. Главнокомандующий генерал Деникин сложил с себя звание и передал его генералу Врангелю, который, будучи вызван из Константинополя, где находился не у дел, первой своей задачей поставил спасти остатки армии, а потому с первых же шагов начал ее реорганизацию, назвав ее Русской армией, обеспечивая в то же время себя укреплением Перекопского перешейка, дабы не дать возможности красным захватить себя врасплох, что, при том расстроенном состоянии, в каком находились остатки армии, вывезенной из Новороссийска, легко могло случиться.

Я не могу описывать ни действий Русской армии в Крыму, ни работы административного характера Главного командования, так как на месте не был и мог следить за этим лишь по газетам и сообщениям приезжавших из Крыма, а потому ограничусь лишь изложением жизни русских и работы представительных органов Русской армии в Константинополе. Это проходило на моих глазах, ибо в очень скором времени новый представитель главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе генерал Лукомский пригласил меня на должность начальника паспортно-пропускного отделения при своем представительстве.

Генерал Лукомский сменил бывшего до него военного представителя Добровольческой армии генерала Агапеева на совершенно новых началах. Ему были подчинены все русские военные учреждения, до того времени бывшие независимыми, как то: русская морская база, русский морской агент, капитан над портом, финансовый агент, представитель артиллерийского ведомства и разные заготовительные и закупочные комиссии и специальный беженский отдел. Вся дипломатическая часть и русское консульство были в ведении дипломатического представителя А.А. Нератова, независимого от генерала Лукомского, но действовавшего по соглашению с ним.

Я состоял при канцелярии генерала Лукомского, заведую паспортной частью, то есть разрешением виз, контролем перевозок в Крым и, кроме того, информацией на Ближнем Востоке в смысле большевистской пропаганды и работы. По обязанностям службы мне приходилось ежедневно делать доклады генералу Лукомскому. Я его знал еще в чине подпоручика, когда мы вместе слушали курс в Николаевской академии Генерального штаба, и теперь, по прошествии 25 лет, мне впервые пришлось встретиться с

ним на служебном поприще в Константинополе. Это был безусловно честный человек, соблюдавший интересы казны и Главного командования, виден в нем был большой административный опыт, полученный продолжительной штабной службой в Петербурге и в работах Особого совещания при штабе главнокомандующего Добровольческой армией. В 1920 г., когда еще сохранился клочок русской земли в руках Русской армии, иностранные верховные комиссары в Константинополе и командующие оккупационными союзными войсками считались главным образом с военным представителем Русской армии, а не с дипломатическим, а потому поддержание с иностранцами самой живейшей связи и добрых отношений приобретало громадное значение; как ни как, а зависимость от Антанты была, что выражалось как в моральной, так отчасти и в материальной поддержке. В этом отношении генерал Лукомский вполне отвечал своему назначению, наладив прекрасные отношения и с достоинством поддерживая честь Русской армии.

Сотрудники генерала Лукомского, к сожалению, не все были безупречны. Большая часть, конечно, исполняла свой долг по совести, но были и такие, которые смотрели на дело с точки зрения личных интересов. Так, например, два подряд военно-морских агента растратили казенные ссуды, а один из них, составив себе приличный капитал, бесследно скрылся, заранее предвидя раскрытие его злоупотреблений по службе.

В Крыму в это время началась работа государственного строительства. Генерал Врангель стал вызывать из-за границы некоторых лиц, которых считал полезными сотрудниками, но вместе с тем началась тяга в Крым тех, кого и не приглашали. Эти последние рассчитывали на то, что пристроятся в тылу и в случае удачи общего дела займут прочное положение в будущем. Кроме того, Главное командование в целях пополнения армии поставило требование о возвращении из-за границы всех боеспособных элементов в ряды армии; эта мера, наоборот, вызвала пассивное сопротивление. Благодаря этим обстоятельствам сразу наметилось чрезмерное разбухание тыла и слабое пополнение фронта, что заставляло генерала Лукомского принимать самые решительные меры, чтобы понудить молодое боеспособное офицерство ехать в Крым, до лишения во всем своего содействия и материальной поддержки. Но была одна категория, стремившаяся во что бы то ни было в Крым вопреки запрещению Главного командования — это эвакуированные в свое время семьи служащих в Крыму, желавшие присоединиться к своим главам, с чем приходилось постоянно воевать. Запрет был вызван тяжелыми экономическими условиями, квартирным и продовольственным кризисом.

3 мая приказом главнокомандующего я, совершенно неожиданно для себя, был назначен чем-то вроде директора Департамента полиции при штабе главнокомандующего, то есть, иначе говоря, начальником политического и уголовного розыска в Крыму. Назначение это меня совершенно не устраивало. Во-первых, я сомневался в том, что Крым удержится под натиском большевиков — дело было уже проиграно генералом Деникиным и, судя по первому приказу генерала Врангеля, отданному еще в Константинополе, до приема армии, Крым являлся лишь этапом для дальнейшей эвакуации армии за границу, а во-вторых, работать при тех условиях, какие создались уже у генерала Деникина, и с теми же людьми, считал для себя неприемлемым; опыт Одессы слишком был показателен. Поэтому от назначения я решительно отказался и остался в своей прежней скромной должности в Константинополе. Однако здесь мне пришлось наблюдать за действием наших крымских разведывательных и контрразведывательных органов, и должен сказать, что они не были на высоте положения. Например, большинство агентов разведки, приезжавших в Константинополь, были или мошенники или дублеры. С их стороны преследовалась единственная цель — получить покрупнее сумму для командировки и скрыться за границу, где они себя чувствовали в недосягаемости. Даже бывшие кадровые офицеры не отличались чистоплотностью. Например, был командирован в Константинополь бывший командир кавалерийского полка полковник Фусс, человек почтенный, которому

была дана задача наладить курьерскую связь Крыма с Константинополем, Белградом и Софией; он же должен был получить от генерала Лукомского около 3000 английских фунтов для отвоза на обратном пути в штаб главнокомандующего. Получив деньги, он в Крым не поехал, а скрылся за границу и только почти спустя год были получены сведения, что он благополучно проживает в Париже с присвоенными деньгами. Другой пример: полковник Генерального штаба Симинский перешел на сторону красных и увез с собой некоторые секретные документы. А ведь этот полковник был начальником разведывательной части при штабе главкома. Такие факты только подтверждали сложившееся у меня определенное мнение о невысоком нравственном уровне сподвижников белого движения, особенно в среде так называемых контрразведчиков.

Мне, как контролирующему и разрешающему отъезд в Крым, приходилось все время вести борьбу в двух направлениях. С одной стороны, выдерживать атаки, слезные просьбы и т.п. семей, желающих присоединиться к своим родственникам в Крыму, вопреки запрещению главнокомандующего, а с другой, прилагать героические усилия, чтобы заставить молодых боеспособных людей ехать в Крым в ряды армии. Эта последняя категория была самая несносная: в большинстве случаев это были самые скверные элементы армии; отвыкшие от работы, они без всякого дела болтались по Константинополю, пьянствовали, скандалили и ежедневно осаждали беженскую часть, выпрашивая пособия.

Кроме этих категорий, замечалась сильная тяга в Крым мелких торговцев и спекулянтов; это были греки, турки и русские, везшие всякого рода товар, большей частью мануфактурный, старавшиеся нажить на разнице цен и валюты 100% и более. В это время валюта главного командования стала прогрессивно падать. В Константинополе началась сильная биржевая игра на ее понижение. В Крыму принимали всякого рода меры против обесценения русских денег. Я предложил, с своей стороны, реальную меру для поднятия или по крайней мере для сохранения большей устойчивости русских денежных знаков, но, к сожалению, проект, посланный генералом Лукомским Кривошеину, помощнику главкома по гражданской части, был им оставлен без должного внимания. Мера эта заключалась в том, чтобы с каждого лица, отправляющегося в Крым по торговым делам, брать 10 турецких лир за визу, но требовать вноса их в русских деньгах по курсу дня. Это вызвало бы большой спрос русских денег в Константинополе и придало бы им большую устойчивость. Этот паспортный сбор в русской валюте должен был поступать в распоряжение главнокомандующего и уменьшил бы новые выпуски денежных знаков. Каждый пароход, идущий в Крым, возвращал бы миллионы русских денег русскому Государственному банку. Почему Кривошеин отнесся к проекту отрицательно — не знаю.

Отношение англичан к русским беженцам после эвакуации Новороссийска и Одессы было наиболее покровительственное, сравнительно с другими союзными властями, оккупирующими Константинополь. После отъезда бывшего главнокомандующего Добровольческой армии генерала Деникина в Лондон англичане продолжали содержать русских в лагерях и общежитиях до июня 1920 года. С этого момента политика Ллойд Джорджа круто изменилась в отношении большевиков, и вместо интервенций, которые Англия поддерживала с 1918 г., с советской Россией начались переговоры о возможности торговых сношений и прекращении помощи белому движению. Общежития и лагеря, поддерживаемые англичанами, были ликвидированы, и в скором времени после заключения первого торгового договора с большевиками в Константинополь была допущена советская торговая миссия.

Приблизительно в это же время Франция признала правительство генерала Врангеля в Крыму, что хотя и не оказало ему материальной поддержки, но обеспечило большую устойчивость и покровительство на случай неудачи.

Третья оккупирующая Константинополь держава, Италия, в русском вопросе держала себя нейтрально.

К этому я должен добавить, что Франция и Италия еще долго продолжали помощь русским беженцам, принятым ими под свое покровительство на Принцевых островах, а Англия еще почти целый год содержала таковых на острове Кипре, Мальте и в Египте. Колоссальную помощь оказывал русским беженцам американский Красный Крест и американские благотворительные организации, устраивая столовые бесплатного питания, снабжая неимущих беженцев продовольственными продуктами, помогая одеждой, бельем и обувью, беря на свое воспитание детей, помогая юношеству продолжать образование в средних и высших учебных заведениях Европы. Эта помощь заслуживает самой глубокой благодарности русской нации Америке.

Дело союзной разведки и контрразведки в Константинополе было поставлено из рук вон плохо. Главной причиной этого нужно считать то обстоятельство, что каждая страна имела свои отдельные органы, без общего руководства и никем не объединенные, а это являлось крупнейшим злом. Были контрразведки: английская, французская, итальянская, греческая, русская, польская, японская, украинская, сухопутные и морские и т.д. Было совершенно справедливо, что русский поэт Мятлев, будучи в Константинополе, в одном из своих стихотворений сказал: «И сорок три контрразведки венчают новый Вавилон». Другая причина неудовлетворительной постановки розыска — это подбор личного состава. Во главе дела у иностранцев стояли люди совершенно неопытные, большей частью заурядные строевые офицеры, мало знакомые с особенностями этого рода службы, а потому и агенты были подобраны недобросовестные, все из того же ненадежного русского элемента, о котором я уже говорил. Работа всех контрразведок была направлена против надвигающегося большевизма, но активности не проявлялось никакой. Не говорю уже о русских, украинских, польских и т.д. контрразведках, которые были неправомочны, но даже органы и оккупационных держав боролись с коммунизмом «постольку-поскольку», то есть если возможно было уличить лицо в пропаганде среди союзных войск, тогда дело кончалось арестом и судом, в противном же случае, даже при наличии всех улик в принадлежности к коммунистической организации, дело оставалось без последствий.

Вследствие такой постановки дела большевистские разведывательные органы и пропагандисты могли спокойно работать и коммунистическая пропаганда в Константинополе прогрессивно возрастала. Всякий контроль при прибытии в Константинополь обходился большевиками тем, что они появлялись здесь с вполне легальными (но чужими) паспортами.

Из всех контрразведок все-таки наибольшую активность проявляла французская. Что же касается английской, то таковая в июне, ввиду заключенного торгового договора с советской Россией, закрыла свою русскую секцию и замаскировалась тем, что приняла на свое иждивение украинскую контрразведку.

Дело снабжения Русской армии углем, обмундированием и боевым снаряжением было возложено на генерала Лукомского и подведомственные ему органы: С.Н. Гербея, представителя артиллерийского ведомства, закупочные комиссии. Боевое снаряжение приходилось разыскивать и покупать тайком, причем союзные власти смотрели на это сквозь пальцы и, нужно им отдать справедливость, даже покровительствовали.

Жизнь русских эмигрантов в Константинополе не отличалась особой скромностью. После одесской и новороссийской эвакуации неимущая масса была расселена или на Принцевых островах на иждивении иностранцев, или на посольских дачах в Буюке Дере и Терапии — в общезжитиях, на попечении русских благотворительных учреждений. В самом Константинополе жили русские, не стеснявшиеся в средствах. Некоторые крепко пустили корни здесь, занявшись торговыми операциями, устройством ресторанов, игорных домов и т.п. Некоторые имели достаточные средства для того, чтобы жить в лучших отелях, смотрели на свое пребывание в Константинополе как на временное, направляясь в другие страны Европы. Из Крыма постоянно прибывали более

предусмотрительные лица со средствами, не верившие в прочность положения там; между последними было немало военных и гражданских чинов бывшей Добровольческой армии, которые остались не у дел. Большая часть этой денежной публики проводила время в Константинополе праздно, в кутежах, оргиях и по карточным притонам, которых стараниями же русских развелось значительное число. Легко спускались деньги теми, которые их легко нажили всякими правдами и неправдами в период общей разрухи.

В общем наблюдалась картина: с одной стороны, полная нищета и зависимость от русской и иностранной благотворительности, а с другой — широкая расточительность; с одной стороны — тяга в Крым от тяжких условий беженской жизни, а с другой стороны — бегство из Крыма за границу, чтобы использовать свой достаток в более культурных и спокойных условиях Западной Европы.

В октябре, после заключения поляками мира с большевиками, положение Русской армии в северной Таврии, теснимой превосходящими силами красных, было очень тяжело. Отступление за Перекопский перешеек уже предвиделось, и вопрос был лишь в том, как долго Русская армия удержится в Крыму под прикрытием укрепленной Перекопской позиции. Но суждено было так, что наступившие ранние морозы помогли красным обойти наши укрепления по льду и путь в Крым был открыт. Русская армия должна была либо капитулировать, либо эвакуировать Крым. Главнокомандующий решил эвакуировать армию и тем спасти ее от ужасных последствий захвата красными.

Известие об этом решении было получено в Константинополе в самом конце октября, а уже в первых числах ноября стали прибывать в Константинополь пароходы и военные суда с войсками и гражданскими беженцами из разных портов Крыма. На 70 судах было вывезено до 140 тысяч людей. В течение нескольких дней на внешнем рейде в Мраморном море стояла огромная, небывалая здесь по числу вымпелов, флотилия.

Г л а в а XI

Эвакуация Крыма. — Размещение эвакуированных по странам и лагерям. — Судьба военного флота. — Реорганизация власти и местных русских учреждений. — Ликвидационная комиссия. — Переход на беженское положение, бегство из лагерей. — Константинополь в дни наплыва русских беженцев. — Русское посольство и охрана его. — Гибель «Лукулла». — Главнокомандующий генерал Врангель.

Попечением главнокомандующего все русские, вывезенные из Крыма, были приняты под покровительство Франции и распределены таким образом: казачьи части отправлены в лагерь на остров Лемнос и в лагерь на фракийский берег Мраморного моря — Чаталджу. Все пехотные части (корпус генерала Кутепова), кавалерийский корпус генерала Барбовича и артиллерия помещены в лагере на полуострове Галлиполи. Гражданские лица были размещены в лагерях в окрестностях Константинополя и в самом городе — в разных казармах и общежитиях. Так были созданы большие лагеря: Сан-Стефанский, Лан, Каробер, Селямие, Тузла, Долмабахче, Халки, Буюк Дерё, Терапия и др. 20 тысяч было сразу, без высадки в Константинополе, отправлено в Сербию через порт Катаро, около 10 тысяч в Болгарию через Варну, одна тысяча в Грецию. Румыния отказалась принять хотя бы одного человека.

Путешествие из Крыма и содержание на пароходах, судя по рассказам эвакуированных, было совершено при самых кошмарных условиях. Главный ужас был в необыкновенной скученности, даже на сравнительно больших пароходах Добровольного флота. На некоторых число пассажиров доходило до 11 тысяч человек. Если к этому прибавить недостаток провизии, то будет вполне понятным, что могли испытывать в течение нескольких дней путешествия русские беженцы. Во время стоянки флотилии на Константинопольском рейде ежед-

невно все русские и иностранные благотворительные организации и даже частные лица развозили продукты, и главным образом хлеб, голодным беженцам.

Весь военный флот с командами русских моряков был отправлен во французскую колонию в Африке — Бизерту. Весь остальной торговый флот после того, как был освобожден от пассажиров и грузов, был взят в пользование французами в возмещение расходов по перевозке и содержанию Русской армии и гражданских беженцев. Временно были оставлены в пользовании русских только два судна: пароход «Александр Михайлович», где помещался штаб главкома, и яхта «Лукулл», где имел пребывание генерал Врангель.

После распределения и размещения беженцев была начата реорганизация власти и местных русских учреждений. Главнокомандующий сложил с себя звание правителя Юга России, а потому и правительство его было расформировано. По текущему моменту нужно было оставить только следующие отделы управления: управление беженской частью, что было возложено на С.Н. Ильина, финансовой частью, сперва на профессора Бернацкого, а после его отъезда в Париж — А.И. Пильца, финансового контроля — на Савича. По военной части: штаб главнокомандующего — генерала Шатилова и ликвидационная комиссия — генерала Ставицкого. Военное представительство при Союзном командовании было упразднено и заменено военной агентурой, причем на должность военного агента в Турции был назначен генерал Г.Г. Чертков. (Паспортное отделение по-прежнему осталось при военном агенте.)

Самый обширный отдел был беженский, который имел несколько отделений, как то: общее, санитарное, питания, пособий и т.д. Константинопольский отдел руководил на первых порах всеми местными беженскими отделами на Балканах. Этот отдел вначале был очень велик по своему личному составу, но постепенно, по мере расселения беженцев и уменьшения средств, сокращался и к январю 1922 г. совершенно был упразднен, функции же его были переданы дипломатическим представителям и заключались лишь в мелких пособиях и содействии при отправках беженцев в другие страны.

Финансовый отдел вначале также был довольно велик, но впоследствии сократился до одного финансового агента, а с отъездом главкома в Сербию, в феврале 1922 г., для Константинополя был совершенно упразднен. То же случилось и с Контролем.

Штаб на первых порах упразднил всю генерал-квартирмейстерскую часть, оставив только дежурного генерала, судное отделение, строевое и информационное. Затем и это было сокращено. Осталось только два отделения: оперативное (строевое) и информационное. В этом составе штаб вместе с главнокомандующим и переехал в Сербию (Сремски Карловцы).

Ликвидационная комиссия, рассчитанная на три месяца, не более, существовала полгода.

С прибытием в Турцию, на пароходах, кроме наличности Государственного банка в виде иностранной валюты и ценностей, было доставлено и много ценного груза, который, будучи реализован, мог пополнить сравнительно скудную казну Главного командования. Кроме того, было заявлено много претензий и исков со стороны кредиторов казны по разным исполненным заказам и поставкам в Крыму, которые следовало так или иначе удовлетворить. Все это легло на обязанность ликвидационной комиссии по соглашению с финансовым и контрольным отделом. Каждый расход утверждался особым финансовым совещанием, в состав которого входили представители финансов, контроля и ликвидационной комиссии. Долги казны значительно превышали ее наличность, и удовлетворить всех кредиторов не было возможно, а потому финансовое совещание в большинстве случаев, утверждая счета кредиторов, признавало за ними право получения денег из государственного казначейства только по восстановлении России. Очень жаль, что к этому способу удовлетворения кредиторов финансовая комиссия не прибегла сразу и большие суммы ушли в удовлетворение подрядчиков и спекулянтов, которые и так за время гражданской войны нажили огромные барыши; лучше бы эти деньги пошли на содержание так нуждавшихся беженцев.

Тотчас же по высадке и расселении русских по лагерям начались массовые уходы, их из лагерей к самостоятельной жизни в городе и переход на беженское положение чинов армии, не желавших оставаться в ее рядах. В этом отношении главнокомандующий предоставил им полную свободу; никто сильно в армии не удерживался. Куда же они стремились? Одни, будучи ограничены и стеснены лагерным распорядком, стремились к личному заработку, другие, имевшие кое-какие сбережения, создавали торговые и коммерческие дела и, наконец, многие, не желая оставаться в Турции по тем или другим причинам, устраивали себе визы и уезжали в другие страны. Французы, которые считали себя ответственными за вывезенных и отданных им под покровительство русских, на первых порах старались удержать эту утечку из лагерей и пытались их вновь водворять на старые места, для чего было введено много паспортных правил и ограничений. Были, например, специальные французские патрули, проверявшие в городе у русских документы и подозрительных задерживавшие и отправлявшие на сборный пункт в лагерь Сиркеджи. Но все эти меры ни к чему не привели, и бегство русских из лагерей продолжалось. Впоследствии французские власти режим ослабили, стали смотреть на уход русских из лагерей как на явление вполне нормальное, а еще позже, вследствие поворота своей политики в русском вопросе, даже всячески содействовали большевикам в распылении русской эмиграции. Странную картину представлял Константинополь в эти дни: он точно завоеван был русскими, наводнившими улицы города. Большинство беженцев было бездомно, ходили в поисках заработка, продавали на рынках и на улицах те немногие крохи своего имущества, которые им удалось вывезти с родины, валялись по ночам на папертях мечетей, ночевали в банях и т.п. На Пера, около русского посольства, ежедневно стояли огромные толпы русских, продававших свои пожитки и русские деньги, ничего не стоившие в то время. Двор посольства и все находившиеся в зданиях посольства учреждения были переполнены русскими беженцами: одни приходили за паспортами, другие за пособиями и помощью, а много было и таких, которых, от нечего делать, просто тянула к себе русская территория. Среди общей массы были и такие, которые смело могли оставаться у красных — им ничего не грозило, по своим убеждениям они больше подходили к большевикам, и нужно было удивляться, зачем они покинули Крым. Этот последний элемент занимался в помещениях посольства кражами, распространял ложные слухи, что не сегодня-завтра посольство будет захвачено большевиками, всячески будировал публику красной опасностью и предлагал для охраны посольства свои услуги и услуги каких-то таинственных организаций. Все эти обстоятельства привели к необходимости, для сохранения порядка и безопасности посольской усадьбы, создать особую охранную команду и учредить должность коменданта. Распоряжением главкома комендантом посольства был назначен генерал Чекатовский, а для охраны зданий был назначен полуэскадрон конной гвардии. Русское консульство и Николаевский военный госпиталь охранялись людьми того же эскадрона. С установлением охраны был достигнут до известной степени порядок и гарантия от захвата посольства если не большевиками, то во всяком случае какими-либо темными элементами. Нужно сказать, что конная гвардия не была на высоте положения: кражи продолжались, и даже при содействии самих охранителей, и когда зашел разговор о замене конногвардейцев ординарческим эскадром, то одним из конногвардейцев, стоявших на посту у ворот драгомана, была брошена с целью провокации ручная граната, хотя и не причинившая никому вреда, но вызвавшая слух, что произошло покушение со стороны большевиков на захват посольства и поэтому сменить конногвардейцев, как знакомых уже с охраной, отнюдь не следует. Произведенное по этому случаю дознание выяснило, что во взрыве гранаты большевики никакого участия не принимали, и конногвардейцы были заменены ординарческим эскадром, при котором охранная служба пошла много лучше.

Главное здание русского посольства было битком набито: дипломатический представитель, его канцелярия и весь личный состав канцелярии,

приемная главкома и его личный секретариат, посольская церковь и лазарет для вывезенных из Крыма раненых. В драгоманате помещались военная агентура, паспортное отделение, все учреждения поэвакуационного времени и все служащие этих учреждений, причем последние были так уплотнены, что семейные занимали по одной комнате, а холостые по несколько человек в одной. Впоследствии, когда чины бывшего штаба были отправлены на пароходе «Александр Михайлович» в Сербию, то штаб главкома в новом сокращенном составе еще более уплотнил драгоманат.

Главнокомандующий имел свое пребывание на яхте «Лукулл», и только для служебных приемов приезжал в посольство. «Лукулл» стоял на якоре в Босфоре, довольно далеко от посольства, что вызывало большие неудобства в смысле быстроты сношений и докладов. Впоследствии, когда яхта «Лукулл» погибла благодаря умышленному или неумышленному столкновению с наскочившим на нее итальянским пароходом «Адриа», генералу Врангелю пришлось переехать в посольство. Дознание, произведенное портовыми властями по поводу гибели «Лукулла», не выяснило истинной причины столкновения, но у всех русских сложилось убеждение, что «Лукулл» был потоплен с целью покушения на жизнь главкома генерала Врангеля по инициативе большевиков.

Генерал Врангель совершил большое дело, вывезя из Крыма армию и гражданских лиц, чем спас их от большевистских зверств, но естественно являлся вопрос, что же этой армии дальше делать. Этот вопрос каждый вправе был поставить. Какие планы у главнокомандующего, какие виды на будущее? Каждый, особенно тот, который отказался покинуть ряды армии, ждал ответа на этот вопрос. Все знали, что генерал Врангель во что бы то ни стало хочет сохранить армию, но для чего, что и когда он будет с нею делать, этого никто не знал, и, я думаю, не знал этого и сам Врангель. Никакого определенного плана у Врангеля не было. Однако, если суммировать деятельность Врангеля в Константинополе, его заботы о положении армии в местах ее расселения, желание поставить ее в лучшие материальные условия, перевозку частей в Сербию и Болгарию, заставляли думать, что Врангель осуществляет определенный план для действий в России. Поэтому вполне понятна тревога большевиков, которые, изгнав Русскую армию за границу, все время чувствовали на первых порах за морем угрозу, которая может их заставить вновь вести борьбу за какой-либо новый клочок русской территории. Население же Юга России, испытывавшее уже всю тяжесть большевистского режима, с надеждой взирало за море и ждало спасения от той же ушедшей за границу армии. Но, увы, этим надеждам не суждено было сбыться. У Врангеля никаких планов будущих операций, при существующей политической обстановке, не было, и ни одна иностранная держава ему не желала помочь вновь вступить в борьбу с большевиками для освобождения России и сокрушения коммунизма как общей мировой угрозы.

Поэтому может быть и правы те, кто упрекал Врангеля в беспочвенных успокоениях остатков своей армии несбыточными надеждами на скорое возвращение в Россию, вместо того чтобы прямо сказать, что на этот раз дело проиграно окончательно и что нужны какие-то иные, новые пути для освобождения порабощенной и истекающей кровью родины.

К.И. Глобачев

Декабрь 1922 года.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Воспоминания его см.: САННИКОВ А.С. Одесские записи. — Вопросы истории, 2001, № 6—7.

За хлебом и нефтью

А.Г. Шляпников

11. Опять в Армавире

Вооруженный отряд и дипломатическую миссию мы оставили в Минеральных Водах, остальной отряд благополучно добрался до Армавира. Здесь надо было отобрать и надежных и подходящих для путешествия по степному району автомашин. Это дело я поручил старому механику Н.И. Назарову. С железнодорожной администрацией договорился о предоставлении отъезжающим классных вагонов и платформ для грузовых машин.

В Ставрополь послал в губисполком т. Петрову телеграмму о том, что «за Минеральными Водами путь испорчен местными и чужими станичниками. Георгиевск подвергся налету 600 казаков. Все выступления — плод контрреволюционной провокации. Примите меры в районах, прилегающих к Георгиевску. Как дела в Торговой? Временно остаюсь в Армавире».

Железнодорожники ст. Минеральные Воды сообщили мне уже в пути, что казаки прислали делегатов для переговоров и стрельбу прекратили. Получив такое сообщение, я послал командующему Беленковичу телеграмму, что «в дороге получил сведения, что станицы выслали парламентариев. Сделайте все для разрешения кризиса мирным путем. Много данных о провокации, следует быть осторожным. Требуйте воздействия станичников на тот отряд налетчиков, который в Георгиевске».

1 июля были подготовлены три классных вагона для делегатов и отправлявшихся в Москву состоявших при отряде партийных и советских инструкторов. Автомобили и бензин были размещены на шести платформах.

Т. Матрозова я определил как главу делегации, снабдив его следующим мандатом:

«1 июля 1918 года. Исх. №244. Армавир.

Предъявитель сего член Центрального исполнительного комитета Всероссийского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов т. И.И. Матрозов делегируется мною по делам продовольствия в г. Москву. Предписываю всем учреждениям и лицам оказывать т. Матрозову и едущим с ним 23 делегатам неукоснительное содействие по немедленному их продвижению в г. Москву, для чего предоставлять им соответствующий подвижной состав и внеочередное продвижение.

Настоящее мое предписание относится равно как к железнодорожному пути, так и водному.

Народный комиссар труда, Общий руководитель продовольственного дела Юга России А. Шляпников.

Член коллегии Народного комиссариата труда, помощник руководителя А. Падэрин».

Ехавшие должны были добиться приема у В.И. Ленина и сообщить ему о создавшемся на Северном Кавказе положении. Ставропольским делегатам, кроме того, я дал письмо к В.И. Ленину. 2 июля все отбыли на Ставрополь.

Ставропольскому же уполномоченному, т. Ермолову, я предложил направить делегацию на Астрахань, для чего отправлял вместе с ними восемь автомобилей.

Из Армавира нам удалось связаться со штабом Калнина в Тихорецкой и получить от него сведения о положении на его фронте. Разговор по прямому проводу происходил днем 1 июля, вот его содержание: «Леонов, начальник оперативной части: На немецком фронте затишье. Как у вас, в Армавире, дела? Прибыл ли к вам Дербентский полк? Великокняжеский фронт. Сводка военных действий 30 июня. На левом фланге от ст. Ильинка без перемен. У Развильной наши продвинулись вперед, противник оказывает слабое сопротивление. У Развильного разъезда весь день шел бой. Нами занято село Павловское. За обладание Николаевкой идет бой. Успешно нашими войсками заняты Ивановка, Сандаты, Ново-Егорлыкская. От неожиданного удара противник бежал, не оказывая сопротивления. У ст. Крученой и в Торговой противник потерял 150 человек убитыми и ранеными. Захвачен автомобиль и 40 лошадей. На вопрос, скоро ли будет очищен путь, и когда будет можно пустить поезда, и есть ли на таковое надежда, по мнению главкома, — не раньше, как через две недели, с исправлениями, так как много взорвано мостов и разобрана линия. Зависит от технической обстановки».

Эта сводка показывала, что главкому Калнину удалось направить удар в тыл противнику, наседавшему на «оборонцев» Медвеженского уезда. Успешное продвижение наших войск от Тихорецкой подавало нам некоторые надежды на восстановление утраченной железнодорожной связи.

Из Минеральных Вод телеграфировали: «Вернулся с боя, жду вашего распоряжения. Эйненкель».

Наш комендант т. Широков связался по прямому [проводу] с Минеральными Водами и вызвал Эйненкеля, запросив у него подробности о положении дела под Георгиевском и Прохладной. Тот ответил: «Насчет Георгиевска ничего неизвестно. Станицы Александрийская и Подгорная взяты нами; оружие казаки сдали. Запросите комиссара Шляпникова, чтобы он сделал распоряжение об отправке меня обратно, так как я нахожусь на станции без дела. Бой мы выдержали, у меня один раненый».

Т. Широков: Мы приедем завтра на Минеральные Воды. 23 часа ночи отправляемся, и лично переговорите с т. Шляпниковым относительно вашего возвращения.

[Эйненкель:] Хорошо».

В тот же вечер нам удалось связаться прямым проводом и с Екатеринодаром, вызвать главного комиссара Чекпрода т. Дунаевского и переговорить с ним. В то время в Новороссийской бухте стояли военные суда германотурецкого флота. У меня сохранилась запись переговоров, начинающаяся с ответа Дунаевского о германотурецких судах: «До сих пор в бухте, просят 12 тыс. пудов угля. Даем только до Севастополя. В общем поладим. С Минеральными сообщения нет. Что вам известно? Чувствуем себя по-прежнему. Если не пришлете то, что обещали и зачем поехали, а это можно сделать, так как Вы у Шляпникова, — будет хуже». (Екатеринодарцы просили дать им 5 миллионов рублей. Эти деньги им были отпущены по мандату т. Островской, о чем им и сообщили.) Когда ожидать? Сегодня начинается совещание партии, прибыло свыше десяти (представителей). Приедет ли Падэрин? Спросите Шляпникова, если он тут. Я думаю вместо Кизляра из Минеральных Вод гнать (продовольственные грузы) на Петровск. Его мнение?

Монахов (инструктор ЦИК) в Новороссийске: Лехно (тоже) приехал. Конкретно сделать ничего не удается. Приезжать не нужно, справимся, раз выслали обещанное (деньги). Кто едет с обещанным? Какого числа выехал? Откуда и что вы послали?

Дунаевский: Ничего не понимаю. Кого вы сюда (в Екатеринодар) посылаете? Считаю что это нарушит весь продовольственный план».

В этой фразе скрывается условность. Т. Дунаевский просил денег не для осуществления продовольственного плана, а для подготовки отступления из Екатеринодара и Тамани в полном порядке. Деньги в сумме пяти миллионов были отправлены с артельщиками, под охраной и в сопровождении верных людей, но говорить открыто по телеграфу было неосторожно, поэтому Дунаевский «ничего не понимал» и не догадался.

Причины нашего возвращения из Минеральных Вод в Армавир весьма беспокоили т. Дунаевского, и он просил «говорить прямо, что с Минеральными Водами?»

Как раз в тот же час где-то были перерезаны провода, это бывало тогда часто, и от нас ему отвечали: «Я же говорю, что с Минеральными сообщения нет — порваны провода».

При переговорах присутствовала т. Н. Островская, только что приехавшая из Екатеринодара за деньгами. Наш ответ т. Дунаевскому был: «Мне Островская уже сообщила то, что хотел спросить у вас. Регистрируйте все проходящие грузы. Немедленно сообщайте мне.

Дунаевский: Съезда в Армавире не будет из-за событий. Ни я, ни Крипов, ни Мержанов, ни москвичи не можем оставить ни на день своих постов. Всего хорошего».

В Екатеринодаре отчетливо понимали опасность создавшегося положения, и готовились к борьбе, и предусмотрительно намечали порядок вывода находившихся под Ростовом и на Таманском полуострове, в районе Темрюка, своих войск.

На 4 июля был назначен съезд уполномоченных Чекпрода, но создавшееся в крае неблагоприятное военное положение не давало уверенности в том, что люди съедутся. Все были заняты мыслями об ограждении государственного имущества, спасении его, кто как мог.

Армавирскому агенту т. Асланову я поручил вызвать меня по телеграфу, как только съедется хоть часть уполномоченных. Ночью на 2 июля мы покинули Армавир и вернулись на Минеральные Воды.

12. В Минераловодском районе

Утром 3 июля часовой сообщил мне, что явилась делегация казаков станицы Александрийской и просит принять ее. Явившиеся трое казаков предъявили документы за подписями местного совета и попросили выслушать их.

По их рассказам, в нападении на Георгиевск их станица не принимала участия. Кто напал, они также не знали и в свою очередь под руководством своего комиссара выставили сторожевое охранение в направлении к Георгиевску на случай нападения на станицу. Они протестовали против внезапного обстрела станицы с броневика и последовавшего затем требования о выдаче всякого оружия, обысков и ограблений, которым подверглись их жилища.

Обвинение их в убийстве каких-то делегатов было напраслиной на них, ибо никаких делегатов они не видели и никого не убивали. Обращаясь ко мне, делегаты просили помочь им именем центра урегулировать дело и посетить их станицу. Я обещал посетить их станицу, если они выполнили все приказания военных властей и помогают исправить железнодорожный путь, ими разобранный. Станичники уверили меня, что все уже сделано. Я запросил т. Беленковича, он подтвердил, и я обещал приехать в станицу, в тот же день, 3 июля, после 2 часов дня. Представители вернулись от меня в станицу, чтобы оповестить станичников. Уходя, они оставили мне постановление общего собрания, состоявшегося утром того же 3 июля.

Случай на ст. Минеральные Воды и столкновения с ближайшими к ней станциями меня очень интересовал: на нем и по нему я хотел выяснить, как и откуда работает провокационная пружина, какие действия Советской власти используются контрреволюционерами — казачьими офицерами, кулаками, попами, торгашами и тому подобными элементами, нашедшими себе приют и привольное житье в станицах, для поднятия станичников с оружием в руках против Советской власти.

Я поручил своим товарищам собрать все материалы, относившиеся к имевшему место столкновению на Минеральных Водах, начавшемуся 30 июня и катившемуся вдоль железнодорожной линии на Прохладную и далее. Мне были доставлены приказы командующего Беленковича и его бронепоезда.

Военные действия в районе начались с налета крупного отряда казаков, численностью до 600 сабель, на г. Георгиевск, расположенный в начале линии на Св. Крест. Разведки никакой не было, и точно никто не знал, откуда появился этот отряд. В районе много было бандитских казачьих и горских вооруженных грабительских шаек, нападавших на хутора, станицы и даже поезда. Подозрения обычно падали на ближайшие к месту происшествия станицы, поселки, аулы. И в случае с нападением на Георгиевск пятигорские власти решили, что виноваты соседние станицы. Вместо предварительной проверки на месте или путем вызова станичного комиссара или членов совета, начали сразу же с «решительных» действий в виде посылки вооруженных отрядов и бронепоездов для разоружения ближайших станиц. Этим моментом воспользовались контрреволюционные элементы и под видом самообороны и самоохраны казачества вступили в бой с войсками Пятигорского отдела.

Ход дальнейших событий, на основании документов, развивался следующим образом. Получив от военного комиссара задание подавить банду, напавшую на Георгиевск, командующий войсками начал поход с разоружения станиц Александрийской, Подгорной и Лысогорской, заподозренных в налете на Георгиевск. Сам Георгиевск в лице рабочих и отряда партийцев в это время героически защищался, обороняя расположенный там арсенал.

Нападение бандитов было отбито. Наступления т. Беленковича со стороны Минеральных Вод и т. Егорова из Владикавказа на Прохладную, возможно, оттянули те части казаков, участвовавших в налете, дома которых были в Александрийской, Подгорной и Лысогорской, и этим облегчили положение оборонявшихся товарищей в Георгиевске.

Лишь 30 июня, в день нашего прибытия на ст. Минеральные Воды, командующий т. Беленкович издал обращение «Ко всем казакам и гражданам станиц Александрийской, Подгорной и Лысогорской», в котором писал:

«Приказываю вам с получением сего немедленно выдать все имеющееся огнестрельное нарезное оружие и прекратить всякие военные действия против советских войск, а также и восстание против Советской власти. В противном случае я объявляю вас изменниками Родины и Революции и иду на вас вверенными мне моими войсками.

В случае же исполнения данного приказа казаками и гражданами о выдаче оружия, а также зачинщиков и подстрекателей я с своей стороны от имени вверенных мне войск заявляю, что ни одно насилие или личное оскорбление мною допущено не будет, порукой этому послужит моя честь инвалида. Говорю прямо: мы не идем против казаков, наша задача — борьба с врагами власти трудового народа. Пусть те из вас, кто хочет войны, выделиться и выйдет к нам навстречу. Ибо вы не одни в станицах: там есть невинные дети, женщины и старики, а с детьми, женщинами и стариками не ведем мы войну, и вести таковую считаю позором для своего оружия. Срок для выполнения данного приказа даю до 11 часов утра сего 30 июня 1918 года. После чего ответственность за дальнейшие последствия остается на вашей совести. Я сделал все, что должен был сделать перед боем с родными братьями честный солдат. Ваш ответ я получу через ваших делегатов.

Командующий войсками Пятигорского отдела Беленкович».

Вместе с этим воззванием каждой из трех станиц были вручены следующие требования:

«1) Возвращение оружия и освобождение арестованных броневика “Интернационал № 2”.

2) Прекращение осады г. Георгиевска и отвод осаждающих частей по своим местам.

3) Не противодействовать восстановлению железнодорожных путей, мостов и линий связи, разрушенных казаками.

4) Прекращение обстрела вспомогательных поездов под белым флагом, а также и всех советских частей.

II. С своей стороны официально заявляю, что с прекращением военных действий я и вверенные мне войска обязуемся не только не производить разоружение мирных станиц, но в случае нападения с какой бы то ни было стороны оказывать всякую помощь.

Примечание: Довожу до сведения казаков и граждан станицы Пятигорского отдела о том, что я назначен Терским народным советом с особыми полномочиями для короткой реорганизации Красной армии и изгнания из нее всех хулиганов и преступных элементов, а также что все советские части, как красноармейские, так казачьи, находятся в моем распоряжении и непосредственном подчинении. Командующий войсками Пятигорского отдела».

Кроме обращения т. Беленковича и предложенного им требования, с особыми приказами и требованиями выступала еще и команда броневика. Мне были доставлены три документа нижеследующего содержания:

«Команда Броневика № 25. 1 июля 1918 года. № 193. Кавказская армия. Комиссару станицы Александрийской

Предписываю Вам немедленно выслать все население для исправления пути и собрать все без исключения огнестрельное оружие, револьверы, дробовые ружья, винтовки, шашки и кинжалы, арестовать всех контрреволюционеров и держать под арестом до нашего возвращения. Если таковые [предписания] не будут выполнены, то отвечает президиум и совет. После чего будут сделаны повальные обыски и если что найдется, то преступник будет на месте расстрелян. Также должна быть выслана охрана железной дороги. Комиссар Броневика Миронов.

Председатель (подпись неразборчива)».

Из этого документа видно, что команда броневика действовала на свой страх, значительно изменяя и преувеличивая требования, переданные станице накануне. В то время как командующий требовал выдачи нарезного оружия, команда броневика требовала шашки, кинжалы и охотничьи ружья. Последнее требование было способно только обострить отношения с казаками, а самый документ мог быть легко использован контрреволюционерами, что и имело место. Совершенно неуместны были угрозы совету и повальными обысками всему населению — угрозы, способствовавшие объединению всех элементов станицы против отряда.

Второй документ был в том же тоне. Приказ также исходил от команды броневика № 25, также от 1 июля 1918 г., но без номера, хотя и с громким подзаголовком «Кавказская армия», был адресован комиссару станицы Александрийской. В нем писалось: «Согласно Вашего постановления предписываем Вам в десять с половиной часов утра сдать оружие всякого рода, огнестрельное и холодное, бронированному поезду и все население чтобы было выслано для исправления пути. Если таковое не будет исполнено в указанное время, станица обратится в течение одного часа в развалины. Комиссар броневика Миронов. Председатель (подпись неразборчива). Секретарь (подпись неразборчива)».

Получив такое уведомление, население станицы собрало все свои пожитки, скот и ушло в поля. Оставшиеся старики и старухи да члены совета и комиссар станицы собрали разное старое оружие и сдали его броневикам. Команда последнего вместе с другими отрядами произвела обещанный «поголовный обыск», также не давший оружия, но породивший очень много

разговоров о том, что во время обыска красноармейцы забирали то, что не было увезено казаками в степи.

После обысков, уже 2 июля, команда броневика № 25 отправила комиссару все той же Александрийской станицы третий приказ:

«Предписываю Вам всех выехавших из станицы жителей приглашать на место жительства. Обстрел производиться не будет лишь только в том случае, если Вы примете на свою обязанность охрану железной дороги и арестуете всех контрреволюционеров, и по возвращении нас привести к поезду и найти тех, кто убил делегатов. Комиссар С. Попов. Секретарь (подпись неразборчива)».

Совет, вернее члены его президиума, и станичный комиссар вернули жителей в станицу и 3 июля устроили общее собрание, на котором вынесли нижеследующее постановление: «Общего народного собрания населения станицы Александрийской, Пятигорского отдела Терской области, состоявшегося 3 июля 1918 г. н.ст., [постановление]. Обсуждая приказание комиссара броневика № 25 от 2 июля н/ст. за № 191 относительно: 1) Приглашения жителей возвратиться в станицу, 2) О принятии на свою обязанность охраны железной дороги. 3) Об аресте всех контрреволюционеров. 4) Привести к поезду тех лиц, кто убил делегатов.

Мы единогласно постановили: по первому пункту приказание выполнено, и жители станицы со степи съезжаются в станицу. По пункту второму: охрана железной дороги в юрте станицы Александрийской выставлена с оружием, что же касается пункта третьего и четвертого, об аресте контрреволюционеров, то таковых мы указать не можем именно потому, что события вспыхнувшего пожара войны вытекли не по вине каких-либо индивидуальных лиц, а произошло это только лишь потому, что произведенным в ночь на 27 июня сего года обстрелом станицы с требованием снесения оружия, без никаких предупреждений, личных или письменных, со стороны властей высшей сферы не было сделано впредь, до получения приказа № 5 командующего войсками Пятигорского отдела товарища Беленковича от 30 июня 1918 г. н. ст., полученного лично от товарища Беленковича нашими делегатами и обнародованного ими нам того же 30 июня в первом часу дня, и ввиду того, что бой разгорелся на два фронта, а главное на фронте Георгиевском, то в короткий момент, при всех наших желаниях, остановить эту братоубийственную бойню мы не были в состоянии, и только 1 июля в 9 часов утра удалось отозвать враждующих и прекратить огонь. Что же касается убийства делегатов, то нам о их приезде как ранее, так и теперь ничего не известно. В силу таких обстоятельств мы, трудовое население Александрийской, просим т. Беленковича и Пятигорский окружной народный совет по данному вопросу назначить следственную комиссию. С станицы же Александрийской снять осадное положение и разрешить трудовому населению выехать на степные работы, так как озимые хлеба и сенокосные поля созрели и требуют уборки.

Для представления настоящего постановления и личного ходатайствования перед т. Беленковичем о снятии осадного положения избираем из своей среды граждан: Петра Коровина, Василия Шипилова, Константина Моисеева и Павла Дуплина, а копии с настоящего постановления этим же делегатам лично представить в Пятигорский окружной народный совет и доставить комиссару броневика № 25.

Ниже следуют девяносто подписей».

Требование о выдаче лиц, убивших делегатов, было основано на полученных, оказавшихся ложными, сведениях о захвате теми же станицами делегатов, отправившихся в Москву на Съезд советов через Святой Крест, на Астрахань.

Эти же слухи, я теперь уже не помню, откуда они были получены, но вызвали и у нас тревогу за судьбу И.И. Матрозова и уехавших с ним 23 делегатов.

Я поручил тогда же, 3 июля, запросить по прямому проводу Ставрополь, что нам удалось. Вот запись этих переговоров, из которых мы кое-что узнали и о военном и внутреннем положении в Ставропольской губернии.

«Я комиссар путей сообщения Пархоменко. Что скажете?

Назаров: Скажите, при каких обстоятельствах отправилась делегация в Москву?

Пархоменко: На Петровское Ставр[опольской губернии], а потом лошадами на Астрахань. Это поехал комиссар путей сообщения. Это выехала не вся делегация а только часть.

Назаров: Где находится т. Матрозов?

Пархоменко: Не знаю.

Назаров: До нас дошли сведения, будто бы он был арестован.

Пархоменко: Собственно, я этой личности не знаю.

Назаров: Секретарь Всероссийского совета профсоюзов, член ЦИКа, который должен был отправиться с вашей делегацией.

Пархоменко: Из делегации никто не был арестован. Вальяно вернулась. Остальные уехали.

Назаров: А действительно ли что-либо случилось с делегацией?

Пархоменко: Я думал, что касается специально путей сообщения, а о делегации подробно может сообщить вернувшаяся Вальяно, которая придет минут через 15.

Назаров: Попросите ее сюда.

Вальяно: Я комиссар просвещения, Вальяно.

Назаров: Скажите, что с т. Матрозовым? До нас дошли слухи, что он арестован.

Вальяно: Об этом я ничего не знаю. Из Ставрополя он выехал на трех грузовиках на Астрахань.

Назаров: Вместе с делегацией?

Вальяно: Да, вместе с делегацией.

Назаров: Имеются ли какие сведения о дальнейшей их поездке?

Вальяно: Никаких сведений не имеется.

Назаров: Что нового в Ставрополе?

Вальяно: Все то же; нового почти нет. В каком смысле спрашиваете? О положении на фронте или в политическом?

Назаров: И в том и другом.

Вальяно: Положение на фронте улучшилось. А внутреннее положение все по-старому. В связи с повальными обысками и арестами было много недоразумений, расстрелов. Было вынесено постановление губернским исполкомом о прекращении самовольных арестов, обысков и расстрелов.

Назаров: А почему вы вернулись от делегации?

Вальяно: Считала поездку более 500 верст по Астраханской губернии этапичной (так в тексте. — *Ред.*). Не зная детальной дороги. Считаюсь со старым положением политическим в Ставрополе и отъезд всех членов исполкома, за исключением президиума, с целью агитации по уездам.

Назаров: Далеко ли вы доехали? И вместе ли вы выехали с Матрозовым?

Вальяно: С Матрозовым выехала из Армавира, доехали до Ставрополя вечером этого же дня. В их распоряжение поступило три грузовых автомобиля, с которыми они и выехали, а о дальнейшем ничего не знаю.

Назаров: Значит, у вас нет сведений, что они арестованы?

Вальяно: Нет никаких.

Назаров: Проверьте в штабе Красной армии и если это верно, то чтобы освободили их немедленно.

Вальяно: Хорошо, исполню. А имеются ли у вас сведения, где именно арестован Матрозов?

Назаров: Имеются туманные сведения. Места не знаю, даже приблизительно не знаем.

Вальяно: Наведу справки и сделаем все для его освобождения, в случае если эти слухи подтвердятся.

Назаров: Тогда сообщите нам Минеральные Воды».

Мы успокоились лишь тогда, когда получили сообщение от Ставропольского уполномоченного Ермолова, провожавшего делегатов, в котором он

писал: «Приехал благополучно. Отправил на трех автомобилях часть отряда. Сейчас выезжаю сам. В Ставрополе все спокойно. В уездах есть недоразумения с мобилизованными. Приняты соответствующие меры. Все автомобили Чекпрода расходуются на военные нужды. Надо ли высылать Шляпникову (в тексте пропуск для неразобранного слова. — *Ред.*)? Куда высылать, отвечайте. Чувствую себя тоже неважно».

Под вечер я решил поехать в станицу Александрийскую, на общее собрание станичников. До ст. Виноградской мы поехали поездом, захватив с собой на платформе автомобиль. Для сопровождения в пути и в станице я предполагал взять кого-либо из отряда стоявших там войск т. Беленковича, но никто из них без оружия ехать туда не соглашался. Вооруженная же охрана нам не была нужна. Сопровождать меня поехали А.Н. Падэрин, Н.И. Назаров, Б.Д. Пинсон.

У въезда в станицу нас встретил старик-казак с хлебом и солью на подносе, покрытом самодельным полотенцем. Поздоровались и познакомились с членами совета, комиссаром станицы — казак-фронтовиком средних лет.

Открыли собрание прямо на площади. Слово дали мне.

Я начал свою речь с выражения сожаления о напрасно пролитой крови, предостерегая казаков от той провокации, которую сеяли среди них враги трудового народа, сторонники старых порядков. Происшествие под их станицей было ярким примером той злой провокации, которая столкнула часть их граждан с войсками и местной властью.

Затем я рассказал казакам и казачкам, загорелым на полевых работах, но по случаю собрания принарядившимся, о том, как живут крестьяне и рабочие в центре, о голоде, который создали помещики и капиталисты своей борьбой против народной власти.

Чутко прислушивались казаки и к тому, что я говорил о внешней политике, о причинах, побудивших нас заключить «похабный» Брестский мир.

После меня выступали другие, говорили и сами казаки. В общем собрание прошло хорошо, и мы благополучно вернулись обратно. Из станицы приехал с нами их делегат, который настаивал на необходимости расследовать события, просил вернуть холодное и охотничье оружие, а также снять осадное положение.

Я отправил станичного делегата вместе с нижеследующим письмом к представителю Терского областного народного совета т. Иванченко.

«Препровождаю к Вам представителя станицы Александрийской, предлагаю немедленно прекратить отбирание холодного оружия, а также выяснить совместно с т. Беленковичем возможность возвращения и охотничьих ружей. Лично предлагаю их отдавать под ручательство местного комиссара.

Для выяснения причин волнения предлагаю Пятигорскому окружному народному совету назначить следствие, в коем Вам необходимо иметь своего представителя.

Лично выступал на собрании, впечатление хорошее.

Все просят о снятии осадного положения для полевых работ; полагаю, что это необходимо удовлетворить немедленно, так как такое состояние мешает сельскохозяйственным работам.

Ответ прошу сообщить по телеграфу.

Холодное оружие отбирается вопреки приказа командующего Беленковича.

Виновникам сделать строгое внушение. Кроме того, еще раз прошу принять меры против ограбления.

Народный комиссар труда А. Шляпников».

Одновременно я отправил письмо Пятигорскому окружному совету, в котором писал, что «события последних дней в станице Александрийской требуют строгого расследования. Поступившие ко мне устные и письменные заявления заставляют меня предложить Вам немедленно организовать следственную комиссию. Буде окажутся виновными провокаторы, подстрекатели или бестактные представители власти, предать Революционному суду. Результат следствия сообщите мне.

Народный комиссар труда А. Шляпников».

Исполнительный комитет Пятигорского окружного народного совета еще 1 июля обсуждал создавшееся в станицах округа положение и по докладу представителей станицы Незлобной принял следующее постановление: «Заслушав доклад представителей станицы Незлобной о положении в станице Незлобной, постановили:

- 1) Созвать отдельный съезд для выработки мер к улажению конфликта.
- 2) Послать делегатов к командующему войсками Пятигорского округа Беленковичу и комиссару Терского народного совета Булле с предложением прекратить военные действия в связи с созывом съезда, если это возможно по стратегическим соображениям.
- 3) Для командировки в качестве делегатов к Беленковичу и Булле единоголосно избранны Блок и Фридрих».

Ограбления, против которых я просил принять меры, производились проникавшими в отряды нечестными армейцами. Повальные же обыски, особенно после боев, во время которых население разбегалось или бывало на полевых работах, производимые отрядами, давали легкую возможность преступным элементам пользоваться чужой собственностью в личных целях. Их проделки ложились пятном уже на весь отряд. Да и отряды, бывали случаи, выходили из повиновения начальников, своевольничали.

На почве этого своеволия произошел в те дни серьезный конфликт между командующим войсками Пятигорского округа Беленковичем и чрезвычайным военным комиссаром г. Пятигорска т. Анджиевским. Г.Г. Анджиевский, будучи членом Пятигорского комитета РКП(б) и чрезвычайным военным комиссаром города, занялся подготовкой к обороне Пятигорска и взял решительный тон в борьбе с хулиганством, распушенностью как отдельных граждан, так и недисциплинированностью и своеволием некоторых воинских частей, находившихся в подчинении т. Беленковича. Издал приказ, которым ограничивалась власть командующего в городе.

Т. Беленкович выступил против распоряжений т. Анджиевского и отправил телеграмму в окружной народный совет, в которой писал:

«Объявляю гражданам г. Пятигорска о том, что изданный приказ № 5 за подписью “Чрезвычайного военного комиссара Анджиевского”, коего я не назначал и не уполномочивал, — аннулируется и не подлежит выполнению. Командующий войсками Пятигорского округа Беленкович».

Эта телеграмма т. Беленковича вызвала глубокое возмущение в совете и подозрения, что в лице командующего они имеют авантюриста типа Автономова, а поэтому решили выступить против него публично.

На заседании исполнительного комитета Пятигорского совета 6 июля эта телеграмма подверглась обсуждению, и принятое решение в тот же день было опубликовано в виде протокола. Из этого протокола видно, как сильно реагировал на телеграмму руководящий орган Пятигорска.

«Протокол № 48 заседания исполнительного комитета Пятигорского совдепа от 6 июля 1918 года.

Исполнительный комитет, заслушав телеграмму командующего войсками Пятигорского округа гражданина Беленковича, направленную в окружной народный совет, об аннулировании приказа № 5 чрезвычайного военного комиссара г. Пятигорска т. Анджиевского, постановил: выразить энергичный протест по поводу вмешательства командующего войсками в деятельность городского военного комиссара, отвечающего в пределах города только перед исполнительным комитетом Пятигорского совдепа. Исполнительный комитет подтверждает приказ № 5 чрезвычайного военного комиссара и заявляет, что он не допустит никакого вмешательства в дела совета.

Исполнительный комитет требует от Терского народного совета отозвания командующего войсками Пятигорского округа гражданина Беленковича, как игнорирующего Советскую власть.

Исполнительный комитет обращается ко всем совдепам Терской области с предложением присоединиться к протесту против действий Беленковича.

Мы верим, что все советы, заботящиеся о сохранении авторитета Советской власти, единогласно присоединятся к нашему протесту.

Тов. председателя совета Купцов.

Секретарь В. Молодов».

Этот протокол мне доставили члены народного совета Терской области, кажется т. Бутырин и Иванченко, на другой день, 7 июля.

Исполнительный комитет принципиально был прав в этом деле. Телеграмма т. Беленковича имела антисоветский запах: советская конституция не давала прав командующему «назначать» комиссаров исполкома. Наоборот, командующие назначались исполкомом или его военным органом.

Но я считал, что делать из этого случая областной скандал, да еще во время военных операций, дело опасное. Нужно было воздействовать на т. Беленковича, но иным путем, а не открытым призывом ко всем советам области заклеймить его действия. Поэтому я решил принять все зависящие меры, чтобы локализовать конфликт, если не ликвидировать его полностью. С этой целью я отправился 8 июля в г. Пятигорск и пригласил к себе в вагон председателя совета и т. Анджиевского.

Но на мое приглашение откликнулись и другие партийные и советские деятели Пятигорья того времени. На совещание в вагон пришли товарищи Иванченко, Анджиевский, Гиловерин, Блок, Кофанов, Козюра, Никитин и двое товарищей, фамилии которых начинались на буквы «З» и «Р», но разобраться в сохранившейся у меня записке я не мог. Во время этой встречи мы обсудили вопросы, связанные с организованной т. Анджиевским обороной Пятигорска, вполне одобрили их, а затем перешли к рассмотрению и конфликта, возникшего с Беленковичем.

Со всеми собравшимися товарищами я имел длительную беседу в присутствии тт. Пинсона, Падэрина, стараясь рассеять подозрения пятигорцев относительно Беленковича, к которому за неделю пребывания в полосе военных действий я успел присмотреться, внимательно следя за его действиями. В нем было много партизанской удали, когда он покидал на своего начальника штаба руководство последним и сам шел в цепи или в гуще наступавшей колонны. Но это импонировало, ободряло рядовых бойцов: сам командующий шел, вернее, ковылял с ними на деревянном костыле.

Но он страдал также и болезнью того времени, партизанщиной, когда не считался с интересами революционного дела в целом, а подчинял его лозунгу «все для войны» и вмешивался в дела железнодорожные, советские, продовольственные. Забирал вагоны, «реквизировал» у советских же организаций их товары и, наконец, дошел до конфликта с исполкомом.

Г.Г. Анджиевский — душа Пятигорской организации РКП(б), понимал, что многое из действий т. Беленковича и его вольницы способно скорее вредить организации Советской власти в районе, чем обеспечить ей путь, и, будучи по натуре агитатором и пламенным борцом, он взял на щит своего же командующего, вместо того, чтобы вызвать его в совет или в комитет РКП(б) и там указать ему правила поведения советского деятеля и место в советской системе.

Случай с т. Беленковичем и поведение его отрядов и команд в районе Минеральных Вод свидетельствовали об отсутствии партийного влияния как на командный состав, так и на красноармейцев. Только это обстоятельство порождало такое положение, когда бойцы за дело Советской власти превращались в командиров над ней.

Все эти мысли я высказал товарищам и попросил их не делать дальнейших шагов, дискредитирующих т. Беленковича в тот момент, когда он руководит операциями против казаков, очищая железнодорожный путь через Прохладную. Если же товарищи и Пятигорский комитет находят, что совместная работа их с Беленковичем невозможна, тогда давайте другого командующего, проведем его назначение, а Беленковича отзовем.

На последнее они ответили, что своего кандидата у них нет и его должен дать Терский народный совет или Совнарком, находившийся во Владикавказе.

зе. Все соглашались с моими соображениями о вреде, какой может произойти от продолжения борьбы с Беленковичем в момент боевых действий, но оговорились, что последнее его выступление показало способность на авантюры.

Я не отрицал, что поведение Беленковича может дать повод к подобному подозрению, но считал его мало основательным, так как его выступление ограничилось посылкой телеграммы и никаких других мер против Пятигорского совета или шагов к ним Беленковичем не было сделано. Кроме того, я лично и через партийных работников своего отряда имел наблюдение за действиями и Беленковича и его отрядов, обещая со своей стороны полную поддержку Пятигорскому комитету РКП(б) в случае повторения Беленковичем выступлений против окружного совета или исполкома, не останавливаясь и перед арестом его.

Мое заявление вполне удовлетворило товарищей, и они дали мне обещание не делать со своей стороны никаких дальнейших шагов по организации общественного или советского протеста против командующего.

С т. Беленковичем я имел по этому случаю длительную беседу, в которой доказал ему неуместность его выступления, ошибочность его по существу и опасность, которую она [его телеграмма] содержит, если стать на тот путь, который она подразумевает. Он защищался ссылкой на свои полномочия, данные ему Терским совнаркомом. Я предупредил его, что все полномочия должны вмещаться в советскую систему, а не игнорировать ее, что Пятигорская организация и исполком присматриваются к нему с опаской и он должен оправдать их доверие.

Т. Беленкович, видимо, и сам не ожидал, что его непродуманная телеграмма в окружной совет будет иметь такое последствие, и с возмущением отвергал подозрения о каких-то его авантюристических замыслах.

Я рекомендовал ему подтянуть и свои команды, наблюдать за их действиями не только во время боя, но и после него, когда противник побежден и начинаются охранительные действия. Именно последние действия вызывали протесты населения и порождали возмущения.

Урок, данный т. Беленковичу, не пропал даром. Он взялся энергично за чистку своих частей, поскольку боевая обстановка это позволяла. Сам он не напоминал уже о своей телеграмме и вел себя по отношению к совету весьма корректно.

Приказ № 5 т. Анджиевского (к сожалению не сохранился у меня) вызвал запрос казачьей фракции Терского народного совета во Владикавказе еще до выступления против него т. Беленковича, на заседании 28 июня. Вот что находим мы в отчете об этом деле:

«Представитель казачьей фракции, Бадаев, выступает с внеочередным заявлением.

В Пятигорске, говорит он, объявлено военное положение, некто Анджиевский облечен чрезвычайными полномочиями, и за его подписью опубликован приказ, в котором он грозит расстрелом всем хулиганам, пьяницам, провокаторам и контрреволюционерам. Казачья фракция полагает, что военное положение может быть объявлено только областной властью. Если же каждый начальник округа будет самостоятельно вводить у себя военное положение, то у нас ничего не получится. А затем эти расстрелы, без суда, по единоличному распоряжению каких-то лиц, могут создать большие недоразумения. Среди расстрелянных могут оказаться и невиновные люди.

С ответом на запрос казачьей фракции выступает комиссар внутренних дел т. Фигатнер.

Я хочу, говорит он, коснуться событий в Пятигорском отделе. Месяца два тому назад, когда покойный т. Буачидзе выезжал в Пятигорск для ликвидации Нижневясовских банд, мы встретились в Минеральных Водах с т. Автономовым. С его участием было устроено совещание в Ессентуках, где, между прочим, впервые нам встретился полковник Шкуро. Он был приглашен т. Автономовым для организации партизанских отрядов, которые должны были действовать против немцев и гайдамаков.

Однако очень скоро в районе Кисловодска стали появляться какие-то небольшие контрреволюционные банды. Ввиду подозрительности поведения Шкуро он был арестован Кисловодским совдепом и препровожден во Владикавказ.

Шкуро заявил т. Буачидзе, что он не виновен нисколько и не имеет никакого отношения к контрреволюционной работе, что он дает честное слово в этом и просит его освободить. К сожалению, т. Буачидзе поверил тогда ему и отпустил его на все четыре стороны. Шкуро заявил, что он поедет к Автономову, а сам очутился в Боргустане, где стал организовывать партизанские отряды.

27-го утром его отряды окружили Кисловодск со стороны станицы и со стороны Боргустана, ворвались в город и заняли его. Есть слухи, что они расстреливали красноармейцев, но, повторяю, это пока не проверено. Но установлено, что несколько членов совдепа расстреляно.

Сейчас отряды Шкуро находятся в 10 верстах от Эссентуков, причем вся станица переселилась в горы. Роль казаков ст. Кисловодской неизвестна, но в нападении на г. Кисловодск они принимали участие.

Пятигорский совдеп принял все необходимые меры для борьбы с контрреволюционными бандами. Если там действуют отряды авантюриста, изменившего своему честному слову, если там создалась угроза Советской власти, то как мог совдеп не объявить военного положения? Если там банды расстреливают членов совдепа, то ничем иным, кроме [как] угрозой полевого суда и расстрела совдеп ответить не мог. Советская власть должна быть беспощадной в подавлении контрреволюционного мятежа. После т. Фигатнера выступил и дал объяснения военный комиссар т. Бутырин.

Я немного опоздал и не слышал запроса казачьей фракции. Но из смысла ответа т. Фигатнера понял, в чем дело. И дополнительно сообщу следующее. Т. Анджиевский получил чрезвычайные полномочия отсюда. Несмотря на тревожное положение, он не сразу объявил военное положение, а все время ставил нас в курс событий. Я сам ему говорил, что пока военного положения не вводи, но если надо будет, то введи хоть раз осадное положение. Вы знаете, что произошло с Пятигорским отделом, и если бы Анджиевский не ввел военного положения, то задача областной власти была бы наказать его за бездействие. Вот каково положение вещей. Там оперирует небольшой отряд кубанских казаков, но с ними если не все станицы, то определенная их часть.

Валиев: Если там действуют отряды Шкуро, то почему расстреливать пьяниц, хулиганов, контрреволюционеров и т.д.? Вот на какой запрос мы не получили ответа. А если надо защищать отечество, то, конечно, можно вводить и военное положение.

Председатель т. Богданов: Я отвечу вам. Туда послан отряд Беленковича, и он им подтвердит или не подтвердит распоряжения Анджиевского. Ему даны все полномочия на основании чрезвычайных полномочий, которыми народный совет облек Совет народных комиссаров. Что же касается приказов Анджиевского, то как можно защищать отечество среди пьяни и хулиганов. Вы знаете, что в тревожные моменты с этим злом борются особенно строго.

Григорьев (казак): Какие полномочия даны Беленковичу?

Богданов: Неограниченные.

Григорьев: Даже больше полномочий Анджиевского?

Богданов: Да, неограниченные. По поводу незаконных действий Беленковича, если таковые будут, вы можете входить с запросом в народный совет.

Букановский (казак): Я поддерживаю заявление казачьей фракции, ибо, по нашим сведениям, к отрядам Шкуро присоединилась только малая часть терских казаков. Поэтому все эти неограниченные полномочия могут создать недоразумения.

Богданов: Вы знаете отлично, что Советом народных комиссаров приняты еще меры предосторожности на этот случай. Туда командирован член

Совета народных комиссаров т. Иванченко вместе с представителем вашей фракции.

Букановский: Значит, им предоставлено право контролировать действия Беленковича?

Богданов: Да, т. Иванченко для общего наблюдения.

Валиев настаивает на том, чтобы была вынесена резолюция по запросу казачьей фракции.

Богданов: По наказу, внеочередное заявление даже не обсуждается. Кажется, вам было ясно сказано, что все меры приняты. Мы послали туда даже комиссара, хотя сил у нас здесь немного».

Казачи лучше, чем т. Беленкович, поняли, против кого направлен приказ т. Анджиевского, поэтому и обрушились всей силой на него.

Все станции около Минеральных Вод: Александрийская, Подгорная, Лысогорская, Незлобная, г. Георгиевск и станция Георгиевская отозвали своих казаков, выдали оружие, подчинились.

Город Георгиевск, население которого пережило осаду, пострадал от грабежей, имел жертвы убитыми и ранеными. Арсенал отстояли, казаки не смогли одолеть защитников его; угрожаемые с тылу Беленковичем, отступили.

13. В Георгиевске

Город Георгиевск до моего приезда был подчинен по всем вопросам заготовки хлеба ставропольскому уполномоченному Чекпрода. Уполномоченный отделения Чекпрода в Георгиевске имел своего агента во Владикавказе. Между представителями Чекпрода и терскими представителями власти происходили столкновения, дело доходило до взаимных угроз предания суду и т.п.

Еще во время пребывания в Ставрополе я получил телеграмму от георгиевского уполномоченного Елина, следующего содержания:

«Сообщаю полученную на мое имя телеграмму из Владикавказа:

“В силу предоставленной властью областным компродам права отвода агентов Чекпрода вы не можете считаться таковым в пределах Терской республики до утверждения вас комиссаром. Предлагаю вам отменить все ваши распоряжения, касающиеся Терской республики, не делать таковых распоряжений впредь до выяснения вопроса о вашем назначении. Неподчинение повлечет предание суду военно-революционного трибунала. Председатель Совнаркома Пашковский. Комиссар продовольствия Элердов”, в силу коей вынужден временно действия в Терской области приостановить, несмотря на то, что хлеб, вывозимый из Ставропольской губернии, находится на станциях территории Терской области. Прошу срочно указаний. Чекпрод Елин».

Надо было на месте выяснить положение, урегулировать взаимоотношения, а также распорядиться относительно контроля за агентами Чекпрода, разосланными гг. Якубовым и Дунаевским без всякой системы, ездившими без дела и без контроля в отдельных вагонах и т.д. Т. Елину я поручил проверку всех путешествующих продовольственников.

Всероссийская здравница — Пятигорск, Железноводск, Эссентуки, Кисловодск — предъявляла требования на продукты. Продовольствие требовалось и во Владикавказ, и в Грозный. Надо было дать указания уполномоченному Чекпрода, как действовать. Для Пятигорска и других курортных мест, которые были использованы как места лечения наших раненых, нужно было выдать продукты. Я дал письменное распоряжение:

«Уполномоченному Чекпрода Георгиевского отделения т. Елину. Ввиду особых условий, предлагаю изъять из общего правила для Терской области и включить Пятигорский отдел Терской области в наряд снабжения, но при непременно выполнении следующих условий: 1) введение карточной системы, 2) содействие Чекпроду в борьбе со спекуляцией, как на границе Ставропольской губернии, так и внутри отдела, 3) принятие на учет всех хлебных запасов, 4) норма пайка не должна превышать 3/4 фунта печеного хлеба или

1/2 фунта муки на человека, 5) все товары, могущие служить предметом обмена на хлеб, должны быть немедленно взяты на учет.

Народный комиссар труда, общий руководитель продовольственного дела Юга России А. Шляпников.

Член коллегии Народного комиссариата труда, помощник руководителя А. Падэрин».

[Отдал также распоряжение:] как только откроется путь на Каспий — направлять хлеб по обеим линиям — на Моздок и Беслан, на Кизляр и Грозный, но не скоплять его в районах Кубани и Ставрополя.

Все эти вопросы мы решили в Георгиевске, только что выдержавшем казачью осаду.

Нужно было удовлетворять хлебом и войска, боровшиеся с казачьими бандами. В нашем распоряжении находилось некоторое количество сахарного песка, который был тогда уже большой редкостью. Мы уполномочили т. Елина выдать сахар Пятигорскому отделу по списку больных, отпустили в распоряжение совета некоторое количество сахара и для аптек. Ему же предложили удовлетворить требования войск на хлеб и сахар.

Осада объединила вокруг Георгиевского совета не только небольшие пролетарские элементы, но и прочую бедноту города, которая также выступила против казаков с оружием в руках.

В городе мы имели беседы с партийцами, с членами совета и работниками профессиональных союзов. Отогнав казаков от города, все они продолжали свое дело. Сама вооруженная борьба становилась почти повседневным явлением.

Перед самой осадой г. Георгиевска в нем состоялся областной съезд профессиональных союзов. На съезде были рассмотрены вопросы борьбы с безработицей, постановки культурно-просветительной работы, рабочий контроль, организация отделов труда при советах и другие. Работники профдвижения подробно ознакомили нас с работами съезда, прошедшего под влиянием большевистских идей, отклонившего попытки социал-демократов меньшевиков повернуть его на путь «нейтралитета» к Советской власти. В качестве доказательства солидарности терских организованных рабочих с большинством объединенных профессиональными союзами пролетариев нашей страны представители профсоюзов вручили нам решения съезда.

По вопросу о безработице съезд принял решение, по которому успешное преодоление ее обуславливалось «созданием строго обдуманного и жизненного плана последовательных и широких мероприятий в духе социалистического строительства народнохозяйственной жизни, направленных к восстановлению и поднятию производительных сил страны»¹.

Кроме этого общего положения, съезд рекомендовал ряд [таких] мер, как объединение и расширение местных предприятий, организация ремонтных мастерских, сооружение гидростанций и т.п.

Особое внимание уделил съезд постановке культурно-просветительной работы, рекомендовал организовывать на местах ячейки и образовательные комитеты.

Решение съезда о рабочем контроле требовало введения его в действие «во всех отраслях промышленности и народного хозяйства, согласно Положения рабоче-крестьянского правительства о рабочем контроле»².

В целях охраны труда в промышленности и сельском хозяйстве съезд считал нужным организацию при советах рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих депутатов отделов труда³.

Все принятые съездом решения свидетельствовали о том, что передовые организованные пролетарии Терека не противопоставляли и не обособляли своих интересов от Советской власти, а шли в ногу с ней во всех вопросах.

К сожалению, многие подробности, рассказанные нам в Георгиевске, о работах этого интересного рабочего съезда не сохранились ни среди документов, ни в памяти.

14. На всероссийской здравнице

За время пребывания в Минеральных Водах я вместе с помощником и рядом политических работников несколько раз посещал Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки. Везде знакомились с положением дела и с состоянием лечебного государственного хозяйства.

Во всех этих лечебных местах было много бывших солдат, лечившихся от контузии, ранений и болезней империалистической войны. Многие санатории были переполнены ими. Красноармейцев, раненых и больных, было мало по сравнению с другими категориями лечившихся. Во всех этих городах, и особенно в Пятигорске, было много офицеров, военных чиновников, ожидавших движения, но не минеральных вод. В особняках жили старые владельцы, буржуазные гости слетались к ним со всех концов центральной России.

Кавказскими минеральными водами и лечебными заведениями ведал тогда уполномоченный Высшим советом народного хозяйства т. Ершов. Он и познакомил нас с положением курортов, а также со своей работой по реорганизации управления курортами. Работа, сделанная им и его ближайшими помощниками, была полезная, заслуживала одобрения и поддержки, которую мы ему и оказали там.

Доклад обо всем этом он составил мне и письменный, также на имя президиума ВСНХ ⁴.

Советские и городские власти Кисловодска устроили в нашу честь вечер в помещении «Гранд отеля». На вечере выступали с боевыми речами местные деятели, в том числе и городской голова, отразившие налет банды полковника Шкуро. Следы битвы виднелись на зданиях Тополевой аллеи. Жертвы налета были уже похоронены — их было 19 убитых; 40 раненых лежали в госпиталях. Мы посетили их.

Кругом бурлили вспышки восстания: на равнинах поднимались казаки, в горах вооружались кабардинцы, карачаевцы. Все готовились решать вековой спор о земле с оружием в руках. И все прогулки по ближайшим горам — на Машук в Пятигорске, на Красное Солнышко, на Синие Камни и Лермонтову скалу в Кисловодске — можно было совершать лишь с винтовкой за плечами: чужаку там угрожала бандитская рука.

В Кисловодске мы подробно узнали, как началось выступление полковника Шкуро. Первый набег его был на ст. Боргустанскую, от которой он потребовал мобилизации двухсот всадников с оружием для борьбы с Советами. В это время весь его отряд не превышал 80 всадников кубанских казаков.

Когда станичные власти сообщили о появлении Шкуро в Боргустанскую станицу и в Пятигорск, оттуда были направлены против Шкуро войска. Некоторые элементы станицы воспользовались набегом Шкуро и выразили желание организовать из казаков для защиты Советской власти отряд в 300 всадников. Это предложение поддержал присутствовавший в станице председатель Окружного народного совета Радзевич и внес добавление, чтобы отряд был не только из казаков, но и красноармейцев. На этом и порешили. Числа 23 июня была сформирована первая сотня. В нее вошли 90 казаков и 8 красноармейцев. Этот отряд выступил утром на поиски Шкуро.

В дороге командир сотни повел агитацию за присоединение к отряду полковника Шкуро. Один из красноармейцев убил из винтовки командира. Тогда казаки, обнажив шашки, бросились на красноармейцев, двоих зарубили, третьего ранили, у одного в это время взорвалась бомба, и он был ею убит, четвертым удалось спастись. Казаки ушли к Шкуро.

После этого все население ст. Боргустанской было обезоружено.

Заходил Шкуро еще в Суворовскую и Бекешевскую станицы, требовал мобилизовать казаков, а 27-го напал на Кисловодск, увел за собой часть казаков станицы того же имени. Выбитый из Кисловодска, ушел в горы по направлению к Баталпаинску. Видимо, некоторые части его отряда орудовали под Ессентуками, пытались 28-го взять город, но были отбиты. К нача-

лу июля в его отряде насчитывалось до 1000 сабель, преимущественно кубанцев, и лишь незначительная доля из них были терцы. Так начал свою бандитскую карьеру кубанский герой белогвардейщины.

Политический и административный центр был в Пятигорске. Окружной народный совет там развивал большую работу, стараясь объединить вокруг себя все трудовое казачество и иногородних. Но эта работа в конце июня была сорвана бандитским выступлением Шкуро. Это выступление было заклеено советской частью, лучшей частью передового казачества Пятигорского округа в воззвании следующего содержания:

Воззвание Казаче-крестьянской фракции Пятигорского окружного народного совета.

«Дорогие станичники, казаки и крестьяне! Ваши избранники при Пятигорском окружном народном совете в казачье-крестьянской фракции, учитывая все невзгоды и лишения, выпавшие на долю казаков и крестьян за время войны и междоусобицы в стране, полагают начать работу в окружном совете при мирной обстановке и всю свою деятельность направить по пути полнейшего умиротворения в крае, ибо только в этом случае возможна плодотворная работа в интересах всего трудового народа.

Вполне рассчитывая на вашу поддержку, избранная вами окружная власть, сплотив свои ряды, в ближайшем будущем надеется избавить население всего нашего края от нашествия разного рода банд и хулиганов, будь это контрреволюционеры или всеу прикрывающиеся революционными лозунгами, и затем немедленно призвать все население к сотрудничеству, чтобы возможно скорее добиться улучшения экономического состояния нашего края.

Так думают люди, проникнутые истинным желанием честно трудиться. Так думали вы на первом демократическом съезде в Пятигорске. Так полагаем и мы — ваши избранники.

Но не так думают другие люди, желающие бесконечной крови и смуты. Темные силы мутят народ, расстраивают сплоченные ряды трудового казачества и безжалостно толкают его на братоубийственную войну, никогда не могущую принести трудовому народу нужного успокоения и порядка.

Под станицей Боргустанской с бандой хулиганов, частью из казаков-кубанцев и частью из одураченных горцев, появился какой-то авантюрист Шкуро, потребовал от станицы, под угрозой расстрела в случае неисполнения требования, двести лошадей, двести винтовок и сто казаков. Об этом Боргустанский станичный народный совет немедленно донес Пятигорскому окружному народному совету, которым и принимаются соответствующие меры к самому беспощадному подавлению злонамеренной затеи бандита Шкуро, которая немедленно будет подавлена, чего бы это ни стоило окружному совету, и участники ее понесут самое беспощадное наказание.

Не в том дело, граждане станичники, казаки и крестьяне, что появляются бессовестные бандиты, Шкуро и ему подобные авантюристы, а в том, что эти безрассудные попытки производятся о расчетом на поддержку населения, с каковой целью распускаются самые бессовестные провокационные слухи и сулятся всевозможные обещания, лишь бы натравить одну часть населения на другую и зажечь пожар братоубийственной войны.

Вот почему нам — казакам и крестьянам — нужно раз навсегда спросить себя: хотим ли мы войны и братской крови или мы этого не хотим, и раз навсегда бесповоротно дать единственно верный и разумный ответ всем бандитам и их военачальникам — свое твердое и бесповоротное: «НЕТ!»

Ибо мы хотим только мирной созидательной работы, спокойствия за целостность нашей жизни и нашего трудового имущества. И этого мы, ваши избранники, — и тут, в Пятигорске, и там, во Владикавказе — добиваемся и, уверены, добьемся в содружестве работ всей трудовой семьей прямыми, честными бескровными путями.

Вот почему мы, ваши избранники, призываем вас в этот грозный момент сохранить полное спокойствие и не делать никаких необдуманных выпадов.

Вот почему мы самым громким братским голосом призываем вас сплотиться вокруг избранного вами окружного совета.

Призываем вас только ему верить, только его поддерживать, только его и уполномоченных им лиц приказания и распоряжения исполнять!

Долой же всех провокаторов и контрреволюционеров! Не надо нам самозванных строителей жизни! Мы сами — кузнецы своего счастья, сами взяли в руки свою судьбу и как сумеем скуем ее, устроим судьбу нашу — жизнь — так, как это нам, трудовому народу, будет нужно!

Да здравствует наше братское единение всей трудовой семьи Пятигорского округа: казаков, крестьян, горцев и рабочих! Да здравствует власть, ею созданная! В единении — сила! Все за одного и один за всех! Смело, вперед, за лучшее лучезарное будущее трудового народа!

Казачье-крестьянская фракция Пятигорского окружного народного совета.

Пятигорск, 27 июня 1918 года».

Возвратившись на Минеральные Воды, я сделал запрос по телеграфу в тихорецкий штаб о положении дела на их фронтах и 5 июля, в тот же день, имел следующий ответ начальника штаба: «С немцами переговоры оборваны, но военные действия пока не открыты. Линия Тихорецкая — Песчанокопская вчера была в критическом положении. Банды были в Песчанокопской и в 40 верстах от Тихорецкой. Все эти оборонцы, стоящие по линии, как открылось действие — разбежались. Было что-то кошмарное и ужасное, но сейчас позиция закреплена. Поставлены порядочные войска».

Немцы прервали переговоры для того, чтобы этим путем задержать наши войска под Батайском и не дать им возможности подойти на помощь тихорецким войскам, сражавшимся против Деникина. Таким путем германцы помогли белогвардейцам в их военных задачах.

Мне нужно было снестись со штабом в секретном порядке, но у меня не было шифра с ними, и поэтому я послал к т. Калнину двоих гонцов, И.С. Киселевского и М.А. Балтышкина, которым поручил передать ему секретный пакет.

Поручение имело прямое отношение к появлению на группах Минеральных Вод Автонома. Его появление в разгар казачьих выступлений породило много предположений, слухов. Сам он держался в тени, но репутация опасного авантюриста прочно следовала за ним, порождая различные надежды. Чтобы окончательно решить вопрос об Автономе и его работе, а также и волновавший всех вопрос о вооружении казаков, я написал т. Калнину следующее письмо.

«Секретно. Командующему войсками Кубано-Черноморской республики т. Калнину.

Дорогой товарищ!

Несколько дней тому назад я встретил в Минеральных Водах известного на Юге бывшего командующего отрядами на Украине — Автонома. Целый ряд советских работников обратился ко мне с вопросами о том, как и почему появился здесь Автономов, от кого получил свои полномочия и т.п. Высказывались всяческие опасения, пожелания его удаления и т.п.

Будучи отрезан от Центра, я не имею возможности проверить отношение народного комиссара по военным делам к Автономову, не могу также снестись по вопросу о целесообразности формирования в данный момент казачьих отрядов. Около Автонома уже начинаются какие-то интриги. Между Автономовым и Беленковичем уже в первый день начались взаимные угрозы, и мне пришлось решительно выступить и умиротворить обоих. Около него увиваются представители франко-английской миссии. На неладах между Беленковичем и Автономовым кое-кто уже строит свою политику. Говорят о секретных собраниях Автонома с казачьими отделами при советах. Атмосфера создается неприятная. Лично Автономов производит располагающее впечатление, но его я совершенно не знаю ни по прошлой деятельности, ни по теперешним планам. От Вас желаю получить о нем сведе-

ния, а также сообщение, кем и на какое дело он уполномочен. Если эти полномочия даны Вами или Вам подведомственными лицами или учреждениями, тогда я прошу Вас временно отозвать его, дав ему какую-либо другую работу. Если требуется более официальное отношение по сему случаю, сообщите телеграфно, будет сделано. С товарищеским приветом, народный комиссар труда — общий руководитель продовольственным делом Юга России А. Шляпников».

7 июля мои гонцы были уже в Тихорецкой и вручили командующему мое письмо. В тот же день А.Н. Падэрин, Б.Д. Пинсон, телеграфист нашего отряда П.Г. Черемухин имели по моему поручению переговоры со штабом в Тихорецкой. Вот что мы узнали о положении дела там:

«У аппарата Балтышкин. Сегодня прибыл. Порученное отдал. Т. Калнин отправляет в Екатеринодар к Орджоникидзе. Ехать или вернуться?»

Падэрин и др.: Вернуться.

Балтышкин: Хорошо, возвращусь. Калнин сейчас подойдет.

Падэрин и др.: Может ли говорить с Москвой?

Балтышкин: Нет, с Москвой не может. Даже с Царицыном не может. Радиостанция есть в Екатеринодаре, а из Екатеринодара уже поступают в Царицын, так что у нас отсюда радио не может прямо говорить с Царицыном, а через Екатеринодар.

Падэрин и др.: Наверное ли Вы знаете, что в Екатеринодаре есть передатчик?

Балтышкин: Должно быть и то и другое.

Падэрин и др.: Попросите Калнина, а пока сообщите новости.

Балтышкин: Переговоры с немцами о перемирии прерваны по заявлению немцев. Причины неизвестны, но просили воздержаться от военных действий. Сейчас военных действий нет. На Царицынской ветке вправо и влево идут бои с наступающей армией Деникина и Краснова. На Черноморском фронте спокойно. Германско-турецкий флот заходил в бухту Новороссийск и ушел без конфликтов.

Падэрин и др.: До какой станции возможно железнодорожное движение к Царицыну?

Балтышкин: До ст. Ея.

Вот я, Калнин, слушаю.

Падэрин и др.: Сообщите положение дел на вашем фронте? Какие силы двигаются от Царицына?

Калнин: Связи с Царицыном не имеется. Аэроплан не вернулся. Силы противника серьезные. Идут бои по всему фронту. Последнее время кадеты остановлены и дано им несколько сражений. Страшно трудно бороться с местными контрреволюционерами, которые вырастают на месте при первом появлении пяти или шести человек из лагеря Алексеева. Сообщите точно свой адрес, я вам дам ежедневно сводку, дабы ориентироваться в положении дела. С центром связь восстановить очень трудно. Моя радиостанция до Царицына не хватает. Не мог ничего передавать кроме воздушной связи.

Падэрин и др.: Скажите, какие станции заняты кадетами на участке Тихорецкая—Царицын?

Калнин: Последняя станция Белая Глина. Под последней идут сейчас бои.

Падэрин и др.: Ежедневные сводки направляйте Минеральные Воды, о следующей перемене уведомим.

Калнин: Кланяйтесь моей жене. Она при вашем поезде».

Через день вернулись гонцы из поездки в Тихорецкую и принесли мне маленькую записку от т. Калнина, в которой он отечел мне на запрос об Автономове: «Т. Шляпников! Ваше сообщение относительно Автономова я передал т. Орджоникидзе. Никаких мандатов и полномочий я Автономову не дал. Относительно организации казачьих войск я предполагаю, что в данное время это лишнее, ибо еще не разоружены те банды, которые были созданы. Глаком Калнин. 7/VII-18 г.».

В Ставропольской губернии положение ухудшалось с каждым днем.

6 июля уполномоченный Чекпрода Ермолов телеграфирует мне:

«Из Ставрополя сообщают [о] производстве обысков, арестов. Служащие отделения требуют выдачи ликвидационных за четыре месяца. Особенно требуют шофера. Секретарь биржи труда арестован, по слухам, расстрелян только потому, что он в качестве бывшего председателя корпусного суда уволен в чине генерал-майора. Завтра срочно еду в Ставрополь. Разрешите более упорных уволить, предав суду, как саботажников. Прошу срочного указания».

Этот факт с требованием «ликвидационных» говорил о том, что дела там архитрудные. Дело шло о ликвидации не Чекпрода, а всей власти. И я дал указание: «Никаких выдач вперед — предавайте суду».

Наступление добровольческих, деникинских войск на Ставропольскую губернию и одержанные ими «успехи» над крестыанской самообороной явно поднимали дух присмирившей было контрреволюции, свивавшей свои гнезда в казачьих станицах и некоторых аулах разноплеменного населения Кавказских гор.

Сообщение т. Калнина о трудностях борьбы с внутренней контрреволюцией, возникавшей в виде крупной силы там, где меньше всего ее можно было ожидать, было явление, свойственное обострению классовой борьбы начала гражданской войны на всем Северном Кавказе.

К Деникину потянулись родственные элементы с Кубани, с Терека и даже с предгорий Кавказа. 8 июля перешел полотно железной дороги около станции Киан отряд полковника Шкуро, с огромным обозом, держась направления на Ставрополь. Об этом переходе нас известили железнодорожники. Шкуро, или Шкура, как называли его местные жители, шел на соединение с силами генерала Деникина.

Утром 9 июля мы сообщили в Ставрополь о направлении к ним полковника Шкуро. О том же поставили в известность и т. Беленковича. Но оказать военную помощь Ставрополю или дать воинскую силу для погони за Шкурой мы не могли, так как все силы были втянуты в борьбу за освобождение путей на Прохладную—Владикавказ—Грозный и Прохладную—Моздок—Кизляр.

Что делалось за ст. Прохладной — в Моздоке, в Кизляре — мы не знали, а ходили слухи о положении там самые разнообразные. Говорили о разгонах советов, об арестах и избиениях коммунистов.

На ст. Минеральные Воды ко мне явилась прибывшая из Кизляра бригада машинистов и кочегаров паровоза, находившегося в распоряжении строителя ветки инженера Никольского. В бригаде состояли: Высоцкий И., Онисимов Н., Овчаров В., Сакварейдзе И., Никитин Д., Курносеков Н., Ткаченко Ф.

Машинисты сообщили мне, что т. Никольский отпустил их вместе с паровозом еще 2 июля. Где он был сам, они уже не знали. Связаться по телеграфу с Кизляром мы не могли. Бригаду из семи товарищей и красавец паровоз С-302 я закрепил за своим поездом и с этого дня ездил только с ними.

Хлебные грузы из Кубани и Ставрополя шли маршрутами, забывая станции, разъезды, тупики. Многие сотни вагонов ожидали открытия пути на Каспий. Железнодорожники просили убрать составы, но куда их направлять? До освобождения Прохладной и дальнейших путей можно было пустить на Георгиевск и этим облегчить положение станции. Это мы и сделали.

Из Екатеринодара известия были неутешительные. Положение на фронте было неустойчивое. 6 июля из Екатеринодара т. Дунаевский телеграфировал, что ко мне выехали гонцы с письмом С. Орджоникидзе за денежным подкреплением. Числа 9 или 10 июля на ст. Минеральные Воды я встретился и с Орджоникидзе и условился вместе с ним ехать во Владикавказ.

В те же дни приехал с Черноморского побережья Артем (Сергеев), тоже за денежными подкреплениями и полномочиями для заготовки и переброски железнодорожных материалов в Кизляр.

Несмотря на восстания, вспыхивавшие повсеместно и имевшие прямую связь с наступлением генерала Деникина, мы ни на один миг не прекращали работы по выполнению намеченного плана заготовки хлеба и вывоза его

морским путем. Лишь прямое вооруженное вмешательство врагов останавливало нашу деятельность и вынуждало нас «отвлекаться» и заниматься военными делами.

Т. Артему я дал следующие полномочия: «Предъявитель сего т. Сергеев уполномочивается мною на производство эвакуации имущества из угрожаемых неприятелем местностей. Всем советским, железнодорожным и воинским организациям предлагается беспрекословно оказывать ему всяческое содействие».

Утром 9 июля А.Н. Падэрин запросил штаб т. Беленковича о положении на прохладненском фронте. К аппарату подошел его адъютант, и между ними произошел следующий разговор:

«Я адъютант Клименко.

Я помощник Шляпникова Падэрин. Скажите, какое положение, взята ли Прохладная, правда ли, что Моздок занят казаками? Какие операции намерен предпринять товарищ Беленкович? Свободен ли путь до Владикавказа?

Клименко: Пути на Владикавказ нет. Моздок занят казаками. Прохладной наносится нынче решительный удар. Пушено в ход все, что можно, и, наверное, нонче возьмут Прохладную. Наши сегодня были в 4 верстах от нее. Сегодняшнюю ночь был виден свет прожекторов. Вероятно, освещал интернациональный броневик, № 26. Больше ничего не могу сказать.

Падэрин: Кто из вашего отряда захватил вагон № 501 инженера Водопьянова с весьма ценными документами и бумагами? Товарищ Шляпников просит, чтобы товарищ Беленкович отдал распоряжение о немедленном возвращении вагона № 501 на Минеральные Воды, в распоряжение инженера Водопьянова. Нужно принять меры, чтобы все документы и материалы, находящиеся в вагоне, были бы доставлены в полной сохранности, вместе с вагоном инженера Водопьянова.

Клименко: Вагон № 501 был покинут инженером Водопьяновым. Мы же видели, что он был пуст, взяли к себе в штаб, и в нем помещается т. Беленкович со штабом. Все бумаги, ценные и не ценные, а также все вещи находятся в полной сохранности. Каждый клочок бумажки был спрятан. Что касается относительно возвращения вагона, то вернуть сейчас не можем, мы уже давали телеграммы т. Мишурову, который прислал тоже телеграмму относительно вагона. Давал он телеграмму в том, что можете прислать кого-либо с предписанием за получением всех бумаг и вещей; вагон вернуть сейчас невозможно. Как только прибудем Владикавказ, то наверное сейчас возвратим.

[Падэрин:] Передайте т. Беленковичу, что т. Шляпников решительным образом просит вернуть вагон Водопьянову. До свидания.

[Клименко:] Передайте т. Шляпникову, что производить военные операции в классном вагоне невозможно и что вопрос о вагоне двух-трех дней. И опять, повторяю, как только прибудем во Владикавказ, возвратим, так как у нас во Владикавказе имеется вагон.

[Падэрин:] Хорошо».

После этого нам оставалось лишь ожидать результата предпринятого наступления.

Пытаюсь всеми способами дать в Москву весточку о том, что здесь делается. Пользуюсь открытием линии на Св. Крест и послал через него телеграмму:

«Москва. Совнарком, председателю. Копии: Цюрупе, Ногину.

Нахожусь в полной оторванности от центра. Путь Царицын—Тихорецкая прерван алексеевскими бандами в районе Торговой. Контрреволюционные провокаторы стараются поднять казачество, возбуждая его против Красной армии, распространяя провокационные слухи о том, что Красная армия будет отбирать хлеб, деньги, лошадей. Однако провокаторам удастся поднять лишь незначительные банды, увлечь их на разгром желдорпутей, телеграфа. 27 июня отряд казаков с полковником Шкуро напал на Кисловодск, занял город, но продержался несколько часов, вынужден уйти в горы. В эти же дни

начались волнения в станицах между Минеральными Водами, Георгиевском и Прохладной. Во многих местах путь был разобран, однако станицы до Георгиевска удалось успокоить, путь восстановить, и теперь идут бои за Георгиевском до Прохладной. Сил стянуто достаточно, в бою участвуют бронированные поезда, артиллерия. Дорога на Кизляр будет скоро восстановлена. Тихорецкая—Царицын — повреждены мосты, требует ремонта, очищения от банд. На колесах имеется свыше трехсот вагонов продовольствия. Часть стягиваю [на] Кизляр, но путь неудобен для погрузки — пропускает не более двух поездов в день. Содействуйте очищению линии Грязи—Царицын—Тихорецкая. Подобные события тормозят работу по заготовке, подрывают дело снабжения. По восстановлении линии Царицын приеду в Москву для принятия ряда неотложных мер. Сообщайте, что делается центре. № 319 Шляпников».

Искал возможностей завязать связи с Царицыном, посылая телеграммы разными путями: «Царицын председателю Совдепа, копии Чекпрод Якубову, Военный комиссариат. Путь до Прохладной очищен от банд. Моздокский отдел поднял казаков, необходимо послать силы в Кизляр для охраны дороги, грузов и очищения пути от банд. Следует войти в переговоры с трудовым казачеством и двинуть силы на Моздок. Срочно шлите обмундирование, снарядов и патронов для Терской, Черноморской, Кубанской областей и Ставропольской губернии. Нужны деньги. Как обстоит дело с движением военных сил по линии Царицын—Торговая? Алексеевские банды стремятся в направлении Ставрополь и, вероятно, на Армавир. От вас нужно действовать решительно и быстро. Отряд Шкуро, появившийся в Терской области, ушел по направлению Ставропольской губернии через станцию Киян. Сообщите, где Сталин, каковы известия из центра в связи с убийством Мирбаха. Телеграфируйте Владикавказ. № 320 Шляпников».

Наконец открывается путь на Прохладную и далее. Об этом нам стало известно сначала от т. Елина из Георгиевска, где стоял в то время штаб т. Беленковича. Вот что сообщил нам уполномоченный Чекпрода:

«Я Елин. Сейчас нашел делегацию Ростовского фронта, которая едет в Совет народных комиссаров. Делегат передает, что Беленкович разрешил вам поездку через Георгиевск на Святой Крест, может быть, на Прохладную, путь свободен. Направление будет зависеть после ваших личных переговоров с Беленковичем, который находится сейчас в Георгиевске.

Вопрос: Известно ли вам о Кизляре и Моздоке. Вы говорили, будто Моздок занят, и имеете ли вы точные сведения.

Ответ: Вчера Беленкович точных сведений не имел. По слухам он узнал, когда еще Прохладная была в руках казаков. Теперь Прохладную Беленкович взял. Относительно Кизляра и Моздока придется мне сейчас с ним переговорить и вам сообщу. А на Святой Крест путь восстановлен.

Вопрос: Относительно делегации, которая отправилась на автомобилях из Ставрополя в Астрахань, имеете ли вы сведения, где она находится?

Ответ: Про ту делегацию не знаю.

Вопрос: А какие имеете сведения о Тихорецкой—Великокняжеской и Царицыне, скажите нам.

Ответ: Делегат передает: Царицын—Великокняжеская идут бои. Точных сведений не знает, но говорит, что в субботу должно было положение измениться, туда из Тихорецкой послали сильные подкрепления.

Вопрос: А какое положение станции Белоглинской?

Ответ: Оттуда казаки выбиты в субботу.

Вопрос: Это официально или по слухам?

Ответ: Это передает делегат, который вчера выехал оттуда.

Вопрос: А как фамилия делегата?

Ответ: Чистов, с ним Воробьев.

Вопрос: Вы говорили с Ермоловым и слышали ли вы, что делается в Ставрополе?

Ответ: Через час буду говорить.

Вопрос: Еще вопрос. Значит, на Прохладную можно ехать, дорога восстановлена?

Ответ: Да, да. А относительно Моздока и Кизляра сообщу вам через час после личных переговоров с Беленковичем.

Вопрос: Пожалуйста, когда вызовете Ставрополь Ермолова, попросите Петрова, пусть нарисует вам точное положение Ставрополя и сообщит точно об участии делегации, главное же — о Матрозове. Нам передают, что Матрозов арестован, а его автомобиль отобран.

Ответ: Хорошо. Благодарю».

Вслед за этим сообщением т. Елина приходит к нам и телеграфное извещение «всем всем», в том числе и мне, о победных действиях т. Беленковича. Вот что сообщал он со ст. Солдатской:

«Из Солдатской 22. От Прохладной до Туапсе наркому Шляпникову. Славный бесстрашный броневик “Победа № 1” во главе со старым революционным товарищем Тулеповым, храброй революционной командой с Минераловодской батареей сегодня 9/7 15 ч. 25 м. ворвался в Прохладную, разгоняя всю банду контрреволюционеров, и соединился с равным ему броневиком “Интернационалом” и такими же воинами Владикавказского гарнизона, покрыл себя неуязвимой славой революционной храбрости и истинной преданностью революции и Советской власти. Таким же бесстрашным он был в целом ряде боев под Александрийской, Георгиевской и далее, грудью прокладывая дорогу. Честь и слава борцам за Советскую власть. Да здравствует Советская власть, да здравствует Третий Интернационал. Командующий войсками Пятигорского округа Беленкович».

Но воспользоваться открытым путем на Владикавказ в тот день мы не могли: на 10 июля был назначен съезд уполномоченных Чекпрода в Армави-ре, и нужно было подождать известий оттуда, прибыли ли люди. Обстановка была малоблагоприятная, но выждать было нужно. Вечером из Армавира Асланов сообщал, что «пока никто не приехал. В случае прибытия достаточного числа участников съезда телеграфирую дополнительно. Ставим на колеса маршрутный поезд с хлебом».

Наши опасения, что съезд уполномоченных не состоится и 10 июля, подтвердились полностью. Утром того дня мы вызвали по прямому проводу уполномоченного по Армави-рскому отделу Асланова, который сообщил, что «по настоящее время никто не прибыл. Судя по тому, что никого нет, полагаю, что съезд может не состояться. Если приедет достаточное число участников съезда, я телеграфирую вам дополнительно или вызову по прямому проводу».

У нас все спокойно, за исключением района Новоалександровского, где, по полученным сведениям от наших агентов, сгорело три вагона хлеба в амбаре в последнем пожаре. Пожар возник в связи с военными операциями. Вчера отдано распоряжение о погрузке имеющегося на местах хлеба и отправке его на Армавир для формирования маршрутного поезда. В станции Новотроицкой — 7 вагонов, в Новоалександровской — 5 вагонов, Отрадно-Ольгинской — 13, Гулькевичи — 10, Кармалиновской — 2. Кроме того, принято реквизи-рованного Курганной конторой через уполномоченного Поволоцкого четыре вагона хлеба на колесах. Есть поступления хлеба с других пунктов — Чемлыкской, Григориполисской, откуда еще точных сведений не поступало».

Население всех станиц охотно сдавало излишки зерна на деньги и на товар. Нигде не приходилось в то время применять какие-либо меры понуждения, кроме запрещения железным дорогам принимать хлебные грузы от частных лиц.

Спекулянты из Астраханской губ., из Закаспийского края, из Баку и даже Тифлиса тучами носились по Кубани и Ставрополью. Подводами, иногда сами казаки и крестьяне целыми обозами везли хлеб на Царицын, на Астрахань и там выгодно меняли его на мануфактуру.

Ставропольский уполномоченный писал мне, что к нему «со всех сторон поступают сведения от агентов, что хлеб увозится спекулянтами в про-

мадных размерах по границе Астраханской губернии и Терской области. Местные сельские совдепы не только не в состоянии прекратить спекуляции, но нередко, отчасти под влиянием сельских сходов, отчасти по своему усмотрению, выдают разрешение на вывоз хлеба спекулятивным путем. Кордоны из красноармейцев, в большинстве местных жителей, тоже не задерживают спекулянтов, но свободно пропускают их. У губернского исполнительного комитета и у меня совершенно нет реальной силы для противодействия спекуляции. Крестьяне везут хлеб в Царицын и Астрахань, привозя оттуда большое количество мануфактуры и других товаров.

Ввиду изложенного прошу вас оказать содействие к прекращению спекулятивного провоза хлеба командированием в мое распоряжение для устанавки кордона на границах Астраханской губернии и Терской области дисциплинированного отряда из уроженцев голодающих губерний в количестве от 500 до 1000 человек с достаточным количеством оружия, а также принять меры к прекращению спекулятивной купли хлеба и продажи товара в городах Астрахани и Царицыне. Уполномоченный Чрезвычайного комитета продовольствия и снабжения К. Ермолов».

Для борьбы со спекулятивным провозом хлеба т. Ермолов требовал до 1000 человек вооруженных «уроженцев голодающих губерний», при помощи которых намеревался поставить кордоны на границах губернии. Если бы мы могли тогда получить 1000 вооруженных рабочих из центра, то смогли бы проделать с ними более важную работу, чем использовать их на кордоны!

Перед отъездом из Минеральных Вод решил отправить просимое денежное подкрепление Екатеринодару, а также дать последние указания главному комиссару Чекпрода Дунаевскому, деньги и препроводительное письмо следующего содержания были отправлены в Екатеринодар 10 июля:

«Главному уполномоченному Чекпрода, товарищу Дунаевскому.

Дорогой товарищ!

Вчера и сегодня ждал известий о том, прибыли ли уполномоченные на съезд. Видимо, объективные условия слишком неблагоприятны для съезда в данный момент. Асланов телеграфировал, что приезжих нет. Продолжаю продвижение на Владикавказ и Кизляр. Необходимо поставить в известность центр о происходящем здесь и потребовать целый ряд мероприятий. Может быть, придется временно съездить в Москву, поэтому приходится очень сожалеть, что съезд не состоялся. Однако с подателем сего пришлите мне отчет о положении дел и копии отчетов с мест.

Перевозу на Ваше имя еще 3 600 000 рублей. 400 000 рублей переведены на имя Куроедова, №292, для заготовок шпал и других материалов по стройке ветки Кизляр—Каспий. Примите их на учет.

Прохладная взята, теперь имеется возможность двигаться дальше. Сегодня встретился с Орджоникидзе и, вероятно, до Владикавказа едем вместе.

В дороге встречал большое обилие назначенных Вами агентов и советую быть осторожным при выборе сотрудников, а также соблюдать систему при назначении. Люди катаются без толку, часто с параллельными заданиями сталкиваются несколько агентов.

Как дела в Новороссийске? Принят ли на учет сахар? Какое его количество? Необходимо использовать и его для обмена. Много ли удалось собрать мануфактуры? Если есть запасы, двигайте сюда.

Сообщите, что нужно еще для продовольственных заданий.

С товарищеским приветом. Народный комиссар труда, Общий руководитель продовольственным делом Юга России А. Шляпников».

В дополнение к нему я еще послал телеграмму т. Дунаевскому с предложением организовать созыв съезда и назначил его на ст. Минеральные Воды.

Хотя соединенными усилиями войск Владикавказского и Пятигорского отделов Терской республики и удалось разбить казаков под станицей Прохладной, но положение еще не было закреплено, и оба командующие — тт. Егоров и Беленкович — торопили меня с проездом; так как я им был нужен

на Прохладной, то я отдал распоряжение об отправлении, предупредив т. Орджоникидзе о своем выезде и пожелании встретиться во Владикавказе.

15. В станции Прохладной

Красавец паровоз С-302 был украшен зелеными ветками, между которыми уютно расположился пулемет, а за прикрытием кустов и пулеметная команда. Вооруженная команда с винтовками наизготовку расположилась в паровозной будке, предохраняя машинистов от каких-либо неожиданных ударов, обеспечивая им свободное распоряжение машиной. В двух последних вагонах ехала 1-я рота Красного Варшавского полка, готовая к бою в любую минуту.

Все сотрудники, партийные работники, продовольственники были вооружены винтовками, имели каждый свое окно, свое поле обстрела на случай нападения. Так тронулись мы со ст. Минеральные Воды мимо станиц, только что сложивших свое оружие перед советскими войсками.

По обе стороны железной дороги тянулись полосы возделанной земли, засеянной кукурузой, пшеницей. Кукурузные поля тянулись густым зеленым кустарником, пшеница убиралась, обмолачивалась или складывалась в огромные скирды. На полях былолюдно: спешили покончить полевые работы, так как не были уверены в том, что завтрашний день будет спокойный.

На пути, около ст. Виноградной, где было разобрано железнодорожное полотно, лежали рельсы, свернутые почти в кольцо. Здесь научились быстро портить железнодорожный путь: пригоняли несколько волов, брали цепями за рельсы и волокля с насыпи. На этом же месте поступили хитрее: развернули рельсы и волами загнули их в кольцо, чтобы труднее было исправить. В таком случае ремонта требовалась замена погнутых новыми рельсами.

На разъездах и станциях стояли наши войска. Население станиц как ни в чем не бывало прогуливалось тут же. Молодежь уже увивалась около красноармейцев. Не было видно только стариков. Гармонь и удалые песни неслись из вагонов. Тут же пробуют пулемет, подогревают на кухне пищу, воду.

В Прохладной мы были в обед 11 июля. Здесь еще была обстановка боя. На станции меня встретили командующий войсками т. Егоров, его штабные работники, начальник его артиллерии т. Смирнский. Познакомились.

В одной из ближайших к станции избушек помещался командующий, и [он] пригласил меня, моего помощника и своих командиров к себе на обед. За обедом, который подавала молодая казачка, передавались различные эпизоды борьбы под Прохладной.

Т. Егоров нам сообщил, что от бежавших из Моздока он узнал, что казаки и правые социалисты-революционеры совершили там переворот, разогнали совет, арестовали коммунистов, красноармейцев, всего несколько сот человек, и многих убили. Все это совершалось именем казачье-крестьянской власти. Вождями этого переворота были инженер Бичерахов, брат полковника Бичерахова (находившегося тогда на службе англичан со своим отрядом сначала в Персии, а потом в Баку и Дагестане), да правый социалист-революционер Орлов. За спиной этих людей стояли кулаки Моздокского отдела, сбежавшие туда же чиновники, атаманы, офицеры.

По окончании беседы я отдал командующему войсками Егорову приказание: «Предлагаю неотложно принять все меры к очищению железнодорожной линии Прохладная—Кизляр от всяческих контрреволюционных банд, восстановить пути и охранять идущие в область товары для обмена на хлеб и хлеба, идущие голодающим крестьянам и рабочим центральной России».

Дав такое приказание войскам Терской республики, я счел своей обязанностью обратиться к казакам Моздокского отдела: «Именем Всероссийского центрального исполнительного комитета съезда советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, именем Совета народных комиссаров РСФСР предлагаю вам немедленно прекратить военные действия и разойтись по станциям, не мешать трудовому населению убирать хлеб, содействовать желез-

нодорожным рабочим восстановить пути, выдать зачинщиков восстания против Советской власти. Станица Прохладная, спровоцировавшая восстание, должна выдать орудия и пулеметы. Невыполнение настоящих требований в течение срока, указанного командующим советскими войсками, будет принято как вызов центральной Советской власти».

Эта телеграмма была немедленно передана в Моздок. Ее содержание вожди восставших скрыли от казаков: ни в одном бюллетене, издававшемся тогда в Моздоке, не была она помещена. Казачьи генералы и офицеры прикрывали свои выступления тем, что они боролись только с местной властью и ее извращениями, а центральную, далекую от них, они платонически охотно признавали.

Т. Смирнский, командовавший артиллерией отряда т. Егорова со стороны Владикавказа, представил мне гаубичную батарею и ее бойцов. Все они и он сам, командир батареи, уже полгода шли с боями из-под Эрзерума, где они стояли и где застала их Октябрьская революция. Это те самые гаубицы, рассказывал мне артиллерист Смирнский, которые участвовали во взятии турецкой крепости Эрзерум и которые ныне пробивают себе путь на родину через аулы и станицы, всюду поддерживая революционную советскую власть.

Чего только не перевидали, чего не претерпели загорелые артиллеристы гаубичной батареи, шествуя то походным порядком, то грузились на платформы, но всегда зорко оберегая гаубицы, отбиваясь от желавших их разоружить мусульман, грузин, лезгин и, наконец, казаков. По кому только не стреляли в горах и на плоскостях короткие жерла зеленоватых гаубиц. И пробивались до советской власти, и тут твердо стали в ряды Красной армии, защищая завоевания трудящихся.

И таких воинских частей прошло за зиму и весну 1918 г. с Кавказского фронта сотни тысяч. Многие погибли, особенно первые дивизии и полки: на них врасплох нападали мусульманские части, население. Их брали в штыки и православные меньшевики Грузии. Их спаивали в станицах православные казаки, а потом разоружали, грабили, убивали.

Последующие части поняли, что вернуться на родину живыми они смогут только опираясь на свое оружие, ибо власти во всех районах бывшего фронта и тыла Кавказской армии относились к ним враждебно и желали только одного — отобрать склады интендантского имущества, забрать их вооружение и вооружить «своих».

Когда солдаты поняли угрожавшую им опасность, тогда двинулись на железные дороги и походным порядком, организованно, сплоченно проложили себе дорогу силой, опрокидывая тех, кто смел преградить им дорогу. В таких случаях артиллерия помогала пехоте и, если помеха была со стороны деревень, аулов, станиц — все сжигалось и сметалось с лица земли в немногие минуты.

Но горе тем солдатам, которые продавали или променяли на водку свое оружие — их грабили, с них снимали шинели, а нередко и просто уничтожали.

В числе пробившихся была и гаубичная батарея советских войск Владикавказа. Т. Смирнский с гордостью заявил, что его батарейцы сохранили дисциплину на той же высоте, на какой она была под Эрзерумом. И секрет этого заключался в том, что солдаты поняли, что без борьбы им не выйти из кольца смерти, в которое их загнало сначала царское, а затем буржуазно-эсеровско-меньшевистское Временное правительство.

А гаубицы бухали по врагам, музыкальной равномерностью аккомпанируя трескотне пулеметов. Казаки все время пытались вернуть Прохладную и держались от нее на расстоянии огня. Прощаясь с командирами, мы пожелали им скорейшей победы, а они сообщили, что приготовили нам к приезду маленький сюрприз во Владикавказе. Поезд тронулся. Я поручил позвонить бригаде на паровоз, чтобы он проходил замедленным ходом через линии наших войск: мне хотелось посмотреть работу незаметных и неизвестных героев, артиллеристов гаубичной батареи. Она разместилась под железнодорожной насыпью, орудия вздернули свои пасти к небу и плевали в него ог-

нем. Рослые артиллеристы стояли по своим номерам и как часы двигались следом за жерлом. Каждый их взмах руки вызывал рев и далекий разрыв. Так под эхо пулеметов и уханье гаубиц прошли мы линию своих войск, направляясь в столицу Терской народной республики — во Владикавказ.

16. Во Владикавказе

По мере того как наш С-302 набирал скорость, скрылась станица, а вместе с ней удалялся от нас и грохот орудий, и винтовочная переключка одиночек, и рокот пулеметных машин. Прохладная осталась позади. Кругом расстились желтые поля пшеницы да зеленые рощи кукурузы. Кое-где на полях виднелись «мирные» земледельцы с винтовками за плечами, не покидая их даже во время работы.

За ст. Прохладной поезд, не останавливаясь и тихо скользя, постукивая на рельсовых стыках, пробежал мимо утопавшей в зелени ст. Котляревской. За Котляревской железнодорожный путь пересекает мутный Терек. Поезд медленно проходил деревянный железнодорожный мост. По сторонам виднелись изрытые бегом Терека котловины, русла, ручьи. Вдоль линии бежали станицы, хутора, а около ст. Муртазово начались аулы и поселки осетин, ингушей.

По мере приближения поезда к Владикавказу, со всех сторон наступали горы, передвигались, разворачивались перед нами своими черными и снеговыми хребтами. За ст. Эльхотово открылись прекрасные виды и на ближайшие к городу горы. На станциях, разъездах и в поле — всюду вооруженные люди, с кинжалами у пояса или винтовкой за плечами.

На ст. Беслан наш поезд вывели каким-то кружным путем на Владикавказскую ветку и приблизительно через полчаса мы въехали в столицу Терской народной республики, во Владикавказ.

На перроне вокзала выстроился почетный караул, тут же были представители республиканской военной и гражданской власти. Вышли и мы из наших вагонов. Познакомились с ожидавшими нас представителями власти и получили приглашение прибыть на заседание Совнаркома.

Военный комиссар т. Бутырин подвел меня к почетному караулу — роте красноармейцев, состоявшей из китайцев и под командою китайца. В этом и был сюрприз, о котором намекнул мне в Прохладной командовавший войсками Владикавказского отдела т. Егоров.

Я принял рапорт командира караула, обошел по его фронту, соображая на ходу, что сказать красноармейцам-китайцам. И я решил в своем выступлении подчеркнуть международную солидарность пролетарских элементов в русской революции, общность стоящих перед трудящимися социалистических задач в борьбе со всеми эксплуататорами и угнетателями. Раскрепощенный, многоязычный и разноплеменный Кавказ представлял собой частицу боровшегося за свои идеалы угнетенного человечества. Так и сказал, выразив еще свое глубокое удовлетворение и тем фактом, что те пролетарии, которых русские капиталисты и помещики вывезли из Китая в надежде на дешевую и безропотную эксплуатацию, объединились под красными знаменами с трудящимися Терской республики против общего врага рабочего класса и трудового крестьянства. В заключение я высказал пожелание научиться вместе с русскими рабочими и крестьянами бить и побеждать врагов, а затем с победными знаменами вернуться в родной край и своим революционным опытом помочь закабаленным трудящимся Китая добыть независимость и советскую власть.

После этой маленькой церемонии военный комиссар Терской республики т. Бутырин повел нас в Совет народных комиссаров. Меня сопровождали А.Н. Падэрин и Б.Д. Пинсон. В Совнаркоме нас встретили председатель — Юрий Гаврилович Пашковский, и все наркомы, и многие ответственные политические работники края: Ф. Махарадзе, Богданов, Фигатнер, Элердов, Андреев, Соколов и другие. На этом свидании я познакомил членов Совета

народных комиссаров с возложенными на меня задачами, а также информировал их о создавшемся положении на Кубани, Черноморском побережье и в Ставропольской губернии. Зачитал присутствовавшим предложение Моздокскому казачье-крестьянскому совету, которое я сделал в тот день из Прохладной, а также и распоряжение командующему войсками Владикавказского отдела т. Егорову об очищении железнодорожного пути на Кизляр.

Короткую информацию о положении Терской республики сделал Ю.Г. Пашковский, подчеркнув, что через несколько дней откроется съезд народов, населяющих республику, на котором я смогу узнать ближе создавшееся положение. Мое предложение Моздоку и т. Егорову они одобрили, видели в этом прямую поддержку их со стороны представителя центра.

Более внимательное ознакомление меня с положением дела в республике взяли на себя председатели Совнаркома Ю.Г. Пашковский, военный комиссар Бутырин, наркомвнудел Фигатнер, народный комиссар продовольствия Элердов и нарком труда и промышленности Е. Богданов, а о положении дел в Грузии обещал дать мне сведения и оценку старейший член партии Ф. Махарадзе. На этом официальная часть была закончена. Присутствовавшие пожелали отметить эту встречу и сфотографироваться всем, а также, по кавказскому обычаю, отобедать.

Только во Владикавказе я узнал последние московские новости о выступлении левых социалистов-революционеров. Во Владикавказе была радиостанция, которая в определенные часы ловила пускавшиеся из Москвы сообщения «всем, всем». Сама станция была маломощная и с Москвой могла работать только через передаточную, находившуюся в Астрахани.

Из радиостанции мне доставили два отрывка: один об аресте мятежников, сообщавший, что «вчера ночью от т. Антонова получено следующее сообщение: в 11 часов по Владимирскому шоссе догнали поповцев, сопротивление было короткое. У них убито 2, арестовано 5. С нашей стороны потерь нет, захвачено два орудия, четыре пулемета, 6 автомобилей, кроме того четыре грузовика, 15 лошадей, снаряды и масса патронов. Лес и имение Севрюгина оцеплены. Вновь захватываются пленные и продолжается преследование по Владимирскому шоссе».

Другая «всем» из Москвы, за №279, давала более подробную информацию о том, что было в Москве 6—7 июля. «Товарищ Дзержинский, председатель ВЧК, о событиях 6 и 7 июля:

“Прибыв на место преступления ⁵ и увидев подложные документы Чрезвычайной комиссии, я сейчас же догадался, что это могло быть дело рук левых социалистов-революционеров. Нужно было моментально, сейчас же поехать в отряд Попова, отряд Чрезвычайной комиссии, руководимый левым социал-революционером Поповым, куда убийца мог скрыться. Я, не подозревая, отправился с тремя товарищами без вооруженного отряда, не сомневаясь, что мне удастся разыскать убийцу. Председатель ЦИК Свердлов был также уверен, что личная моя поездка к отряду Попова даст возможность установить не только место пребывания убийцы, но выяснить, насколько это убийство не личное, а заговор всей партии.

Приехав в отряд Попова, я на мой вопрос, где находится Блюмкин, получил ответ, что его в отряде нет и что он поехал в госпиталь. Я потребовал, чтобы мне привели дежурных, которые стояли у ворот и которые могли бы удостоверить, что действительно Блюмкин уехал на извозчике. Таковых мне не привели.

Заметив колебания Попова, а также увидев шапку скрывшегося Блюмкина на столе, я потребовал открытия всех помещений, приказав отряду, вооруженному с ног до головы, остаться на своих местах, и в сопровождении трех товарищей, с которыми я приехал, начал обходить помещение.

В это время в сопровождении нескольких десятков вооруженных матросов подошли ко мне члены ЦИК левые эсеры Прошьян и Карелин, заявив мне, что напрасно ишу Блюмкина, что Блюмкин убил графа Мирбаха по распоряжению ЦК эсеров.

В ответ на это объявление я объявил Прошьяна и Карелина арестованными, сказав присутствовавшему при этом начальнику отряда Попову, что если он, подчиненный мне, не подчинится и не выдаст мне их, то я моментально пушу ему пулю в лоб, как изменнику.

Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются моему приказанию. Но вместо того, чтобы пойти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и, вызвав Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского и начальника их боевой дружины Фишмана и других, меня окружили со всех сторон матросы⁶. Вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал: позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя? Матросы заколебались. Тогда Саблин, приведши 50 матросов из соседней комнаты, и при помощи Прошьяна, который схватил меня за руки, обезоружили.

После того когда отняли у нас оружие, то Черепанов с триумфом сказал: «Вы стоите перед совершившимся фактом, Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна. Мы власти не хотим, пусть будет избран [гетман]⁷, как на Украине, мы уйдем в подполье. Вы можете остаться у власти, но вы должны бросить лакействовать у Мирбаха. Пусть Германия займет⁸ до Волги. Муравьев идет к нам...» (Ввиду затухания искры прием дальше стал невозможен).

Это изложение событий вскоре было дополнено другими, и политическое положение в центре было прекрасно понято. Партия левых социалистов-революционеров, вошедшая в коалицию с РКП(б) и представители которой занимали ряд ответственных постов в составе правительства, изменнически стала на авантюрный путь, стремилась всеми силами спровоцировать возобновление войны между РСФСР и Германией.

Эта воинственно-авантюристская политика поддерживалась агентурой Антанты и всей буржуазной контрреволюцией, желавшей путем возобновления войны удушить ненавистную Советскую власть. И партия «левых» социал-революционеров в своем интеллигентском патриотическом ослеплении стала исполнительницей надежд и вождедений контрреволюции.

На Северном Кавказе в то время коалиция РКП(б) с ПСР-левыми доходила местами до прямого блока на съездах. В Терской области партия социал-революционеров имела прочное и давнее влияние, обеспеченное развитием «трудового крестьянства» в районе. События в Москве были правильно поняты во Владикавказе: местные социалисты-революционеры так же оценили действия своего ЦК, как и коммунисты, — авантурой, губительной для революции.

12-го приехал во Владикавказ и чрезвычайный комиссар Северного Кавказа С. Орджоникидзе, привезший постановление ЦК РКП(б) о создании во Владикавказе Краевого партийного центра и оформившего его избрание на партийной конференции в Екатеринодаре 1—3 июля 1918 года.

В тот же день я отправил по телеграфу на Кизляр и по радио на Астрахань телеграмму председателю Совнаркома В.И. Ленину, в которой извещал, что...⁹ В Кизляр отправил еще телеграмму инженеру Никольскому, назначив ему вызов к аппарату на утро 13 июля. В ответ получил сообщение, что т. Никольский 2 июля в два часа ночи выехал «неизвестно куда». Видимо, испугался казачьего наступления на Кизляр и преждевременно сбежал для «доклада в центр», покинув на произвол судьбы доверенное ему большое дело.

13 июля железнодорожное сообщение Владикавказ—Беслан—Минеральные Воды, освобожденное усилиями красноармейских частей Пятигорского и Владикавказского отделов 9 июля, вновь было прервано. Благодаря несчастной случайности казакам удалось опять занять ст. Прохладную, тем самым перерезать сообщение и движение грузов.

Под вечер 12 июля наши войска повели наступление из ст. Прохладной на ст. Приближную, в которой у казаков стояла артиллерия, обстреливавшая станцию Прохладная. Наступление поддерживал броневик, и оно развива-

лось весьма успешно: попытки казачьих частей перейти в наступление были отбиты и опрокинуты. Надвигалась ночь. В это время двое красноармейцев, находившихся в прожекторном вагоне бронепоезда, решили помыть руки в имевшемся там бензине, плеснули неосторожно бензином на динамо, щетки которой дали искру, бензин вспыхнул, произошел взрыв запасов бензина и снарядов. Взрыв в тылу у наших наступавших частей и огромное пламя пожара на станции Прохладная внесли замешательство в ряды красноармейцев, которым воспользовались казаки для контрнаступления. Вот что сообщал по этому делу областной военный комиссариат в те дни.

«В задачу отрядов, отправленных в район ст. Прохладной и Георгиевска, входило только восстановление разрушенного контрреволюционерами железнодорожного полотна и установление правильного железнодорожного движения.

С занятием ст. Прохладной задача эта была разрешена. В связи с решением Народного совета дальнейшая борьба с контрреволюционным движением должна была направиться по пути переговоров с Моздокским казачье-крестьянским советом. Был издан приказ о приостановке всяких боевых операций.

Но, как у нас уже сообщалось, казачьи отряды производили дважды наступление на ст. Прохладную, оба раза отбитые войсками народной власти. Но в районе ст. Приближной была установлена артиллерия противника, из которой ст. Прохладная все время обстреливалась. Обеспечить спокойное движение по железной дороге при таких условиях не представлялось возможным. В то же время выяснилась безрезультатность мирных попыток Народного совета, нежелание господ, засевших в Моздоке, предстать на народный суд на предстоящей 4-й сессии областного съезда.

В связи с этим, отрядам, расположенным в районе Прохладной, было дано распоряжение занять стратегические пункты и отодвинуть противника от ст. Приближной, чтобы лишить его возможности обстреливать станцию Прохладную и железнодорожное полотно.

Несмотря на незначительность сил, под прикрытием броневика отряд наш перешел в наступление вечером под 13 июля. Наступление развивалось вполне успешно. Правый фланг почти занял ст. Приближную. Но в это время с броневиком случилось несчастье.

Бронированный поезд состоит из передового бронированного вагона, затем паровоза, опять бронированного вагона и, наконец, площадки с орудиями. В передовом бронированном вагоне случайно разлился бензин, который попал в мотор прожектора. Внутренность вагона запылала и вскоре стали взрываться шрапнельные снаряды, которые там находились. Мотор взорвался. Команда вагона успела соскочить и отцепить вагон, но паровоз неожиданно загудел в тревожный свисток.

Картина взрыва вагона на темном фоне ночи и тревожный свисток паровоза внесли некоторый беспорядок в ряды наступающих советских войск. Взрывы шрапнельных снарядов заставили броневик отойти назад, вслед за ним отступила и рота, шедшая в наступление в центре. Правый и левый фланги, которые могли быть отрезаны, также начали отступать. Восстановить сразу порядок темною ночью нельзя было. Отряды контрреволюционеров, воспользовавшись этим, перешли в наступление. Несколько кавалерийских отрядов противника ворвались почти до самой станции и стали забрасывать штаб ручными гранатами.

Командующий т. Егоров во главе своего небольшого кавалерийского отряда бросился на противника и отогнал его. Дав распоряжение приступить к эвакуации имущества отряда, боевых припасов и снаряжений, т. Егоров с несколькими товарищами выдвинул вперед два пулемета и в течение двух часов отбивал пулеметным огнем наступавшего противника.

Эвакуация станции проходила непрерывно. Были вывезены все боевые припасы, почти весь железнодорожный состав, вся артиллерия, автомобили и пр. Часть имущества была направлена в сторону Георгиевска, но почти все

боевые припасы и снаряжение, в том числе вся артиллерия, были направлены в сторону Муртазова.

В руках противника осталось только два вагона с продовольствием, два испорченных пулемета, один грузовой, один легковой автомобиль, которые нельзя было вывезти вследствие порчи накануне. У легкового автомобиля было сломано колесо, кроме того на станции остался санитарный отряд.

Отряд отступавших советских войск уже за станцией Прохладной был приведен в полный порядок и укрепился было у моста через Терек, но ввиду малочисленности его, по распоряжению командующего т. Егорова, фронт был оттянут к ст. Муртазово.

Потери советских войск очень незначительны и не превышают за все время ведения боевых операций 50 человек в общей сложности убитыми и ранеными.

К фронту Муртазова в настоящее время стянуты значительные силы, и положение советских войск там чрезвычайно прочно.

Получены сведения от командующего Беленковича (Георгиевский район), что он подходил на броневике к самой Прохладной.

Положение в районе Георгиевска совершенно спокойное. Железная дорога охраняется молодыми казаками. У Беленковича скапливаются значительные силы революционных отрядов.

В настоящее время советские войска усилены отрядами, выдвинутыми демократией трудовых народов области; кабардинский народ предлагает к услугам народной власти уже сформированный отряд в 6 тысяч человек.

Победа, выпавшая на долю контрреволюционных сил благодаря несчастному случаю, является временным успехом, и в ближайшие дни силы врагов революции будут раздавлены».

Ободренные удачей, казаки передвинули свой фронт до станицы Котляревской и попытались сжечь деревянный железнодорожный мост через Терек. Ночью казаки подкрались на мост, облили его нефтью и подожгли. Заметившая огонь команда нашего броневика разогнала казаков, а подоспевший на помощь отряд потушил огонь. Мост был слегка поврежден, но легко и скоро был исправлен.

Со стороны Минеральных Вод успешно действовали войска Пятигорского отдела под командой А.М. Беленковича. Его отряды достигли Св. Креста, население коего сдало оружие, в том числе 19 орудий. Взрыв на ст. Прохладная вечером 12 июля внес также дезорганизацию в правый фланг частей т. Беленковича, которые подались назад к Георгиевску. Принятыми мерами отступление было задержано и позиции к 13 июля были закреплены у ст. Солдатской.

(Продолжение следует)

Примечания

1. См. резолюции в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
2. См. резолюцию в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
3. См. резолюцию в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
4. См. доклад в приложении (не публикуется. — *Ред.*).
5. В помещении германского посольства, где был убит гр. Мирбах. — *Примеч. Шляпникова.*
6. Так в тексте. — *Ред.*
7. В сообщении было пропущено одно слово. — *Примеч. Шляпникова.*
8. Россию. — *А.Ш.*
9. Текст телеграммы отсутствует. — *Ред.*

Споры о внешней политике США в начале 40-х годов XIX в.: Дж. Тайлер и Д. Уэбстер

И.И. Курилла

Своеобразие внешней политики США в первой половине XIX в. определялось тем, что в стране относительно мирно сосуществовали две принципиально различные общественно-политические системы. На Севере быстро развивались капиталистические отношения, на Юге основу хозяйственной и политической жизни определяло рабовладение. Это своеобразие накладывало четкий отпечаток и на внешнюю политику.

Приближение взрыва-конфликта между двумя системами отчетливо ощущалось многими американскими политиками уже в 1840-е годы. Именно в это десятилетие внутривнутриполитическое напряжение разрядилось мощной волной территориальной экспансии, приведшей к аннексии Техаса, разделу Орегона, войне с Мексикой и отторжению у нее огромных пространств Калифорнии и Новой Мексики и выходу Соединенных Штатов к тихоокеанскому побережью. Спор о судьбе этих приобретений, в свою очередь, подстегнул поляризацию страны в 1850-е годы и, в конечном итоге, привел к Гражданской войне. Начало же десятилетия не предвещало такого бурного продолжения.

В марте 1841 г. первый президент от партии вигов генерал У.Г. Гаррисон, победивший после шумной предвыборной кампании «бревенчатой хижины и крепкого сидра», занял Белый дом. Партия вигов, сформировавшаяся на основе оппозиции президенту-демократу Э. Джексону, включила в свою программу ряд мер, направленных на обеспечение интересов финансовой и торгово-промышленной элиты страны, включая и урегулирование отношений с главным торговым партнером США — Великобританией. В ближайшие советники генерал Гаррисон избрал одного из лидеров партии 59-летнего сенатора Дэниела Уэбстера, назначенного на пост государственного секретаря США. Вдвоем они произвели первые назначения и подготовили инаугурационную речь президента. Но во время ее произнесения Гаррисон простудился и ровно через месяц, 4 апреля 1841 г., умер от пневмонии.

Впервые в американской истории высший государственный пост занял вице-президент — Джон Тайлер. На три года одиннадцать месяцев страну возглавил человек, в приверженности которого принципам своей партии — вигам — не было уверенности ни у кого. Тайлер в свое время оставил демократов, не сойдясь с президентом Джексонном по вопросу об отношении к правам штатов, а в одном бюллетене с Гаррисоном оказался в результате

стремления делегатов вигского партийного конвента заручиться поддержкой Юга. Выдвижение на второстепенный, как казалось партийным лидерам, пост вице-президента виргинского плантатора Тайлера лучше всего решало эту задачу.

Вскоре выяснилось, что новый президент считает задачей номер один аннексию Техаса. Наблюдатели, помнившие, что глава государственного департамента Уэбстер зарекомендовал себя как стойкий противник территориальной экспансии, приложивший немало сил для того, в частности, чтобы не допустить присоединения Техаса к США, считали развал администрации неизбежным. На деле же госсекретарь не только сохранил свой пост еще на два года, успев за это время осуществить ряд важных внешнеполитических инициатив, но и остался к 1843 г. единственным вигом в реформированном Тайлером кабинете.

Антиэкспансионистские взгляды Уэбстера объяснялись в первую очередь тем, что он выражал интересы северных штатов. А агрессия США на Юг отвечала интересам рабовладельческого Юга. Однако противоречия между северными и южными штатами по этому вопросу не стоит преувеличивать. Во всяком случае позиции Севера и Юга во внешнеполитических проблемах были несравненно более близкими, чем в вопросах внутреннего социально-экономического развития.

В значительной мере именно по этой причине Уэбстер, отстаивавший идею единства Союза штатов, предпочитал внешнеполитическое поприще внутренней политике. Об этой близости позиций убедительно свидетельствует и то, что выход из внешнеполитических противоречий между Севером и Югом в конечном счете был найден в экспансии по двум главным направлениям — и на Юг, и в направлении Тихого океана. Никогда не снимался с повестки дня и вопрос об экспансии на Север, против Канады.

Новая администрация пришла к власти в условиях, когда международное положение страны было чрезвычайно сложным. Продолжали давать знать о себе последствия эпохи революций и войн за независимость на Американском континенте. Сам Уэбстер по прошествии времени не без юмора рассказывал, что в 1841 г. «в Вашингтоне был представитель Техаса, но Техас не был признан Мексикой. Был представитель Мексики, но Мексика не была признана Испанией. Был посланник Испании, но правящая в Испании династия не была признана Россией; и был посланник России, который, вкупе со всеми вышеперечисленными, был признан правительством Соединенных Штатов»¹. Но более тревожным фактом было то, что единственной определенной границей страны в 1841 г. была Атлантика. На юге США граничили с Техасом, причем последний изъявлял желание войти в состав Союза; границы же самого Техаса не были закреплены договорами. На Западе слабозаселенная область американского «фронта» простиралась до мексиканской Калифорнии, русских и английских владений на Тихоокеанском побережье, где разграничение территории представляло из себя временный компромисс. Наконец, на Севере соседом США была принадлежавшая Великобритании Канада — давняя цель американских экспансионистов, мечтавших включить ее в состав Соединенных Штатов. Англо-американские договоры 1783 и 1815 годов не установили границу в ее восточной части и на дальнем Западе, за Скалистыми горами (территория Орегон). Попытка прибегнуть для установления границы на северо-востоке к арбитражу короля Нидерландов в 1827 г. провалилась — обе стороны не согласились с предложенным им в 1831 г. компромиссом. Северо-восточная граница оставалась предметом спора и очагом напряженности.

Отсутствие четких границ страны было в значительной степени вызвано экспансионизмом американцев, их убежденностью, что всему континенту предназначено стать Соединенными Штатами. В еще большей степени это обстоятельство стимулировало появление различных планов территориальных захватов по всем азимутам. Частичная реализация такого плана в Техасе, приведшая в 1836 г. к отторжению этой провинции от Мексики, подхлестну-

ла активность экспансионистов на Севере страны. В конце 1830-х годов вдоль американско-канадского пограничья появились тайные организации, ставившие своей целью вторжение в Канаду. Обстановка вдоль спорных участков границы обострилась во время антибританского восстания в Канаде в 1837 году. Английский отряд в ходе карательной операции захватил и уничтожил американский пароход «Каролина», владелец которого помогал инсургентам. Во время этой акции погиб американский гражданин, что поставило страны на грань третьей войны. В 1837 г. конфликт был, казалось, улажен, но в конце 1840 г. власти штата Нью-Йорк арестовали канадского шерифа А. Маклеода, который якобы похвалялся в таверне г. Буффало своим участием в инциденте с «Каролиной». Канадцу было предъявлено обвинение в поджоге и убийстве, а у здания, где он содержался, стали собираться толпы возбужденных американцев, угрожавших Маклеоду самосудом.

Эти события наложились на острые разногласия между двумя странами по поводу досмотра британскими кораблями американских судов с целью пресечения нелегальной работорговли. США отвергали претензии Великобритании на то, чтобы контролировать суда под американским флагом, а британские власти настаивали на таком праве, указывая, что под американским флагом могут укрываться работорговцы любой национальности. В марте 1841 г. палата представителей конгресса США заслушала весьма воинственный доклад своего комитета по внешней политике. Великобритания и Соединенные Штаты оказались у грани новой войны.

В этой обстановке начал и свою деятельность первый кабинет вигов, едва оправившийся от скорострительной смерти президента Гаррисона. Тайлер, всем обязанный Югу, добивался аннексии Техаса, а Уэбстер, связанный с интересами купцов и промышленников Северо-Востока, хотел добиться примирения с Великобританией. Но для этого прежде всего следовало пресечь деятельность добровольческих экспансионистских обществ.

В одной из первых записок новому президенту Уэбстер обратил его внимание на опасность, исходящую от тайных организаций, «существующих вдоль северной границы от Мэна до Висконсина. 1. Они находятся в постоянной переписке с недовольными в Канаде... 2. Они не в силах вторгнуться в Канаду с надеждой на успех, если только не начнется война между Канадой и Соединенными Штатами, чего они желают больше всего... Они могут даже совершить покушение на Маклеода в случае его освобождения».

Обрисовав ситуацию, очень напоминавшую то, что происходило на границе США с Техасом, государственный секретарь изложил план действий по пресечению активности экспансионистов. «Мы обязаны... в первую очередь обеспечить все пограничные офицерами, в которых мы уверены, и объяснить им всю серьезность опасности. Затем, мы должны предотвратить любое насилие над Маклеодом. Если толпа убьет его, война неотвратимо начнется в течение десяти дней. В этом нет сомнений»². Энергичные меры, принятые администрацией, показали ее готовность противостоять наиболее воинственным кругам экспансионистов северного пограничья, однако, не южанам, пользовавшимся благоволением нового президента.

Хотя Уэбстер честно заявил о желании урегулировать проблемы с Лондоном, английский кабинет продолжал придерживаться бескомпромиссной позиции. «Мы не слышали ничего по этому вопросу от британского правительства почти двенадцать месяцев», — сетовал Уэбстер в депеше 28 июля 1841 г. американскому посланнику в Англии Э. Стивенсону³. Однако глава американской дипломатии готовился и к худшему варианту развития событий. В Центральной Америке был в тот же день направлен специальный агент У. Мерфи с задачей «сбора политической информации»⁴.

Центральная Америка считалась районом традиционного британского преобладания, но к началу 1840-х годов она уже начала интересовать и североамериканцев как связь двух океанов. Мерфи и должен был выяснить уязвимость британских сил в Центральной Америке. Через несколько месяцев он представил в госдеп свои предложения — бросить вызов Великобритании,

контролирующей этот регион ⁵. Видимо, тогда же был направлен на Карибы и секретный агент, также с целью изучения английской военной мощи. Инструкции Э. Фитцу не сохранились, однако их содержание легко реконструировать, исходя из итогового отчета разведчика: «Ключом к Соединенным Штатам британское правительство считает Бермуды, — обобщал Фитц свои наблюдения. — В случае войны с нами именно там будут сконцентрированы их силы. Это единственное место, которое они укрепляют» ⁶. Но к тому времени двусторонние отношения улучшились и угроза войны миновала.

Своеобразие истории США в период между Войной за независимость и Гражданской войной заключалось в том, что буржуазный промышленный Север с каждым годом производил все большую долю внутреннего валового продукта, опережая рабовладельческий сельскохозяйственный Юг, а также по росту численности населения. Однако до Гражданской войны подавляющее большинство президентов, вице-президентов и государственных секретарей были выходцами из южных штатов. Господством Юга в политической жизни страны объяснялась, в конечном счете, и отставка Уэбстера с поста государственного секретаря.

Наличие в пределах одного государства двух конфликтующих общественно-политических систем предопределяло необходимость постоянных компромиссов между Севером и Югом и во внутренней, и во внешней политике. Проницательный Дж.К. Адамс уже спустя полмесяца после смерти Гаррисона записал в дневнике 20 апреля 1841 г.: «между Тайлером и Уэбстером возникнет согласие взаимных уступок Севера и Юга» ⁷. Но прежде, чем такое согласие стало возможным, отношения президента и госсекретаря пережили кризис, в центре которого стояло их различное отношение к экспансии. В первое свое послание конгрессу 1 июня 1841 г. президент Тайлер включил пассаж, который госсекретарь Уэбстер вполне мог посчитать вызовом своим убеждениям: «В расширении нашей империи за ее нынешние пределы, — заявил Тайлер, — нет ничего, что могло бы возбудить тревогу патриота за безопасность наших институтов. Федеративная система... делает возможной и безопасной великую экспансию» ⁸. Фактически здесь оспаривались доводы Уэбстера, выступавшего против аннексии Техаса. В Вашингтоне заговорили о «близкой отставке» Уэбстера с поста госсекретаря и назначении его посланником в Англию ⁹.

Видимо Уэбстер реально оценил ситуацию и решил отстаивать свои позиции, оставаясь в кабинете. 14-м июня датирована его первая инструкция вновь назначенному американскому представителю в Техасе Дж. Иву, в которой Уэбстер настаивал: «единственный важный предмет в отношениях двух стран ... это граница от устья реки Сабин до Ред-ривер» ¹⁰. Установление твердой границы между США и Техасом, а никак не аннексия последнего должны были стать предметом переговоров. Так Уэбстер вступил в скрытое противоборство с Тайлером по вопросу о Техасе.

Президент не мог не считаться с тем, что за Уэбстером стояли могущественные круги буржуазии Северо-Востока, укрепившие свое влияние в результате выборов 1840 г. и стремившиеся не допустить в Союз новый рабовладельческий штат. Особенно важной для Тайлера стала поддержка Уэбстера после раскола осенью 1841 г. партии вигов и его администрации. Политический кризис разразился в начале сентября. Тайлер дважды наложил вето на законопроекты о восстановлении Национального банка США и о внутренних усовершенствованиях, составлявших стержень политической программы вигов. В ответ 10 сентября партийная фракция в конгрессе объявила об отлучении Тайлера от партии, а 11 сентября все члены кабинета подали в отставку. Все, за исключением Д. Уэбстера! Госсекретарь провел ряд спешных консультаций с представителями Массачусетса в Вашингтоне — и предпочел остаться ¹¹.

Среди причин, по которым Уэбстер не ушел из кабинета вместе со своими коллегами, важнейшей были нежелание следовать в фарватере Генри Клея — своего соперника в борьбе за лидерство в партии (весь эпизод Уэб-

стер назвал «движением Клея»), намерение развить наметившееся после смены в конце августа лондонского кабинета сближение с Англией, наконец, желание сохранить контроль над внешней политикой США и удержать президента от задуманной им аннексии Техаса. В прессу Уэбстер передал заявление, что он «не видит достаточных причин для развала кабинета..., а если бы и увидел причину подать в отставку, то объяснил бы ее президенту и дал бы ему время найти человека, которому тот смог бы перепоручить деликатные и важные проблемы, занимающие сейчас мой департамент»¹².

В результате раскола влияние администрации Тайлера упало — виги в конгрессе США перешли в оппозицию президенту, и исполнительная власть осталась без поддержки со стороны законодателей, но вес самого Д. Уэбстера в кабинете на какое-то время возрос. Президент признал статус-кво в тексаском вопросе, выразив все же госсекретарю свое сожаление: «Я намекал Вам на возможность присоединения Техаса по договору. Я считаю, что это можно было сделать. Если бы Север мог примириться с этим... Мне кажется, что главные интересы Севера могли бы чрезвычайно выиграть в результате присоединения... Рабство — я знаю, в нем препятствие»¹³. Тайлер вполне обоснованно увязал расхождение Севера и Юга по вопросу о Техасе с рабством.

Осень и зиму Д. Уэбстер посвятил подготовке ситуации внутри страны и на международной арене к урегулированию англо-американских проблем. Так, он жестко надавил на губернатора штата Мэн, указав ему, что «позиция штата остается единственным препятствием» для компромиссного решения проблемы. Уэбстер также напомнил федеральным чиновникам в пограничных штатах об опасной деятельности «тайных обществ..., намеревающихся произвести революцию в Канаде»¹⁴.

В декабре 1841 г. сменилось руководство комитета по иностранным делам палаты представителей: К. Кашинга, зарекомендовавшего себя противником компромисса с Великобританией, попросили уступить кресло председателя комитета Дж.К. Адамсу, считавшему, что в существующем конфликте Англия «скорее притесняемая, чем притесняющая» сторона. Уже 21 декабря комитет под председательством Дж.К. Адамса (К. Кашинг отсутствовал) принял решение не вмешиваться в процесс переговоров с Великобританией до их завершения, предоставив таким образом Д. Уэбстеру свободу рук¹⁵.

В Лондоне активно добивался урегулирования прибывший туда осенью новый посланник США — друг Уэбстера Э. Эверетт. Свои услуги по урегулированию предложил американскому посланнику российский представитель Ф.И. Бруннов. «Русский посол, который учился в Германии в одно время со мной, хотя и в другом университете, — сообщал Эверетт Уэбстеру, — ... заверил меня, что уверен в искреннем желании нынешнего министерства решить проблему по-дружески». Со своей стороны, Бруннов сообщил своему коллеге в Вашингтоне, что «рад превосходному выбору, сделанному в лице господина Эверетта», а в Санкт-Петербург доложил, что между двумя дипломатами «установились отношения, отвечающие добрым связям, существующим между двумя правительствами»¹⁶.

Со своей стороны, новое английское правительство также стремилось договориться с США. Руководитель Форин офис лорд Абердин решил ускорить события, направив в Вашингтон специального дипломатического представителя. Переговоры Уэбстера с лордом Ашбертоном (прибыл в США 4 апреля 1842 г.) продолжались 4 месяца и увенчались подписанием 9 августа Вашингтонского договора (договор Уэбстера — Ашбертона). Договор установил границу США и Канады на бывшей до этого спорной территории на Северо-Востоке, что ограничило претензии американских экспансионистов на канадские земли и сняло угрозу новой войны с Великобританией. Компромиссная линия потребовала территориальных уступок с обеих сторон, но руководители внешней политики США и Великобритании придерживались мнения, что «перспектива длительного мира вкупе с дружественными отношениями значительно перевешивают ... ценность любого дополнительного куска соснового болота»¹⁷. Страны договорились о взаимной выдаче пре-

ступников, и эта договоренность стала прецедентом в делах подобного рода. Наконец, восьмая статья договора содержала обязательство каждой из сторон снарядить военно-морскую эскадру, «несущую не менее 80 пушек» для патрулирования берегов Африки с целью пресечь перевозку негров. Большинство современников — и позднее историков — оценили это соглашение, как уступку США требованиям Великобритании. Сам президент Тайлер признавался русскому посланнику, что «статьи 8 и 9 возможно не то, чего бы мы хотели»¹⁸.

Представляется, однако, что дело обстояло не так просто. Уэбстер на протяжении своей политической карьеры стремился усилить влияние США на мировой сцене. В частном письме Эверетту государственный секретарь изложил свой подход к проблеме, продиктованный поиском нового места Америки в мире: «До сих пор мы были в лагере нейтральных малых морских держав, держав, всегда первых в борьбе за свободу морей, за самую большую степень этой свободы. Но мы меняемся. Мы уже не маленькая торговая держава... Я считаю более мужественным ... самим исполнять наши законы, чем просить другую державу делать это за нас»¹⁹. В результате Соединенные Штаты поставили себя в один ряд с Великобританией, впервые взяв на себя ответственность за некоторую часть мировых проблем.

Пока внимание Уэбстера было приковано к северо-восточной границе США, события на южном направлении развивались своим чередом. Хотя президент Тайлер с осени 1841 г. не возобновлял свои «намекы на возможность аннексии Техаса», это государство само напоминало о себе, чему в немалой степени способствовала позиция Юга США. Сначала группа «техасских американцев» приняла участие в военном походе на территорию Мексики и была захвачена в плен мексиканскими войсками (так называемая экспедиция в Санта-Фе). В марте 1842 г. Мексика возобновила войну против Техаса, который она продолжала считать своей мятежной провинцией.

Уэбстер стремился не допустить втягивания США в войну с Мексикой. «У нас здесь некоторое возбуждение в связи с новой попыткой Мексики подчинить Техас, — писал он Эверетту 30 марта 1842 г. — Также в Соединенных Штатах довольно много эмоций по поводу обращения мексиканских властей с нашими гражданами, которые уверяют, что они без военных целей следовали за техасской экспедицией в Санта-Фе. Я, однако, надеюсь, что мы сможем сохранить мир»²⁰.

Стремясь успокоить общественное мнение на юге, Уэбстер заступился за участников экспедиции в Санта-Фе, которые, даже «схваченные с оружием в руках, могли не иметь враждебных намерений». Процитированная депеша была адресована новому посланнику США в Мексике У. Томпсону, заступившему в должность весной 1842 года. Вскоре выяснилось, что Томпсон лелеял гораздо более широкие планы в отношении страны своего пребывания. В первом же отчете госдепу, изложив события, связанные с экспедицией в Санта-Фе, американский дипломат представил свой замысел: «Я считаю, что здешнее правительство уступит нам Техас и Калифорнию. ... Атлантическое побережье обеспечивает нам торговое преобладание в Атлантике; с приобретением Верхней Калифорнии мы сможем получить такое же влияние на Тихом океане. Гавань Сан-Франциско способна принять флоты всего мира ... Кроме нее, есть еще гавани Сант-Яго (Сан-Диего?), Монтерей и др. ... Владение этими гаванями обеспечит нам все места убежища и отдыха для огромного числа наших рыболовецких судов... и торговлю с Индией и всем Тихим океаном... Франция и Англия давно уже «положили глаз» на эти места, последняя до сих пор не отвела взгляда»²¹.

Вскоре выяснилось, что Томпсон выполняет личное поручение президента: отыскать способ безболезненной аннексии Техаса. После беседы с мексиканским руководителем А. Санта-Анной он прямо докладывал Тайлеру, минуя госсекретаря²²: «У меня почти нет сомнений в том, что я смогу выполнить Ваши пожелания и добавить еще аннексию Верхней Калифорнии... Приобретение Верхней Калифорнии примирит северян, которые име-

ют большие рыболовные и торговые интересы на Тихом океане, а у нас, без преувеличения, нет портов там»²³.

Уэбстер не мог не оценить нарисованных Томпсоном блестящих перспектив. Однако в своем ответе он избегал упоминать о Техасе: «Несомненно, приобретение такого хорошего порта на Тихом океане, как Сан-Франциско — предмет, заслуживающий внимательного рассмотрения. Это было бы полезным множеству китобойных и торговых судов Соединенных Штатов, плавающих по Тихому океану и вдоль западных берегов Америки. Со временем эти места, вероятно, станут центром значительной торговли». Однако, «думая о приобретении новых территорий, лежащих на большом расстоянии от Соединенных Штатов, мы должны руководствоваться расчетом и осторожностью». А потому, ведя переговоры, не стоит увлекаться; «об уступке следует говорить как об удобстве прежде всего для Мексики, как о способе зачета ее долгов... Старайтесь больше слушать, чем говорить, узнавать больше, чем сообщать»²⁴.

Осторожный ответ госсекретаря, занятого непростыми переговорами с английским посланником, явился холодным душем для американского представителя в Мексике. К тому же, другая проблема осложняла отношения США с южным соседом. В марте 1842 г. Мексика предприняла очередную попытку реаннексировать Техас, ее войска начали боевые действия против отпавшей провинции. Война продолжалась до июня 1843 года.

Уэбстера больше всего беспокоило участие в начавшейся войне американцев-экспансионистов, с которыми он успешно боролся на Севере. «Возобновление войны... будет хорошим предлогом для множества людей отправиться в Техас на поиски военного счастья». Госсекретарь посоветовал Томпсону лишь наметнуть мексиканским властям на подобную перспективу, но события опередили его «предупреждения». Уже в следующей депеше Уэбстер вынужден защищать позицию администрации США, которая сквозь пальцы смотрела на американских искателей удачи, участвовавших в мексикано — техасской войне: «Ни Конституция, ни законы страны, ни принципы, используемые современными государствами, не позволяют ... препятствовать отдельным гражданам уезжать из Соединенных Штатов в Техас или любую другую страну»²⁵.

Госсекретарь нашел способ воздействовать в схожей ситуации на экспансионистов, действовавших вдоль канадской границы. Существенным для госсекретаря было то, что эти экспансионисты угрожали мирным отношениям с Великобританией, имевшим для торгово-промышленных кругов США неизмеримо большее значение, чем мир с Мексикой. Но, пожалуй, важнейшей причиной попустительства Уэбстера экспансионистам Юга было открытое покровительство им со стороны президента. В этих условиях госсекретарь старался прежде всего держать ситуацию под контролем, не допуская аннексии Техаса и сползания США к войне с Мексикой.

В октябре неожиданное развитие получила тема калифорнийских портов. Эверетт сообщил из Лондона, что в частной беседе шеф Форин офис лорд Абердин намекнул на возможность достичь договоренности по Орегону, при которой граница двух стран пройдет по реке Колумбия, «принимая во внимание некоторое расширение к югу, которого можно добиться от Мексики, и которое предоставит нам другой порт на этом направлении. Он не сказал, что такое расширение будет обеспечено нам Великобританией, хотя его предложение может указывать только на такую возможность, ведь если мы сами сможем обеспечить расширение за счет Мексики, то с нашей стороны не будет никаких оснований делать уступки Великобритании»²⁶.

Однако, другие дипломаты и военно-морские офицеры обеих стран не имели представления о ведущемся в глубокой тайне торге. До самого момента публикации договора Уэбстер—Ашбертон и еще долго после того рядовые граждане весьма настороженно относились к любым действиям «противной стороны». Это обстоятельство в какой-то мере объясняет события, произошедшие осенью 1842 г. в Калифорнии.

6 сентября поверенный в делах США при Перуанско-Боливийской конфедерации Дж.Ч. Пикет доложил Уэбстеру из Лимы, что у него и у других американцев в этом регионе сложилось впечатление, что Соединенные Штаты и Мексика начали войну. Пикет и командующий тихоокеанской эскадрой США Т.К. Джоунс предполагали также, «что Мексика уступила Калифорнию Великобритании, и последняя вот-вот вступит во владение. Адмирал Томас (командующий тихоокеанским флотом Великобритании в 1841—1844 гг. — *И.К.*) вчера отплыл на фрегате «Дублин» в неизвестном направлении, а британский корвет покинул Кальяо несколькими днями раньше... Командор Джоунс немедленно направился в Калифорнию» на трех кораблях своей эскадры ²⁷.

Американский флотоводец прибыл в гавань Монтерей, и угрожая применением силы принудил мексиканский гарнизон этого порта сдаться. Вскоре, однако, он понял свою ошибку, извинился перед мексиканскими властями и, спустив звездно-полосатый флаг, отплыл со всей эскадрой ²⁸. Как ни мала была вероятность добровольной уступки Мексикой Калифорнии, «война командора Джоунса» свела и ее к нулю. Томпсон с горечью сообщал из Мехико, что «мексиканское правительство намерено выжать все возможное из этого несчастного дела, и я не удивлюсь, если они попытаются рассматривать его как оплату всех наших претензий». Уэбстер, получивший известия об этих событиях с запозданием, дезавуировал поведение Джоунса ²⁹.

Зимой 1842–43 гг. Д. Уэбстер, долгое время тормозивший инициативы Томпсона, вдруг стал активно разрабатывать тему тихоокеанских портов. Он выступил с «трехсторонним планом», в котором увязал предложения Томпсона и Эверетта таким образом, что в случае его реализации США должны были бы получить от Мексики Верхнюю Калифорнию с удобными гаванями, а разграничение с Великобританией сохранило бы за США гавань в проливе Сан-Хуан де Фука. В «частном и конфиденциальном» письме Эверетту 29 января 1843 г. Уэбстер объяснил свое предложение тем, что любой компромисс по «одному Орегону» будет торпедирован сенатом, где усилилось экспансионистское требование «всего Орегона». А всю эту северо-западную территорию госсекретарь рассматривал как «бедную страну в сравнении с Соединенными Штатами или даже с Калифорнией» ³⁰.

Уже на следующий день госсекретарь направил Томпсону напоминание о его собственном предложении договориться об уступке Калифорнии. На этот раз Уэбстер нагнетал секретность и даже (едва ли не единственный раз в своей дипломатической практике) прибег к шифру, чтобы скрыть само слово «Калифорния»: «Это дело вызывает огромный интерес в нашей стране, и лед должен быть любым способом пробит, выйдет из этого что-нибудь или нет». По иронии судьбы в тот самый день Томпсон писал из мексиканской столицы: «Совершенно не может быть речи о том, чтобы сделать что-нибудь с Калифорнией, а после недавних событий было бы бесстыдно намекать на это». Время, когда подобное соглашение было возможным, считал дипломат, упущено. «Я с болью отмечаю, что Вы согласились с очень немногими из моих предложений» ³¹. Ответ из Лондона окончательно похоронил «трехсторонний план». Эверетт сообщил, что как пояснил ему шеф Форин офис лорд Абердин, «он не имел в виду, что Англия хотела бы принять участие в мерах, направленных на подобное приобретение; не предполагал он и того, что мы захотим продвигнуться дальше Сан-Франциско». Уэбстер все же попытался убедить мексиканского посланника Х. Альмонте согласиться на уступку части тихоокеанского побережья, включающей Монтерей ³², но безуспешно.

Чтобы правильно понять мотивы Уэбстера стоит вспомнить его борьбу против аннексии Техаса и задуматься, какие все таки цели преследовал госсекретарь, поддержав планы Томпсона. Заметим, что между письмом посланника в Мексике (апрель 1842 г.) и официальным предложением схожих мер Д. Уэбстером (январь 1843 г.) прошло более восьми месяцев, что и дало Томпсону основания для упреков. За это время были завершены переговоры с Великобританией, на первый план в двусторонних отношениях выдвинул-

ся орегонский вопрос, а в результате несанкционированных действий командора Джоунса в Монтерее исполнение подобного плана стало более, чем проблематичным. Поэтому многие исследователи утверждают, что вся активность Уэбстера на этом направлении в начале 1843 г. представляла лишь маневр, рассчитанный на то, чтобы переключить внимание экспансионистов, главным образом президента Тайлера, с более реальной в то время аннексии Техаса на другой объект. Признавая наличие подобной мотивации, мы склонны считать, что к началу 1843 г. Уэбстер действительно полнее осознал важность упомянутых выше портов: они вписались в его новую концепцию тихоокеанской политики.

«Трехсторонний план», несмотря на кажущуюся утопичность, формулировал новые приоритеты политики США на западном направлении: обеспечение страны портами на Тихом океане. (Спустя пять с небольшим лет все цели «трехстороннего плана» были достигнуты с «перевыполнением».) Необходимость приобретения гаваней на западном побережье встала в повестку дня именно в связи с резким расширением дипломатической активности США в Тихоокеанском регионе в конце 1842—1843 году. Активизируя свою политику на Тихоокеанском направлении, США ни в коей мере не отказывались от традиционной экспансии в южном направлении. Об этом свидетельствует присоединение к США Техаса в 1845 г., захват больших территорий у Мексики в результате войны с этой страной в 1846—1848 годах.

Бостонские друзья Уэбстера еще с конца XVIII в. вели торговлю и китобойный промысел на Тихом океане. В то же время в этот регион стали проникать и американские миссионеры. Именно миссионер П. Паркер обратил в начале 1841 г. внимание Уэбстера на то, что надо присмотреться к Китаю. Летом того же года другой миссионер Х. Бингэм призывал госсекретаря защитить интересы американцев на Гавайских островах³³.

В апреле же 1842 г. американский консул в Гонолулу П. Бринсмейд представил в госдеп развернутые предложения по освоению Тихого океана. Он привез в Вашингтон письмо от гавайского короля Камеамеа III, сопроводив его собственным пояснением важности для США дипломатического закрепления в регионе. Гавайи же, по выражению Бринсмейда, представляют из себя «Мальту тихоокеанского Севера», значение которой «возрастает с каждым днем, в частности, по отношению к западному побережью Северной Америки». Американский консул раскрыл далее панораму блестящего будущего этих территорий — от Орегона, который «по возможностям, открываемым для кораблестроения и торговли лесом, куда более перспективен для тихоокеанского побережья, чем штат Мэн для Атлантического», до Калифорнии, которая «не может долго оставаться под никудышным управлением (*miserable misrule*) Мексики». Основное же значение Гавайев, по мнению Бринсмейда, в том, что «они вскоре окажутся на главном пути, который свяжет Американский континент с Азиатским»³⁴.

Думается, это письмо подтолкнуло государственного секретаря к оформлению американской политики по отношению к тихоокеанским странам. Захватывающие перспективы, связанные с будущим этого региона, нашли отклик в душе государственного секретаря. Его склонность к широкому (как сказали бы в XXI веке — глобалистскому) взгляду на международные отношения, тесная связь с интересами торговой и судовладельческой Новой Англии и, наконец, соображения скрытой борьбы внутри администрации Тайлера против планов аннексии Техаса (что требовало постоянного выдвижения крупных альтернативных внешнеполитических проектов) сложились в пользу разработки восточной инициативы.

Удобная возможность появилась осенью 1842 г., когда у американской администрации оказались свободными руки после соглашения с Великобританией (и, как уже отмечалось, Уэбстер искал новую масштабную задачу, чтобы отгеснить Техас на периферию президентского внимания), а в британской и американской столицах было получено сообщение о заключении 29 августа 1842 г. англо-китайского договора в г. Нанкине, предоставившего

исключительные льготы британским гражданам. Вскоре Эверетт озаботился тем, «насколько другие цивилизованные нации разделят выгоды, полученные Англией от недавних событий в Китае... Либеральная пресса в Лондоне... считает определенным, что другие нации должны присоединиться и разделить преимущества возросшего товарообмена с Китаем. Лорд Пальмерстон в разговоре со мной несколько дней назад высказал такое же мнение». Что же до реакции Вашингтона, то «успех, достигнутый Англией в Китае и договор, который она продиктовала этой империи, произвели здесь большую сенсацию и чувство плохо скрытой ревности», — сообщал из американской столицы российский посланник³⁵. Приблизительно в одно время с сообщениями из Лондона в Вашингтон прибыли новые посланники короля Гавайских островов — миссионер У. Ричардс, живший на Гавайях с 1822 г., а к 1838 г. ставший влиятельным советником Камеамеа III, а также личный секретарь и финансовый советник гавайского короля гаваец Т. Халили³⁶.

Они были полны решимости добиться признания независимости островов у США и/или Великобритании и Франции. Дело в том, что это тихоокеанское королевство к 40-м годам XIX в. все больше входило в поле зрения европейских держав, расширявших свои колониальные владения в регионе. Понимая ограниченность собственных политических (и тем более военных) возможностей, гавайцы надеялись сыграть на противоречиях сильных государств и сохранить собственную независимость. 14 декабря 1842 г. гавайцы изложили свои предложения в письме, аргументы которого в основном совпадали с идеями, выраженными полугодом раньше в послании Бринсмейда³⁷.

Ответ Уэбстера содержал первое изложение принципов американской политики по отношению к Гавайям. Госсекретарь упирал на то, что «среди судов, посещающих острова, громадное большинство принадлежит США, которые, следовательно, более заинтересованы в судьбе островов и их правительства, чем любая другая нация». Поэтому президент намерен провозгласить, что «ни одна держава не должна стремиться к контролю над существующим правительством или к любым исключительным привилегиям или преимуществам в торговле». В то же время, заявил госсекретарь, «президент не видит насущной необходимости в подписании формального договора или в обмене дипломатическими представителями»³⁸.

Сдержанность государственного секретаря в вопросе о формальном признании тихоокеанского государства, по мнению Дж.К. Адамса, объяснялась «чернотой» гавайцев³⁹. На фоне нарастающей популярности идей аболиционистов на Севере и конституирования расистских воззрений на Юге дипломатическое признание королевства «черных» не входило в планы мастера политического балансирования. Он сумел добиться своих целей другим путем.

30 декабря президент Тайлер обратился к конгрессу со специальным посланием, подготовленным его госсекретарем. В нем были сформулированы основные положения тихоокеанской политики США. Кратко свой подход к гавайской проблеме Уэбстер высказал в письме Эверетту, отправленному накануне оглашения специального послания конгрессу: «Мы берем на себя инициативу утверждения независимости островов». Соединенные Штаты не стали связывать себя «трехсторонними гарантиями», а сами объявили о поддержке независимости Гавайев. Вместе с тем, изобретенная Уэбстером формула «поддержка независимости» не означала дипломатического признания. Не случайно эта часть президентского послания 30 декабря 1842 г. получила название «доктрины Тайлера» — как распространения положений «доктрины Монро» на Гавайский архипелаг. Послание президента не ограничивалось Гавайскими островами; в нем содержалось также предложение направить специального представителя США в Китай. «Не может не быть важным для коммерческих интересов Соединенных Штатов, — утверждалось в документе, — ... останутся ли ... порты, ныне открытые для британской торговли, закрытыми для торговли Соединенных Штатов»⁴⁰.

В это время Уэбстер и выдвинул проект присоединения портов на тихоокеанском побережье, приобретавших особую значимость именно в связи со всем комплексом восточных инициатив государственного департамента. Активизация американской внешней политики на Тихом океане означала вступление США в конкуренцию, разгоревшуюся в регионе между великими европейскими державами. К началу сороковых годов XIX в. ведущая роль в освоении тихоокеанского побережья принадлежала Великобритании и России. Это давало дополнительные шансы американской дипломатии сыграть на существующих противоречиях. Именно об этом докладывал в Вашингтон американский посланник в Санкт-Петербурге Ч.С. Тодд: «Вполне естественно, что Россия более ревниво относится к мощи Великобритании, чем Соединенных Штатов на том побережье (Тихоокеанском — *И.К.*); эту ревность никак не уменьшили последние события в Китае (Опиумная война — *И.К.*), которые, дав Великобритании точку опоры в Империи, могут предоставить ей большие возможности для расширения ее торговли и владений на Тихом океане»⁴¹.

Весна 1843 г. была занята подготовкой миссии в Китай и поисками путей выхода Уэбстера из кабинета Тайлера. Давление в пользу принятия Техаса в состав США постоянно усиливалось; Тайлер решил выдвинуть свою кандидатуру на следующих выборах — конечно же, не от партии виггов, членом которой продолжал себя считать Уэбстер. Влияние госсекретаря на президента ослабело: «поскольку я не могу принести ему никакой поддержки, я не могу его ни о чем просить»⁴².

Тайлер все более склонялся к аннексии Техаса, с чем не мог примириться Уэбстер: «никогда такой шаг не будет предпринят им или с его согласия». Не случайно сторонники немедленного присоединения Техаса видели в позиции госсекретаря помеху своим планам: «М-р Уэбстер... в настоящее время стоит у нас на пути», — откровенничал поверенный в делах Техаса в США А. Ванзандт⁴³.

Окончательное решение об уходе было принято к 1 марта. В этот день Уэбстер написал старому другу: «Я считаю, что оставаясь на своем посту, я смог бы сделать больше для своей репутации и на благо страны, чем в любом другом качестве. Но я уступаю суждению друзей, в искренности которых убежден, и которые, возможно, правы, и настояниям моей жены, испытывающей отвращение (*mortal aversion*) к продолжению моей работы в кабинете». Уэбстер решил осуществить «рокировку», предложив Эверетту поехать главной миссии в Китай с явным намерением занять место последнего в Лондоне. Адамс назвал этот проект «задней дверью, с помощью которой Уэбстер обеспечил себе безопасный выход из кабинета Тайлера»⁴⁴.

3 марта Сенат утвердил назначение Эверетта, о чем того и уведомил Уэбстер, но посланник в Англии отказался менять привычный Альбион на сулящее беспокойство посольство в Китае. «Будь я молодым человеком, в начале карьеры, без семьи, — с обидой писал Эверетт, которого даже не спросили перед ответственным назначением, — такое поручение разожгло бы мои амбиции и помогло проявить способности. Но мне исполнится 49 к тому времени, как вы получите это письмо, у меня жена и пятеро детей в том возрасте, когда им нужна отцовская забота»⁴⁵.

План «мягкого» ухода из кабинета рухнул. Сам Уэбстер отправиться в Китай не желал, хотя секретарем посольства поехал его сын Флетчер. Поиски замены Эверетту на посту руководителя миссии привели к Кашингу который незадолго до этого не был утвержден Сенатом в должности министра финансов. 8 мая 1843 г. Д. Уэбстер подписал инструкции К. Кашингу и в тот же день подал прошение об отставке⁴⁶. Российский посланник отметил в своем донесении, что Уэбстер на посту государственного секретаря «создал большую и полезную службу своей стране»⁴⁷.

Таким образом, администрация Тайлера в 1841—1843 гг. действительно представляла собой «компромисс взаимных уступок Севера и Юга» (Дж.К. Адамс), в котором влияние представлявшего интересы Севера государствен-

ного секретаря медленно, но неуклонно падало. С уходом Уэбстера из кабинета последний окончательно стал «южным»: государственный департамент возглавил сначала А. Апшер, а после его гибели во время несчастного случая — идейный лидер Юга Джон Кэлхун. Аннексия Техаса стала неотвратимой, несмотря на противодействие сената, и она была осуществлена по предложению Тайлера совместной резолюцией двух палат американского конгресса (совместная резолюция не требовала для принятия квалифицированного большинства; процедурная уловка помогла преодолеть сопротивление сенаторов).

Тем не менее, в эти месяцы была заложена основа для дальнейшего развертывания тихоокеанской экспансии США, что в полной мере стало очевидным во второй половине XIX века. Можно заключить, что в 1841—1843 гг. внутри американского руководства боролись два взгляда на внешнюю политику страны, один из которых — путь территориальной экспансии — одержал верх в 1840-е гг., а второй — глобальная торгово-промышленная экспансия — начал реализовываться в полной мере спустя несколько десятилетий. Эти взгляды не были антагонистическими (что доказало их длительное сосуществование в рамках одной администрации и дальнейшее осуществление обоих путей), хотя и противостояли друг другу. В одном случае усиливались плантаторский Юг и фермерский Запад, а в другом — торгово-промышленный Северо-Восток. Основным выразителем интересов первой группировки в американском руководстве в те годы был президент Тайлер, второй — государственный секретарь Уэбстер.

Примечания

1. The Works of Daniel Webster. 6 vols. Boston. Vol. 2. 1854, p. 326—327.
2. Papers of Daniel Webster (далее — PDW). Diplomatic Papers. Hanover. 1983. Vol. 1, p. 56.
3. Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Relations, 1784—1860. Washington. 1944. Vol. 3, p. 148.
4. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 333.
5. См.: Ibid., p. 327.
6. Ibid., p. 192.
7. Memoirs of John Quincy Adams. Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848. Freeport (N.Y.). 1969. Vol. 10, p. 465.
8. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents: 1789—1897. 10 vols. Washington. 1902. Vol. 4, p. 1895.
9. Архив внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ), ф. 133. Канцелярия, оп. 469. 1841, д. 195, л. 210—210 об.
10. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 376.
11. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 118; The Letters of Daniel Webster. N.Y. 1902, p. 237; Memoirs of J.Q. Adams. Vol. 11, p. 13—16.
12. The Works of Daniel Webster. 6 vols. Boston. 1854. Vol. 2, p. 183.
13. The Letters of Daniel Webster, p. 240.
14. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 169, 171.
15. Memoirs of J.Q. Adams. Vol. 11, p. 36, 41—42.
16. PDW. Microfilm edition. Reel 16. № 20708; АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 469. 1841, д. 115, л. 35, 34.
17. BOURNE K. The Foreign Policy of Victorian England. 1830—1902. Oxford. 1970, p. 256.
18. АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 469. 1842, д. 195, л. 329об.
19. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 543—544.
20. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 398.
21. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 400, 420.
22. Есть сведения, что весной 1842 г. Тайлер предпринимал шаги с целью сменить главу государственного департамента. (Memoirs of J.Q. Adams. Vol. 12, p. 214). Тайные поиски Тайлером замены самому влиятельному члену своего кабинета вполне вероятны.
23. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 422—423.
24. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 440—441.
25. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 439, 453.
26. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 702.

27. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 453—454.
28. См. подробнее: BROOKE G.M. The Vest Pocket War of Commodore Jones. — *Pacific Historical Review*, 1962, Vol. 31, p. 217—233; HATHEWAY C.G. Commodore Jones's War. — *History Today*, 1966, Vol. 16, March, p. 194—201.
29. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 459, 465.
30. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 842.
31. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 471—472.
32. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 847; см.: *Memoirs of J.Q. Adams*. Vol. 11, p. 355.
33. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 857—858, 885—888. Подробнее о роли П. Паркера в проникновении американцев в Китай см.: АНИСИМОВ А.Л. «Самый большой патриот империи» (американский миссионер П. Паркер в Китае в XIX в.). — *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность*. Иркутск. 1996, с. 25—48.
34. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 859—864.
35. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 892; АВПРИ, ф. 133, Канцелярия, оп. 469, 1843, д. 174, л. 15—15 об.
36. *Memoirs of J.Q. Adams*. Vol. 11, p. 274.
37. См. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 867—869.
38. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 871.
39. *Memoirs of J.Q. Adams*. V. 11, p. 275.
40. *The Works of Daniel Webster*. Vol. 6, p. 464, 465; PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 871.
41. National Archives and Records Service, Washington. DC. RG 59. General Records of the Department of State. M.35. Despatches from US Ministers to Russia. R.14.V.14.
42. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 27.
43. *Memoirs of J.Q. Adams*. Vol. 11, p. 347; *The Letters and Times of the Tylers*. Richmond. 1896. Vol. 3, p. 129.
44. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 929, 844, 846; *Memoirs of J.Q. Adams*. Vol. 11, p. 355.
45. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 906.
46. PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1, p. 931.
47. АВПРИ, ф. 133. Канцелярия, оп. 469. 1843, д. 174, л. 86.

«ЗАБЫТЫЙ» ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

И. В. Зимин

Великий князь Николай Константинович Романов родился 2 февраля 1850 года. Он был первым ребенком в семье великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны — принцессы Саксен-Альтенбургской. Младший брат царя, великий князь Константин Николаевич принимал активное участие в политической жизни России в начале правления Александра II. За ним прочно закрепляется репутация либерала.

Будущее племянника императора, должно было быть блестящим. Николай Константинович был первым из великих князей, закончивших Академию Генерального штаба. Военный министр Д.А. Милютин вспоминал о нем, как о человеке «кончившем довольно успешно курс Академии»; «пример двух Великих Князей, прошедших курс академии» имел в его глазах «особое значение»¹.

Из воспоминаний о Николае Константиновиче, пожалуй, наиболее достоверны воспоминания графини М. Клейнмихель, близкой ко двору вел. княгини Александры Иосифовны. Впоследствии, Николай Константинович был официально объявлен психически больным и мемуаристка добросовестно пыталась найти проявления этой ненормальности в его детстве. С другой стороны, «он хорошо и старательно учился в академии генштаба, был очень красивым юношей, с прекрасными манерами, ...хорошим музыкантом и обладал прекрасным голосом»².

Его любовница, американка Фанни Лир в мемуарах описывает внешность великого князя: «ростом немного более 6 футов, прекрасно сложенный, широкоплечий с гибким и тонким станом. У него была небольшая, красивой формы голова, овальное лицо и мягкие шелковистые волосы, стриженные под гребенку; ослепительной белизны, широкий и открытый лоб, светившейся умом и проницательностью»³.

Став самостоятельным, Николай Константинович окунулся в бурную жизнь света и «полусвета»⁴, и, как впоследствии писали медики, «в начале апреля 1872 получил сифилитическую язву. Князь лечился от сифилиса в Петербурге, а затем в Вене и Италии. Излечившись, осенью 1872 г. Николай Константинович вернулся в Санкт-Петербург.

В начале февраля 1873 г. он направился в Среднюю Азию для того чтобы принять участие в Хивинском походе войск Туркестанского военного округа под командованием генерал-адъютанта К.П. Кауфмана. Дни этого похода Николай Константинович вспоминал, как лучшие в своей жизни. Впоследствии ему пришлось провести почти всю жизнь в Средней Азии. Великому князю, с одной стороны, пытались обеспечить полный комфорт, а с другой, не могли оставить без дела. И, видимо, серьезная нагрузка оказалась для него непосильной. Во время похода великий князь «вдруг ослабел до того, что едва мог пройти несколько шагов без посторонней помощи», у

Зимин Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного медицинского университета.

него поднялась температура до 39°, сопровождавшаяся бредом и бессонницей. Именно тогда, в конце апреля 1873 г., как писал в своем отчете от 14 июля 1873 г. лечащий врач великого князя И. Морев, было высказано мнение «в пользу мозговой формы болезни», «явления сифилитические усилились». 11 июля 1874 г. он прибывает в Петербург и уже через три дня выезжает в Вену для лечения, которое с августа до сентября 1873 г. продолжает в Крыму. По возвращении в Петербург князь занимается устройством своего дома и подготовкой к научной экспедиции в бассейн реки Аму-Дарья.

В апреле 1874 г. Николай Константинович похищает из спальни матери драгоценности. Это событие потом обросло множеством домыслов но, тем не менее, главные мемуаристы передают точно. Так, Е.А. Нарышкина пишет: «независимо от целого ряда похищений, совершенных у лица царской фамилии, у Великой Княгини Александры Иосифовны пропал из Ея юрта богато украшенный драгоценными камнями образ. Великая княгиня вне себя поручила шефу жандармов графу П.А. Шувалову, во что бы то ни стало найти его и открыть дерзкого похитителя. Полиция действительно нашла несколько раз перепроданный образ, и без труда проследила хождение его по рукам до самого несчастного молодого человека. Скаandal вышел громадный. Думаю даже, дурные отношения графа с Великим князем Константином Николаевичем содействовали тому, чтобы он не был умерен. Николай Константинович был объявлен страдающим психиатрической болезнью — клептоманией и отправлен в Оренбург»⁵. Государственный секретарь Е.А. Перетц записывает в 1889 г.: «Старший сын Великого Князя Константина Николаевича в 70-х гг. был, по слухам, уличен в краже бриллиантов и какой-то иконы своей матери, после чего был признан сумасшедшим, над ним назначили опеку»⁶. С.Ю. Витте вспоминал: князь «украл очень драгоценные бриллиантовые вещи у своей матери. Вот тогда и было установлено, что он находится в ненормальном состоянии»⁷.

Кленмихель была наиболее информирована, так как слышала подробные рассказы об этой истории от своей сестры, состоящей при вел. кн. Александре Иосифовне: «в Мраморном дворце похищены при помощи какого-то особого орудия три крупных бриллианта с иконы, подаренной Николаем I своей невестке, ...икона находилась в комнате великой княгини, куда имели доступ только врачи, придворные дамы и два главных камердинера»⁸. Отец великого князя записал в дневнике 10 апреля: «на одной из наших свадебных икон отодрано и украдено бриллиантовое сияние, и что с другой попробовали то же самое, но безуспешно и только отогнули»⁹.

Развитие событий в Мраморном дворце в апреле 1874 г. подробно изложено в «Акте медицинского исследования Его Императорского величества Великого Князя Николая Константиновича по поводу возникшего сомнения в нормальном состоянии умственных способностей Его Величества»¹⁰.

Александр II решил передать дело о продаже бриллиантовой звезды шефу жандармов П.А. Шувалову, причем Константину Николаевичу было предоставлено право решать, давать ли делу дальнейший ход или прекратить его производство. Константин Николаевич беседовал с сыном, следует ли продолжать начатое дело и Николай Константинович настаивал на производстве дальнейшего и притом самом строгом и публичном расследовании.

У П.А. Шувалова и вел. кн. Константина Николаевича были серьезные разногласия на политической почве. Однако, как писала впоследствии Клейнмихель, намерения Шувалова в этой шекотливой ситуации «были самые благожелательные ... Весьма бережно сообщил он Великому Князю, что полиция уверена в том, что бриллианты похищены Николаем Константиновичем. Он прибавил, что это обстоятельство должно во что бы то ни стало быть заглажено и, что он нашел лицо, согласившееся за большую сумму даже взять на себя вину». Константин Николаевич не смог смириться с обвинениями в адрес сына, несмотря на всю их очевидность, видел в этом политическую интригу, заявив Шувалову: «Вы все это изобрели лишь для того, чтобы распространять клевету о моем сыне, ваша жажда мести хочет его обесчестить. Я позову Николая и посмейте в его присутствии повторить ваши обвинения»¹¹.

После разговора с шефом жандармов Константин Николаевич еще раз приглашает сына и в присутствии Шувалова сообщает ему, что бриллиантовая звезда и медали были заложены в ломбард капитаном Варнаховским по его собственному приказанию. Николай Константинович, несмотря на неопровержимые улики, не изменил своих показаний. В этот же день 15 апреля была арестована Фаини Лир и у нее, по приказу Шувалова, был произведен обыск.

16 апреля Николай Константинович находился уже под домашним арестом. Он слег в постель, жалуясь на «тоску и головную боль». 17 апреля лечащий врач арестованного И. Морев доложил Константину Николаевичу, что некоторые наблюдения из походной жизни во время Хивинского похода и душевные волнения последнего

времен дают повод предположить «существование серьезного нервного расстройства» и просил пригласить для совещания врачей и специалиста по нервным и душевным болезням.

События этих апрельских дней Александр II переживал тяжело, расценивая их как «семейное горе». Милютин упоминает в дневниковой записи за 18 апреля, что император был глубоко огорчен: «он не мог говорить без слез о позоре, брошенном на всю семью гнусным поведением Николая Константиновича». По мнению царя самым неприглядным в этой истории было то, что «он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже сваливал вину на других, не состоящих при нем лиц». В этот день царь еще колебался между намерением исключить Николая Константиновича из службы с заключением его в Петропавловскую крепость и медицинским диагнозом, необходимым для того чтобы «сохранить лицо». «Речь шла о том, чтобы освидетельствовать умственные способности преступника: поступки его так чрезвычайны, так чудовищны, что почти невероятны при нормальном состоянии рассудка. Может быть единственным средством к ограждению чести целой семьи царской, было бы признание преступника помешанным (клептомания)»¹². Тяжело переживал эти события и вел. кн. Константин Николаевич. В это день он записал в дневник: «я могу быть отцом несчастного сумасшедшего сына, но быть отцом преступника, публично ошельмованного, было бы невыносимо и сделало бы все мое будущее состояние невыносимым». Именно в этот день было принято «после долгих колебаний» решение дожидаться освидетельствования преступника докторами и затем, «каков бы ни был его результат, объявить его для публики больным душевным недугом»¹³.

К 19 апреля 1874 г. решение было уже принято. Николаю Константиновичу «объявлено было, что он лишен чинов и орденов и будет в заточении без срока. И это принял он совершенно равнодушно. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича психически больным»¹⁴.

Современники задавались вопросом, что могло толкнуть Николая Константиновича к похищению бриллиантов относительно небольшой стоимости, когда он сам обладал огромным состоянием. Общественное мнение было единодушным — kleптомания. Но в официальных документах это заболевание не упоминается. Речь идет только о «признаках душевного расстройства». По мнению специалиста по нервным болезням И. Балинского, которого А.Ф. Кони называл «отцом русской психиатрии»¹⁵, о kleптомании не могло быть и речи.

Вел. кн. Константин Николаевич допускал возможность kleптомании у сына и поэтому приказал врачам изложить их мнение о состоянии здоровья сына, «не стесняясь никакими соображениями, но руководствуясь при этом одною правдою». Диагноз, составленный медиками в тот же день, гласил: «не замечается признаков какой-либо, ясно определенной душевной болезни, но Его Величество находится в том болезненном состоянии нравственного растрепания, которое предшествует развитию многих душевных болезней»¹⁶.

Психиатр И. Балинский беседовал и с Ф. Лир. Как она пишет, доктор «старался получить от меня показания о сумасшествии Николая, но я сказала: «Доктор, уверяю Вас, что Великий Князь столько же здоров умом, как и Вы. Я знаю, что он страдает kleптоманией, но никакой другой мании у него нет. ...Гм, ...гм — промывал он — но чем же тогда можно объяснить Ваше влияние на него. Он днем и ночью требует Вас с криками и воплями?»¹⁷. В промежуточном медицинском диагнозе на 12 августа 1874 г. отмечалось, что «Душевная болезнь Его Высочества по причине отсутствия систематического бреда обнаруживается более в действиях, нежели в словах». Версия о kleптомании была решительно отброшена медиками: но, они заявили, что у больного «развились явная наследственная форма помешательства»¹⁸.

Профессор И. Балинский доложил императору Александру II, что признает Николая Константиновича «действительно больным и считает нужным устроить медицинское наблюдение над состоянием здоровья его величества»¹⁹. Ответственными за состояние здоровья Николая Константиновича Александр II назначил лейб-медика Н. Здкауэра и проф. И. Балинского, повелев составить инструкцию о порядке лечения и наблюдения за больным, и еженедельно посылать ему бюллетени о состоянии его здоровья, назначить надежного врача для постоянного пребывания при особе Николая Константиновича. 20 апреля инструкция была составлена. Вскоре был подобран и врач, приступивший к своим обязанностям уже с 26 апреля 1874 года.

В это время с Фанни Лир велись переговоры о сумме, за которую она согласилась бы уступить обязательство великого князя на 100 тыс. руб. и его духовную, хранившуюся в американском посольстве. Она пишет, что именно император приказал выполнить все обязательства великого князя полностью, но, тем не менее, переговоры продолжались и она «согласилась получить только половину вышеназванной суммы»²⁰.

Для принятия окончательного решения по делу Николая Константиновича 12 сентября 1874 г. было создано Совещание во главе с министром императорского двора графом А.В. Адлербергом. Тогда же было подготовлено окончательное медицинское заключение. В его составлении решающую роль сыграл И.М. Балинский. В заключении подтверждалось психическое расстройство великого князя. Окончательное же признание ненормального состояния здоровья члена императорской фамилии, равно как и установление над ним опеки, зависят «от Державной воли Государя Императора»²¹. Виднейшие сановники, собравшиеся в Совещании должны были юридически оформить официальное безумие Николая Константиновича и определить его дальнейшую судьбу. Юридическая оценка событий апреля 1874 г. была подготовлена юрисконсультлом Министерства императорского двора М. Баженовым, который подчеркивал, что необходимо назвать поступок Николая Константиновича «действием бессознательным, плодом болезненного расстройства ума»²². Великий князь подлежал лечению.

Медики рекомендовали «поместить Его Высочество в южном климате России, где такие физические болезни удобнее подлечиваются и, что для успешного лечения душевных недугов, необходимо дать умственное занятие Его Высочеству». И советовали поручить его управлению «обширную ферму, где можно заниматься пчеловодством, шелководством, скотоводством, опытами». Кроме этого, рядом с великим князем должен был, по их мысли, постоянно находиться священник, «нравственное влияние которого весьма велико»²³.

Совещание в целом согласилось с рекомендациями медиков, однако, идею помещения великого князя на юге России министр двора А.В. Адлерберг назвал «неудобною и неосуществимою», так как это слишком было похоже на ссылку и было решено приискать имение «в одной из губерний средней полосы России». Это же совещание подготовило высочайший указ, подписанный Александром II 11 декабря 1874 года. В нем излагалась официальная версия скандала: «признаки душевной болезни, «расстройство умственных способностей». Над великим князем устаивалась опека «в лице его августейших родителей»²⁴. Персональная ответственность за судьбу великого князя была возложена на министра внутренних дел.

Наблюдения медиков за больным продолжались вплоть до декабря 1874 года. В заключении отмечалось, что Николай Константинович написал три записки, озаглавленные: «Из записок нравственно и нервно расстроенного человека». Они сразу придали этому делу некую политическую окраску и стали широко известны. Кленмихель цитирует их: «Безумен я или я преступник? Если я преступник, судите и осудите меня. Если я безумен, то лечите меня, но только дайте мне луч надежды на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь и свободу. То, что Вы делаете — жестоко и бесчеловечно»²⁵.

Это событие, широко обсуждавшееся в С.-Петербурге, не обошло вниманием и революционную печать. П. Лавров в своем сборнике «Вперед» писал: «Слух о краже бриллиантов одним из великих князей распространился в Петербурге уже довольно скоро, но лишь в мае он стал совершенно гласным в России». Несколько поторопившись, он высказал убеждение, что «конечно, Император помилует своего племянника. Великих князей не ссылают и не лишают прав и преимуществ. Со временем великий князь Николай Константинович научится у своей родни, что гораздо выгоднее грабить народ легально, чем рисковать европейским скандалом»²⁶.

Великого князя в сопровождении генерал-лейтенанта Генерального штаба Витковского и врача Тимофеевского, отправляют в Оренбург, а затем он переезжает в Крым, где за ним тщательно наблюдают и пытаются лечить. Время великий князь проводил за чтением газет, спал до обеда, катался в экипаже, делал гимнастические упражнения на параллельных брусьях, писал записку «об отношениях Императора Павла I к боярству».

Николай Константинович давал все новые поводы для беспокойства. Так, в июне 1878 г. пришлось вновь созывать особое совещание. Поводом для него было тайное венчание великого князя. Милютин записал в дневнике 6 июня 1878 г.: «как недавно только узнали, еще в феврале месяце обвенчался тайно с некою девицей Дрейер (дочерью оренбургского полицмейстера) обманным образом, сделав подложную подпись и выдав себя за какого-то отставного полковника. Государь был крайне (озабочен) затруднен решением вопроса как поступить в таком случае: смотреть ли на Великого Князя (как на сумасшедшего) на основании прежнего акта, которым он признан был в ненормальном состоянии рассудка, или поступить с ним по всей строгости законов? К совещанию приглашен был в качестве эксперта-юриста князь Сергей Николаевич Урусов. Говорили долго, но ни к какому окончательному решению не пришли». Окончательно этот вопрос был решен только 20 июня 1878 г.: «Решено уже,

что, по существующим законоположениям, брак великого князя с девицей Дрейер не может быть признан и будет расторгнут, но затем все-таки вопрос, как поступить лично относительно самого Николая Константиновича. Государь полагал лишить его звания флигель-адъютанта Я высказал мнение, что такое распоряжение будет иметь явно значение карательной меры и притом наказания оскорбительного; если же смотреть на Великого Князя, как на человека психически больного, то логичнее было бы совсем его уволить от службы и поставить в положение больного, требующего ухода и лечения». Таким образом у участников совещания не было и тени сомнений в действительном состоянии здоровья Николая Константиновича. Его «психическая болезнь» рассматривается только в связи с проблемой сохранения престижа правящей династии.

Впоследствии Николая Константиновича переводят на жительство в г. Самару. Милютин 1 марта 1880 г. пишет: «Вчера был у меня полковник гр. Ростовцев, представленный дядькой к Великому Князю Николаю Александровичу. Ростовцев говорит, что он окончательно убедился, во время прошлогоднего путешествия по р. Аму, в ненормальном состоянии умственных способностей Николая Константиновича; но, к сожалению, бывшее недавно свидание его с отцом, в Твери, принесло скорее вред, чем пользу, потому что Великий Князь Николай Александрович не хочет признавать психическое расстройство в своем сыне и в своих с ним объяснениях внушил ему новые сумасбродства»²⁷.

Видимо, отец великого князя Константин Николаевич убедил царственного брата, что шестилетняя ссылка вполне достаточна для совершенного проступка. По его ходатайству в Самару в апреле 1880 г. для личного освидетельствования Николая Константиновича были вновь были направлены врачи-психиатры Балнинский и Дюков. После этого Александр II, видимо, под влиянием брата Константина Николаевича, принимает решение о переводе опального князя под Петербург в имение Пустынька, находившееся рядом с д. Саблино, в часе езды от Николаевского вокзала. Причем, Николая Константиновича всячески торопят с переездом, с этой целью проф. Балнинский вновь приезжает в Самару 1 ноября 1880 г., Николай Константинович переезжает в Пустыньку в конце ноября 1880 года. Из рапортов охраны следует, что его часто навещает младший брат Дмитрий Константинович и время от времени проф. И.М. Балнинский. Великий князь не только принимает гостей, но и «почти беспрерывно занимается разработкою записки о среднеазиатской железной дороге»²⁸.

Можно достаточно обоснованно предполагать, что Александр II, переведя великого князя в ближайшие пригороды Петербурга, хотел помиловать племянника. Постоянные визиты к нему психиатров должны были дать медицинские основания для принятия этого решения. Возможно, это было связано также с изменениями в личной жизни самого императора, который стал терпимее относиться к грехам ближайшего окружения, да и шестилетняя ссылка в какой-то мере искупала прегрешения великого князя.

Убийство Александра II 1 марта 1881 г. резко изменило положение Николая Константиновича. Опальный князь обратился к Александру III с просьбой позволить ему приехать в Петербург и «помолиться праху обожаемого мною монарха». На что Александр III, всегда испытывавший антипатию к своему кузену ответил: «Сколько живу, ты не увидишь Петербурга». После того, как ему не было позволено приехать в С.-Петербург на погребение императора, Николай Константинович заявил, что, если его считают сумасшедшим, то он не будет присягать Александру III, так как «сумасшедших к присяге не приводят»²⁸. Именно с этого момента вокруг Николая Константиновича возникает орсел некоей оппозиционности. Клейнмихель пишет о словах Николая Константиновича: «Я надену Андреевский орден, выйду к народу, и народ восстанет и меня защитит»²⁹. Уже 21 марта 1881 г. министр императорского двора А.В. Адлерберг в секретном отношении к министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову пишет, что необходимо принять меры «к прекращению неудобств и повторяющихся затруднений относительно ненормального положения Его Высочества». Предлагалось послать в Пустыньку благонадежного штаб-офицера, вменив ему в обязанность строго надзирать «как за выходами и выездами из занимаемого им дома, так и за самим домом» и «противодействовать в случае какой-либо попытки»³⁰.

В ответ на заявление Николая Константиновича 28 марта 1881 г. он был арестован, перевезен в Павловск и помещен в крепость «Бип». Биографы Александра III отмечают, что царь «с Николой ... дружили с ранних лет, много общих воспоминаний связывало их, но сочувствия к бывшему другу-родственнику он не испытывал никакого... Став императором, он наотрез отказался простить опального кузена и разрешить ему вернуться в Санкт-Петербург»³¹.

В апреле 1881 г. были подведены итоги семилетнего «попечительства» над великим князем. Констатировалось: «В эти семь лет его Высочество десять раз перевозил-

ся с одного конца России на другой... более 20 лиц пребывало в это время при Великом Князе в качестве врачей, распорядителей... немало разных взглядов, приемов и даже систем практиковалось в отношении Его Высочества..., но положение ...не только не установилось..., но до невозможности осложнилось и запуталось». И прежде всего «обстоятельствами и соображениями характера политического». В документе рассматриваются различные варианты решения этой проблемы «от строгого заключения до условной свободы». В связи с обширными знакомствами Николая Константиновича, его денежными затратами на изучение среднеазиатских путей, его печатными работами по вопросам «первостатейной важности для нашего Юго-Востока» делался вывод, что будет «неосторожным несвоевременно поставить теперь Великого Князя в положение Государственного узника», так как «при этом создадутся легенды. Они окружают Великого Князя ореолом мученика за правду, может быть народного печальника и заступника, героя демократических учреждений»³². Поэтому, предлагалось поселить Николая Константиновича в большом городе, где, если, что и случится, то «странно было бы требовать от человека, признанного врачами ненормальным, безупречной нормальности в образе мыслей и действий», поэтому «лучше пусть сожалеют Николая Константиновича, как несчастного больного, нежели сочувствуют и поклоняются ему, как жертве преступления» и поэтому предлагалось поселить Николая Константиновича в Туркестан. Этот документ не имеет адреса, не указан его автор, он написан хорошим писарским почерком и датирован «Павловск 4 апреля 1881 г.». Документ, видимо, был составлен людьми, отвечавшими на тот момент за Николая Константиновича во время его заключения в крепости «Бип» и предназначен для доклада А.В. Адлерберга Александру III.

Этот доклад, видимо, был полностью одобрен, так как уже в мае 1881 г. П.А. Черевитым (на тот момент товарищем министра внутренних дел) была составлена «Инструкция» в связи с переездом великого князя в Туркестанский край. В ней указывалось, что «обращение с Его Высочеством должно было быть, как с частным лицом, а не с Члном Императорского Дома», прогулки разрешались только в черте города, сопровождать Николая Константиновича принадлежало Надежде Александровне Дрейер, в случае неповиновения генерал-губернатору представлялось право ареста «больного».

Николай Константинович, переехав в Ташкент в 1881 г., прожил там с небольшими перерывами более 35 лет, до своей смерти в 1918 году. О его здоровье и поступках регулярно докладывалось министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову. Например, в январе 1885 г. ему донесли, что «особенно резких суждений он не высказывал. Все время он провел в кровати, занимаясь чтением газет и книг». Такой образ жизни, полный всяческих ограничений сказался на здоровье великого князя. В январе 1885 г. медики сообщали в Петербург, что «боли в груди и области сердца продолжаются. В мокроте появляется временами кровь» поэтому они предлагают рассмотреть вопрос о разрешении великому князю путешествовать и переменить место жительства. Меняются и внешние обстоятельства: серьезно заболел отец Николая Константиновича — великий князь Константин Николаевич. В связи с этим Александр III 14 августа 1889 г. подписал указ об опеке над Николаем Константиновичем, которая передавалась его матери Александре Иосифовне и брату Константину Константиновичу. Узнав о резком ухудшении здоровья отца, Николай Константинович направляет телеграмму Воронцову-Дашкову с просьбой «доложить Государю-Императору о необходимости моего скорейшего и безотлагательного приезда в Павловск» и особо подчеркивает, что «все условия, какие благоугодно будет мне предложить, я считаю священным долгом с точностью исполнить»³³. Ответ был категоричен. Указывалось, что «его приезд сюда не желателен и совершенно невозможен». При этом ссылались на мнение младшего брата-опекуна великого князя Константина Константиновича, его сестры Ольги Константиновны и матери Александры Иосифовны. Похоже, что Константиновичи считали Николая своим позором, «паршивой овцой», о которой предпочитали не вспоминать. Это отчасти подтверждается тем, что в опубликованных мемуарах Константина Константиновича («К.Р.») и его сына Гавриила Константиновича нет ни одного упоминания о Николае Константиновиче³⁴.

Все эти годы, Николай Константинович активно занимался ирригационными работами, тратя на них значительные средства. Он организовал несколько научных экспедиций по Средней Азии, в которых принимал личное участие. В 1890-х г. он начинает работы по орошению Голодной степи. На его средства строятся два рабочих городка для прокладки магистрального канала «им. Николая II». На орошаемых землях было построено 12 русских поселков (истрачено 2 млн руб. личных средств), устроено два ирригационных сооружения, которые приносили прибыль. В ноябре 1892 г. туркестанский генерал-губернатор писал в Петербург, что великий князь «прибывший в начале ноября

из Голодной Степи в Ташкент для поправки здоровья, настолько восстановил свои силы, что 15 ноября смог обратно выехать в Голодную Степь для продолжения ирригационных работ»³⁵. Клейнмихель писала, что Николай Константинович «был очень любим туземцами за то, что устроил им водопровод»³⁶. С.Ю. Витте, сопровождавший министра финансов Вышнеградского во время его поездки в Ташкент, встретил великого князя. Он восклицал: «меня очень удивило, что он, с одной стороны, по-видимому, был человек умный, деловой, так как там в Средней Азии, он делал большие оросительные работы, разводил хлопок, а с другой стороны — было установлено, что Великий Князь находится в ненормальном состоянии». «В крае его признавали человеком умным, толковым и сравнительно простым»³⁷. В Ташкенте с именем великого князя связывали открытие бильярдного зала, зоопарка, первого кинотеатра, хлопкоочистительной фабрики. Все эти предприятия приносили неплохой доход. К 1917 г. ежегодный совокупный доход Николая Константиновича составлял 1,4 млн руб.³⁸

Вместе с тем, он не давал скучать местным властям. Так государственный секретарь А.А. Половцов упоминает в дневнике в ноябре 1888 г.: «Розенбах (в 1884—1889 гг. военный губернатор Туркестана. — *И.В.*) убежден, что этот несчастный, хотя и не может быть назван сумасшедшим, тем не менее страдает расстройством душевных способностей, чему служат доказательством несообразные от времени до времени выходы, как, например, что он однажды отправился к сосланному в Ташкент нигилисту и предложил ему войти с ним в союз. За такую проделку Розенбах посадил виновного под арест на месяц, а затем приставил к нему полковника, который почти не отходит от него. Николай Константинович женат и имеет двух детей, хотя брак его не признан государем. Он получает 12 тыс. руб. в месяц содержания и тратит свои деньги на устройство ирригации в степи. Занятие это его очень интересует, но Розенбах опасается, что занятие это еще надоест и тогда неизвестно, на что он бросится»³⁹.

После смерти Александра III в октябре 1894 г. положение Николая Константиновича значительно улучшилось, и он даже получил право распоряжаться своим имуществом. Однако в 1900 г. его имя вновь оказалось в центре внимания сановников Петербурга, императора Николая II и психиатров. Дело в том, что в январе 1900 г. 50-летний Николай Константинович пытался тайно обвенчаться с 15-летней гимназисткой Валерией Хмельницкой. Следствие установило, что 28 февраля 1900 г., несмотря на надзор, обряд венчания все же состоялся. В Петербурге 27 февраля 1900 г. было образовано решением Николая II особое совещание для обсуждения чрезвычайных мер, необходимых «для приведения быта и обстановки Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Константиновича в соответствии с настоящим состоянием Его Высочества». Возглавил совещание генерал-адъютант О.Б. Рихтер⁴⁰. На заседании 9 марта 1900 г. было подтверждено, что все смягчения содержания Николая Константиновича должны быть отменены и вновь восстановлена инструкция 1874 г. об условиях его содержания. На этом заседании было принято решение направить в Ташкент психиатров для обследования князя, а также перевезти его в другое место проживания, как предполагалось, на территорию Прибалтики.

Врачи-психиатры доктор медицины Розенбах и Хардиш в течении шести недель обследовали Николая Константиновича летом 1900 г. и в результате обобщили свои наблюдения в заключении, в котором говорилось: «в настоящее время обнаруживает явления душевного расстройства в форме дегенеративного психоза с притуплением нравственного чувства», «болезненное состояние по существу тождественно с тем, какое было найдено... при первом психиатрическом исследовании в 1874 г.», «нельзя надеяться на возможность исцеления Великого Князя», «ему не может быть предоставлена полная свобода, так как заболевание приближается по своей форме и степени к попечению над несовершеннолетним субъектом», «желательно оставить Великого Князя на жительство в Туркестанском крае и предоставить ему возможность продолжать ирригационные работы в степи»⁴¹.

Николай Константинович пытался сопротивляться. После того как в августе 1900 г. его очередная «жена» была отправлена в Тифлис, он через посредников переписывался с ней и переписка «несмотря на все старания генерал-майора Гейштора, лилась потоком». 3 октября 1900 г. Валерия Хмельницкая бежала из Тифлиса и была задержана на пути в Ташкент. В январе 1901 г. Николай Константинович был помещен под домашний арест, после того как явился к надзиравшему над ним генералу Гейштору «совершенно пьяный» и угрожал убить его. Видимо увлечение Валерией Хмельницкой было нешуточным, так как тогда же зимой 1901 г. он направляет своему опекуну и младшему брату великому князю Константину Константиновичу телеграмму, в которой просит «о снятии титула со всеми прерогативами, и о разрешении жить с Валерией Хмельницкой».

Поскольку подбор имени в Прибалтике затягивался, то особое совещание принимает решение о переезде Николая Константиновича в Тверь. Этот переезд организовывался и планировался как военная операция. Так в телеграмме от 18 марта 1901 г. генерал Гейштор сообщал министру императорского двора, что «Валерия, за доставлением которой в Тверь, снаряжена экспедиция, служит приманкою». 24 марта 1901 г. Николай Константинович выезжает из Ташкента в Тверь, где ему обещана встреча с Валерией Хмельницкой и в это же время Победоносцев сообщает В.Б. Фредериксу, что: «Св. Синод своим определением от 27 февраля — 6 марта 1901 г. за № 837 не признал совершенного священником Свиридовым якобы венчания Великого Князя Николая Константиновича с дворянкою Валерией Хмельницкой таинством брака». В апреле 1901 г. Николай II утверждает в качестве нового места пребывания Николая Константиновича мызу Шриден в Прибалтике. Охрана его была поручена жандармам, а инструкция содержания великого князя была в июне 1901 г. утверждена министром внутренних дел.

Однако до Прибалтики Николай Константинович так и не доехал. Он, привычный к среднеазиатской жаре, не переносил холода и ему было позволено сначала жить в Крыму, а затем в 1904 г. в качестве нового места жительства, решением Николая II, ему утверждают Ставрополь. Опальный князь настаивает на возвращении в Ташкент, и в 1906 г. по приказанию великого князя Константина Константиновича его в Ставрополе вновь посещают психиатры — Розенбах и Чехов. Они поддерживают Николая Константиновича в просьбе о возвращении на постоянное жительство в Туркестанский край. Николай II 15 апреля 1906 г. утверждает решение особого совещания о возвращении Николая Константиновича в Ташкент.

В отчете психиатров от 14 марта 1906 г. был вновь подтвержден диагноз о психической неполноценности великого князя.

Психиатры отметили, что события первой русской революции не прошли мимо Николая Константиновича. Особенно его обнадежил манифест 17 октября 1905 года. Он начинает требовать снятия опеки и восстановления его прав, «для чего требует экспертизы с участием представителей администрации и юриспруденции». В обмен на отказ от этих требований Николай Константинович просил позволить ему вернуться в Туркестанский край, «соглашаясь со всеми возможными ограничениями свободы». Психиатры не видели особых препятствий для этого, так как Валерия Хмельницкая к этому времени вышла замуж и уехала за границу, кроме этого, как отмечали они, «строгий режим охраны является излишним, так как питает тот оппозиционный дух, который присущ Великому князю в зависимости от Его дегенеративного психоза»⁴².

После решения Николая II и переписки между В.Б. Фредериксом и П.А. Столыпиным, было принято решение освободить министра внутренних дел Дурново от личной ответственности за наблюдением за Николаем Константиновичем, а так же было решено вернуться к режиму содержания принятому в 1881 году. Для того чтобы «заполнить жизнь» ссыльного министерство императорского двора приобретает в Ташкенте два участка земли для возведения на них хозяйственных построек.

После вступления России в первую мировую войну фактически произошла медицинская и, отчасти, политическая реабилитация Николая Константиновича, (после смерти его младшего брата великого князя Константина Константиновича). 4 декабря 1915 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано высочайшее повеление в котором говорилось: «О принятии Великим Князем Николаем Константиновичем звания Почетного Члена Голодно-Степского местного отдела состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества Покровительством общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям».

Николай Константинович прожил в Туркестанском крае до 1918 года. После Февральской революции его имя на короткое время вновь становится известным, так как он послал восторженную телеграмму А.Ф. Керенскому, с выражением радости по поводу наступления свободы. Эта телеграмма была «воспроизведена во всех газетах»⁴³. Тогда же осенью 1917 г. в журнале «Аргус» был опубликован портрет забытого великого князя и напечатаны мемуары Ф. Лир.

О конце жизни опального князя даже в серьезной исторической литературе существуют противоположные версии. Так, по одной из них, после начала красного террора в 1918 г. великий князь Николай Константинович, как и другие Романовы был расстрелян⁴⁴. По другой версии, подкрепленной архивными ссылками, Николай Константинович скончался 14 января 1918 г. от воспаления легких. Он был торжественно похоронен в центре Ташкента в специально построенном склепе около Георгиевского собора⁴⁵.

Личность великого князя Николая Константиновича весьма противоречива. Однако несомненны его заслуги в утверждении влияния России в Средней Азии.

1. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. Т. 2. М, 1949, с. 33.
2. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Из потонувшего мира. Пг.-М. 1923, с. 30.
3. ЛИР Ф. Глава «августейшего» романа (Из семейной хроники дома Романовых). — Аргус, 1917, № 8, с. 26.
4. А.С. Суворин записал в дневнике 26 марта 1893 г. разговор с воспитателем Николая Константиновича Григоровичем: «Год и два месяца был воспитателем сына Константина Николаевича Николая Константиновича, которого родители ненавидели. К Николаю Константиновичу (украшшему будто бы ризу с иконы у матери) относился с симпатией... Когда он был юношей и жил в Мраморном дворце, то к нему водили... девок по целым десяткам». (см.: СУВОРИН А.С. Дневник. М. 1992, с. 35.).
5. НАРЫШКИНА Е.А. Мои воспоминания. СПб. 1906, с. 370.
6. ПЕРЕТЦ Е.А. Дневник Государственного секретаря. 1880—1883. М. 1927, с. 161.
7. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. М. 1960. Т. 1, с. 224.
8. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Ук. соч., с. 32.
9. Цнт. по: КРАСЮКОВ Р.Г. Великий князь Николай Константинович (опыт биографии). — Историческая генеалогия. Вып. 5. 1995, с. 71.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 472, оп. 66, д. 675, л. 53.
11. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Ук. соч., с. 33.
12. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. Т. 1. 1873—1875. М. 1947, с. 153.
13. Цнт. по: КРАСЮКОВ Р.Г. Ук. соч., с. 72.
14. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 153.
15. КОНИ А.Ф. И.М. Балинский (1827—1902). — Врачебное дело, 1927, № 7, с. 482.
16. РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 675, л. 66 об.
17. ЛИР Ф. Ук. соч., с. 46.
18. РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 675, л. 169—170.
18. ЛИР Ф. Ук. соч., с. 46.
19. РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 675, л. 68.
20. ЛИР Ф. Ук. соч., с. 15.
21. РГИА, ф. 468, оп. 46, д. 81, л. 3 об.
22. РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 675, л. 200.
23. РГИА, ф. 468, оп. 46, л. 4.
24. Там же, л. 1—1 об.
25. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Ук. соч., с. 33.
26. П. ЛАВРОВ. Сборник «Вперед». 1874. Т. III, с. 91—92.
27. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. Т. 3. 1878—1880. М. 1950, с. 67, 74, 227.
28. РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 1021, л. 20, 24; ф. 1614, оп. 1, д. 63, л. 12.
29. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Ук. соч., с. 34; ПЕРЕТЦ Е.А. Ук. соч., с. 55.
30. РГИА, ф. 1614, оп. 1, д. 63, л. 14.
31. БОХАНОВ А. Император Александр III. М. 1998, с. 331.
32. РГИА, ф. 1614, оп. 1, д. 63, л. 16 об.
33. РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 350, л. 3; ф. 468, оп. 46, д. 15, л. 1—2.
34. К.Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М. 1998; Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Нью-Йорк, 1955.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 601, д. 28, л. 14.
36. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Ук. соч., с. 36.
37. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 224—225.
38. КРАСЮКОВ Р.Г. Ук. соч., с. 78.
39. ПОЛОВЦОВ А.А. Дневник Государственного секретаря. Т. 2. М. 1966, с. 107.
40. В его состав вошли обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, военный министр А.Н. Куропаткин, министр юстиции Н.В. Муравьев, министр внутренних дел Д.С. Сипягин, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов.
41. РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 690, л. 2—15.
42. Там же, л. 17, 110, 122, 252, 259.
43. КЛЕЙНМИХЕЛЬ М. Ук. соч., с. 36.
44. БОХАНОВ А. Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М. 1992, с. 132.
45. КРАСЮКОВ Р.Г. Ук. соч., с. 78.

Взаимоотношения Кубинского ханства с Россией (вторая половина XVIII — начало XIX века)

Т. Мустафаде

Как известно, после убийства шаха Ирана Надир-шаха Афшара придворными в 1747 г. азербайджанскому народу, ведущему уже несколько десятилетий кровопролитную борьбу за независимость, удалось сбросить иранское иго. Однако в силу ряда исторических причин на территории страны образовалось не единое государство, а около 20 самостоятельных и полузависимых мелких государственных образований — ханств. Среди них особо важную роль играло Кубинское ханство, правитель которого Фатали-хан распространил свою власть на весь Северо-Восточный Азербайджан. В силу своего географического расположения азербайджанские ханства имели тесные экономические контакты с Россией. Известный азербайджанский историк Г.Б. Абдуллаев в двух исследованиях, посвященных истории взаимоотношений Азербайджана с Россией в XVIII в., основное внимание уделил именно взаимоотношениям между Кубинским ханством и Россией¹. Однако автор, действуя в духе времени, старался выпячивать положительные моменты указанных отношений, по существу умалчивая о конфликтных ситуациях и представляя Фатали-хана сторонником сближения с Россией. Более того, почти осталась вне поля зрения исследователей борьба населения Кубинского ханства против захватнической политики царизма, тогда как она прева-лировала во взаимоотношениях этого ханства с Россией.

Кубинское ханство образовалось в последней четверти XVII века. Тогда оно не было самостоятельным государством, а представляло собой зависимое от Ирана наследственное феодальное образование с внутренней автономией. Еще в 1726 г. к России были присоединены несколько округов, относящихся к территории Кубинского ханства. Но России тогда трудно было удерживать отдаленные прикаспийские провинции, что всегда грозило войной с Ираном и Османской империей. Поэтому 10 марта 1735 г. российский посланник С. Голицын заключил договор с фактическим правителем Ирана — регентом Надир-ханом, по которому все вновь завоеванные прикаспийские провинции, в том числе и территория Кубинского ханства, перешли к Ирану. Избранный в марте 1736 г. шахом Надир-хан в 1747 г. пал жертвой дворцового заговора. После этого Кубинское ханство приобрело полную независимость, а его правитель Гусейнали-хан, как и многие другие азербайджанские ханы того периода, стал суверенным правителем и самостоятельно проводил внутреннюю и внешнюю политику².

Несмотря на сравнительно небольшую территорию Кубинское ханство являлось довольно сильным в военном отношении. Это дало возможность его правителям вести активную внешнюю политику, направленную на подчинение себе других ханств. В 1757 г. старший сын Гусейнали-хана Фатали бек присоединил территорию небольшого Сальянского ханства. В 1758 г. Гусейнали-хан умер, и правителем стал 22-летний Фатали-хан, который проводил еще более активную внешнюю политику, чем его отец.

Мустафаде Тофиг — доктор исторических наук.

Фатали-хан решил в первую очередь захватить Дербентское ханство, имевшее важное военно-стратегическое значение. Территория этого ханства была небольшой и состояла всего лишь из города Дербента и двух округов. Однако Дербентская крепость являлась самой неприступной в стране и единственным путем, связывавший Дагестан с Азербайджаном, проходил через территорию этого ханства. Фатали-хан умело воспользовался недовольством дербентских жителей своим ханом Мухаммед Хусейном, обложившим их тяжелыми налогами и поборами. В 1759 г. Фатали-хан после кратковременной осады захватил Дербентскую крепость и низложил Мухаммед Хусейн-хана ³.

Присоединение Дербента еще более усилило Фатали-хана и он решил подчинить своему влиянию г. Баку — самый крупный порт на Каспийском море. Бакинское ханство, будучи также территориально небольшим, охватывало лишь Апшеронский полуостров, но имело очень выгодное стратегическое положение и играло важнейшую роль в азербайджанско-русской торговле. После включения Баку в сферу своего влияния Фатали-хан в 1768 г. подчинил Шемахинское ханство. В том же году добровольно принял протекцию Кубинского хана и правитель Джавада — небольшого ханства, занимавшего территорию в месте слияния рек Куры и Аракса. Впоследствии в зависимость от Фатали-хана попали ленкоранский и шекинский ханы. Таким образом, Фатали-хану удалось объединить под своей властью значительную часть Азербайджана — всю его северо-восточную часть и он уже вынашивал планы объединения всех азербайджанских земель в единое государство.

Географическое расположение Кубинского ханства способствовало установлению его тесных контактов с Россией. Во-первых, Кубинское ханство располагалось более близко к ее границам, чем другие ханства, во-вторых, самые важные азербайджанские порты на Каспийском море, через которые велась торговля с Россией — Дербент и Баку, находились под контролем кубинского хана. В-третьих, сухопутный торговый путь, ведущий к Кизляру, также проходил через территорию этого ханства. Торговые связи ханства с Россией неуклонно развивались и торговый оборот ежегодно увеличивался.

Помимо торгово-экономических совпадали и политические интересы России и Кубинского ханства. Так, Россию и Фатали-хана объединяла общая борьба против некоторых дагестанских феодалов, в частности, против каракайтагского правителя Амир Гамзы. Дело в том, что Фатали-хан был женат на сестре Амир Гамзы и обещал выдать за него свою сестру Хадиджа Бике, однако потом не сдержал слово и выдал ее за сына бакинского хана Малика Мухаммеда. Тем самым Амир Гамза превратился в заклятого врага Фатали-хана. Он сыграл главную роль в формировании антикубинского блока некоторых дагестанских и азербайджанских правителей. Летом 1774 г. объединенные силы коалиции нанесли тяжелое поражение Фатали-хану и его союзникам в сражении на Гавдушанском поле. Раненый Фатали-хан ушел в Сальяны. Амир Гамза сделал попытку занять Дербент, но находившаяся в крепости жена хана Туту Бике организовала отпор своему брату. Дербент был осажден. Фатали-хан морским путем прибыл в город и укрепил его оборону ⁴.

Понимая, что собственными силами будет трудно обороняться от превосходящего врага, Фатали-хан отправил в Петербург своего посла Мирза Баята с просьбой о помощи. При дворе Мирза Баят был принят доброжелательно. Надо сказать, что и русский двор хотел наказать Амир Гамзу. Как известно, член Российской Академии наук профессор С.Г. Гмелин, совершавший путешествие по Кавказу, был арестован Амир Гамзой, подозревавшим ученого в шпионской деятельности, заморен голодом и умер ⁵.

Екатерина II приказала командующему русским войскам на Кавказской линии генералу И.Ф. де-Медему наказать Амир Гамзу. Де-Медем в марте 1775 г. направил свои войска во владения Амир Гамзы. Последний вынужден был снять осаду Дербента и перебросить войска для защиты своих земель. Однако они были разбиты русскими войсками, которые заняли Дербент ⁶.

Ввод русского отряда в Дербент вызвал беспокойство Османской империи. В Стамбуле считали, что тем самым Россия нарушила только что заключенный Кючук-Кайнарджийский мирный договор (июль 1774 г.). Главный визирь сделал официальный запрос русскому правительству по этому поводу. Русское правительство, не желавшее очередного обострения отношений с турками, вынуждено было уступить и впоследствии вывело из Дербента находившийся там русский отряд ⁷.

Весной 1775 г. Фатали-хан отправил в Россию посольство во главе с Мирзабеком Фархадбековым с письмом о принятии его в российскую протекцию. В этом письме он заявлял, что если русское правительство окажет ему военную поддержку против врагов, то взамен он может уступить России г. Дербент. Хан рассчитывал с

помощью русского оружия распространить свою власть на все азербайджанские земли севернее реки Куры. Представители Фатали-хана в мае 1775 г. прибыли в Астрахань, а в июне того же года — в Москву. Однако российское правительство само стремилось прибрать к рукам азербайджанские земли, поэтому не собиралось выполнять просьбу Фатали-хана. Государственный Совет решил, что пока Фатали-хан остается самостоятельным ханом, Россия не может помочь ему в возвращении земель, захваченных его противниками ⁸.

Одновременно усилилось давление на Фатали-хана со стороны иранского правителя Керим-хана, который потребовал от Фатали-хана выдать его сестру Фатиму ханум замуж за своего сына Абдулфета. Распространились слухи и о том, что якобы Фатали-хан попросил у Керим-хана войско (по другим сведениям деньги) для изгнания русского отряда из Дербента ⁹.

Иногда отношения между Фатали-ханом и русскими властями ухудшались из-за провокационной деятельности некоторых российских чиновников. Примером может служить случай с гибелью судна, принадлежавшего русскому купцу Емельяну Скворцову, около Мюшкура, в устье р. Самур. Шторм выбросил находившиеся на корабле товары на берег и они были захвачены местными жителями. Фатали-хан организовал комиссию из кубинских чиновников и русских купцов, которые отобрали у жителей товары на сумму в 25 тыс. рублей, и отправили их в Кизляр. Российские власти поблагодарили хана за содействие, однако вскоре обстановка изменилась. Враги хана, в том числе армянские купцы, распространяли слухи о том, что якобы выброшенные на берег товары были разграблены с ведома Фатали-хана. Некоторые даже утверждали, что якобы спасшиеся пассажиры и члены экипажа были убиты местными жителями, товары же были присвоены кубинским ханом и его наместником и припрятаны в Кубе и Баку.

Для выяснения обстоятельств, связанных с гибелью судна Скворцова, Астраханская губернская канцелярия направила в Кубу и Дербент Мирзабека Ваганова. Он вместе с армянскими купцами обвинил Фатали-хана в присвоении пропавших товаров. Клеветническая кампания против хана дала свои результаты. Командир русского отряда в Дербенте И. Криднер насильно конфисковал все товары, хранившиеся на складе, среди которых находились и товары иранских и кубинских купцов, а чиновник хана был избит ¹⁰.

Временно исполняющий должность русского консула в г. Энзели Карп Латынцев констатировал, что 2 февраля 1776 г. он получил известие о гибели судна Скворцова. Гилянский Хидаят-хан сообщил Латынцеву, что в бытность его ханом 12 с лишним лет у берегов Гиляна потерпели крушение свыше 20 судов и во всех случаях ли один товар не пропал. А сейчас, когда потерпело крушение судно, на борту которого половина товаров принадлежала иранским купцам, Фатали-хан забрал товары, выброшенные на берег, ссылаясь на указ русских царей о том, что при гибели корабля все товары, находящиеся на нем, достаются владельцу той земли, где произошло кораблекрушение. Хидаят-хан заявил, что поскольку он считает Фатали-хана российским подданным, то требует у российских властей, чтобы они взяли у него товары иранских купцов и передали гилянскому хану. В противном случае Хидаят-хан в последующем будет присваивать товары русских купцов, выброшенные на берег при крушении их судов ¹¹.

Так Хидаят-хан прямо спровоцировал русские власти против Фатали-хана. Генерал де-Медем также был настроен против Фатали-хана. Он продержал возвращавшегося из России посла Фатали-хана Фархадбекова, а спустя некоторое время и другого посла хана — Хаджибея в качестве заложников в Кизляре в течение шести месяцев. Генерал де-Медем направил Фатали-хану письмо, написанное в угрожающем и оскорбительном тоне. Он даже предлагал своему правительству наказать Фатали-хана и бакинского хана, просил дополнительные войска и соответствующие полномочия. Это предложение было обсуждено на заседании коллегии иностранных дел. Однако Екатерина II заявила, что применение оружия в местах, «принадлежащих Персии», может привести к нежелательным последствиям. Она приказала де-Медему срочно отпустить кубинского посла.

Необоснованные обвинения и угрозы со стороны русского командования вынудили Фатали-хана занять антирусскую позицию. Так, на просьбу командира русского отряда в Дербенте вернуть 8 бежавших российских поданных крестьян, Фатали-хан ответил отказом. Фатали-хан также отказался передать русским властям найденные вблизи Мюшкура товары грузинских купцов, мотивируя это тем, что между ним и грузинским царем установлены дружественные отношения. Фатали-хан, отправляя письма российскому правительству, старался доказать свою невиновность. В конце-концов царское правительство признало несправедливость обвинений против

Фатали-хана. В указе генералу де-Медему от 15 декабря 1776 г. императрица приказывала больше не злоупотреблять своими полномочиями и немедленно отпустить обоих посланников Фатали-хана. А спустя некоторое время де-Медем был отстранен от должности командующего русскими войсками на Кавказской линии¹².

Летом 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, и Картли-Кахетинское царство было принято под протекторат России. Царь Картли-Кахетии Ираклий II стремился при поддержке России подчинить себе весь Южный Кавказ и в первую очередь завоевать Гянджу. Эти намерения встретили сопротивление со стороны Фатали-хана. Он даже приютил у себя претендента на грузинский престол Александра — внука Вахтанга VI, обещав ему свою помощь. Узнав об этом, командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал П.С. Потемкин стал формировать два довольно сильные отряда. Один отряд должен был стоять на берегу р. Сулак, а другой — на берегу Терека у входа в Дарьяльское ущелье. Если Фатали-хан и царевич Александр попытались бы осуществить свои планы с помощью силы, тогда первый из русских отрядов должен был двигаться к Дербенту, а второй — к Грузии. Князь Г.А. Потемкин 19 мая 1783 г. приказал генералу П.С. Потемкину поднять соседних владетелей, в том числе Ибрагим-хана, против Фатали-хана, а самому занять Дербент¹³.

Фатали-хан вынужден был отступить. Более того, он сдал Александра русскому командованию. С другой стороны, к этому времени Фатали-хан намеревался распространить свою власть и на южную часть Азербайджана, поэтому ему надо было иметь крепкий тыл, не раздражать Россию и Грузию. Летом 1784 г. Фатали-хан с большим войском двинулся на юг и перешел р. Аракс. В августе он занял города Ардебиль и Мешкин. Такие действия Фатали-хана противоречили интересам России, стремившейся овладеть Южным Кавказом. В феврале 1785 г. князь Потемкин потребовал от Фатали-хана распустить свои войска. Уцмий Каракайтаский и Умма-хан Аварский, очевидно, по наущению князя Потемкина, начали с севера угрожать владениям кубинского хана. Фатали-хан вынужден был вернуться назад.

В июне 1787 г. генерал П.С. Потемкин в своем рапорте писал, что Фатали-хан направил к нему чиновника Мирза Садыга с заявлением о согласии принять русский протекторат на условиях, аналогичных протекторату России по отношению к Картли-Кахетинскому царству. Князь Потемкин писал канцлеру А.А. Безбородко о том, что Фатали-хан хочет получить титул короля¹⁴.

В конце 1788 г. — начале 1789 г. Фатали-хан и Ираклий II встретились на берегу р. Шамкир. Стороны пришли к следующему соглашению: Южный Кавказ переходит под контроль Ираклия, а Фатали-хан должен двигаться к Южному Азербайджану. Однако во время этой встречи Фатали-хан внезапно заболел и на обратном пути, не дойдя до Кубы, остановился в Баку — у сестры, где и умер 22 марта 1789 г. в возрасте 53-х лет. Со смертью Фатали-хана вновь обособились объединенные им силой оружия азербайджанские земли. Унаследовавший от отца трон Ахмед-хан был заурядной личностью, не обладал нужными качествами государственного деятеля. Он непрерывно враждовал с соседями Кубинского ханства и даже с бывшими союзниками, в том числе с шекинским Мухаммед Гасан-ханом. Сыновья бывшего шемахинского Мухаммед Саид-хана, узнав о смерти Фатали-хана, прибыли в Шемахе. С помощью шекинского хана они ликвидировали кубинскую власть и восстановили правление династии серкеров в Шемахе. В 1791 г. Ахмед-хан поссорился с бакинским Мирза Мухаммед-ханом II. Однако вскоре Ахмед-хан умер, и на трон взошел его младший брат Шейхали¹⁵.

В это время уже надвигалась угроза завоевания азербайджанских ханств Ага Мухаммед-ханом Каджаром, объединившим весь Иран под своей властью. К началу 1790-х годов он добился подчинения ему и южных азербайджанских ханств. Ага Мухаммед-хан собирался объявить себя шахом. По традиции любой претендент мог объявить себя шахом лишь в том случае, если восстановит границы государства. Поэтому Ага Мухаммед-хан стремился завоевать и Картли-Кахетинское царство и все северные азербайджанские ханства, в том числе Кубинское. Перед угрозой с юга Шейхали-хан вместе с бакинским и ленкоранским правителями в 1793 г. обратился к командующему российскими войсками на Кавказской линии генералу И.В. Гудовичу, чтобы тот оказал помощь в принятии в России всех послов, уполномоченных представить челобитные о русском покровительстве. Кубинского хана представлял чиновник Мирза Гасан, который присягнул на верность России от имени Шейхали-хана. Вместе с тем, Гудович направил в Дербент своего офицера и просил, чтобы Шейхали-хан лично подписал условия о принятии российского подданства. Однако хан отказался сделать это. Дело в том, что Шейхали-хан заявил о принятии русского протектората, опасаясь приближения войск Ага Мухаммед-хана, а когда эта опас-

ность миновала, Шейхали-хан изменил свое решение. Впоследствии он даже стал ориентироваться на Ага Мухаммед-хана, поскольку тот обещал ему власть над Шемахой¹⁶.

Так как Россия сама претендовала на Южный Кавказ, она задалась целью помешать предстоящему походу Ага Мухаммед-хана в этот регион, в связи с чем заявила, что прикаспийские области и Грузия находятся под ее властью. Несмотря на предостережения России, Ага Мухаммед-хан все же летом 1795 г. предпринял поход. Неподдалеку от Тбилиси Ираклий II был разбит и иранские войска вошли в Тбилиси и сожгли город. Это был тяжелый удар по престижу России. Екатерина II в рескрипте от 16 ноября 1795 г. приказала Гудовичу «защитить» не только Грузию, но и Ширван, и Баку¹⁷.

Чтобы восстановить репутацию России и осуществить план завоевания Южного Кавказа был предпринят поход 30-тысячного войска под командованием графа В. Зубова. В авангарде русской армии шел отряд генерала Савельева. Приближаясь к Дербенту, Савельев направил своего представителя к Шейхали-хану, требуя прислать уполномоченных для заключения оборонительного союза. Шейхали-хан отказался выполнить это требование. Тем временем Зубов с основными силами армии приблизился к Дербенту. Шейхали-хан попросил о помощи Аварского Умма-хана, предложив ему взять в жены свою сестру. Одновременно он отправил посланника и в Турцию. Наряду с этим Шейхали-хан усилил оборону крепости. Началась многодневная осада города русскими войсками. В мае 1796 г. Дербент был ими взят. По приказу Зубова Шейхали-хана арестовали. 24 мая Зубов вступил в город, а 26 мая он отправил Екатерине II ключи от ворот крепости. Извещая царицу об аресте Шейхали-хана, Зубов просил дать инструкцию, как с ним поступить. При этом Зубов извещал о том, что Шейхали-хан несколько раз отправлял гонцов к Ага Мухаммед-хану с просьбой о помощи. Что же касается Ага Мухаммед-хана, то по полученным сведениям его войска еще в конце апреля направились в Тегеран¹⁸.

После взятия Дербента Зубов стал проводить в жизнь положения рескрипта Екатерины II, в котором указывалось, что молодого и непостоянного Шейхали-хана надо заставить прислушиваться к мнению России. Более того, если граф увидит, что окружающие стараются настроить Шейхали-хана против России, таковых нужно высылать в Астрахань; хана следует окружать лишь лицами, лояльными к России. Сам Зубов считал хана бунтовщиком, а население ханства — открытым врагом России. Город, полагал он, следовало держать в подчинении и обеспечить безопасность тыла российской армии. Жителей же надо разоружить. Чтобы добиться благорасположения дербентцев, обеспокоенных судьбой Шейхали-хана, Зубов считал нецелесообразным высылать его ни в Астрахань, ни в Центральную Россию. Нецелесообразным являлось и изложение Шейхали-хана. Зубов полагал, что из-за связей с бакинским ханом и по некоторым другим соображениям Шейхали-хан может быть полезным и будет лучше взять его с собой, объявив о желании получить от него доказательства своей верности. Вместе с ханом будут взяты и чиновники, которые призывали его и население к борьбе против русских. По мнению Зубова, чтобы полностью утихомирить ханскую семью и жителей Дербента, можноверить управление ханством сестре хана, а в помощники дать ей прорусски настроенных чиновников (например, Хыдыр бей). Над ними же должен надзирать начальник русского гарнизона. Зубов надеялся таким путем успокоить население, обеспечить верность России ханской семье. Главнокомандующий намеревался превратить Дербент в базу русской армии¹⁹.

Зубов поручил управление Дербентом старшей сестре хана Перидже ханум, назначив Хыдыр бей ее помощником. Вместе с тем Хыдыр бей и другие чиновники были взяты в заложники. И Перидже ханум, и чиновники должны были действовать под контролем начальника русского гарнизона. На время продвижения из Дербента на юг Зубов временно оставил генерала Савельева с отрядом войск в городе. Впоследствии предусматривалось, что к городу подойдет генерал Гудович со своим отрядом и также разместится в Дербенте. По пути в Баку в августе 1796 г. находившийся в русской ставке Шейхали-хан внезапно сбежал. После этого в Кубинском ханстве начались волнения и жители покинули Кубу. В связи с бегством Шейхали-хана в Дербенте и Кубе русскими были предприняты меры предосторожности. По мнению Зубова, Перидже ханум и Хыдыр бей сыграли немалую роль в побеге Шейхали-хана. Наверное, они полагали, что в таком случае власть перейдет к ним. Но по указанию Зубова сын Фатали-хана от другой жены Гасан ага был привезен в Дербент. Шейхали-хан уехал в деревню Будуг, а оттуда в Грыз. А через некоторое время он отправился в Дагестан — в деревни Ахты и Мискендаджи²⁰.

В ряде исторических трудов имеются сведения о том, что Шейхали-хан вместе с собравшимися вокруг него людьми стал беспокоить отряд Булгакова, оставленный в

Дербенте. В свою очередь, Булгаков, наблюдавший постоянный рост численности сторонников Шейхали-хана, отправил подполковника Бакунина с четырьмя ротами егерей, одной ротой гренадеров и 50-й ротой казаков в разведку. Иначе описывает это событие Н. Дубровин: Булгаков получил сведение о том, что Шейхали-хан, обосновавшийся со своей семьей в деревне Грыз, каждой ночью приходил к берегу реки Черке и в одноименном селении проводил консультации с верными ему людьми. По согласованию с Zubовым, чтобы захватить Шейхали-хана во время его нахождения в упоминаемом месте Булгаков организовал легковооруженный отряд. Однако захватить Шейхали-хана не удалось — он сбежал на территорию Шекинского ханства. Но здесь он не получил поддержки от шекинского Селим-хана, поэтому с женой и матерью першел в горную деревню Фемазе, где начал формировать войско из своих сторонников в районе верхнего течения Самура. В конце сентября 1796 г. большое войско Шейхали-хана и казикумукского правителя Хамбута вступило в северную часть Кубинского ханства и подошло к селению Аллан. Вышедший навстречу малочисленный отряд подполковника Бакунина (всего 500 чел.) попал в засаду и понес тяжелые потери. Лишь прибытие генерала Булгакова с дополнительными силами спасло его от полного разгрома. По сведению генерала Булгакова, в результате сражения кубинский хан и его сторонники потеряли около 2 тысяч человек. Из русских погибли подполковник Бакунин, капитаны Семенов и Карашев, поручики Злодсев и Филатов, прапорщик Крипчин, 46 унтер-офицеров и рядовых, 94 человека получили ранение²¹.

После подавления кубинского восстания русское командование предприняло некоторые меры для укрепления своих позиций. Внутренняя крепость Дербента — Нарынгала целиком была передана в распоряжение российского гарнизона. По указанию Zubова малолетний брат Шейхали-хана Гасан бей 14 ноября был объявлен кубинским ханом, а управление ханством осуществлялось несколькими старшинами²².

Как известно, после смерти Екатерины II в ноябре 1796 г. вступивший на престол Павел I основное внимание уделял борьбе с Англией. Учитывая, что расходы, связанные с походом корпуса Zubова, привели к расстройству финансов государства, отозвал русские войска из Южного Кавказа. Некоторые части русской армии из-за трудности продвижения оставались в Муганской степи до марта 1797 года. После ухода русской армии Шейхали-хан в марте 1797 г. прибыл в Кубу. Гасан-хан отправился в Дербент, а затем в Кайтаг²³.

Павел I не отказался от планов укрепления позиций России на Южном Кавказе. Однако он хотел достигнуть эту цель в большей степени дипломатическими средствами и путем привлечения на сторону России азербайджанских ханов. В рескрипте от 5 января 1797 г. к главнокомандующему российскими войсками на Кавказской линии генералу Гудовичу он рекомендовал объединить благожелательных к России азербайджанских и дагестанских владетелей и образовать федерацию²⁴.

В это время внутри Кубинского ханства начался раскол. Вскоре после возвращения Шейхали-хана в Кубу казикумукский правитель призвал его брата Гасан бея из Кайтага помочь ему занять Дербент и объявить последнего дербентским ханом. Попытки Шейхали-хана изгнать Гасан-хана из Дербента не увенчались успехом. В рескрипте Павла I от 28 августа 1800 г. азербайджанским и дагестанским правителям, в том числе Шейхали-хану и Гасан-хану, было рекомендовано нормализовать свои взаимоотношения. Следуя этой рекомендации, ханы помирились и Шейхали-хану пришлось признать власть Гасан-хана над городом Дербентом и несколькими окрестными деревнями. В 1803 г. Гасан-хан умер после тяжелой болезни, и власть Шейхали-хана над Дербентом была восстановлена. Еще в середине 1800 г. ряд владетелей Азербайджана и Дагестана, в том числе Шейхали-хан, отправили своих послов в Петербург с целью добиться протекции. Представителем Шейхали-хана был Мирза Аскер, а представителем Гасан-хана Таги. После переговоров посланники вернулись с письмами российских властей к ханам. Им предлагалось прийти к согласию между собой и создать федерацию под протекторатом России. В конце 1800 г. посланник кубинского хана Мирза Аскер снова отправился в Петербург. Шейхали-хан просил Павла I направить русский отряд в Кубу, с помощью которого он мог бы победить своего противника Мустафа-хана Шемахинского²⁵.

Александр I, пришедший к власти в марте 1801 г., в отношении кавказских правителей проводил более жесткую политику. Командующим русскими войсками на Кавказе был назначен обрусевший грузин, генерал П.Д. Цицианов (Цицишвили). Александр I продолжал дело создания федерации кавказских земель под верховенством России. 26 декабря 1802 г. в г. Георгиевске между Цициановым и представителями Кубинского, Ленкоранского (Талышинского) ханств, правителей Тарки, Каракайтага и

Табасарана был подписан договор. Согласно этому договору, ханы и правители обещали покончить с междоусобицами, при нападении Ирана объединиться против него под руководством российского главнокомандующего на Кавказе²⁶.

Однако вскоре азербайджанские ханства подверглись агрессии не со стороны Ирана, а со стороны России, обещавшей защитить их. Как известно, летом 1803 г. русские войска под командованием генерала Гулякова вошли на территорию Джаро-Белоканских вольных обществ, а в январе 1804 г., после долгой осады штурмом взяли г. Гянджа. Иран, не соглашавшийся с завоеванием юго-восточного Кавказа Россией, начал войну против нее.

Добывавшийся ранее российской протекции Шейхали-хан поняв, что русское правительство лишает ханов власти, стал искать защиты у иранского правителя. А когда в конце августа генерал Завалишин окружил Баку, Шейхали-хан поспешил на помощь осажденным. В начале сентября русские войска вынуждены были отойти от Баку. Летом 1806 г. основные силы русской армии во главе с Цициановым подошли к Баку. Однако во время переговоров Цицианова с Гусейн Гулу-ханом бакинским генерал был убит. Через Кизляр в направлении Дербента, Кубы и Баку были направлены новые силы под командованием генерала Глазенапа. 21 июня 1806 г. Дербент был занят русскими войсками. Через месяц войска генерала Булгакова захватили Кубу. Шейхали-хан проявлял внешнюю покорность и до поры сохранил свою власть. Однако генерал Гудович приказал Булгакову немедленно ликвидировать ханскую власть в Кубе, передав управление русским офицерам. В связи с этим Шейхали-хан был отстранен от власти и управление ханством перешло к наибу Хаджи бею. Официально ликвидированное Кубинское ханство было переименовано в провинцию, для управления которой был создан совет из четырех влиятельных беев²⁷. В 1806 г. оно вошло в состав Российской империи.

Примечания

1. АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60—80 гг. XVIII века. Баку. 1958; сго же. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения сго с Россией. Баку. 1965.
2. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб. 1869, с. 249.
3. ГАДЖИНСКИЙ И. Жизнь Фатали-хана Кубинского. Баку. 1956, с. 23.
4. БАКИХАНОВ А.К. Гюлистан и Иран. Баку. 1991, с. 162; АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке, с. 121.
5. ЛЕВИАТОВ В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку. 1948, с. 136.
6. Сборник Императорского Российского Исторического Общества. Т. 135, д. 2566, с. 207—213; ЛЕВИАТОВ В.Н. Ук. соч., с. 136—137; БУТКОВ П.Г. Ук. соч. Ч. II, с. 20—21.
7. АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке, с. 531; МАРКОВА О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М. 1966, с. 157.
8. АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке, с. 545, 551.
9. БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 167; Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ), ф. 77 (Сношения России с Персией), оп. 6, д. 478, л. 122; АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке, с. 561.
10. АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке, с. 570—575.
11. АВПРИ, ф.77, оп. 6, д. 481, с. 25.
12. АБДУЛЛАЕВ Г.Б. Азербайджан в XVIII веке, с. 575—578, 580, 583—585.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 52, оп. 2, д. 32 (1783—1788 гг.), л.1, и об.
14. БУТКОВ П.Г. Ук. соч. Ч. II, с. 141; ЛЕВИАТОВ В.Н. Ук. соч., с. 143—144; РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 416, ч. I, л. 290—291, 69.
15. БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 168—169, 171.
16. Архив Государственного Совета. Т. 1, ч. 2. СПб. 1869, с. 790—795; ЛЕВИАТОВ В.Н. Ук. соч., с. 163, 165; История Азербайджана с древнейших времен до 1870 г. (на азерб. яз.). Баку. 1966, с. 543; ДУБРОВИН Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 3. СПб. 1886, с. 12—13.
17. БУТКОВ П.Г. Ук. соч. Ч. II, с. 331; ЛЕВИАТОВ В.Н. Ук. соч., с. 175.
18. ДУБРОВИН Н. Ук. соч. Т. 3, с. 97—98, 103, 105—106, 117; История Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726—1880). Т. 1. СПб. 1881, с. 216; АВПРИ, ф. 77, оп. 7, д. 158, л. 44, 45 об., 53 об., 54—56, 56 об., 67 об.; История Азербайджана с древнейших времен до 1870 г., с. 551.
19. АВПРИ, ф. 77, оп. 7, д. 159, л. 14—14 об., 16 об., 17—17 об., 20 об.

20. Там же, л. 72, 74, 95 об., 96, 49; БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 176.
21. БРОНЕВСКИЙ С.М. Исторические письма о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горными народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича данные. СПб. 1996, с. 138; ДУБРОВИН Н. Ук. соч. Т. 3, с. 140—142, 147—148; САДЫГОВ Г. Южный Кавказ в русско-турецких отношениях в конце XVIII — начале XIX вв. (на азерб. яз.). Баку. 1993, с. 41; БУТКОВ П.Г. Ук. соч. Ч. II, с. 402; АВПРИ, ф. 77, оп. 7, д. 158, л. 230 об., 231, 231 об., 232.
22. САДЫГОВ Г. Ук. соч., с. 41; ЛЕВИАТОВ В.Н. Ук. соч., с. 186.
23. РГВИА, ф. 41, оп. 1, д. 420, л. 43—46; БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 177.
24. КОЗУБСКИЙ Е.И. История города Дербента. Темирхан-шура. 1906, с. 123; ЛЕВИАТОВ В.Н. Ук. соч., с. 193.
25. БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 181—184.
26. МУСТАФАЕВ Дж. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII — начало XIX в.). Баку. 1989, с. 108—109.
27. МАМЕДОВ Н. Ук. соч., с. 31—33; БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 189—190; Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Т. II, док. 756.
28. АКАК. Т. III, док. 763, с. 405; т. IV, док. 1015, с. 657—659, док. 1075, с. 666; БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 192.
29. БАКИХАНОВ А.К. Ук. соч., с. 193; АКАК. Т. V, док. 234, с. 167.

Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века

С.А. Мезин

«Еще недавно, можно сказать, — до последних лет Россия представлялась романо-германскому Западу как своего рода «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», каким казалась в конце XVIII века и Радищеву, избравшему эти слова Тредиаковского эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву». Эта фраза из статьи Н.П. Дашкевича «Смены вековых традиций в отношениях народов Запада к Русским»¹ написана почти сто лет назад — в 1908 г., но и сегодня звучит вполне актуально. Дашкевич рассматривал эволюцию многовекового (с древнейших времен до конца XIX в.) недоброжелательства Запада к России. Другой работой, в которой специально рассмотрена история страхов европейцев в отношении России в XVIII в., является статья французской исследовательницы С. Блан «История одной фобии»², посвященная так называемому «Завещанию Петра Великого». Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют шире рассмотреть идею «русской угрозы» и ее место в общественной мысли Европы XVIII в., показать ее генезис и развитие в контексте политической и интеллектуальной жизни века Просвещения, а также понять роль стереотипов в ее бытовании.

Стереотипы³, о которых пойдет речь, были, конечно, связаны с мифологическим сознанием, но в XVIII в. они использовались целенаправленно и тиражировались в интересах внешней политики европейских государств, то есть приобрели идеологический характер⁴. В конфликтных ситуациях они служили материалом для создания образа врага.

Идея «русской опасности» имеет глубокие исторические корни. Противопоставление «цивилизованного» европейского мира враждебному «варварскому» окружению — один из архетипов, присущих европейским народам⁵. Представление о «северных варварах», о периодически повторяющихся набегах с севера и востока было общим местом в системе мировидения «цивилизованных» европейцев еще со времен античности. При этом складывался кочующий из одного сочинения в другое образ агрессивного «варварства». Границы же «варварского» мира, проходившие когда-то по северу Греции и Италии, отодвигались все дальше. Представление о славянах как о варварах было распространено буквально с первых упоминаний о них в письменных источниках.

Тацит, известие которого о венетах обычно трактуется как одно из первых упоминаний о славянах, помещал их среди варварских народов, ведущих разбойничий образ жизни⁶. Он колебался, отнести ли венетов, живших между сарматами и германцами, к кочевникам или к оседлым народам. В период «великого переселения народов» европейцы смешивали славян со свирепыми гуннами. Для византийцев они выступали как завоеватели и традиционно относились к «скифскому» миру. Когда наряду с названием «скифы» («тавроскифы») греки стали называть восточных славян с их скандинавскими предводителями «росами», возникла устойчивая ассоциация с библейским именем Рош — предводителем диких народов Севера Гог и Магог, которые в конце света нападут на цивилизованные страны. «Росов» называли народом «губительным и на деле, и по имени»⁷. Как

Мезин Сергей Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета.

«варварское племя», которое «все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе», — характеризовал русских Михаил Пселл⁸.

При таком восприятии славян было совершенно неважно, что в общем потоке набегов на «цивилизованные» народы — от скифов до скандинавов — как раз они играли весьма скромную роль. Они были прочно вписаны в ряд кочевых народов, а их противостояние цивилизации рассматривалось в римско-византийской традиции, как правило, в рамках оппозиции Север — Юг. В дихотомической модели «свои — чужие» славяне и русские прочно и надолго обосновались для жителей Западной Европы в классе «чужих».

Крещение Руси и ее европейские контакты в XI—XII вв. не смогли разрушить этого видения, а татарское нашествие, надолго изолировавшее Русь от остальной Европы, еще больше его укрепило. Как показал Дашкевич, в средние века европейцы причисляли русских к татарскому миру, а враждебное отношение к ним основывалось на религиозном фанатизме. (На деле конфессиональное противостояние и фанатизм «истинных христиан» лишь прикрывали привычные стереотипные отношения к далекому, самобытному и малоизвестному народу.)

В конце XV—XVI в., когда Западная Европа стала претендовать на ведущую роль в мировой цивилизации, происходит «новое открытие» России европейцами. В сочинениях путешественников (Герберштейна, Флетчера, Маржерета, Олеария, Мейерберга, Корба и др.) сложился образ «русского варварства». Среди представлений, которые он в себя вобрал (отсталость, необразованность, деспотическая власть, рабство подданных и пр.) часто присутствовали недоверие и ненависть к иностранцам, жестокость, агрессивность⁹. Религиозный фанатизм в отношении к «москвитам» дополнился высокомерием культуртрегерским. Считая себя не только истинными, но и цивилизованными христианами, европейцы тем самым испытывали двойное предубеждение к русским¹⁰.

Как показал немецкий историк А. Каппелер, представления о русских в Германии в конце XVI в. определялись в основном впечатлениями, оставшимися от Ливонской войны, слившимися с воспоминаниями о войне с турками, а также сведениями и слухами об Иване Грозном. В брошюрах и листовках периода Ливонской войны на образ русского «варвара» распространялись все те признаки, которыми характеризовались турки, особенно активно враждовавшие с Империей в первой половине XVI века. Турки и «москвиты» выступали как «*Feinde des heiligen Reichs*», одинаково кроважидно поступавшие с христианами. На немецких гравюрах второй половины XVI в. русских часто изображали в турецкой одежде, с огромными усами и длинной саблей¹¹. Варвары-москвиты как бы слились с турками в едином образе «смертельного врага всего христианского мира»¹². От внимания европейских авторов не укрылось и участие татар в войске московского царя. Ф.-Д. Лиштенан уточняет, что именно в годы Ливонской войны европейские авторы переходят от констатации культурного различия России и Европы к идее «русской угрозы» для всего континента. Это представление вырабатывалось в Польше и Габсбургской империи. Так, в 1568 г. картезианский монах Сурий призывал к бдительности своих соотечественников-немцев и их соседей: москвиты, по его словам, готовятся к завоеванию континента, подобно туркам, гуннам, татарам. Посредством заимствования и плагиата этот книжный и пропагандистский стереотип передавался с востока на запад¹³.

В XVII в. Россия по-прежнему казалась европейцам частью Азии, ее население вызывало ассоциации со скифами и татарами, со «свирепыми дикими ордами»¹⁴. Из сочинений Маржерета, Майерберга, Олеария, Стрейса, а также из различного рода компиляций можно было узнать, что русские хуже турок и персов, что это «грязные души», которые знают лишь насилие примитивной орды, неспособны жить в согласии с соседями¹⁵. Причем, если в описаниях европейских путешественников образ России был относительно нюансированным, то в компиляциях избирались, как правило, лишь самые негативные аспекты. Как о «свирепых и крове жаждущих человецех» писал о русских немецкий ученый С. Пуфендорф, труд которого был переведен и издан при Петре I¹⁶. Истоки русской опасности многие авторы видели не только в деспотизме власти, но и в особенности национального характера русских, якобы особенно склонных к жестокости. Европейцы привыкли считать, что у «варваров» нет не только настоящего земледелия, городов и ремесел, но и морали.

Враждебное отношение соседей-европейцев к русским имело вполне реальную основу, ибо, по словам В.О. Ключевского, «отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью»¹⁷. Борьба с «латинством», по замечаниям некоторых авторов, считалась русскими важнее борьбы с «басурманством». Русские тоже были враждебно настроены к европейцам, хотя, конечно, никаких планов завоевания Европы Россия тогда не вынашивала.

Нельзя сказать, что в рамках образа «русского варварства» уже сформировалась идея «русской угрозы» для Европы. Наиболее рьяные польские и немецкие публицисты (А. Гваньини, Г. Штаден) прямо писали о «русской опасности», но эти писания прикрывали завоевательные амбиции

европейских монархов. Большинство очевидцев, хотя и сообщали огромные, явно преувеличенные цифры о численности русских войск, вместе с тем отмечали, что русские воины уступают европейским в отношении военного искусства, вооружения, дисциплины. По поводу их личной храбрости давались противоречивые отзывы, но при этом отмечалось, что они очень неприхотливы и терпеливы, отличаются физической силой. По словам И. Корба, «оружия царей боятся одни татары». Русских воинов он характеризует как «несообразительных», недисциплинированных, обладающих плохой выучкой, лишенных стремления к доблести и славе. Европейцы смеялись над боевыми качествами русских, рассказывая такой анекдот: «Когда они обложили впервые ...Азов, ...то из города в царский лагерь выбежал кот и обратил в постыдное бегство много тысяч Московитов, наводя на них панический ужас»¹⁸. Сохранившееся до начала XVIII столетия презрение к русскому «варварству» не позволяло европейцам видеть в «москвитях» ни союзников, ни серьезных соперников. «Москвиты не могут соперничать с великими европейскими народами», утверждал французский автор¹⁹. Тем не менее, образ жестокого и агрессивного «русского варварства», уже отягощенный стереотипными представлениями, подготовил появление идеи «русской угрозы» в европейской общественной мысли XVIII века.

Идея эта окончательно сформировалась уже в XVIII в., в новых политических условиях, сложившихся в ходе Северной войны. Деятельность Петра I значительно скорректировала сложившиеся ранее среди европейцев представления о России, но при этом стереотипы не только не исчезли, но распространились шире²⁰. В глазах европейского общественного мнения царь уже нередко выступал как цивилизатор своей страны и даже претендовал на роль просвещенного монарха (в сочинениях Лейбница, Фонтенея, Лознштейна, Вольтера и др.). В годы Северной войны между враждующими сторонами велась настоящая «памфлетная война», особенно в немецких княжествах. Воюющие стороны перед лицом общественного мнения пытались доказать справедливость войны со своей стороны и представить себя соблюдающими «правила христианских и политичных народов». Европейские публицисты упрекали Россию в недостаточно серьезных причинах для объявления войны, нарушении договоров при сдаче городов, жестоким отношении к пленным, тактике «выжженной земли» и т.д. В немецкой печати появлялись статьи, в которых говорилось о «варварской» свирепости русских, в частности, в обращении с пленными: «они вскрывают им затылки, вырывают языки, кроме того обрезают носы и уши, руки и ноги, срывают одежду и делают в боках отверстия, затем суют туда порох, поджигают его, и заставляют их бегать по улице в таком виде»²¹. Петр I также уделял европейской пропаганде серьезное внимание, о чем, в частности, свидетельствуют деятельность его литературного агента Г. Гюйсена и публикация на европейских языках «Рассуждения о причинах Свейской войны» П.П. Шафирова (СПб. 1717).

В немецкой периодике этого времени прежнее название нашей страны «Moskowien» сменяется к концу войны новыми терминами — «Северная держава», «Северная княжеская империя». Победа над Швецией свела на нет представление о военной несостоятельности русских. Но у немецких авторов появляются опасения в связи с возросшей военной мощью России. В ряде изданий появляются суждения, что реформаторские усилия Петра I направлены не на искоренение «народного варварства», а на усиление военной мощи и использование технических достижений Запада против него же самого. Эта точка зрения стала особенно актуальной после вступления русских войск в Северную Германию²².

В 1716 г. в Лондоне вышла брошюра «Северный кризис, или Беспристрастные суждения о политике царя», авторство которой приписывают шведскому дипломату К. Юлленборгу. В следующем году издание было повторено в Париже. Текст брошюры почти дословно был воспроизведен в работе К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века»²³. Автор утверждал, что неограниченный характер власти Петра I, в силу которого он является властелином над имуществом и честью своих подданных, побуждает его расширять территорию и богатства империи «с величайшей алчностью и честолюбием». Русский царь изображался главным зачинщиком войны и виновником ее затягивания. Петр I обвинялся в том, что он способствовал взаимному уничтожению шведского и датского флотов, чтобы достичь господства на Балтике. Автор пугал англичан: царь де вскоре будет господствовать в торговле на Севере, а также в Персии и Турции. Указывалось на опасное проникновение русских в Германию. Наконец, делался вывод, что царь «стал угрозой спокойствию не только своих соседей, но и всей Европы».

Победоносное завершение Северной войны изменило систему «равновесия сил», на которой базировалась европейская дипломатия со времени окончания Тридцатилетней войны. Россия реально претендовала на роль европейской державы, что болезненно воспринималось ведущими европейскими государствами, особенно Францией, с ее политикой «восточного барьера». Идея «русской угрозы» активно поддерживалась французской дипломатией на протяжении почти всего XVIII в.

Реальные политические корни этой позиции крылись в русской экспансии по отношению к странам «восточного барьера» — Швеции, Польше, Турции. Уже в 1724 г. французский посол в Петербурге Ж.-Ж. Кампредон называл Россию сильнейшей державой Севера и отмечал, что созданный Петром на Балтике флот «внушает страх своим соседям»²⁴.

Сразу после войны за польское наследство 1733—1734 гг., в ходе которой русские и французы впервые скрестили оружие, вышли «Московитские письма» Ф. Локателли. Автор был озабочен тем, что у европейцев под влиянием деятельности Петра I сложилось слишком хорошее мнение о русских. Он воскрешает образ «русского варварства». Русские, по его мнению, коренным образом отличаются от европейцев. Они хуже татар, которых ныне угнетают. Их происхождение темно. Повидимому, они потомки скифских рабов, восставших когда-то против хозяев и укравшихся затем в северных лесах. Татары — потомки скифов, а русские — потомки их подлых рабов. Рабство и невежество — их вечный удел.

Громадные усилия и «потоки крови, которые Петр I должен был пролить», чтобы цивилизовать свой народ, не дали ожидаемых результатов. Русское варварство сохранилось, оно агрессивно и угрожает Европе. Планы России — распространить свое владычество на соседние территории. Они уже завоевали прекрасные провинции, пролагающие путь в Германию. Они давно пытаются главенствовать на Балтике. Весь мир является, по словам автора, свидетелем тирании русских в Польше, посеявших несогласие в этом королевстве. Следует опасаться, как бы русские не проникли дальше в Европу, истребляя там все огнем и железом²⁵. Локателли имел неудачный опыт общения с русскими и был убежден, что Россия является колоссом на глиняных ногах, ее могущество эфемерно и европейские армии легко могут поставить ее на место силой своего оружия. Автор призывал европейцев загнать московитов «в их леса». Возрождая стереотипные представления о «варварстве» русских, Локателли указывал на их родство с азиатскими кочевыми народами.

Своеобразный поворот тема русской опасности приобрела во взглядах Фридриха II. Его отец прусский король Фридрих-Вильгельм считал, что Россия потенциально опасна для Запада: московиты — это медведи, которых нельзя спускать с цепи, на которую их обратно не посадишь²⁶. Фридрих II, будучи еще наследным принцем, испытал большое влияние французских просветителей с их представлением о России, активно приобщающейся к культуре. Правда, скептические высказывания И.Г. Фоккеродта, автора осведомленного и трезвомыслящего, подействовали на отношение Фридриха к России и к Петру²⁷. Но прагматичный, расчетливый политик Фридрих II прежде всего стремился расширить и укрепить собственную державу, на пути к этой цели столкнулся в числе прочих государств, с Россией (в Семилетней войне). В письмах и специальных заявлениях прусский король гневно сообщал о зверствах русских, прежде всего — легкой конницы казаков и калмыков, которые опустошали целые области, «совершая все то, что самая варварская и почти неслыханная жестокость может внушить самым свирепым и безумным людям». После битвы при Цорндорфе он писал своему брату Генриху о русских: «Я не могу Вам передать всего варварства, которое творят здесь эти подлецы, волосы встают дыбом на голове: они перерезают горло женщинам и детям, они уродуют тех несчастных, кого настигают, они грабят и жгут; это ужас, который чувствительное сердце не может перенести без сокрушения»²⁸. Русских офицеров Фридрих II называл самыми невежественными в мире и по части военного искусства — их генералы способны принимать лишь самые ошибочные решения, хотя простые солдаты заслуживают похвалы. В суждениях Фридриха II звучат уже упоминавшиеся выше стереотипы.

Спасенный от поражения русским императором Петром III «философ из Сансуси» сохранил в своей душе безотчетный страх перед Россией и неприязнь к ней. Русские оставались для него «сибирскими волками и медведями». (Именно в XVIII в. нашло широкое распространение сравнение русских с медведями²⁹; этот символ займет прочное место среди европейских идеологических стереотипов.) Вместе с тем Фридрих полагал, что Пруссии всегда выгоден союз с Россией (во всяком случае, более, чем России с Пруссией). «Союз с Россией становится после Семилетней войны лейтмотивом политики Фридриха», — констатирует современный исследователь³⁰. Именно «русская опасность» заставляла Фридриха II искать этого союза. «Это ужасная сила, которая через полвека заставит дрожать всю Европу», — пророчествовал он в 1769 году³¹.

Особенно настойчиво идея «русской опасности» разрабатывалась в сфере тайной дипломатии Людовика XV (так называемый «секрет короля»). Даже во время Семилетней войны, когда Россия и Франция были союзниками, королевская дипломатия была озабочена ростом русских завоеваний, «русской опасностью» для соседних государств и ролью, которую усилившаяся Россия будет играть «на мировой сцене»³².

Всплеск антирусских настроений приходится на период, предшествующий первому разделу Речи Посполитой. В инструкциях, данных французским посланникам в России, и в их донесениях своему

правительству постоянно проводится мысль о необходимости сдерживать русскую агрессию. Секретарь французского посольства в Петербурге Л. Беранже писал в 1762 г. герцогу Шуазелю: «Если мы не обуздаем амбиций России, результаты могут стать губительными для пограничных с ней держав. Когда я рассматриваю ее планы расширения, я не могу сдерживать беспокойства. Я знаю, что степень могущества России нельзя выводить из ее протяженности и что ее владычество на Востоке является скорее величественным призраком, чем источником реальной силы; но я подозреваю также, что народ, способный лучше других не бояться трудностей и непогоды, из-за суровости климата, в котором он живет, который привык к рабскому повиновению, который довольствуется малым и, следовательно, мало тратит на войну, особенно, когда она ведется на его границах, который по превратности судьбы занимает лишь болота и необработанные земли, а перед ним лежат страны плодородные и изобильные, я подозреваю, что такой народ станет воинственным, и история прошедших веков лишь утверждает меня в этом мнении». Беранже вторил К.К. Рюльер: «Скоро Россия будет в состоянии внушать страх остальной Европе.... Это она скоро будет диктовать законы». В инструкции 1763 г. новому послу в России маркизу Боссе, подчеркивалось, что «дух завоеваний составляет основу русской политики, и он должен постоянно вызывать недоверие и внимание со стороны просвещенных дворов»³³. Французские дипломаты связывали воинственность России с ее «варварством» и полагали, что она несет угрозу лишь соседним державам.

В 1768 г. аббат Гию д'Юссиер, бывший поверенный в делах Франции в России, составил для герцога Шуазеля «Записку о необходимости подавлять успехи России и о способе, которым этого можно достичь». Вот текст этого малоизвестного документа. «Нельзя не замечать, что Россия является сегодня мощной державой, которая тем более заслуживает внимания политиков, что у нее есть возможности еще большего роста. Чтобы возрасти, ее населению нужны только заботы правительства: богатства умножаются каждодневно, как из-за того внимания, которое обращается на использование весьма многочисленных природных ресурсов, так и благодаря успехам коммерции и промышленности, которые становятся ощутимыми ежедневно. Полвека такого счастливого и действительного управления, которое эта империя имеет последние 4—5 лет, дало бы ей вес, способный раздавить Север и поколебать многие державы Юга.

Дух этого правительства должен вызывать страх из-за роста этих сил. Им движут только гордыня и амбиции. Это обычный результат деспотизма; но независимо от этого общего соображения, сам характер русского народа придает тому духу некоторые особенности. Из того немногого, что доступно наблюдению, можно заметить, что идея могущества постоянно внушает ему силу и дерзость, а идея слабости сообщает ему трусость и низость.

Успехи, которые несколько лет сопровождают ее деяния, стали вечным сюжетом ее (России. — С. М.) бахвальства и речей. Далекая от понимания и признания того, что своими успехами она обязана только обстоятельствам, она приписывает их своим силам и превосходству своего влияния. Она непрерывно сравнивает себя с самыми значительными державами Европы, и нередко здесь можно найти персон, которые в подобной нелепости доходят в своем тщеславии до того, что отдают предпочтение своей нации. Монархия, которая уловила дух нации, умело льстит ему, тем охотнее, что в некотором отношении он напоминает ее собственный.

Этот дух гордыни и честолюбия должен пугать соседние державы, но большинство из них не способно его обуздать, а те, кто могли бы это сделать, или его не знают, или хотят скрыть, что у них есть основания бояться.

Держава, которая бы внушила одним мысль об этой опасности, а другим обеспечила бы средства избавиться от нее, оказала бы им услугу, наиболее достойную их признательности. Успех этого предприятия не так труден, как кажется. Не боимся предложить его план, который вытекает из размышлений, порожденных местными наблюдениями.

Этот план сводится к двум средствам, которые должны действовать совместно, чтобы достичь должного эффекта. Первое — привести в движение Турка, а второе — придать вес соседним с Россией государствам»³⁴.

Таким образом, автор пребывал в плену концепции «восточного барьера». Политика «секрета короля» в отношении России противоречила здравому смыслу и реальному положению дел в Восточной Европе, поэтому она во многом определялась внешнеполитическими стереотипами, а именно, устаревшими представлениями о безусловном главенстве Франции в Европе, а также о том, что Россия не является европейской державой. До середины 70-х годов XVIII в. французская дипломатия не прекращала заявлений о «русской угрозе» и в то же время не желала воспринимать Россию на равных.

В записке французского посланника шевалье Дюрана 1773 г. русский экспансионизм объявлялся пустой амбициозностью. Автор утверждал, что завоевания приведут к ослаблению России. Им

активно разрабатывался стереотип завоевательных планов Петра I, которому якобы слепо и неразумно следуют русские монархи, пытаются не только «господствовать на Севере», но и «возродить Греческую империю на Востоке»³⁵.

Из области дипломатии идея «русской угрозы» проникла в общественную мысль и историографию. Правда, в середине XVIII в. у России здесь появляются мощные союзники — французские просветители. Ш. Монтескье не питал особых симпатий к России и ее правителям. Но знаменитый мыслитель едва ли не первым из современников причислил русских к европейским народам, к народам Севера — сильным, смелым, не склонным к тирании и рабству³⁶. Географический детерминизм Монтескье способствовал разрушению некоторых стереотипов о России.

Наиболее последовательным другом и поклонником России был Вольтер. Для него Россия, преобразенная Петром I, была наглядным примером успехов разума, секуляризации и цивилизации. Военные успехи России при Екатерине II Вольтер рассматривал как средство распространения просвещения на народы, порабощенные Турцией. Он не только поддержал в переписку политику русской императрицы в Польше, но даже издал специальную брошюру, оправдывавшую введение русских войск в Речь Посполитую³⁷. Вольтер восхвалял политику Екатерины II в Польше как политику «свободы» и «веротерпимости». Знаменитый философ приложил немало усилий, чтобы развенчать идею «русской опасности», например, в споре с Руссо. Но в своем восхищении успехами цивилизации России (точнее — Петром I и Екатериной II) Вольтер, по большому счету, был одинок. Даже его идейные союзники выказывали беспокойство по поводу роста могущества России.

Д. Дидро не отрицал русской опасности для Европы, но и не склонен был ее преувеличивать. Он видел объективный предел роста военного могущества России в малочисленности ее населения. «Не бойтесь ничего, — говорил он своему собеседнику в 1768 г., — русское население никогда не сможет достичь количества, необходимого для завоевания Европы. Там слишком суровый климат. Им необходимы огромные леса, а деревья растут слишком медленно»³⁸. В России леса отнимают пространство у людей, но они необходимы, чтобы обеспечивать людей топливом. Таким образом, складывалась тупиковая ситуация, из которой Россия не сможет выйти.

Дальнейшая цивилизация России, по мнению Дидро, также должна привести к прекращению внешней экспансии. В соавторстве с Рейналем он в «Истории обеих Индий» предлагал русскому правительству во имя прогресса отказаться от внешних завоеваний: «Несмотря на доблесть, численность и дисциплину своих войск (победы русских войск при Екатерине изменили мнение европейцев о боевых качествах русских солдат. — С. М.), Россия принадлежит к тем державам, которые должны беречь свою кровь. Желание увеличивать территорию, и так слишком просторную, не должно увлекать ее слишком далеко от границ и побуждать к военным действиям. Она никогда не сможет достичь единства, а ее народ не сможет стать просвещенным, если она не откажется от опасной линии завоеваний, чтобы обратиться единственно к мирным занятиям»³⁹. Авторы даже предлагали с целью скорейшей цивилизации расчленить Россию на несколько небольших смежных государств.

Сотрудник Дидро по «Энциклопедии» Л. де Жокур успокаивал своих читателей, опасавшихся русской экспансии. Доходы русского монарха не превышают 13 млн. рублей, что незначительно по европейским меркам. «Со своими доходами Россия может воевать с турками, но не может вести войну в Европе, не получая субсидий. Ее средства недостаточны для этого: жалование военного очень скудно в этой стране. Русский солдат не имеет в день и третьей части жалования немецкого и французского; если он окажется за пределами своей страны, ему не обойтись без увеличения жалования, и именно союзные державы должны обеспечить это увеличение»⁴⁰. Таким образом, по мысли Жокура, европейские державы могут контролировать военные действия русских в Европе.

Руссо не верил в возможность цивилизации России и пророчествовал о новом татарском нашествии на Европу. Демократизм и явные польские симпатии Руссо оборачивались откровенной русофобией. Он продолжил традицию Локателли, утверждая: «Российская империя пожелает покорить Европу — и сама будет покорена. Татары, ее подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими повелителями...»⁴¹. В этом утверждении оппоненты Руссо не без основания видели лишь воспроизведение старой идеи о повторяющихся набегах кочевников с территории России. Вольтер же просто высмеивал и третиrowал Руссо: «Приятно объявить о падении великой империи, это утешает нас в нашем невежестве».

Полемика Вольтера и Руссо привлекла внимание экономиста аббата Н. Бодо. В своей статье «О политическом мире»⁴² он писал, что, на первый взгляд, Россия может показаться огромной, страшной страной, угрожающей Европе и Азии. Но на самом деле это не так: «Все идет к тому, чтобы рассматривать русских как объект интереса для нашей коммерции и национальной индустрии, а не как предмет страха за могущество короля и безопасность страны». В споре знаменитых философов

Бодо выступал на стороне Вольтера и видел в позиции Руссо лишь общее место европейской общественной мысли о повторяющихся набегах «варваров». Но эти набеги, считает Бодо, были возможны, когда северные территории были населены жестокими и невежественными дикарями. Автору приходится уверять своих читателей, что Россия уже не является «сборищем диких и независимых народов». «Развитие оседлого государства на Севере полностью устранило эту опасность». Кроме того, Бодо предвосхитил идею Дидро, что сама природа поставила барьер на пути русских завоеваний: в России слишком мало населения, и оно не может расти интенсивно, так как ее климат слишком суров и требуются огромные пространства лесов, чтобы обеспечить страну топливом. А главное — Россия вступает на путь цивилизации и перестает быть источником военной опасности. Причем, как показал итальянский исследователь Д. Годжи, цивилизацию России Бодо понимал по-новому: не как механический рост населения и военного могущества, а как установление нового социального порядка. В этом отношении он возлагал особые надежды на иностранную колонизацию Поволжья⁴³.

После громких побед над Турцией Россия окончательно входит в число ведущих европейских держав. Присоединение Северного Причерноморья и Крыма сделало Россию в глазах европейцев страной не только Севера, но и Востока. Авторы, сочувствовавшие политике Екатерины (Вольтер, Вольней), писали о миссии русских по освобождению Европы от турок, вызволению христиан из мусульманского плена, просвещению Востока. Враждебные России публицисты еще настойчивее стали подчеркивать глобальный характер русской угрозы. Л.-Ф. Сегюр писал о «колоссальном могуществе» России, «рост которого угрожает независимости всех народов в мире». О. Мирабо называл Россию «гигантом, который спит, и его пробуждение может изменить лицо земного шара»⁴⁴.

Революция способствовала росту антирусских настроений во Франции. На смену космополитизму и универсализму «философов» приходит национализм, сначала задрапированный благородными одеждами «патриотизма», но очень скоро представший в своей абсолютной наготе. Официальная французская пропаганда хотела всячески отлучить «варварскую» Россию от «цивилизованной» Европы. И в это же время Конвент пытался (хотя и тщетно) направить турок против России⁴⁵.

Впрочем, ростом могущества России были озабочены не только французские авторы. Англичане также оказались неравнодушными к внешнеполитическим успехам русских. Еще в петровское время Дж. Маршалл писал: «Пускай читатель сравнит морской путь из Азова к берегам Средиземного моря с расстоянием от Данцига, вокруг трех четвертей Европейского материка, и он поймет, что Россия станет хозяином снабжения всех стран, окружающих Средиземное море»⁴⁶.

В годы Семилетней войны Россия впервые выступила в роли союзника крупнейших европейских держав в коалиционной войне. В этой связи известный английский писатель и журналист О. Голдсмит высказал опасение, что такой союз «усиливает и без того могущественных русских». Автор мыслил Россию вне Европы и опасался, что русские, получив опорный пункт на этом континенте, «могли бы затопить весь западный мир наводнением варваров». Русские для Голдсмита принадлежат к нациям-завоевателям: «Готы, гунны, вандалы, сарацины, турки, татары — мириады людей, животных в человеческом облике, без родины, без имени, без законов своей многочисленностью подавляли любое сопротивление, разрушали города, обращали в прах империи, а затем, уничтожив целые народы и оставив за собой пепелище, они, в свой черед, становились жертвой нового неведомого врага, который превосходил их дикостью»⁴⁷.

Английские политики и публицисты были серьезно встревожены победами России над Турцией и особенно «греческим проектом» Екатерины II. «Дух завоевания однозначно определяет поведение России, дух коммерческой предприимчивости присоединился к нему, и не менее чем полное овладение Константинополем и Черным морем, удовлетворит ее непомерные амбиции». Обеспокоенные завоеваниями России в Причерноморье, затрагивавшими их экономические интересы, обитатели Британских островов чувствовали себя в большей безопасности в отношении русских завоеваний в Европе. Недоброжелательный к России Дж. Вильямс писал, что русские «могли бы справиться со всеми державами Европы, за исключением Англии»⁴⁸.

В 1789 г. в Лондоне вышел памфлет «Об угрозе политическому балансу в Европе», написанный, как полагают, французским журналистом Малле дю Паном по заданию шведского короля Густава III. В нем настойчиво звучит тема русской опасности, высказывается сожаление об утрате «восточного барьера»: «Мы видим поработанный Крым, Швецию под игом группировки, преданной России, Польшу, наказанную из-за порочности своих законов, наводненную русскими войсками, попорченную, расчлененную». Тема русского «варварства» находит здесь новый поворот: если раньше «варварство» считали причиной слабости русской армии, то теперь в нем видят основу русских военных успехов. «Народ тем более опасный, что, закаленный варварством и дисциплинированный игом

рабства, он более годится для завоеваний и опустошений, чем для войн оборонительных, нечувствительный к смерти и несчастью»⁴⁹.

Большинство европейских авторов связывало появление русской угрозы с деятельностью Петра I. Ведь Россия, по общему мнению видных деятелей века Просвещения, была «творением Петра», а всякая политика считалась «петровской»⁵⁰, (что тоже можно рассматривать как достаточно устойчивый стереотип).

В наиболее полном виде страхи и опасения европейцев, все сложившиеся в Европе стереотипы «русской угрозы», воплотились в так называемом «Завещании Петра Великого». Оно было составлено в 1797 г. во Франции польским эмигрантом М. Сокольниковым. Отредактированное Наполеоном, оно было опубликовано (как «план Петра I») в 1812 году. Его первые пункты более или менее адекватно отражают политические реалии русской и европейской политики XVIII века. Но заканчивается оно апокалиптическим предсказанием о новом нашествии кочевых варваров с Востока: «Пока ее (России. — С. М.) линейные войска будут подвигаться к Рейну, она вслед за тем вышлет свои несметные азиатские орды. И лишь только последние углубятся в Германию, как из Азовского моря и Архангельского порта выйдут с такими же ордами два значительных флота под конвоем двух вооруженных флотов — Черноморского и Балтийского. Они внезапно появятся в Средиземном море и океане для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов, которые наводнят Италию, Испанию и Францию; одну часть их жителей истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность свержения ига»⁵¹. Мысль о близости, даже прямой принадлежности русских к ордам кочевников⁵² глубоко вошла в сознание европейцев, приобретая характер едва ли не главного стереотипа в концепции «русской угрозы».

Еще одним предупреждением Западу о грозящей ему страшной опасности была книга М. Пассенана с характерным названием — «Россия и рабство в их отношении к европейской цивилизации». Хотя эта книга вышла в 1822 г., она, по словам автора, была задумана еще на рубеже веков, когда он жил в России. Пассенан пишет о господстве в России «зловещей фракции» бояр-крепостников, в которой он видит главный источник угрозы. (Образ Александра I сделал популярным в Европе представление о русском деспотизме, поэтому акцент делался на крепостничестве.) «Более 300 лет она («зловещая фракция бояр». — С. М.) ведет непрерывную войну и хочет сделать ее вечной. Уничтожив и поглотив все страны, которые некогда были соседями России, как в Азии, так и в Европе, она бросает жадный взор на остальную часть Европы, которую ... стремится пожрать, пусть даже ей пришлось бы для этого мобилизовать все население подвластных стран, коим она распоряжается как безгласным стадом. Итак, она должна возобновить вторжения татар, обладая всеми их пороками и ни одной из их добродетелей»⁵³.

Это представление перейдет и к другим авторам XIX века. Мадам де Сталь заметила: «Поскребите русского — и вы обнаружите татарина»⁵⁴. А А. де Кюстин писал, что «русские не могут считаться людьми цивилизованными. Это татары в военном строю — и не более»⁵⁵. Стереотип оказался настолько живучим, что отразился и на восприятии русской культуры конца XIX — начала XX века. Современный французский исследователь приводит излюбленные характеристики, которыми французы «дружно одаривали русских: чудовище, варвар, скиф, странный ребенок, видя в нем азиата, навечно зараженного желтой, то есть татарской кровью»⁵⁶.

Явно набиравшая силу в европейской общественной мысли XVIII в. идея «русской угрозы» не имела прямой связи с представлениями русских того времени о Европе, не была их зеркальным отражением. Начиная с петровских реформ, образованная часть русского общества активно осваивала европейскую культуру и так преуспела в этом деле, что накануне войны 1812 г. Н.М. Карамзин высказывал серьезное опасение: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России». О том, что в высших слоях русского общества (формирующих общественную мысль) не было ксенофобии, свидетельствуют и сами иностранцы, жившие в России: «Почти все русские, под влиянием воспитателей-французов, с детства проникаются любовью к Франции...», — писал К. Мэсон⁵⁷. Это не исключало всплесков антифранцузских настроений, возросших после революции.

На формирование в XVIII в. идеи «русской угрозы» в Европе влияла и завоевательная внешняя политика России. Но сама эта идея, подхваченная политиками, журналистами и философами Франции, Англии, Германии, не в меньшей степени говорит и о внешнеполитических амбициях ведущих европейских держав. В XVIII в. европейские державы не раз пытались перекроить карту Европы и вели активную колониальную экспансию. Авторы, писавшие о «русской опасности», опирались на целый ряд стереотипов: противостояние Севера и Юга, постоянная угроза Европе со стороны орд кочевников, принадлежность России к кочевому, «гуннскому» и «татарскому» миру, природная склонность русских к насилию. Именно XVIII век породил миф о так называемом «Завещании» Петра

Великого. Россия, «цивилизированная» Петром I и Екатериной II, несмотря на важные сдвиги, которые произошли в европейской общественной мысли, продолжала восприниматься в рамках жесткой дихотомии «варварство — цивилизация», и так и не перестала быть «другой» для европейцев.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке Института «Открытое Общество» (грант № НВА 008).

1. Сборник статей, посвященных академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб. 1908, с. 1377.
2. BLANC S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand. — Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX, № 3—4.
3. См.: LIPPMAN W. Public Opinion. N. Y. 1960; ГУРЕВИЧ А.Я. Социальная психология и история. Историковедческий аспект. — Историковедение: теоретические и методологические проблемы. М. 1969; ЕРОФЕЕВ Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853. М. 1982; КОПЕЛЕВ Л.З. Чужие. — Одиссей. 1993. М. 1994; и др.
4. См.: ЧУГРОВ С.В. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения. — Мировая экономика и международные отношения, 1993, № 1; его же. Идеологемы и внешнеполитическое сознание. — Там же, 1993, № 2.
5. См.: ЛУЧИЦКАЯ С.И. Образ другого: проблематика исследования. — Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001, с. 196—198.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М. 1991, с. 37. Возможно, венетами первоначально называли северных варваров независимо от места их обитания — в области современной Венеции, в кельтской Бретани, в лесах Восточной Европы. См.: ПЕТРУХИН В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск. М. 1995, с. 8.
7. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999, с. 90—102, 122—132.
8. ПСЕЛЛ МИХАИЛ. Хронография. М. 1978, с. 95.
9. См.: Rude and barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Madison, Milwaukee, London. 1968; MERVAUD M., ROBERTI J.-C. Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siècle. P. 1991; LIECHTENHAN F.-D. Le Russe, ennemi héréditaire de la chrétienté? «La diffusion de l'image de la Moscovie en Europe occidentale aux XVI-e et XVII-e siècle». — Revue historique, 1991. CCLXXXV, p. 77—103; SCHEIDEGGER G. Perverses Abendland — barbarisches Russland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverstaendnisse. Zuerich. 1993; ЭЛЬФОНД И.Я. Образ Ивана Грозного во французской общественной мысли второй половины XVI в. — Историк и историография. Саратов. 1999; ЕРМАСОВ Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половины XVIII в. — Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов. 2001.
10. MERVAUD M., ROBERTI J.-C. Op. cit., p. 18.
11. Этот стереотип дожил до Петра I. См.: LORTHOLARY A. Les «philosophes» du XVIII siècle et la Russie: le mirage russe en France au XVIII siècle. P. 1951, p. 15.
12. KAPPELER A. Die deutschen Flugschriften ueber die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur des 16. Jahrhunderts. — Russen und Russland aus deutschen Sicht 9.—17. Jahrhundert. Muenchen. 1985, s. 173—175 (на это представление европейцев о русских обратила внимание С.В. Оболенская. См.: Одиссей. 1997. М. 1998, с. 335).
13. LIECHTENHAN F.-D. Op. cit., p. 96—97, 102.
14. KELLER M. Von Moskau zu Russland. — Russen und Russland aus deutschen Sicht 9.—17. Jahrhundert, s. 389.
15. MERVAUD M., ROBERTI J.-C. Op. cit., p. 148.
16. Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфа. СПб. 1718, с. 407—408.
17. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 65.
18. КОРБ И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) СПб. 1906, с. 207.
19. Цит. по: LIECHTENHAN F.-D. Op. cit., p. 100.
20. MERVAUD M., ROBERTI J.-C. Op. cit., p. 8.
21. MOEPPS E. Christian Stieffs «Relation von dem gegenwaertigen Zustande des Moskowitisches Reichs» und ihr Platz im Umfeld vom Presse und Propaganda. — Russen und Russland aus deutschen Sicht 18. Jahrhundert: Aufklaerung. Muenchen. 1987, S. 79.
22. ЕРМАСОВ Е.В. Северная война как фактор восприятия России в Германии в первой четверти XVIII века. — Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 3. Ч. 1. Саратов. 1998, с. 73, 76.
23. Вопросы истории, 1989, №2, с. 6—15.
24. Сб. Русского исторического общества (РИО). Т. 52. СПб. 1886, с. 144.
25. [LOCATELLI F.] Lettres Moscovites. P. 1736, p. 141—145. Книга была переиздана в Англии и в Германии. Немецкое издание содержало «опровержение», написанное Д. Кантемиром с помощью Г. Гросса.

26. ЛИШТЕНАН Ф.-Д. Вольтер: Фридрих II или Петр I. — Вольтер и Россия. М. 1999, с. 80.
27. См.: ФОККЕРОДТ И. Г. Россия при Петре Великом. — Чтения ОИДР. 1974. Кн. 2.
28. KOPELEW L. «Unser natuerlichsten Verbuendeter». Friedrich der Grosse ueber Russland. — Russen und Russland aus deutschen Sicht 18. Jahrhundert: Aufklaerung. S. 282—283.
29. MERVAUD M., ROBERTI J.-C. Op. cit., p. 107.
30. KOPELEW L. Op. cit., S. 291.
31. LORTHOLARY A. Op. cit., p. 157.
32. См.: Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Т. 9. P. 1890, p. 130—133; ЧЕРКАСОВ П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700—1775. М. 1995, с. 199—200.
33. Сб. РИО. Т. 140, p. 646—647; CORBET Ch. L'opinion française face à l'inconnue Russe (1799—1894). P. 1967, p. 25, 288.
34. Archives des Affaires Etrangère. Correspondance politique. Russie. Supplément. Vol. 12. F. 307—314. Благодарю Н.Ю. Плавинскую, передавшую в мое распоряжение этот документ.
35. См. СТЕГНИЙ П.В. Хроники времен Екатерины II. М. 2001, с. 402—410.
36. MINUTI R. L'image de la Russie dans l'oeuvre de Montesquieu. — Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов. 2001; МОНТЕСКЬЕ. О духе законов. XVIII, 5.
37. См.: WILBERGER C.H. Voltair's Russia: Window on the East. — Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1976. Vol. CLXIV. В своих ранних произведениях Вольтер не избежал стереотипных описаний «варварства» русских (см. «Историю Карла XII»). В первых изданиях вольтеровских «Анекдотов о царе Петре Великом» говорилось, что русский народ до Петра был «татарской ордой», «чем-то средним между медведем и человеком» (см.: MERVAUD M. Les Anecdotes sur le czar Pierre le Grand de Voltaire: genèse, sources, form littéraire. — Studies of Voltaire and the Eighteenth Century. 1996. Vol. 341, p. 116.); см.: ЗОРИН А.Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II. — Вольтер и Россия. М. 1999; Essai historique et critique sur les dissensions des eglises de Pologne, par Bourdillon, professeur en droit public. Basle. 1767. См.: БИЛЬБАСОВ В.А. История Екатерины Второй. Берлин. 1896. Т. 12. Ч. 1: Обзор иностранных сочинений о Екатерине II, с. 60—64.
38. GOGGI G. Diderot et l'abbe Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie. — Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopedie. 1993, № 14, p. 23.
39. RAYNAL G.-T. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes. Т. 3. P. 1794, p. 151.
40. Encyclopédic ou dictionnaire raisonne. Т. 14. Neufchastel. 1765, p. 445.
41. РУССО Ж.-Ж. Трактаты. М. 1969, с. 183.
42. Ephemerides du citoyens ou Chronique de l'esprit national. 1766. Т. 2, p. 17—33; т. 3, p. 32—48; т. 6, p. 65—128.
43. GOGGI G. Op. cit.
44. ЗОРИН А.Л. Ук. соч., с. 36; LORTHOLARY A. Op. cit., p. 157, 348.
45. ЛЕТЧФОРД С.Е. Французская революция конца XVIII века и формирование образа России в общественном мнении Западной Европы. — Европейское Просвещение..., с. 142; CORBET Ch. Op. cit., p. 18
46. МЕЙНДОРФ А. Англичане XVII и XVIII столетий о Русских и России. — Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатилетия его научно-публицистической деятельности. Прага. 1925, с. 306.
47. ГОЛДСМИТ О. Гражданин мира или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Восток. М. 1974, с. 222.
48. MILES W. An Enquiry into the Justice and Expediency of Prescribing bounds to the Russian Empire. L. 1791, p. 20; БИЛЬБАСОВ В.А. Ук. соч., с. 439; МЕЙНДОРФ А. Ук. соч., с. 311.
49. Цит. по: BLANC S. Op. cit., p. 281—282.
50. Лишь К. Рюльер заметил, что Петр «нашел свой народ в состоянии роста его могущества». См.: BLANC S. Op. cit., p. 272.
51. SOKOLNICKI M. Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un pretendu document historique). — Revue de sciences politique. 1912. Т. XXVII, № 1, p. 88—98; [LESUR Ch.] Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. P. 1812, p. 177—179.
52. Ж. Кастера писал: «...Руссы происходят из этой бесчисленной семьи гуннов, армии которых, подобные опустошительным потокам, наводняли самые прекрасные страны Азии и Европы и ускоряли падение Римской империи». См.: CASTERA J. Histoire de Catherine II. Т. 1. P. an. VIII. (1800), p. 9.
53. PASSEANS M.P. D. La Russie et esclavage dans leurs rapports avec la civilization europeenne. Т. 1—2. P. 1822 (см. т. 1, p. 197—198).
54. Цит. по: MERVAUD M., ROBERTI J.-C. Op. cit., p. 68.
55. КЮСТИН А. де. Россия в 1839 году: В 2-х тт. Т. 1. М. 1996, с. 164.
56. МЕНЕГАЛЬДО Е. Русские в Париже. 1919—1939. М. 2001, с. 46.
57. КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском состояниях. М. 1991, с. 35; МАСОН Ш. Секретные записки России. М. 1996, с. 147—148. См. также: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л. 1989, с. 337.

Книги Б.В. Раушенбаха не могут не привлечь внимания читателей. Работая у С.П. Королева над проблемами управления полетом ракет, он профессионально стал заниматься иконоведением и историей богословия в России. Об этом свидетельствуют его опубликованные исследования¹. В условиях воинствующего атеизма их названия маскировались под труды по истории и теории живописи. Бывшие студенты Московского государственного университета и Физико-технического института в знак признательности к своему учителю издали сборник избранных его трудов, в основном посвященных истории мировой космонавтики.

Раушенбах подробно пишет об истории космонавтики, о Королеве — главном конструкторе советских ракет и космических кораблей, германском отце космонавтики Германе Оберте. Рассказ об Оберте ведется на фоне повествования о работах в области космонавтики в других странах. В России и СССР над проблемой выхода человечества в космическое пространство работали К.Э. Циолковский, Ф.А. Цандер, Ю.В. Кондратюк, позже С.П. Королев. С Циолковским Оберт переписывался, а в 90-летнем возрасте даже посетил Калугу, побывал в музее своего русского коллеги. Раушенбах встречался с Обертом в дни его пребывания в СССР, сопровождал в Калугу, а в 1989 г. посетил его в Германии. Вот сравнение Раушенбахом судеб ученика Оберта конструктора немецких крылатых ракет В.фон Брауна с Королевым: «В настоящей главе приходилось неоднократно упоминать о похожей роли в создании ракетной техники, которая выпала Королеву (в СССР) и фон Брауну (в Германии и США). Но похоже не только их роли, но и судьбы. Можно отметить почти мистическое совпадение их биографий. Оба они имели счастье начать свою работу в ракетной технике в контакте с признанными пионерами: Королев — с Цандером, фон Браун — с Обертом. Оба они в это время увлекались планеризмом. Оба получили образование в высших технических учебных заведениях и получили звание авиационных инженеров. Оба начали практическую работу по ракетной технике в малых, полупрофессиональных группах: Королев в ГИРД'е, фон Браун — на берлинском «ракетодоме». Оба перешли на работу по заданиям военных ведомств: Королев — в Ракетный научно-исследовательский институт, фон Браун — в Куммерсдорф. Оба отличались выдающимися способностями организаторов и стояли у истоков того, что сегодня называют ракетно-космической промышленностью. Оба на

начальном этапе вели свои работы в тоталитарных государствах: Королев в сталинском, фон Браун — в гитлеровском. Оба в возрасте 32-х лет были репрессированы по надуманным обвинениям: Королев — НКВД, фон Браун — гестапо. Обоим были предъявлены одинаковые обвинения: Королеву во вредительстве, фон Брауну — в саботаже. Обоим удалось вернуться к активным работам по ракетной технике. Королев запустил первый советский искусственный спутник Земли (он был и первый в мире), фон Браун — первый искусственный спутник в США. Оба были признанными руководителями космических программ своих стран, и оба умерли от одной и той же болезни, проклятия нашего времени — рака» (с. 325).

Раушенбах напоминает читателю, что в конце своей жизни Оберт считал нужным предупредить людей: «в политике существует целая система полуправд, в частности полуправды о капитализме, коммунизме и национал социализме» (с. 360). Он писал: «чиновники, стоящие у власти, боятся свободного слова, но ведь подавление критики исключает успешное хозяйствование... Поскольку неспособность системы эффективно работать будет всегда проявляться то здесь, то там, а усилия бюрократов будут направлены не на слом системы, а на поиск «козлов отпущения», то из народного хозяйства будут систематически исключаться наиболее знающие и талантливые люди, всегда неудобные бюрократам» (с. 360—361).

Книга «Пристрастие» открывается «Автобиографическими фрагментами» и очерком «Михаил Михайлович Герасимов». Немец Раушенбах в годы второй мировой войны не избежал тюрьмы. О своем аресте он пишет: «Мой арест в сорок втором году эмоционально меня не встряхнул. В конкретном случае со мной, рассуждал я, это еще и справедливо. Ведь меня ни в чем не обвинили, просто взяли и посадили, поскольку по анкете я немец. Чего же еще можно ожидать во время войны с Германией?» («Постскриптум», с. 195). В «Пристрастии» он пишет: «В 1942 году я работал в институте, занимался расчетами полета самонаводящегося зенитного снаряда, взяли меня, когда я уже выполнил две трети работы, знал в каком направлении двигаться дальше» (с. 11). Эта работа, в завершении которой были прямо заинтересованы власти, спасла будущего академика от гибели. «Фрагменты» завершаются оптимистически: «Я и в лагере был оптимистом, хотя однажды меня ветром с ног сбило, до такого состояния дошел от голода» (с. 25).

Раушенбах близко общался с Герасимовым, восстанавливавшим облик человека по черепу и высоко ценил его работу. Среди богословских очерков особое внимание может привлечь математическое обоснование единобожия, заложенного в понятие Троицы (с. 117—129).

Обращают на себя внимание соображения Раушенбаха о современных экономических проблемах России, хотя и не со всем можно согласиться. Так он пишет: «Все болтают о том, что целью является создание рыночной экономики» («Пристрастие», с. 418). Внимание же должна привлечь не болтовня, а дело: рыночная экономика не цель, а средство достижения в стране высшей производительности труда.

В «Постскриптуме» приведены новые факты. Особенно ценна информация о Королеве. Автор развеивает некоторые мифы, например, о причинах гибели Ю.А. Гагарина (с. 111). Об «изобретателе» знаменитых «катуш» Раушенбах пишет, что С.П. Королева и В.П. Глушко арестовали летом тридцать восьмого года: «Соответствующее письмо в партком (скорее всего по

собственной инициативе) написал А.Г. Костиков, впоследствии незаслуженно получивший звание Героя Социалистического Труда за создание гвардейских минометов, названных в народе «катушами», за работу, к которой он фактически отношения, почти, не имел» (с. 121). «Ни Королев, ни Глушко не сомневались, в том, что их арест — дело рук Костикова», Раушенбах в «Пристрастии» (с. 368).

Книги Раушенбаха — светлая память о порядочном человеке, большом ученом, историке по призванию.

В.В. ФАРСОБИН

Примечания

1. РАУШЕНБАХ Б.В. Пространственные построения древнерусской живописи, М. 1975; его же. Пространственные построения с примерами из мировой практики. М. 1980; его же. Общая теория перспективы. М. 1986; его же. Геометрия картины и зрительное восприятие. М. 1994.

Е.Ф. ЯЗЬКОВ. *История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918—1945.* М. Изд-во Московского университета. Издательский дом ИНФРА. М. 2000. 352 с.

Лекционный курс профессора МГУ, доктора исторических наук Е.Ф. Язькова — результат его многолетних трудов — дает представление о тех изменениях, которые произошли в отечественной историографии новейшей истории. Автор подвергает разбору ряд концепций, догм и схем, сложившихся в исторической науке под известным идеологическим давлением, а равно и тех, что получили распространение в недавние годы в результате псевдоисторических упражнений некоторых обществоведов и публицистов, увлекшихся «переменной знаков» при изложении нашего прошлого. Язьков исходит из того, что «процесс творческого переосмысления традиционных концепций требует решительного противодействия попыткам возрождения старых и вытеснения новых, столь же догматизированных псевдоисторических схем, какой бы политической ориентации их авторы не придерживались» (с. 5). К наиболее важным проблемам автор относит: содержание исторического процесса, сущность коренных изменений в социально-экономической и политической структуре мира и общества, в системе международных отношений.

Особенно большое внимание автора привлекает начавшееся с 70-х годов XIX в. изменение социально-экономической структуры капитализ-

ма: складывание корпоративной структуры, развитие форм коллективной капиталистической собственности, методов корпоративного и государственного регулирования экономики, а вместе с тем и общественных отношений.

Новейшая история свидетельствует о том, что традиционная в марксистской историографии характеристика современной эпохи как «общего кризиса капитализма», распада мира на «две системы» («два лагеря») не состоятельна, а сама эта схема ложна и не выдерживает критики. «Современный капитализм в передовых странах Европы и Америки — это общество с высочайшим научно-техническим уровнем, где идет быстрое развитие производительных сил, ...применяются меры по смягчению» классовых противоречий, ослаблению классовой борьбы, по определенной социальной защищенности членов общества... Современный государственно-корпоративно-конкурентный, социально ориентированный капитализм — это новый этап в развитии капиталистического общества» (с. 9, 23).

В книге показано, что новейшая история отличается рядом принципиальных характеристик. Здесь и расширение избирательных прав граждан, и интенсификация требований социальной

справедливости, очень остро — в отличие от предыдущих эпох — встал вопрос о расширении социальной базы крупной буржуазии, интеграции в капиталистическую систему широких народных масс, рост роли государства в регулировании экономики и социальных отношений.

Автор уделяет большое место новейшей истории США. Характеризуя итоги и последствия первой мировой войны, Язьков отмечает, что сложившаяся в советской историографии оценка «Четырнадцати пунктов В. Вильсона» как только программы империалистической экспансии США, не адекватна действительности. Этот документ вовсе не был «чистейшей демагогией». Гораздо важнее, что он отражал конкретные интересы США. Форма империалистической экспансии, выдвигавшаяся в 1918 г. Соединенными Штатами, отличалась от классических образцов защищаемых европейскими державами. Программа Вильсона «имела двойственный характер», сочетая принципы глобализма и либерализма. Это была «программа либерально-го экспансионизма». Президент ставил перед внешней политикой США задачу — «совместить участие в мировой борьбе за могущество с руководством мировым либеральным движением» (с. 35—36).

Подробно рассмотрев историю и итоги германской революции 1918—1919 гг., автор приходит к выводу о противоречивости ее результатов. «Она принесла народу ряд существенных завоеваний в политической и социальной жизни общества ... установила в Германии строй передовой буржуазно-демократической парламентской республики со значительными зачатками социальной защиты членов общества. Это давало левым силам законную базу для дальнейшей борьбы за демократизацию общества. Но, с другой стороны, демократические завоевания германской революции в силу поражения попытки ее углубления были явно недостаточными... Это давало реакционным силам законную базу для борьбы за ограничение и ликвидацию демократических завоеваний народа» (с. 98—99).

Автор пересматривает сложившиеся в марксистской историографии трактовки развития международного рабочего движения после первой мировой войны. Стратегию и тактику этого движения, считает автор, можно оценить объективно только с учетом кризиса традиционной структуры классического капитализма XIX века. Стратегический курс Коммунистического интернационала на мировую социалистическую революцию не оправдал себя, поскольку оказалось, что «капитализм обладает возможностью приспособления к меняющейся обстановке, к потребностям общественного прогресса ... Ленин и левые социалисты явно недооценивали роль

и возможности либерально-буржуазного реформизма», использования государственного регулирования экономики и социальных отношений, силу влияния социал-демократии, выступавшей за эволюционный путь развития общества (с. 107).

Изменение общественной обстановки в 1921 г. потребовало перемен в стратегических и тактических установках международного коммунистического движения. Новый подход побуждал ориентироваться не на революцию и диктатуру пролетариата, а на борьбу за сохранение и расширение демократических прав и свобод, на совместную борьбу с наступающим капиталом, за частичные требования и единый рабочий фронт (с. 119—117). Однако идея единого рабочего фронта, отмечает Язьков, потерпела неудачу как по вине Второго и Двухсполовинного интернационалов, так и из-за позиции Коминтерна, который к 1924 году отказался от тактических установок, наметившихся в 1921—1922 годах. В ход пошли лозунги «общего кризиса капитализма», «мировой революции» и т.п.

Содержательна лекция, посвященная капиталистической стабилизации 20-х годов. В марксистской историографии последняя трактовалась как «временная, частичная и гнилая». Автор же, опираясь на конкретные исторические факты и «теорию «длинных волн в экономике» и «больших циклов экономической конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера, приходит к выводу, что «период капиталистической стабилизации 20-х годов был завершающимся этапом повышательной фазы третьего большого цикла экономической конъюнктуры», который охватывает период с 90-х годов XIX в. и до 40-х годов XX века, а упомянутая фаза — 1897—1929 годы (с. 130—131). Поэтому подъем экономики в период стабилизации имел органический характер и вполне закономерно сопровождался сильным увеличением концентрации и централизации производства и капитала, ростом крупного торгового бизнеса, мощи финансового капитала. В лекции приведены многочисленные факты из истории ряда стран (особенно США), свидетельствующие об ослаблении социальных противоречий и классовой борьбы, восстановлении относительной социальной стабильности, а также сокращении государственного регулирования экономики и социальных отношений, что отразилось и в получивших очень широкое распространение идеологиях «твердого индивидуализма», социал-дарвинизма, противодействию наметившимся либерально-реформистским тенденциям. Как отмечается в книге, не менее характерны были и идеи «социальной ответственности бизнеса», «индустриальной демократии», «регулируемого индивидуализма», а в Англии

«мондизма», проповедовавшего сотрудничество корпоративного капитала и профсоюзных лидеров (с. 134—137, 176).

Язык отмечает и то, что стабилизация сопроваждалась неравномерностью развития «старых» и «новых» отраслей производства, ощутимой недогрузкой производственного аппарата, достаточно многочисленной безработицей, отставанием платежеспособного спроса от роста производства, преобладанием инвестиций в сферу финансовых спекуляций (а не в переоснащение промышленности). Все это привело к ощутимым последствиям в годы экономического кризиса 1929—1933 годов.

Переходя к следующему этапу в межвоенной истории, который начался со вступления капиталистического мира в полосу глубочайшего экономического кризиса, длившегося до начала второй мировой войны, Язык стремится избежать апокалиптической оценки последнего, которая, в частности, была присуща современникам кризиса. Капитализм не потерял способности к саморазвитию, о чем свидетельствует технологический скачок середины XX века, обозначивший «новый тур прогрессивного развития производительных сил» (с. 185).

Теоретическую базу характеристики этапа усилившихся государственно-регуляционных процессов составила теория Дж.М. Кейнса, утверждавшего, что государству следует отказаться от роли нейтрального наблюдателя, «ночного сторожа» и оказывать постоянное и направленное воздействие на экономику (обеспечение «эффективного спроса»), а также создать разветвленную систему «государственной социальной защиты населения, внедрения элементарных норм трудового законодательства и социального обеспечения» (с. 186).

Сформировались основные модели государственного регулирования — либерально-буржуазная или социал-демократическая в наиболее богатых странах капиталистического мира (США, Англия, Франция, Скандинавские страны) и тоталитарные режимы в странах, отличавшихся меньшей зрелостью капиталистического развития и незавершенностью процесса индустриализации, либо оказавшихся в силу ряда причин в особо трудных условиях (Италия, Испания, Португалия и Германия).

Охарактеризован в книге режим германского фашизма. Автор разбирает некоторые толкования причин, обусловивших приход к власти фашизма в Германии — Г. Риттера, Ф. Мейнеке, марксистскую концепцию, трактовавшую фашизм как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических кругов финансового капитала (с. 196—197). По мнению Язькова, необходима современ-

ная научная концепция фашизма, опирающаяся на новейшие исследования. В приходе к власти фашизма, отмечает автор, сыграли свою роль такие обстоятельства как ограниченность и неполнота демократических завоеваний революции 1918—1919 гг., поражение в первой мировой войне, тяжелые последствия мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., поддержка, оказанная фашистам со стороны влиятельных групп корпоративного капитала, оппозиция Веймарской республике, парламентский режим которой был достаточно ограничен, да к тому же еще и выхолощен, и, разумеется, отсутствие единства антифашистов в рабочем движении. Особую роль сыграл «феномен консервативного экстремизма масс» (с. 199), который совпал с консервативным экстремизмом верхов общества, что и «создало объективные условия для легального прихода фашизма к власти» (с. 207). Позициям и политике СДПГ и КПГ автор уделил пристальное внимание. Если первая недооценивала угрозу фашизма, проповедуя позицию «наименьшего зла», уклонялась от массовых антифашистских действий, то вторая придерживалась «абсолютно неверного курса» на совершенно нереальную диктатуру пролетариата, то есть выступая и против буржуазно-демократического парламентаризма, и против фашистской диктатуры, называя социал-демократию социал-фашизмом, левым крылом фашизма (с. 214—216). Подробно рассмотрев внутреннюю политику Гитлера, автор показывает, что нацистский режим имел достаточно широкую социальную базу (с. 230).

В лекции, посвященной Новому курсу Ф.Д. Рузвельта, рассмотрены предпосылки, идеи, конкретные акции по его реализации. Уже в предвыборных выступлениях 32-го президента, отмечает автор, «красной нитью проходила идея активного государственного регулирования с целью изменения распределительного механизма американской экономики и обеспечения социальной защиты «забытого американца у подножья экономической пирамиды» (с. 245). Автором прослежена трансформация, которую претерпели идеи Нового курса, возрастание внимания к социальным аспектам внутренней политики, которая рассмотрена автором в контексте всей новейшей истории США, в том числе и с учетом последующих этапов «превращения американского общества в государственно-регулируемое и социально ориентированное» (с. 273).

К этой лекции непосредственно примыкает лекция о Народном фронте во Франции. В ней подробно охарактеризованы реакционно-экстремистские и фашистские движения, разобрана политика и деятельность двух рабочих партий Франции — социалистической (СФИО) и ФКП,

изложены результаты, историческое значение, а также и причины неудач Народного фронта, завоевания которого «стали основой для борьбы прогрессивных сил этой страны за расширение социальных реформ и укрепление политической демократии после второй мировой войны» (с. 312).

В книге уделено серьезное внимание исторической роли СССР, характеристике его строя, внутренней и внешней политики. СССР, пишет автор, на деле превратился в общество, в котором «все явственнее проявлялись экономическая стагнация, растущие масштабы социальных бедствий. На этой основе все более обострялся кризис "реального социализма", а на рубеже 80—90-х гг. наступил его крах» (с.9).

Неудачу социалистической альтернативы капитализму автор объясняет рядом обстоятельств. Здесь сыграли свою роль и исходная отсталость России и разрушительное воздействие первой мировой войны. Процесс индустриализации и модернизации экономики проходил в чрезвычайно трудных условиях (обстановка экономической блокады, дипломатической изоляции, положение «осажденной крепости»). «В этих труднейших условиях без сколько-нибудь серьезной помощи извне, за счет собственных средств и поразительного энтузи-

азма масс была создана передовая промышленная база страны, и Советский Союз превратился в мощную индустриальную державу». Вместе с тем, эти условия «умело использовались формирующимся слоем партийно-государственной бюрократии, которая постепенно превращалась в привилегированную касту... Постепенная эрозия советского режима уже к концу 20-х гг. привела к превращению Советского Союза в разновидность строя тоталитарной диктатуры» (с. 15—16).

Завершают книгу лекции о политическом кризисе 1939 г. и характере второй мировой войны. По мнению автора, сложные и дискуссионные проблемы, особенно те, что были связаны с ролью СССР в тогдашней мировой политике, оказались очень сильно затронуты упомянутой выше тенденцией к пресловутой «перемене знаков».

Рецензируемый лекционный курс будет полезен не только студентам. Объективное, взвешенное рассмотрение автором актуальных проблем новейшей истории, высказанные им соображения относительно новых подходов к их решению заинтересуют и историков-специалистов и широкий круг любителей истории.

Р.Е. КАНТОР

М.В. ШКАРОВСКИЙ. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах)*. М. Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории. 1999. 400 с.

Нынешняя отечественная литература о судьбе православия в условиях «тоталитарной» коммунистической государственности отмечена специфическими чертами: во-первых, налицо зависимость от внутриконфессиональной историографии; во-вторых, гипертрофируется пассивность и жертвенность церкви в условиях воинственно-репрессивного режима. Анализ меняющихся форм взаимодействия идеократии со своим главным идеологическим противником может приоткрыть кое-что принципиально важное в особенностях функционирования советского режима в целом. Но для этого важно отказаться от известного рода идеологизированности и политизированности.

Для современных отечественных историков церкви образцом для подражания по-прежнему является фундаментальное исследование Д. Попеловского «Русская православная церковь в XX веке» (М. 1995). В свое время именно этот труд западного историка стимулировал исследователь-

ский энтузиазм и направленность выводов отечественных авторов, рьяно принявшихся разрабатывать отечественные архивы, по преимуществу партийные, в «разоблачительных» целях.

Сумел ли ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга доктор исторических наук М.В. Шкаровский преодолеть одиозность этих работ? В общем, ему это удалось. Монография посвящена предвоенному, военному и послевоенному периодам. Книга выгодно отличается от вышедшей чуть позднее монографии Т. Чумаченко «Государство, православная церковь, верующие. 1941—1961 гг.» (М. 1999), в которой поверхностно разоблачаются сталинские «гонители веры» при относительной осведомленности автора о внутрицерковных делах. Шкаровский использовал значительно более широкий круг источников: не только ряд фондов центральных партийных и государственных архивов, но и документы архивохранилищ Санкт-Петербурга.

Автор не только отвергает стереотипные оценки, но и рассматривает новые сюжетные линии. Следует отдать должное и общей эрудиции исследователя. Признавая, что вопрос о религиозной политике советского государства до настоящего времени не теряет своей остроты, он не соглашается с распространенным мнением о непрерывности откровенно террористических действий советской власти по отношению к православной церкви (с. 37). По его мнению, в рамках коммунистической идеократии вопрос о «старой» и «новой» вере все же зависел от ряда факторов совершенно иного порядка. Общее несовершенство советского законодательства, антиклерикализм и «расцерковленность» значительной части населения, необходимость балансирования в области межконфессиональных отношений и т.п. объективно усложняли церковную политику, вынуждая государство постоянно лавировать в этой сфере.

1939 год современными исследователями считается началом перелома в советской церковной политике, что очевидно связано, прежде всего, с избавлением от некоторых «крайностей» ежовщины. 1964 год, по мнению автора, также рубежный — не только в «гражданской», но и в церковной истории. Н.С. Хрущев оставил в истории России слишком заметный «атеистический» след. В 1939—1964 годы автор выделяет 5 этапов в эволюции церковно-государственных отношений. Всего же с 1917 по 1991 г. он насчитывает 10 подобных этапов. Представленная периодизация кажется странной. Необходимо ли дробить неделимое?

Как бы не лавировало государство, «линия партии» по отношению к традиционной вере оставалась неизменной. Советская идеократия в собственных интересах и в зависимости от ситуации шла на уступки «недобитому врагу», но по большому счету законодательство и действия местных начальников не утратили своей антиклерикальной направленности: количество действующих храмов и духовенства периодически сокращалось, паства жестко контролировалась, церковная наука, по словам протоиерея В. Цыпина, «могла существовать лишь нелегально и полуполюгально, в крайне изуродованных формах»¹, более того, над церковью постоянно висела угроза разгрома, что неоднократно подчеркивает и автор (с. 346—347).

Представляется, что продуктивнее было бы рассматривать конкретные реалии указанного периода как часть полустихийного процесса достижения общесистемного «оптимума». Время от времени интересы духовной и светской власти совпадали, а отдельные действия гонителей веры, как ни странно, даже находили поддержку части епископата, к примеру, борьба с сектанта-

ми. Данный подход тем более оправдан, что конкретный материал, приводимый автором, в значительной степени характеризует и специфику обратной связи между властью и обществом, по своему преломившуюся в конфессиональной области.

Основные исследовательские задачи на фоне предшествующих работ сформулированы автором довольно формально. Условно их можно разделить на три группы: сущность церковно-религиозной политики в СССР в рассматриваемый период, отдельные ее этапы, формы и масштабы репрессий в отношении духовенства и мирян; проблемы внутренней жизни русской православной церкви — особенность вероучения, пастырской деятельности, управления, адаптация к текущим событиям; общественное восприятие политики властей, явные и скрытые формы сопротивления низов действиям государства и чиновников. В качестве «специального вопроса» автор ставит «выявление определяющих факторов религиозной политики» — идеологического, внешнеполитического, экономического (с. 7).

В отличие от большинства предшествующих исследований, работа Шкаровского убеждает, что положение официальной Православной церкви оказывалось весьма сложным и помимо государственных репрессий. В главе «Церковное сопротивление в СССР» автор показывает, что «церковное подполье» (иосифляне, иоанниты, викторианцы, значительная часть катакомбников и т.п.) не принимали «безбожную» власть, но вместе с тем не признавали и официальную церковь. Автор обстоятельно описывает способы самовыражения непримиримых. Так, «истинно-православные христиане», ориентированные на «антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер», объявили сергианство «тяжелейшей еклезиологической ересью» (с. 245—246), а в отношениях с властью доходили порой до вооруженного сопротивления (с. 258). Отдельные представители катакомбников в годы войны сотрудничали с оккупационной администрацией. В любом случае поле деятельности церковных оппозиционеров было довольно широким, и, соответственно, контингент сочувствующих им, как единственным «страдальцам за веру», был потенциально велик. Ситуация при сохранении прежнего негибкого репрессивного курса государства была чревата многочисленными жертвами и со стороны духовенства, и со стороны мирян.

В связи с этим было бы интересно установить соотношение количества жертв со стороны «оппозиционеров» и представителей официальной церкви. Это могло бы прояснить еще один принципиальный вопрос: а не нуждалась

ли власть в официально поддерживаемом лояльном православии, как средстве сдерживания более радикальных и менее контролируемых форм религиозного сопротивления?

Для самой церкви расширение социальной базы религиозно протестующих могло обернуться углублением раскола, суть которого состояла в затнувшейся с 1920-х годов борьбе за каноническую преемственность власти. И тот факт, что расколы один за другим сходили на нет (к сожалению, причины затухания этого процесса слабо исследованы), а церковь под эгидой Московской Патриархии выстояла во всех испытаниях, позволяет по-новому взглянуть на результаты антицерковной деятельности коммунистической государственности.

Беспорным представляется вывод, что вопреки строжайшему организационному контролю государству не удалось установить тотальный надзор над религиозными убеждениями населения. Обнаружилось это в военное время. Достаточно известное, в общем-то, явление — обращение к вере не только гражданского населения, но и солдат и даже старших офицеров — автор подтверждает уникальными свидетельствами (с. 123—125). Советское богороческое государство, деспотически преследуя любую некоммунистическую веру, невольно провоцировало поиски людьми новой религиозности как на концептуальном, так и на организационном уровне. Но выясняется, что все то же государство в рассматриваемый период в большей или меньшей степени ухитрялось контролировать этот процесс. Так чего же добивалась власть? Полного искоренения любой религии или же просто тотального контроля над независимыми от нее умами?

С разной степенью убедительности Шкаровский показал, что государственная политика предвоенного, военного и послевоенного периода была частью политической игры, где церкви надлежало играть важную, но при этом непременно срежиссированную властью роль. Эта верная мысль, к сожалению, не всегда удачно обосновывается. Так, автор подчеркивает, что государство в условиях военного времени «переходит от интернационального к национально-патриотическому курсу», но мотивирует это необходимостью поставить заслон фашистской пропаганде и сохранить влияние на церковную жизнь на оккупированных территориях. К тому же, изменение церковно-государственных отношений автор связывает с «признанием «вождем народов» своей крупной политической ошибки, которое далось ему не без труда» (с. 200). Думается, что власть прежде всего просто почувствовала, что продолжение гонений на церковь в военные годы становится опасным для нее

самой. Учитывая крайне напряженное эмоциональное состояние народа, государство в очередной раз «отступило», сделав демонстративные шаги навстречу не только православию (закрывание антирелигиозных изданий и роспуск «Союза безбожников» в 1941 г.), но затем и исламу (создание Центрального управления мусульман, восстановление муфтията в 1943 г.). При этом надо учитывать, что Сталин, фарисейски демонстрируя свою открытость патриотическим инициативам церкви в военное время, попутно подтверждал *post factum* «правильность» большевистского курса по отношению к «контрреволюционному» духовенству в предшествующий период. Примечательно, что, как свидетельствует автор, во время войны внутри ВКП(б) «существовала мощная оппозиция «примиренческому» курсу религиозной политики. Противники «братания с попами» не сомневались, что в дальнейшем это «искривление» марксистско-ленинского учения будет преодолеваться (с. 211). Известно и то, что в послевоенный период значительная, причем сравнительно молодая часть общества категорически выступала против компромиссных отношений с церковью.

После завершения Великой Отечественной войны отношение государства к церкви определялось прежде неизвестными мотивами. Признавая это, следует все же усомниться и в справедливости такого, к примеру, авторского заключения: «руководство СССР, не располагая ядерным оружием, для реализации своих широкомасштабных международных планов было вынуждено активно использовать деятельность Церкви» (с. 394). Налицо явное преувеличение — нельзя забывать, что в послевоенные годы идеологический престиж сталинского государства за его пределами был и без того достаточно высок. К тому же, отдавая предпочтение внешнеполитическим факторам, автор оставляет без должного внимания некоторые немаловажные внутригосударственные идеологические аспекты, влиявшие на поведение власти.

Характеризуя в целом церковно-государственные отношения в рассматриваемый период, Шкаровский указывает на преобладание «административно-силового подхода». Но при этом он отмечает, что даже ситуационные колебания власти — от смягчения мер контроля до их ужесточения — базировались на конституционно-правовой основе (с. 395). Именно это, в отличие от неправовой репрессивности, позволяло совершенствовать механизм жесткого партийно-государственного надзора над церковью и верующими.

Автор рассматривает взаимоотношения церкви и государства в контексте общей эволюции сознания народа. Вместе с тем, приводимые им

данные о росте религиозности советских граждан не всегда убедительны. По большому счету определение динамики трансформации массового сознания — проблема социологическая, и, соответственно, нуждается в специальном инструментарии и использовании массовых источников. Конечно, в рассматриваемый период изменилось религиозное поведение — перед лицом военной опасности и в атмосфере победы над врагом люди стали более открыто проявлять свои религиозные чувства. Но основа их — эмоциональная: отчаяние, страх, надежда. Такие чувства являются преходящими, а, следовательно, нельзя говорить об устойчивом росте религиозного сознания.

Нечто похожее можно было наблюдать и во время первой мировой войны — священники, все как один заявляли о притоке прихожан в храмы, об увеличении пожертвований на церковь (но не на требы), а на фронте распространялось «Письмо солдата», где все удачи—неудачи связывались напрямую с Христом и верой. Однако вслед за 1914 г. последовал 1917 — время безверия или, точнее, примитивизации веры. В любом

случае «кривая» религиозности нуждается в сопоставлении с «кривой» духовной апатии.

Исследование Шкаровского компенсирует известные недостатки отечественной историографии, в которой, то обосновывалась «историческая необходимость» отмирания религии и церкви, то выдвигались на первый план славящие оценки деятельности церкви и подвергались анафеме любые шаги советской государственности в области церковной политики. Чем глубже будет проработан тот или иной отрезок церковной истории, тем больше шансов для создания комплексного исследования, где «эвристика» подходы к истории советской государственности сменяются системными воззрениями на эту сложную проблему.

Т.Г. ЛЕОНТЬЕВА

Примечания

1. ЦЫПИН В. Русская православная церковь. 1925—1938. М. 1999, с. 421.

Французский либерализм в прошлом и настоящем. М. Изд-во Московского Университета. 2001. 224 с.

Проблема формирования и развития существующих политических систем вновь стала привлекать внимание освободившихся от пресса идеологической конъюнктуры отечественных специалистов по истории зарубежных стран. Авторы книги, вышедшей в серии «Труды исторического факультета МГУ. Исторические исследования» под редакцией В.П. Смирнова, сотрудники истфака попытались нарисовать картину эволюции французского либерализма как целостной идейно-политической системы. Исторический (а порой и исключительно политический) спор между либералами и консерваторами в государствах Западной Европы и поныне продолжает оставаться актуальным.

Авторы поставили вопрос: является ли французский либерализм проявлением исключительной свободы или же он носил элитарный характер и был консервативен по своему духу? Эта проблема уже широко обсуждалась в отечественной¹ (не говоря о зарубежной) историографии и, судя по развернувшейся в середине 90-х годов XX в. дискуссии, однозначных ответов на поставленный вопрос не существует. Поэтому было бы очевидно правильнее говорить не только об эволюции либерализма как идеологической и политической системы, имеющей свои на-

циональные особенности и проявления, но и о господствующих в обществе представлениях о нем, а, соответственно, и его эволюции. Во вводной статье В.П. Смирнов попытался определить соотношение между политической практикой и политическим идеалом. Однако при рассмотрении основных этапов истории французского либерализма (прежде всего конституциональных основ этого течения), менее всего оказался освещен аспект внешнеполитический. Эволюционирующий французский либерализм имел отчетливо выраженную социально — политическую форму. Но имея в виду место и роль Франции в международных делах, было бы справедливо определить различие позиций французских либералов и консерваторов и по важным для этой страны внешнеполитическим вопросам. Не менее интересна и роль либерализма (что упоминается во вводной статье) в периоды кризисного развития социально-политической и экономической системы Франции в новейшее время, когда либеральные идеи становились основой политических программ, направленных на стабилизацию ситуации в стране (с. 29, 31).

Эта историческая особенность политического развития Франции во многом нашла свое выражение в период Французской революции XVIII

века. Группировка фельянов, сосуществовавшая с жирондистами и якобинцами, стала представлять «либеральную альтернативу демократическому движению в ходе политической борьбы знаменательного года Французской революции (лето 1791 — лето 1792 г.)» (с. 33) Социальный компромисс в обществе — таков был базовый тезис идеологии фельянов, по мнению А.В. Тырсенко. Однако уже в этом скрывалась двойственность фундаментального принципа французского либерализма: с одной стороны, он был направлен на достижение либеральных ценностей как широко трактуемых свобод, а, с другой, так или иначе стремился обеспечить в кризисный (революционный) период некую форму консенсуса между сторонниками и противниками революции. Эта особенность, достаточно детально и на конкретных исторических фактах рассмотрена в главе, посвященной «фельянистскому» этапу французского либерализма, но все же требует концептуального оформления, так как ставит вопрос: насколько можно считать фельянов либералами нового времени, а не продолжателями (пусть в модифицированном виде) эпохи Просвещения, так и не породившего практиков — политических либералов? Не менее интересна и другая проблема, связанная с взаимоотношениями общества и армии в концепциях либералов революционного периода, тем более, что, как пишет об этом Тырсенко, деятельность фельянов оказалась в явном противоречии «с национальными задачами, вставшими перед страной» в это время (с. 57).

Само определение «национального интереса» Франции в революционные годы оказалось непосредственно связано с масштабной задачей постулирования идейно-политических основ устройства общества и власти. Декларация 1789 г. была призвана, по мнению ее авторов, обеспечить и гарантировать взаимосвязь: общество—власть—политический режим. Парадоксом французской действительности, однако, стало декларирование широчайших прав и свобод, которые в данной политической обстановке, в реальных условиях революции, едва ли могли быть реализованы в ситуации «социальной турбулентности». Это обстоятельство отмечено автором статьи «Либеральные ценности и опыт революции» Д.Ю. Бovyкиным: «с точки зрения эволюции французского либерализма, необходимо учитывать, что она [Декларация 1789 г.] никогда и не была введена в действие» (с. 61). Таким образом, политический и социальный идеал либерализма как модели устройства общества, соответствующий национальному интересу Франции, оказался в явном противоречии с действительностью — историческим процессом. Декларация 1795 г. оказалась, в свою очередь,

прагматическим документом, определившим во многом суть либерализма во Франции — свобода должна жестко коррелироваться с системой власти, а не являться самодостаточной доминантой, а отказ от «идеи прямого участия народа в обсуждении и принятии законов в пользу идеи народного представительства» лишь узаконил это. Однако было бы уместно обратить внимание и еще на один аспект этой проблемы, а именно, как соотносились в создававшейся системе такие ценностные либеральные категории как «общее благо», «народный суверенитет» и «национальный интерес».

В определенной степени к этой проблеме подошла автор главы «Либеральная мысль в период Реставрации» Е.И. Федосова. Оформление французского либерализма в политическое течение в первые годы Реставрации Бурбонов (на чем настаивает автор главы) сделало понятие «либерализм» понятным и употребляемым в политической практике страны. Однако уже на этом этапе проявилась характерная черта этого направления: отказ от революционных способов решения социально-политических проблем и согласие на достижение консенсуса между широкими слоями и отдельными элитами. Проблема гражданской свободы личности, центральная в идеологических построениях либералов (в частности Б. Константа), была очень слабо связана с проблемой свободы политической. Последняя в подобных построениях выступала практически как вторичная. Явные противоречия в идеологических и социальных концепциях французских либералов-практиков вернее отражали противоречивый дискурс эпохи Реставрации.

Это обстоятельство, по-видимому, имело смысл особо отметить в статье. Федосова делает вполне справедливое с исторической точки зрения заключение, что революционный кризис во Франции 1830 г. в конечном счете привел к отстранению от власти ультрароялистов и способствовал превращению либералов в «правлящую политическую группировку» (с. 99). Но и здесь, что достаточно подробно рассмотрено тем же автором, но уже в другой главе — «Либералы у власти», выявились противоречия между идеологией и политической практикой либералов. Сочетание идей свободы личности с существованием полумонархического и полуреспубликанского государственного строя, политической практики социального консенсуса с расширением гражданских и политических свобод; и, наконец, резкое противоборство сторонников и противников либерального внешнеполитического курса, постоянно колеблющегося между Священным Союзом и национальным интересом Франции в европейских континентальных делах — такова была политическая реальность вре-

мени правления французских либералов в 30-е гг. XIX века, которые к тому же выступали «за жесткую систему административной централизации, бюрократической опеки» (с. 121).

Можно согласиться с выводом Федосовой: «хождение во власть для французских либералов 30-40-х гг. XIX в. окончилось крахом» (с. 122), но было бы закономерным и отметить, что вероятнее всего это был крах либерализма не как идеологии и системы ценностей, а как конкретной национальной политической практики в специфических условиях, отмеченных поиском либеральной политической модели. Явное противоречие между демократической системой устройства общественно-политической жизни и либерализацией (именно так можно было бы охарактеризовать деятельность находившихся у власти французских либералов) существовавшего политического режима не могло не повлиять на эволюцию всего французского либерализма.

Автор главы «Либерализм и демократия. У истоков Третьей республики» Е.О. Обичкина отметила этот факт, констатировав, что создавалось впечатление об отсутствии либерализма как определяющего общественно-политического течения в общенациональной жизни (с. 124). Объяснение данному парадоксу, вероятнее всего, целесообразнее искать в предыдущем периоде, отмеченном активным участием либералов во власти, когда они из идеологического течения превратились фактически в правящую политическую силу, решающую определенные конъюнктурные задачи. К этому выводу подводят и соображения Обичкиной, полагающей, что либералы-орлеанисты после падения Второй империи, во время прусского вторжения и Парижской коммуны уже начинали во многом «зависеть от настроений массы избирателей», а это требовало от них «занять внятную позицию по главным вопросам бурных 70-х годов: выбор между республикой и монархией, между защитниками светского государства и клерикалами, преодоление социального раскола» (с. 127). Нисколько не ставя под сомнение данный тезис, мы все же полагаем, что стоило бы сделать уточнение, которое могло бы объяснить феномен французского либерализма в рассматриваемый период. Оно касается, прежде всего, его сущностного и содержательного аспекта, стремления французских либералов сочетать консервативные и либеральные ценности и ориентиры в конкретной политической практике.

Эволюции французского либерализма в первой половине XX в. посвятила свой очерк Н.Н. Наумова. В нем продемонстрирована преем-

ственность базовых идейно-политических установок французского либерализма. Провозглашенный в 1901 г. Демократическим Альянсом, объявившем себя либеральной политической силой, принцип: «ни реакции, ни революции», соседствовал с другим его же тезисом — защиты «принципов 89 года»» (с. 159). Становление правоцентристской коалиции в 1920-е годы во Франции отразило своеобразие либералов как политической партии. Раскол, произошедший в лагере французских либералов, лишней раз продемонстрировал отсутствие для них единой системной ценностной шкалы, налицо были самые общие принципы, сводившиеся к декларированной приверженности принципам демократии и защите гражданских прав (с. 161).

Особенно отчетливо это проявилось уже на протяжении 1940-х — 1950-х годов в так называемом «эксперименте Пинэ», которому посвящена в сборнике глава Н.Н. Наумовой и О.А. Малороссиановой. Уже в 1970-е годы, когда у власти оказался президент Жискара д'Эстен, вопрос о проведении либеральных реформ под лозунгом «передового либерального общества» (этой теме посвящена статья Г.Ч. Моисеева) превратился в поле борьбы за либеральные принципы. Однако и здесь сказалась особенность стратегии французского либерализма — Жискара д'Эстен стремился представить свои начинания как «обычное явление», а не как результат конфликта.

Эта заключительная статья подводит итоги развития французского либерализма в политическом и идеологическом отношениях на протяжении конца XVIII, XIX и XX вв., а именно: его двойственность и приспособляемость к политической конъюнктуре, складывавшейся в стране. Практически все материалы сборника позволяют определить традиционную историческую особенность французских либералов: сочетание идеологического либерализма с сильными элементами политического консерватизма, направленное на достижение социально-политического консенсуса во французском обществе.

АР. А. УЛУНЯН

Примечания

1. См.: Европейский либерализм в новое время: теория и практика. М. 1995; Либерализм Запада. XVIII—XX вв. М. 1995; Либеральная модель общественного переустройства России конца XIX в. М. 1994; РЕВЯКИН А.В. Социализм и либерализм в середине XIX в. М. 1999 и др.

A. KHALID. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley — Los Angeles — Lnd. University of California Press. 1998. 335 p.

А. ХАЛИД. *Политика мусульманской культурной реформы: джадидизм в Средней Азии*

Острое противоборство различных общественных идей и движений, политических инноваций и старозаветных традиций, происходившее в начале XX в. на территории входившего в состав Российской империи Туркестанского края, оказало заметное влияние на весь мусульманский мир, породив впоследствии немало историографических «миражей». Постсоветской науке еще не удалось их «рассеять», и, хотя в связи с обретением независимости среднеазиатскими республиками «открылись новые возможности для комплексного критического анализа прошлого»¹, очевидна явная тенденциозность работ, написанных там в основном, под влиянием антироссийской «научной школы». Вопросы, связанные с разработкой «туркестаники», привлекают к себе все большее внимание и на Западе, где особый интерес вызвал фундаментальный труд американского исследователя А. Халида, подвергнувшего основательной критике многие из сложившихся исторических стереотипов².

Пакистанец по происхождению, получивший образование в Канаде и США и много работавший в архивах и библиотеках Англии, Франции, Турции, России и Узбекистана, Адиб Халид, ныне — профессор истории в Карлтон Колледже в г. Нортфилде (шт. Миннесота), в отличие от своих американских коллег, в большинстве — русистов, постарался избежать влияния так или иначе отражающегося в архивных документах официозного взгляда на исследуемую проблему, для чего изучил почти весь доступный массив издававшейся в крае мусульманской прессы. В результате он, по сути, впервые пунктирно набросал живую и целостную картину яркой и драматической истории мусульманской модернизации в Средней Азии, воспринимая ислам не только как одну из великих мировых религий, но и как важнейший фактор общественно-политической и культурной жизни. По словам автора, свою цель он видел в исследовании в широкой сравнительной перспективе той бурной полемики о значении и трансформации исламской культуры, через которую местные мусульмане попытались переосмыслить свои представления о меняющемся мире и определить в нем свое место (с. 1, 4).

Культурно-реформаторская инициатива российских мусульман конца XIX — начала XX вв., получившая название «джадидизм» (от арабского «джадид» — новый), ставила задачей изменение учебно-воспитательного процесса в мектебах и медресе в соответствии с требова-

ниями, диктовавшимися современностью. Одновременно джадиды предлагали и радикальный пересмотр всей модели мусульманского общества, роли его структурных групп и самих ценностей среднеазиатской культуры, что одно уже не могло не вызвать яростной оппозиции со стороны местных элит (с. 4). Касаясь «географии» джадидизма, нередко представляемого как некое единое движение, Халид считает, что оно распространялось из своих центров в Крыму и на Волге, постепенно охватывая и другие мусульманские области, но, имея общие признаки, региональные группы «прогрессистов» действовали в различных условиях, определявших и их стратегию (с. 8). Вместе с тем, оценивая численность населения Туркестанского края, преимущественно мусульманского, в 6,5 млн чел. и вместе с Бухарским и Хивинским ханствами в 9,5 млн чел. (с. 16), автор не учитывает, что реальная этно-демографическая ситуация существенно отличалась от утвердившейся в мировой историографии. По убеждению М. Чокаева, статистические данные, полученные по итогам официальных переписей населения, не соответствовали действительности, ибо туркестанцы намеренно давали заниженные цифры, опасаясь какого-либо подвоха со стороны властей³. А на созванном в сентябре 1917 г. общемусульманском съезде в Ташкенте говорилось, что в крае проживает 12 млн мусульман⁴.

Описывая отношение местного населения к государству, религии и знанию в XIX в., Халид подчеркивает, что исламский обскурантизм ощущал себя уверенно и бесспорно доминировал в интеллектуальной жизни мусульманского общества лишь в условиях относительной изоляции — до русской «конкисты» и образования Туркестанского края. Вслед за этим туда хлынула волна российских мусульман — татар и башкир, чувствовавших себя на присоединенных землях не столь чужими, как «завоеватели», и выступавших в роли связующего звена с «туземцами» (с. 77—78). Поскольку численность таких переселенцев составляла не менее 100 тыс. человек, среди них наверняка оказались сторонники поволжских джадидов, распространивших свой опыт и среди автохтонного населения Туркестана. Указывая на различие «прогрессистов» отдельных регионов России, Халид отмечает, что волжско-татарский джадидизм определялся беспокоемством национальных торговых кругов, столкнувшихся с пугавшими их последствиями эко-

номических перемен и активным давлением православной церкви, которые угрожали самому существованию татарского общества, становившегося демографическим меньшинством на своих исконных землях. У крымских татар и казахов провозвестниками реформ оказались аристократические элиты, ощущавшие себя, несмотря на свое русское образование, изгоями в социальной иерархии царской России. Наконец, закавказский джадидизм был вызван реальной угрозой маргинализации мусульманского населения, активно взаимодействовавшего с соседними христианскими общинами в условиях бурного развития основанной на добыче нефти местной промышленности. В новом социальном пространстве, возникшем с присоединением к империи территории Средней Азии, тамошние «прогрессисты» не могли не воспользоваться методами действий и риторикой их идейных собратьев, но наличие нововидностей джадидизма, каждый из которых сталкивался со своими собственными проблемами, обуславливало очевидную безуспешность связать их воедино на всероссийском уровне, создать общетюркский литературный язык или организовать достаточно представительное политическое движение (с. 92—93).

Среднеазиатский джадидизм вполне укладывался в русло мусульманского модернизма, и его адепты искали подтверждение своих аргументов именно в исламе. Современность вполне соотносилась с его «истинным» смыслом, и только очищенный от наносов времени ислам мог, по их убеждению, обеспечить благополучие всех мусульман (с. 113). Во время, когда в империи назревала первая революция, мусульмане еще пребывали в состоянии медленного пробуждения, нащупывания дороги и осторожных попыток изменить что-либо в сфере культурного развития. Исламские интеллектуалы полагали, что шариат давно уже выработал те самые «правила игры», которые помогли западному либерализму утвердиться в экономике и социальных отношениях. Поэтому в джадидских новометодных школах ислам оставался чуть ли не основным предметом изучения, знание которого, по мнению их энтузиастов-организаторов, могло быть достигнуто таким же путем, как и всякое другое. Шариат и истинный ислам вполне удовлетворяли потребностям нового века (с. 173, 175), и джадиды считали, что мудрость, заключенная в Коране, позволяет мусульманам идти в ногу со временем, и более того, способствует их культурному развитию. Они лишь призывали к «раскрепощению» ислама, а с ним — и всей жизни населения, от сковывающих неживых форм, что, на взгляд джадидов, предопределяло возрождение всего мусульманства, ставило его приверженцев наравне с иными благоден-

ствующими народами и, конечно, возвышало в собственных глазах.

Говоря о понятии «нация», Халид указывает, что большинство авторов, пишущих не по советской парадигме, придерживаются двух точек зрения, условно названных «мусульманской» и «тюркистской». Сторонники первой считают, что до 1917 г. у жителей Средней Азии отсутствовали какие-либо формы национальной идентичности и их объединяла лишь религия, а приверженцы второй, особенно популярной в Турции и весьма распространенной среди западных исследователей, доказывают, что среднеазиатцы были частью единой «турецкой» нации. Но и те, и другие связывают «конструирование» отдельных наций в крае исключительно с безжалостно-прагматичной политикой большевистского государства, которое, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», навязало в начале 1920-х годов свою доктрину пассивному и бесправному населению. Несмотря на порой достаточно резкую полемику между сторонниками «национального» и «тюркистского» подходов, все они считают доказанным онтологическое существование абстрактных наций — «социоисторических организмов», соединенных общими источниками и судьбами. Однако оба указанных подхода в значительной степени игнорируют представления самих среднеазиатцев о своем сообществе и развитии их взглядов по данному вопросу, в связи с чем Халид, по его признанию, попытался «освободить» историю от гегемонии нации и показать, что она сама есть продукт истории (с. 184, 187).

Российские власти тревожил рост панисламизма, угрожавшего, как они полагали, стабильности империи, и искра, способная разжечь пожар мусульманского «фанатизма», ожидалась со стороны агентов оттоманского султана. Эти страхи были основаны на стремлении правительства Абдул-Хамида II установить связи с единоверцами в европейских колониях для использования мусульман в качестве некоего дипломатического рычага. Но успех предприятия оказался крайне ограничен, и оттоманская интрига не объясняет страхи царской администрации. Панисламистские настроения в Средней Азии, конечно, имели место, однако корни их лежали не в фанатизме коренного населения и не в манипуляциях извне, как думали колониальные власти, а в столкновении региональных элит с современностью (с. 194). Чувство мусульманской солидарности, было присуще и туркестанским джадидам, но оно, как пишет Халид, не имело никакого геополитического, в смысле передела политической карты империи, характера. Это был светский национализм, в котором забота о процветании всех мусульман, не только Средней Азии, значительно опережала религиозную

доктрину. Однако российские власти, не желая допустить общественного пробуждения на окраинах империи из-за страха перед потенциальным сепаратизмом, относились к джадидизму как к политическому явлению, что, кстати, некритически приняли на веру и многие историки. Страх царской администрации был в значительной степени преувеличен, ибо фактически не существовало никакой институциональной структуры, внутри которой «прогрессисты» могли бы выразить свои политические интересы, и, главное, джадидизм так и не победил противостоявшую ему мощную оппозицию внутри мусульманского общества. Джадидизм всегда оставался больше культуртрегерским движением нежели политическим или, тем более, противоправительственным (с. 214, 218, 228—229).

Благодаря Февральской революции 1917 г. ограниченное узким общественным пространством движение за просвещение трансформировалось в политическую борьбу, победа в которой, по крайней мере на первых порах, определялась массовым избирателем. Это поставило джадидов в совершенно иную ситуацию: борьба за влияние и власть среди мусульман только начиналась. «Прогрессисты» рассчитывали воплотить свои планы в жизнь в рамках либерального конституционализма, но были разочарованы той страстной оппозицией, которую встретили. Поддержанные на многих выборах, «улемисты» скорее проявили себя в качестве лидеров, но в результате их триумфа мусульманское общество оказалось расколото, а крах конституционного порядка, рухнувшего под давлением социального радикализма, оставил власть в руках русского меньшинства. Джадидские представления о том, что является полезным для нации, не разделялись большинством городского населения, а пассивные сельские жители почти не влияли на направление мусульманской политики. Хотя джадиды продолжали обличать невежество как основу всех болезней их общества, а борьба в области культуры и образования оставалась на переднем месте их программы, годы проповедей дали скудный результат.

Революция предоставила возможность политизированной и радикализированной культурной элите получить контроль над судьбой нации, но джадиды не сумели воспользоваться своим шансом (с. 245, 281, 282). Тем не менее в начале 1920-х годов некоторые из них (Ф. Ходжаев, Мунаввар Кари, С. Айни и др.) играли значительную роль в общественной жизни Средней Азии. Они чувствовали себя создающими новую современную цивилизацию — среднеазиатскую, тюркскую, мусульманскую и советскую одновременно, но изменение отношения к ним Москвы стало катастрофой как для самих джадидов, так и

для всего движения. Ведь, предприняв своеобразное «хождение в народ», они — в отличие от призывавших к бунту российских народников — в своем большинстве оставались лишь «эволюционистами» и верноподданными гражданами, использовавшими политическую риторику только с целью осуществления своей упорной работы по культурному возрождению мусульманского общества. Сущее вранье, писал М. Чокаев в берлинском журнале «Яш Туркестан»⁵, что коммунизм в Средней Азии вырос из джадидизма, ибо ни идеологического родства, ни программных сближений между ними не было и быть не могло. Однако коммунисты активно «ухаживали» за младобухарцами, о чем, например, подробно рассказывает Ф. Ходжаев в своей книге «К истории революции в Бухаре» (Ташкент. 1926). Некоторые из них так и не поддались большевистскому искушению, оказав сильное сопротивление навязывавшемуся режиму, а другие, став марионеткой в его руках, — вроде того же Ходжаева, придумали «родство» джадидизма с большевизмом с целью зарекомендовать себя «старыми революционерами». Но и сами большевики хотели вывести коммунизм из джадидизма, дабы переложить на него изрядную долю ответственности за насильственное установление своей власти в Средней Азии⁶. По словам Халида, джадиды и сегодня используются официальной историографией Узбекистана преимущественно как символ мученичества народа в руках колониального советского режима.

В.Л. ГЕНИС, С.М. ИСХАКОВ

Примечания

1. АБДУЛЛАЕВ Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917 году. — *Общественные науки в Узбекистане*, 1996, № 11—12, с. 74.
2. См. также статьи А. Халида: *Printing, Publishing and Reform in Tsarist Central Asia*. — *International Journal of Middle East Studies*, 1994, № 26, p. 187—200; *Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan*. — *Slavic Review*, 1996, vol. 55, № 2, p. 270—296; *The Emergence of a Modern Central Asian Historical Consciousness*. — *Historiography of Imperial Russia. The Profession and Writing of History in a Multinational State*. N. Y. 1999, p. 433—452; *Society and Politics in Bukhara, 1868-1920*. — *Central Asian Survey*, 2000, № 19 (3/4), p. 367—396; *Nationalizing the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917—1920*. — *A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. Oxford. 2001, p. 145—162; *Osman Khoja and the Beginnings of Jadidism in Bukhara*. — *Reform Movements and Revolutions in Turkistan: 1900—1924. Studies in Honour of Osman Khoja*. Haarlem (Netherlands), 2001, p. 287—296.
3. *Туркестанские ведомости* (Ташкент), 27.V.1917.
4. Там же, 14.IX.1917; *День* (Петроград), 13.IX.1917.
5. *Молодой Туркестан*, 1935, № 65.
6. Центр хранения историко-документальных коллекций, ф. 461, оп. 2, д. 142, л. 67—70.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Когда родился Александр Андреевич Баранов?

Каргополец Александр Андреевич Баранов, первый главный правитель российских владений в Северной Америке, достоин того, чтобы его имя стояло в одном ряду с другими выдающимися людьми России.

Настало время определиться с датой рождения нашего знаменитого земляка. Мое личное мнение: А.А. Баранов родился 4 декабря (нового стиля) 1747 года. Этот вывод сделан мною после изучения ряда документов.

В своем дневнике Иона Суханов, совершивший путешествие в Русскую Америку на корабле «Суворов», писал, что 23 ноября 1817 г. главный правитель господин Баранов отмечал свои именины, в связи с чем «вечером был устроен фейерверк, в доме правителя играла музыка, и состоялся бал для господ офицеров»¹. Итак, свои именины Баранов отмечал 23 ноября (старого стиля) — то есть в день памяти святого Александра Невского. Родиться же Александр мог или 23 ноября, или чуть раньше (ребенку давали имя того святого, день памяти которого отмечался или в день рождения ребенка, или в дни ближайшие после его рождения). Примем за дату рождения Баранова 23 ноября (если Баранов родился несколькими днями раньше, погрешность будет невелика). Это — по старому стилю, или 4 декабря по новому стилю (различие между старым и новым стилями составляло в XVIII в. 11 суток).

Российские исследователи, изучающие историю Русской Америки, считают годом рождения Баранова 1746, а американские — 1747 г. (этот год обозначен и на постаменте памятника главному правителю, установленного в г. Ситка — США, шт. Аляска). Логично предположить, что

правы американские ученые. 28 лет своей сознательной жизни Баранов провел в Северной Америке, и окружающие, естественно, знали о его возрасте.

Кроме того эту дату рождения подтверждает ряд документов. В трех документах его год рождения определяется даже как 1748 год. 1) Ревизская сказка 1782 г. гласит: «Андрей Ильин сын Боранов (таково написание фамилии в документе. — М.К.), у него жена Анна Григорьевна — 59 лет, старинного каргопольского посаду; у них дети: Александр 34 года»². 1782 - 34 = 1748! Но если ревизская сказка составлена до дня рождения Баранова, то во второй половине ноября ему исполнилось бы 35 лет, то есть год его рождения — 1747. 2) В городской обывательской книге на 1804 г. значится: «3-ей гильдии купцы Александр и Петр Андреевы Борановы, родившиеся в Каргополе; Александр — 56 лет»³. 1804 - 56 = 1748! Но если обывательская книга была составлена до дня рождения Баранова, то во второй половине ноября ему исполнилось бы 57 лет (год рождения 1747). 3) В письме Баранова Н.А. Шелиховой от 10 июня 1798 г. он просит освободить его от обязанностей правителя: «И я между тем становлюсь стар — 50-т пробило»⁴. 1798 - 50 = 1748! Но если 50 лет Баранову «пробило» во второй половине ноября 1797 г., значит, он родился в 1747 году. Анализ этих документов позволяет сделать вывод, что 1746 г. не может быть годом рождения Баранова, а 1748 г. высчитывается только потому, что Александр Андреевич родился в конце 1747 года.

Привожу для убедительности еще один документ. В описании путешествия в Америку мичмана Г.И. Давыдова на судне Российско-Амери-

канской компании «Св. Елизавета» 29 августа 1802 — 25 июня 1803 г. говорится: «1 ноября (1802 г.), едва мы успели ошвартовать судно в гавани Св. Павла, как приехал г-н Баранов для поздравления нас с благополучным прибытием в Америку. Я не мог без некоторого уважения смотреть на человека, посвятившего жизнь свою для приведения в лучшее состояние отраслей торговли. Двенадцать уже лет, как он живет в Америке с народами дикими и грубыми, окруженный всегдашними опасностями, борясь ... со всеми недостатками, нередко с самим голодом, притом не имеющий ни одного почти человека, способного содействовать ему с такою же ревностю. ... Кажется, как будто он без всякой помощи оставлен в самом себе находить средства к поддержанию заведений в Америке. Все сии труды, препятствия, горести, недостатки и неудачи не ослабили дух сего редкого человека, хотя, конечно, влили в нрав его некоторую мрачность. Баранов не весьма говорлив, сух, покуда не познакомится, но объясняется всегда почти с жаром, особливо о том, что его занимает. Он не легок на знакомство, но для друзей своих ничего не пощадит ... и всегда с удовольствием помогает бедным ... Твердость духа его и всегдашнее присутствие разума суть причиною, что дикие без любви к нему уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки. Дикие, живущие в отдаленности, приезжают иногда смотреть его и дивятся, что столь предприимчивые дела могут быть исполняемы человеком столь малого роста. Баранов ростом ниже среднего человека, белокур, плотен, имеет весьма значущие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже пятьдесят шестой год»⁵. 1802 - 55 = 1747!?

Прекрасная, яркая, точная и основательная характеристика дана Г.И. Давыдовым главному правителю! Предположим, что эта запись сделана Давыдовым не раньше конца ноября 1802 г., после дня рождения главного правителя. Выражение «пошел 56-й год» говорит о том, что 55 лет главному правителю исполнилось совсем недавно; значит, он родился в 1747 году.

Меньше всего думал наш земляк о себе и своей славе. Пышность и торжественность имени главного правителя, праздновавшихся 23 ноября 1817 г., можно объяснить тем, что это был юбилейный день рождения. Александр Андреевич отмечал свое 70-летие!

В 2002 году мы сможем отметить 255-летие со дня рождения А.А. Баранова. Этот юбилей с полным правом могут отметить и Новгород (когда Баранов родился, Каргопольский уезд входил в состав Новгородской губернии), и Карелия (длительное время Каргопольский уезд входил в состав Олонецкой губернии), и Архангельск, и города, имеющие отношение к истории Русской Америки.

*М.Н. Крюčkова
(Каргополь)*

Примечания

1. Архив Русского Географического общества, разряд 99, оп. 1, д. 10, л. 42.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО), ф. 1003, оп. 1, д. 15, лл. 63—64.
3. ГААО, ф. 994, оп. 1, д. 69, л. 47, 48об.
4. Архив внешней политики Российской империи. Фонд РАК, д. 121, л. 20об.
5. Опубликовано в: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799—1815 гг. Сборник документов. М. 1994, с. 66.

«Градоделец» В.В. Кольцов-Мосальский

В конце XVI в. на южной и юго-восточной окраинах России было «поставлено» свыше десяти городов-крепостей. В основании четырех из них, что следует признать беспримерным, участвовал Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский, принадлежавший к старинной княжеской корпорации, представители которой нередко воеводствовали в городах на «Поле» незадолго до наступления Смуты¹.

Его имя упоминается в источниках с апреля 1577 г., когда он был отправлен в Дорогобуж («высылать на государеву службу детей боярских»), очевидно, в Ливонский поход. Четыре года спустя, будучи «головой» при воеводе И.М. Бутурли-

не, Кольцов-Мосальский сражался против «литвы» у Могилева и Шклова; затем «на случай» крымского вторжения князя послали в Пронск. Оттуда Владимира Васильевича перевели в Орел, где он служил в начале царствования Федора Ивановича². Как установлено В.И. Корецким, в 1584—1587 гг. Кольцов-Мосальский «с товарищи» составлял писцовую книгу Рязанского уезда³. В начале 1586 г. вместе с тульским дворянином Л.Б. Хрущевым князь заложил одну из первых крепостей на «польской украине» — Ливны, призванную преграждать татарам путь в центральные уезды страны. Князю следовало и «сторожи... поставити, присмотря в которых ме-

стах пригоже», очевидно, близ Ливен. Воеводство там Владимир Васильевич недолго. Через несколько месяцев в «Ливенском городе» его сменил С.Ф. Сабуров ⁴, который накануне «ставил» Воронеж. Поэтому можно предположить, что приступив к описанию рязанских земель, Кольцов-Мосальский затем отправился сооружать крепость на Быстрой Сосне. Не исключено, что затем он вернулся в Рязанский край.

В 1587—1588 гг. князь Владимир был на два года послан в Тобольск ⁵, став, по мнению К.Б. Газенвинкеля и Н.А. Балюк, первым воеводой будущей столицы Сибири ⁶. Поскольку Кольцов-Мосальский управлял «Тобольским городом» в 1588—1590 гг. ⁷, следует признать неточным восходящее к Ремезовской летописи утверждение, что 1 августа 1591 г. возле озера Чили-кула, близ реки Ишима, отряд Владимира Васильевича разгромил опустошавшего татарские волости Кучума и захватил большой «полон», включая сына и двух жен непокорного хана. (Это утверждение повторяют и Г.Ф. Миллер, и некоторые современники сибиреведы, например, Н.И. Никитин и А.Т. Шашков.)

Летом 1591г. вернувшийся из-за Урала воевода нес службу в Данкове. Потом (зимой) князь Владимир получил назначение в передовой полк армии, которая должна была действовать против шведов, а в 1592 г. являлся «сходным» «береговым» воеводой. В 1594 г. вместе с выборными дворянами по Кашину и Туле П.И. Кашкаровым и С.А. Мясным Кольцов-Мосальский выстроил Кромы ⁸, у стен которых спустя десятилетие решился исход борьбы между московским правительством и самозванным царевичем Дмитрием. Весной 1595 г. родственник правителя Бориса Ж.С. Сабуров и Владимир Васильевич во главе отряда казаков и столичных стрельцов были посланы «на Яик города ставить» ⁹. Через три года князь участвовал в знаменитом серпуховском походе Годунова, а потом с чашником П.Ф. Басмановым ездил на «Северу» раздавать жалование детям боярским. В конце 1598 г. Кольцова-Мосальского из Чернигова отозвали в Москву, и вскоре, по мнению А.П. Павлова, Владимир Васильевич подписал «Утвержденную грамоту» царя Бориса ¹⁰.

Весной 1599 г. вместе с П.Ф. Басмановым (в будущем любимцем Лжедмитрия I) князь выехал на «берег», где в ожидании татарского нападения вновь встали русские войска. Из Новосибира в начале осени того же года Владимир Васильевич прибыл строить Валуйки (в «головах») при нем состоял С.А. Мясной). Вскоре был сооружен острог, а весной 1600 г. завершилось и возведение крепости. Правительство Бориса Годунова, таким образом, в очередной раз использо-

вало приобретенный воеводой опыт «ставления» городов. Прошло несколько месяцев, и Кольцова-Мосальского назначили в Ливны ¹¹; через год он вновь на «берегу», теперь у обоза.

В 1602—1603 гг. Владимир Васильевич воеводствовал в «Терском городе». Во главе местных служилых людей и годовальщиков в следующем году он принял участие в походе на резиденцию шамхала Тарки. В злосчастной экспедиции погибли две трети русской рати. Одним из немногих воевод, которым удалось спастись, был Кольцов-Мосальский ¹².

Последние известные нам «службы» князя относятся к началу восстания И. Болотникова. В сентябре 1606 г. удостоившийся накануне боярского чина Владимир Васильевич был направлен против «воровских людей» к Серпухову и Калуге, вскоре потерпел неудачу на Лопасне, после чего воевал под началом молодого М.В. Скопина-Шуйского на Пахре ¹³. По допущению И.О. Тюменцева, Кольцов-Мосальский принял постриг или умер в 1608 году ¹⁴.

Князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский, таким образом, может считаться видным военачальником и администратором рубежа XVI—XVII столетий. Имя его неотделимо от возникновения сразу трех городов юга России и первой русской крепости на Яике.

*Я.Г. Солодкин,
доктор исторических наук.
Нижевартовский государственный
педагогический институт*

Примечания

1. См. ГЛАЗЬЕВ В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI в. — Исторические записки. Воронеж. 1997, с. 7.
2. Разрядная книга 1475—1605 (далее — РК). Т. 2, ч. 2. М. 1982, с. 435; т. 3, ч. 1. М. 1984, с. 168—169, 185, 215, 230; т. 3, ч. 2. М. 1987, с. 21, 52.
3. КОРЕЦКИЙ В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970, с. 308.
4. МОРДОВИНА С.П., СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Вступительная статья. — Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М. 1979, с. 20, 21.
5. РК 1475—1598 гг. М. 1966, с. 400; РК. Т. 3, ч. 2, с. 116; см. также: Боярские списки, ч. 1, с. 124; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 34, М. 1978, с. 195.
6. В Сибирском летописном своде конца XVII в. утверждается, что В.В. Кольцов-Мосальский явился вторым тобольским воеводой, сменив в этой роли Д.Д. Чулкова (ПСРЛ. Т. 36. М. 1987, с. 139, 190, 259, 315). Но последний, видимо, был «письменным головою».

7. ВЕРШИННИН Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург. 1998, с. 169.
8. РК. Т. 3, ч. 3. М. 1989, с. 75.
9. РК 1550—1636 гг. Т. 2, с. 115—116. Через несколько лет этот острог был снесен (СКРЫННИКОВ Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1986, с. 149).
10. РК. Т. 4, ч. 1. М. 1994, с. 25, 55—58; ПАВЛОВ А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на трон. — Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л. 1978, с. 213, прим. 46.
11. РК. Т. 4, ч. 1, с. 62, 71—72, 79, 91, 104, 124; РК 1598—1638 гг. М. 1974, с. 85, 89; РК 1550—1636 гг. Т. 2, с. 179. В «Книге записной» конца XVII в. сказано, что Кольцов-Мосальский строил Мангазею (ПСРЛ, т. 36, с. 141). В.А. Александров и Н.И. Никитин следуют этой версии. На самом деле острог на реке Таз «рубил» В.М. Рубец Мосальский. См.: РК 1598—1638, с. 134, 153; ПСРЛ. Т. 14. М. 1965, с. 51.
12. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, с. 321, 322; ПСРЛ. Т. 14, с. 57—58; БУШЕВ П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М. 1976, с. 392; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI—XVII в. Сб. документов. М. 1997, с. 44.
13. СМИРНОВ И.И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М. 1951, с. 173, 174; СКРЫННИКОВ Р.Г. Смутное время в России начала XVII в. Иван Болотников. Л. 1988, с. 103—105. Кольцов-Мосальский не раз участвовал в местных спорах, причем с переменным успехом: см. ЭСКИН Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М. 1994, с. 102, 104, 107, 116.
14. ТЮМЕНЦЕВ И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград. 1999, с. 282. По родословцам, он скончался в 1610 г. (там же, с. 317, прим. 91). В документах упоминается о сыновьях Владимира Васильевича — Андрее, Иване и Григории.

О публикации документов по истории партии эсеров

Научное издание документов по истории Партии социалистов революционеров (ПСР) после Октябрьской революции вышло в 1989 г. в Амстердаме¹. В Советском Союзе использование их ограничивалось, а целый ряд материалов вообще был недоступен исследователям.

Вторая часть третьего тома, изданной в России публикации (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. М. РОССПЭН. 2000. 1055 с.) охватывает период: октябрь 1917—1925 год. В сборник вошло около 300 документов, значительная часть которых увидела свет впервые — материалы VIII совета ПСР 1918 г., протоколы заседаний и иные документы ЦК за 1918—1920 годы. Часть материалов перепечатана из эсеровских изданий, давно ставших библиографической редкостью, как, например, отчет о работе IV съезда ПСР, многочисленные документы из органа Заграничной делегации ПСР — «Революционной России». Документы сборника дают картину борьбы оппозиционной ПСР с новым режимом, политики этой партии в Учредительном собрании, ее участия в гражданской войне. В приложении опубликованы некоторые документы советского и партийного руководства о дальнейшей борьбе против партии эсеров после судебного процесса 1922 года, в сборник включены материалы комиссии ЦК РКП(б) по руководству процессом эсеров, а также по организации работы среди бывших эсеров и подготовке их съезда в 1923 году.

Вызывает сожаление, что составитель сборника Н.Д. Ерофеев ограничился документами только двух фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) — ф. 274 (Центральный Комитет партии социалистов-революционеров) и ф. 76 (Ф.Э. Дзержинский). Это привело к тому, что многие не публиковавшиеся до сего времени документы ПСР и представляющие значительный интерес в сборник не попали. Документы сентябрьской (1920 г.) конференции ПСР воспроизведены по отчетам в «Революционной России» (с. 652—677), хотя сохранился протокол этой конференции, содержащий как доклады с мест, так и доклад ЦК, резолюции и др.²

Не использованы в сборнике и документы ф. 673 РГАСПИ, содержащие микрофильмированные документы из архива ПСР, имеющиеся в Международном институте социальной истории (г. Амстердам). В частности: важная выписка из протокола заседания ЦК ПСР от 26 октября 1920 г. (в сборнике последний опубликованный протокол ЦК ПСР датируется 26 апреля 1920 г.), содержащая решение по вопросу о поведении членов партии на допросах («в некоторых случаях, по соображениям конспиративного характера, и является допустимым для членов Партии сокрытие на допросах своей принадлежности к партии, но совершенно недопустимой и этически неприемлемой должна быть признана для членов партии дача подписок об отказе от поли-

тической деятельности или вообще каких бы то ни было обязательств перед розыскным органом, в той или иной мере связывающих на будущее политическую деятельность») ³. Не попали в поле зрения публикатора протоколы (к сожалению, очень краткие) заседаний ЦК ПСР за 1921 г., также хранящиеся в РГАСПИ ⁴, Бюллетень ЦК ПСР от 1 января 1921 г. и другие материалы за 1920—1921 годы.

В рецензируемом сборнике этот период представлен в подавляющем большинстве перепечатками из «Революционной России». Это особенно характерно для документов, связанных с судебным процессом 1922 года. Воспроизведенные в сборнике речи и последние слова некоторых подсудимых были напечатаны в свое время в «Революционной России». Доступ к полной стенограмме процесса, хранящейся в Центральном архиве ФСБ РФ, затруднен. Однако часть стенограммы, содержащая немало интересных фрагментов, находится в открытом фонде Верховного революционного трибунала ВЦИК в Государственном архиве Российской Федерации ⁵. Это и ответы подсудимых на вопрос о признании ими своей вины, допросы свидете-

лей, выступления иностранных адвокатов, декларация обвиняемых так называемой «1-й группы» (не признававших свою вину), зачитанная Е.М. Тимофеевым на вечернем заседании 10 июня 1922 г. и другие.

А.Ю. Суслов
(Казань)

Примечания

1. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Amsterdam. 1989. Составлен М. Янсенем по материалам архива Международного института социальной истории (г. Амстердам) и архива Б.И. Николаевского из Гуверского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Статью об этом сборнике см. Г.Д. АЛЕКСЕЕВА, А.В. МАНЫКИН. Партия социалистов-революционеров после Октября 1917 года. — Вопросы истории, 1992, № 6—7.
2. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 138, л. 16—29.
3. РГАСПИ, ф. 673, оп. 1, ролик 844. ЦК П.С.-Р. Разные обращения и т.д. 1919—1920 гг.
4. РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 273.
5. ГАРФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 1338—1348.